

И.В. ГРИГОРЬЕВА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Рекомендовано
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки 46.03.01 «История»
(квалификация (степень) «бакалавр»)*

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

Москва
ИНФРА-М
2017

УДК 930(075.8)
ББК 63.2я73
Г83

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 11
----------------	---

Рецензенты:
канд. ист. наук *Т.В. Никитина*;
д-р ист. наук *А.К. Соколов*

Григорьева И.В.
Г83 Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки : учеб. пособие / И.В. Григорьева. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 287 с. — (Высшее образование: Бакалавриат).

ISBN 978-5-16-005133-8 (print)

ISBN 978-5-16-103499-6 (online)

В учебном пособии на основе обширного фактического материала рассматриваются основные виды источников по новой и новейшей истории Европы и Америки.

В первой главе книги показана история становления источниковедения как самостоятельной дисциплины, характеризуются источниковедческие подходы различных исторических школ, важнейшие хранилища исторических документов, а также главные задачи источниковедческого анализа. Остальные главы посвящены отдельным видам источников, таким как акты государственного законодательства, парламентские документы, документы органов государственного управления, судебно-следственные материалы, официальные дипломатические документы, статистические материалы, материалы опросов общественного мнения, документы политических партий, памфлетная публицистика, летучие издания (листовки, прокламации, политические афиши), периодическая печать, мемуарные источники, эпистолярные материалы (частная переписка), произведения художественного творчества, кинофотофонодокументы.

Для студентов исторических факультетов вузов.

УДК 930(075.8)
ББК 63.2я73

ISBN 978-5-16-005133-8 (print)

ISBN 978-5-16-103499-6 (online)

© Григорьева И.В., 2012

Подписано в печать 12.08.2016. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 17,94. ППТ40. Заказ № 00000
Цена свободная

ТК 160050-752505-250711

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Отправные положения и понятия. Общая характеристика источников по новой и новейшей истории стран Европы и Америки	6
Глава 2. Акты государственного законодательства	44
Глава 3. Парламентские документы	54
Глава 4. Документы органов государственного управления	71
Глава 5. Судебно-следственные материалы	82
Глава 6. Официальные дипломатические документы	96
Глава 7. Материалы статистики	121
Глава 8. Опросы общественного мнения. Социологическая методика в ретроспективных исследованиях	138
Глава 9. Документы политических партий, массовых организаций, общественных движений	151
Глава 10. Памфлетная публицистика	168
Глава 11. Листовки, прокламации, политические афиши	179
Глава 12. Периодическая печать	193
Глава 13. Мемуарные источники (воспоминания и дневники)	214
Глава 14. Эпистолярные материалы (частная переписка)	233
Глава 15. Произведения художественного творчества	248
Глава 16. Кино-фото-фонодокументы	264
Заключение	282
Библиография	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга впервые вышла в 1984 г. С тех пор прошло более двух десятилетий, и ситуация в мире коренным образом изменилась. Многие в историческом прошлом представило под иным, чем прежде, углом зрения, дало пищу новым дискуссиям — в том числе о перспективах самой истории как науки. С другой стороны, в сфере исторического знания был накоплен значительный опыт применения новых методов исследования и подходов к источникам. Все это настоятельно требует обновления и читаемых курсов по источниковедению, и соответствующей учебной литературы.

Из пособий для высшей школы, появившихся за последнее время, наиболее солидное подготовлено в РГГУ коллективом авторов (И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева)¹. На кафедре источниковедения исторического факультета МГУ С.В. Воронковой и Т.А. Кругловой составлена новая программа курса «Источниковедение отечественной истории» (М., 1999). Читаемые по этому курсу лекции А.Г. Голикова и Т.А. Кругловой легли в основу изданного уже трижды учебного пособия². Издательство МГУ опубликовало в 1999 г. «Источниковедение истории южных и западных славян. Феодалный период» (ответственный редактор Л.П. Лаптева).

Обстоятельный анализ современного состояния российского источниковедения содержится в коллективной монографии под общей редакцией А.К. Соколова «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика» (М., 2004). В этой работе дается критическое осмысление развития отечественной исторической науки и архивного дела в советский и постсоветский период, раскрыты возможности впервые ставших доступными источников, привлечено внимание к новым документальным публикациям.

Автор по-прежнему придерживается представления о том, что курс источниковедения как одна из дисциплин по профилю специализации имеет по преимуществу прикладное, практическое назначе-

¹ Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2000.

² Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории/Под ред. А.Г. Голикова. М., 2000; М., 2007.

ние. Поэтому в книге не рассматриваются подробно общие теоретические и методологические проблемы, освещение которых студент может найти, например, в уже названном учебном пособии РГГУ. Они затрагиваются лишь постольку, поскольку это связано с освоением современной наукой новых видов источников или необходимостью решения конкретных источниковедческих задач. Источниковедение новой и новейшей истории в настоящем издании (как и в предыдущем) представлено применительно к странам Европы и Америки, что соответствует региональному профилю специализации в данной области на историческом факультете МГУ.

Сохранен принятый в прежнем издании принцип построения пособия, придающий ему — по отзыву коллег из РГГУ — обзорный характер или фрагментарность¹. Автор настаивает на том, что по нашей специальности, включающей в свою орбиту множество стран (одна лишь Латинская Америка — два десятка), учебное пособие по источниковедению не может сколько-нибудь полно охватить совокупность источников и их публикаций, которые должны быть известны студенту. Максимум возможного, как представляется, — это взять за основу рассмотрение отдельных видов источников, иллюстрируя их примерами по различным странам, а также дать студенту информацию о способах дополнительного поиска источников соответственно избранной им страновой специализации (библиографии, справочники, состояние архивов в данной стране и т.д.). Примеры необходимы и по другим соображениям — чтобы характеристика приемов и методов источниковедческого анализа не превращалась в абстрактные рассуждения, в утомительное нанизывание общих понятий, смысл которых зачастую остается для студентов неясным и не усваивается ими.

Первая глава пособия («Отправные положения и понятия. Общая характеристика источников по новой и новейшей истории стран Европы и Америки») написана по большей части заново. Добавлены главы, которых в прежнем издании пособия не было — о материалах опросов общественного мнения и кинофотофонодокументах. Содержание остальных глав обновлено с учетом нового материала. Источниковедческие проблемы, связанные с использованием Интернета, рассматриваются не в специальной главе, а по ходу изложения отдельных тем; такое решение, по мнению автора, позволяет более органично вписать этот материал в общую структуру пособия.

Всем, кто в той или иной форме участвовал в обсуждении новой редакции пособия, автор благодарен за высказанные критические замечания, предложения и пожелания.

¹ См.: Источниковедение: теория, история, метод. С. 8.

Глава 1

ОТПРАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЯ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Понятие источника. Место источника в процессе исторического познания. История — одна из гуманитарных наук, т.е. наук о человеке и человеческом обществе. Она изучает то, что уже совершилось, ушло в прошлое. В отличие от наук о природе, история не имеет возможности оперировать данными непосредственного наблюдения, результатами специально поставленного опыта, который поддается воспроизведению. Ученый-историк познает объект своего исследования опосредованно — через источники, которые сохранили информацию о прошлом. Даже в том случае, если он создает научный труд о событиях, современником или участником которых был сам, он не может опираться лишь на собственные свидетельства или заново повторить пережитое.

Источники, которыми пользуется историк, возникают в ходе целенаправленной человеческой деятельности и отвечают определенному функциональному назначению. Они разнообразны по характеру: источниками исторического исследования могут быть предметы материальной культуры и письменные тексты, язык как средство общения, обычаи и обряды (особенно при изучении «дописьменной» истории) и т.д. Но неперемнное качество источника, отличающее его от исторического исследования, — это то, что он является *первичным, непосредственным свидетельством о прошлом.*

В новейшей отечественной литературе по источниковедению критически оценивается принятое ранее разграничение источников на так называемые исторические остатки и историческую традицию (предание). Оно рассматривается как одно из эклектических заимствований из зарубежного методологического арсенала, свойственных процессу становления советского источниковедения, как основа жесткого ранжирования источников по их значимости и достоверно-

сти¹. Представляется, однако, что такое разграничение само по себе не дает оснований для столь категоричных суждений и в общем отвечает реальности.

Вряд ли можно отрицать, что некоторые источники являются носителями исторической информации о каких-либо фактах или действиях в качестве прямого их остатка. Таковы памятники архитектуры, предметы труда, быта, монеты, а из письменных памятников — подлинные законодательные акты, грамоты, юридические документы и тому подобные материалы. Другие же источники (относимые к исторической традиции памятники литературного характера: памфлеты, воспоминания, дневники, частная переписка и т.д.) непосредственно отражают не факты, о которых они сообщают, а восприятие этих фактов современниками. Подходя к ним под углом зрения «событийной» истории, такие источники обычно называют нарративными (повествовательными). В то же время они являются и остатками, но в соотношении не с описанными в них событиями, а с духовной культурой своей эпохи. Источником по истории культуры в широком смысле становится вообще любой продукт духовной человеческой деятельности — в том числе (применительно к истории исторической науки) историческое исследование, которое источником по самой разработанной в нем теме быть не может.

Источники заключают в себе информацию двоякого рода. Один ее слой (прямая или выраженная информация) — это своего рода сообщение, осознанно адресуемое творцом или творцами данного источника другим людям. Но есть еще и слой косвенной, или скрытой, информации, «впитанной» источником независимо от помыслов и намерений его создателя. Такая информация несет отпечаток тех условий, в которых источник возник и которые принимались как данность тем, кто его создавал.

Имея дело с источниками, исследователь должен извлечь содержащуюся в них информацию и оценить ее качество (полноту, достоверность, степень новизны в сравнении с уже накопленным объемом знаний). Для этого существуют специальные приемы, выработанные источниковедением и целым рядом так называемых вспомогательных исторических дисциплин, углубленно изучающих отдельные виды исторических памятников или способы их сохранения и научного использования. Источниковедение отличается от них как целостная наука об источниках, в задачи которой входит разработка тео-

¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика/Под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 12.

рии и методов анализа всех видов источников, рассматриваемых с разных сторон (происхождение, форма, содержание).

Принято различать общее и специальное (или конкретное) источниковедение. Общее источниковедение занимается такими проблемами, как определение предмета и задач данной исторической дисциплины, классификация и систематизация источников, выработка основных методов и принципов их научного изучения. В рамках специального источниковедения осуществляется приложение общих принципов источниковедческого анализа к изучению источников по определенной проблематике (например, по истории Великой французской революции, обеих мировых войн XX в. и т.д.) или отрасли исторических знаний (отечественная история, история древнего мира, история средних веков, новая и новейшая история).

Развитие гуманитарных наук влечет за собой, с одной стороны, их более дробную специализацию, с другой — необходимость их взаимодействия. Круг источников исторического исследования постоянно расширяется — как вследствие возникновения новых их видов, так и потому, что историки по-новому подходят к старым источникам, а также все чаще обращаются к материалу, который традиционно изучается социологией, социальной психологией и другими науками об обществе. Средства исторического познания становятся более разнообразными. В частности, такие комплексы источников, как однотипные памятники материальной культуры, составленные по определенной форме юридические документы, анкеты и т.д., успешно поддаются обработке с помощью количественных и машинных методов. Множатся и вспомогательные исторические дисциплины, подчас в известной мере меняя свое изначальное содержание и даже приобретая самостоятельное значение (поэтому их иногда именуют не вспомогательными, а специальными). Источниковедение в решении отдельных задач опирается на их методiku и полученные с ее помощью результаты.

Становление и развитие источниковедения. Источниковедческие проблемы в историографии и общественной мысли конца XIX — начала XX в. Источниковедение развивалось в тесной связи с развитием исторической науки в целом. Элементы критики источников встречаются уже в трудах античных историков Греции и Рима — Геродота, Фукидида, Тита Ливия, Тацита и др. В средние века, когда в связи с утверждением в Европе христианства как господствующей религии наследие «языческой» древности было на долгое время забыто, а засилье церковной идеологии с ее непререкаемыми догмами тормозило развитие критической мысли во всех отраслях знания, первичные ис-

точниковедческие навыки оказались утраченными. Заметное продвижение вперед в этой области произошло лишь в эпоху Возрождения и связано с деятельностью историков-гуманистов, например, Флавио Бьондо и в особенности Лоренцо Валла, доказавшего подложность так называемого «Константинова дара» (документа, которым папство обосновывало свои притязания на верховную светскую власть над западной частью бывших владений Римской империи).

Как самостоятельная дисциплина источниковедение складывается в новое время. Важный этап в его становлении приходится на первую половину XIX в., когда в области исторического познания стала все отчетливее ощущаться потребность в критической проверке накопленного к тому времени фактического материала. С другой стороны, это был период, когда передовая общественная мысль усиленно искала внутренние закономерности движения истории и начинала на опыту постигать обусловленность событий и явлений, из которых оно сплетается. Тем самым складывалось понимание того, что смысл и содержание сохранившихся свидетельств о прошлом должны раскрываться исходя из условий эпохи, к которой они относятся, т.е. выработывался принцип исторического подхода к источнику.

Термин «источниковедение» (Quellenkunde) впервые был употреблен составителями изданной в 1830 г. библиографии «Источниковедение германской истории». Немецкий историк Л. Ранке (1795—1886) в 1834 г. в Берлинском университете впервые ввел такую форму обучения студентов, как семинарские занятия, которые посвящались именно критическому анализу источников. Тщательное изучение источников отвечало требованию писать историю «так, как это происходило на самом деле». В своих исследованиях Ранке обратил внимание на ряд вопросов собственно источниковедческого характера (установление подлинности источника, необходимость сопоставления разных источников, оценка достоверности их содержания и т.д.). В последние десятилетия XIX в. вышли первые специальные источниковедческие труды: И.Г. Дройзена (1808—1884) и Э. Бернгейма (1850—1942) — в Германии, Э. Фримена (1823—1892) — в Англии, Ш.-В. Ланглау (1863—1920) и Ш. Сеньбоса (1854—1942) — во Франции. В России в начале XX в. крупный вклад в разработку теоретических и методологических проблем источниковедения внес А.С. Лаппо-Данилевский (1863—1918).

Становление источниковедения как самостоятельной дисциплины происходило в рамках более общего процесса, развернувшегося в XIX в. в сфере социального познания. История уже не являлась единственной наукой, изучавшей человеческое общество, — появилась социология, возник вопрос о том, чем она отличается от истории по

своему предмету и методу. В самом общем виде он решался тогда так: история на основе сохранившихся источников изучает прошлое, а в этом прошлом — особенное, единичное, неповторяющееся; социология же занимается по преимуществу настоящим, специально собирая массовые данные для выявления в общественном развитии устойчивых тенденций, регулярности, повторяемости. Помимо этого разграничения между историей и социологией, внутри самой исторической науки выделялись различные школы, чьи специфические позиции находили выражение и в источниковедческих подходах.

В западноевропейской культуре середины XIX — начала XX в. господствовало влияние позитивизма — философского течения, которое в противовес абстрактным умозрительным конструкциям поднимало на щит положительное (позитивное), основанное на данных опыта знание. Подобные взгляды сложились под впечатлением от огромных успехов естественных наук, принимавшихся позитивистами за эталон научного познания вообще. Именно в русле позитивизма возникла и стала развиваться социология. Применительно к истории позитивистские установки предполагали опору на точные, извлеченные из документов, критически проверенные факты. Тем самым был дан серьезный стимул публикации источников и разработке методов их анализа. Книга Ланглюа и Сеньбоса «Введение в изучение истории» (1897 г.) долгое время оставалась одним из лучших практических руководств по источниковедению.

В последние десятилетия XIX в. в научных кругах получало известность открытое К. Марксом (1818—1883) и Ф. Энгельсом (1820—1895) материалистическое понимание истории. В марксистской концепции история рассматривается как процесс смены социально-экономических формаций, а изменениям в способе производства материальных благ отводится *в конечном счете* определяющая роль в ходе исторического развития. Из экономической организации общества возникает его разделение на классы и классовая борьба. Через нее проявляется коренящаяся в экономических отношениях необходимость, действующая в истории отнюдь не автоматически. «...Люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими...» — писал Энгельс в 1894 г.¹ Теоретики и политические деятели социал-демократии конца XIX — начала XX в. создали ряд работ, написанных с позиций материалистическо-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 175.

го понимания истории или разъяснявших эту концепцию, но среди них не было трудов, специально посвященных источниковедческим проблемам.

При всех заслугах историков-позитивистов в развитии источниковедения, их подходу к источникам были свойственны существенные изъяны. Источники, на основе которых познается историческая реальность, позитивисты уподобляли объектам познания в естественных науках, возникшим независимо от человека и его деятельности, а задачи источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин были склонны сводить лишь к собиранию фактов и обработке документального материала с помощью чисто технических приемов, нейтральных по отношению к общим представлениям исследователя об историческом процессе.

Уже в 80—90-е гг. XIX в. свойственное позитивистам подведение общественного познания под категории и методы естественных наук вызвало критику со стороны их философских противников — в частности, в Германии (В. Дильтей, неокантианцы — Г. Риккерт, В. Виндельбанд). Дильтей, назвавший свою теорию «философией жизни», считал историю непосредственным проявлением жизни и отождествлял ее с саморазвитием духа (сознания), которое не может быть объяснено разумом, но доступно постижению посредством интуиции и сопереживания. С этими позициями сопоставима источниковедческая концепция Лаппо-Данилевского, в рамках которой источник рассматривался как продукт культуры, произведение человека, оставившего в нем след своей «одушевленности». Поэтому и анализ источника понимался русским ученым не как бесстрастное его препарирование, а как своего рода диалог «двух сознаний» — исследователя и того, чьим творением источник является.

Таким образом, позитивисты и антипозитивисты по-разному решали проблему взаимоотношений историка и источника. Она останется одной из ключевых и в позднейших историографических поисках и дискуссиях.

Еще одна проблема основополагающего значения — это вопрос о том, является ли историческое знание строго научным по своим результатам, доступна ли ему объективная истина, в какой мере возможности ее постижения зависят от источников исследования, с одной стороны, и от воздействия на историка идейно-политического климата его времени — с другой. В советский период эта проблема связывалась с понятием партийности исторической науки, что на практике зачастую означало заданность концепции, предвзятость выводов исследования.

О том, является ли история наукой, насколько она беспристрастна, вправе ли историк вносить в оценку событий прошлого отзвук мыслей и чувств, навеянных современной ему «злой днём», шли споры еще в конце XIX — начале XX в. Позитивисты в принципе настаивали на том, что историк, подобно естествоиспытателю, обязан полностью «отключить» собственные политические симпатии и изложить лишь точно установленные факты, не выражая своего отношения к ним. Однако они далеко не всегда действительно соблюдали этот принцип (самый яркий, но не единственный пример — тенденциозно-враждебное освещение И. Тэнном Великой французской революции). Опыт показывал, что абсолютная нейтральность историка по отношению к изображаемому невозможна. Об этом говорил в полемике с итальянскими позитивистами один из первых приверженцев марксизма в академической среде, профессор Римского университета Антонио Лабриола (1843—1904): «Нет такого историка, который мог бы считаться совершенно беспристрастным, ибо, чтобы быть таковым, он должен был бы встать вне всех точек зрения, — а это так же невозможно для нормального интеллекта, как и для нормального глаза»¹. Лабриола восставал и против тенденции к чистой описательности, свойственной историкам-позитивистам с их фетишизацией источника, факта и приводившей некоторых из них к сомнениям в познавательных возможностях истории, в ее способности понять прошлое. Он подчеркивал, что выработанные вспомогательными историческими дисциплинами научные приемы эффективны в познавательном отношении лишь при условии, если исследователь обладает ясным пониманием основных закономерностей изучаемых событий.

Позитивисты не отрицали существования в жизни общества определенных закономерностей, но считали их вполне аналогичными законам природы, действующими независимо от человека, как бы автоматически, выявление же их относили к задачам не истории, а социологии. В применении к историческому процессу объясняемая таким образом закономерность выглядела как фатально заданная, железная необходимость. Но тем самым исторически необходимое отождествлялось с неизбежным, а то, что совершилось, рассматривалось как единственно возможное и в сущности оправдывалось.

В марксистской теоретической литературе второй половины XIX — начала XX в. подобные вопросы обычно возникали в том или ином полемическом контексте. Маркс в письме в редакцию русского журнала «Отечественные записки» (1877) резко возражал народниче-

¹ *Labriola A. Scritti varii di filosofia e politica raccolti e pubblicati da B. Croce.* Bari, 1906. P. 234.

скому идеологу Н.К. Михайловскому, истолковавшему его очерк возникновения капитализма в Западной Европе как «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»¹. Он подчеркивал, что внешне сходные исторические явления познаются в своей истинной значимости лишь тогда, когда конкретное исследование предшествует обобщению, а не наоборот. Энгельс, как и Маркс, настаивал на том, что в науке не должно быть места предвзятости, подчинения внешним по отношению к ней побуждениям — даже если это политический и социальный идеал самого ученого: «Коль скоро речь идет о “человеке науки”, экономической науки [в контексте имелась в виду экономическая теория Маркса — И.Г.], то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике»². Иначе говоря, Энгельс считал, что в процессе исследования ученый должен стремиться к предельной объективности, но когда исследование закончено, он может и обязан отстаивать достигнутые результаты научного поиска со своей партийной позиции.

В.И. Ленин (1870—1924) впервые затронул проблему объективности и партийности в науках об обществе в 90-е гг. XIX в. в связи с оценкой перспектив развития капитализма в России. Возражая так называемым легальным марксистам (П.Б. Струве и другие будущие либералы), он считал недостаточным констатировать объективную обусловленность этого процесса без рассмотрения порождаемых капитализмом взаимоотношений общественных классов. Подобному «узкому объективизму» он противопоставил «объективизм классовой борьбы», позицию «материалиста» [т.е. приверженца материалистического понимания истории], который «с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость...* С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³. Позднее Ленин специально обратил внимание на то, что в

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 120.

² Там же. Т. 36. С. 170.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418—419.

общественных науках исследование может быть объективным лишь при опоре на «фундамент из точных и бесспорных фактов», предостерегая против пристрастного отбора и чисто иллюстративного использования фактического материала¹.

Не являясь собственно источниковедческими разработками, эти положения теоретиков марксизма тем не менее позволяют говорить о том, что они ориентировали своих последователей на самое пристальное и непредвзятое изучение материала источников как необходимое условие познания глубинных связей исторических явлений и действующих в истории объективных закономерностей. Партийность же в их понимании не имела ничего общего с подгонкой результатов исследования под изначально заданную схему или приспособление таковых к определенным политическим интересам.

Вряд ли правильно считать, что в нынешних условиях уже нет необходимости затрагивать эту проблему, считать ее лишь реликтом советского прошлого отечественной исторической науки. Сама проблема — как бы ни называть явление, о котором идет речь, — существует и привлекает внимание признанных мэтров исторического знания. Сошлемся на одного из них — французского историка Анри-Иренэ Марру. В солидном труде «История и ее методы» с участием авторов разных взглядов он писал, что историк не может претендовать на полную беспристрастность, т.к. при изучении прошлого имеет дело с теми же человеческими проблемами и ценностями, которые не безразличны ему самому, — но должен «насколько возможно заставить умолкнуть собственные страсти, чтобы их разгул не помешал ему прислушаться к слабому голосу прошлого»². Исторiku в его диалоге с прошлым подобает позиция не апологета или разоблачителя, а критического отношения также и к себе — своему кругозору и работе с источниками.

Новые тенденции в историографии XX в. и источниковедение. Не задаваясь целью сколько-нибудь полно обрисовать панораму историографических течений и школ XX столетия, рассмотрим лишь то, как новые историографические веяния отражались на развитии источниковедения.

До начала XX в. объектом собственно исторических исследований было почти исключительно прошлое стран европейского континента (США также рассматривались как ответвление «европейской цивили-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350—351.

² Marrou H.-I. Comment comprendre le métier historique//L'Histoire et ses methods. Volume publié sous la dir. de Charles Samaran, de l'Institut. Paris, 1973. P. 1519.

лизации»). Европоцентристскому взгляду на историю соответствовало и представление об источниках, являющихся основой для ее изучения: таковыми считались главным образом письменные тексты, именно на них отрабатывалась позитивистская методика источниковедческого анализа. Прошлое других стран и континентов (в особенности «дописьменное» или «бесписьменное») если и изучалось, то не историками, а специалистами таких дисциплин, как археология, этнография, антропология и т.п.

В первые десятилетия XX в. необходимость преодоления европоцентристского горизонта исторических исследований и выработки глобального подхода к истории стала осознаваться как первостепенная задача. В числе первых эту проблему поставили историки, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Анналы», который был основан во Франции в 1929 г. по инициативе М. Блока (1886—1944) и Л. Февра (1878—1956).

Поворот к изучению истории человечества как единого целого требовал пересмотра укоренившихся представлений о роли источников в процессе исследования и методах их анализа. Мыслимая в глобальном масштабе история включала в себя громадные зоны неизведанного, изучение которых не могло быть обеспечено источниками традиционного типа. Историки школы «Анналов» видели выход в том, чтобы максимально активизировать изобретательность исследователя, использовать в качестве источника — говоря словами Февра — «все, что зависит от человека, служит человеку, выражает его присутствие, активность, вкусы, все человеческие проявления». Они призывали к взаимодействию всех наук о человеке, что позволило бы изучать источники и методику смежных с историей областей знания.

В начальный период своей деятельности школа «Анналов» уделяла первостепенное внимание социально-экономической истории. Она продолжила сближение с социологией, зачинателем которого еще в 1900-е гг. выступил во Франции Ф. Симиан (1873—1935), работавший на стыке этих двух областей. Развитию данного направления исследований особенно способствовал Э. Лабрусс (1895—1988).

В исследованиях школы «Анналов» важнейшая роль стала отводиться количественному подсчету на основе так называемых *серийных* источников, т.е. комплексов однородных документов, данные которых изучались в динамике на протяжении более или менее значительных периодов. Предлагалось разрабатывать именно «серийную» историю, а не историю «событийную», которая считалась выражением позитивистского подхода и отвергалась как таковая.

После Второй мировой войны научные интересы школы «Анналов» сместились в сторону изучения социальной структуры общества. С конца 50-х годов были предложены исследовательские программы, ставившие цель выяснить роль классовых, сословных и других социальных различий во французском обществе XVII—XVIII вв. При этом широко использовались и подвергались количественной обработке документы из нотариальных архивов.

Проникновение количественных методов в гуманитарные науки шло и иным путем — из США. В конце 90-х годов XIX в. в американской журналистике количественный подсчет был впервые применен к анализу тематики периодических изданий. Это положило начало разработке метода *контент-анализа*, который позднее будет принят на вооружение не только историей (в частности, для решения источниковедческих задач), но и другими науками об обществе. С середины XX в. широкому использованию количественных и математических методов обработки источников активно способствовало начавшееся тогда применение компьютерной техники в сфере исторических исследований.

Обращение к количественным методам (квантификация) заняло важнейшее место в арсенале структурализма — историографического направления, выдвигавшего на первый план изучение «безличной» истории, в которой человек участвует лишь как элемент некоего целого, той или иной «бессознательной структуры» (экономические отношения, система обычаев и традиций и т.д.). Квантификация в представлении структуралистов должна была способствовать преодолению субъективизма в социальном познании.

Структурализм выступил как провозвестник «новой исторической науки», «новой истории» (экономической, социальной, политической). Он выработал новую методику использования количественных данных, получая их из самых разнообразных источников (перепись населения, данные о поименных голосованиях в представительных органах, нотариальные документы и т.д.) и подвергая машинной обработке по заранее составленной программе. Математическими методами проверялась правильность построенной исследователем теоретической модели изучаемого процесса.

Но «мода» на количественные методы исследования, особенно отчетливо проявившаяся в американской и французской историографии, оказалась преходящей. В 70—80-е годы обозначились новые историографические ориентиры, что повлекло за собой — как бывало и прежде — расширение круга источников и совершенствование приемов их анализа.

Сложившиеся в это время историографические школы имели общий знаменатель: их приверженцы стремились вернуть истории «человеческое измерение» на уровне не только действий больших людских сообществ (классы, партии, организации, политические институты), но и судеб небольших групп и даже отдельных личностей («микрoистория» в Италии). Возрос интерес к биографическим исследованиям с использованием самых разнообразных «эго-документов» — письменных, изобразительных, вещественных (предметы повседневного пользования). Стали разрабатываться такие исторические сюжеты, которые раньше не привлекали внимания — например, «история повседневной жизни» в Германии, история семьи, история народной культуры в ее различных проявлениях. Это стимулировало обращение исследователей к источникам, не традиционным для исторической науки, но давно освоенным вспомогательными дисциплинами при изучении обществ, считавшихся «доисторическими». Особенно следует отметить возрастание роли устных источников: их использование — отнюдь не новость, но современные средства звукозаписи обеспечивают возможность сбора и сохранения устных свидетельств в небывалых прежде масштабах.

Школа «Анналов» на новом этапе своей деятельности стала уделять преимущественное внимание изучению истории ментальности (умонастроений, представлений, ценностных ориентаций и т.д.). В исследованиях подобного рода, получивших развитие не только во Франции, историкам служат подспорьем источники и методические приемы из арсенала социальной психологии.

В последние десятилетия XX в. историческая наука соприкоснулась с таким явлением современной культуры, как постмодернизм. Содержание этого понятия ускользает от точного определения, раскроем его описательно. *Постмодернизм* называют то, что пришло на смену *модернизму*, мироощущению эпохи *модерна*, пронизанному верой в прогресс, науку, поступательное эволюционное развитие общества, в сущности отождествляемое с повсеместным утверждением буржуазных отношений и либеральных ценностей. Исторический опыт XX века (две мировые войны, революционные потрясения, возникновение в ряде стран тоталитарных режимов, терроризм) нанес удар по оптимистическим модернистским прогнозам. В интеллектуальной среде стали распространяться неуверенность в будущем, сомнения в возможности сколько-нибудь точно предвидеть направление развития человечества, в научной значимости обобщающих исторических построений и в познаваемости прошлого.

Историки постмодернистской ориентации мало занимаются конкретными исследованиями, их привлекают прежде всего проблемы

«новой интеллектуальной истории», мыслительной деятельности в процессе «историописания». С их точки зрения, вопрос о соответствии исторического знания истине беспредметен: о прошлом известно лишь то, что о нем рассказано историками, его воссоздание и интерпретация субъективны. Тем самым отпадает и надобность в поиске истины через обращение к источникам, анализе их достоверности и т.д.

О влиянии постмодернизма на постановку источниковедческих проблем можно говорить в основном в связи с выделяемым в современной историографии «лингвистическим поворотом». Речь идет о заимствовании из литературоведения методов углубленного лингвистического анализа текстов. Постмодернисты пришли к этому от размышлений о психологии творчества историка, констатируя определенное сходство «исторического нарратива» (повествования, рассказа об исторических событиях) с произведением художественной литературы. Современный лингвистический анализ направлен на изучение восприятия авторского текста читателем, позволяет выявить, в чем читательское понимание текста отличается от смысла, заложенного в него автором, а также выделить в тексте определенные стереотипы, т.е. то, что воспринимается автором как данность. Все это применимо и к анализу источников, хотя самих историков-постмодернистов область источниковедения не интересует.

Еще одно проявление «лингвистического поворота» в историографии относится к введению в научный обиход понятия «дискурс» (от французского *discours* — речь) и связанного с ним особого подхода к изучению истории. Странники этого подхода принципиально отвергают квантификацию. Они считают, что люди выражают свои представления о существующих в обществе отношениях посредством языка, речевой (дискурсивной) практики — определенных слов, оборотов, образов. Можно говорить о дискурсах, свойственных той или иной эпохе, социальной среде, сфере политики и т.д. Усваивая характерный язык какой-либо общности, человек идентифицирует себя с ней, включается в нее. Именно дискурсы и должны быть предметом первостепенного внимания историков, т.к. они открывают возможность представить исторический процесс через восприятие вовлеченных в него людей¹.

¹ Странники квантификации, однако, считают, что она вполне применима и при изучении дискурсов. См., в частности: Соколов А.К. Социальная история, квантификация и постмодернизм//Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1998. № 23.

Как общую тенденцию в развитии исторического познания на протяжении XX века можно отметить все более заметное перенесение акцента на роль познающего субъекта — историка. Представления постмодернистов о том, что прошлое творится мыслью историка, есть лишь крайнее выражение этой тенденции, возникшей значительно раньше — на волне критики позитивистской историографии с ее описательностью и фетишизацией текста, документа. Когда основатели школы «Анналов» призывали восполнять пробелы в документах не только путем использования в качестве источников любых следов деятельности человека, но и с помощью интуиции, построения гипотез, напряжения фантазии исследователя, они уже делали шаг в этом направлении. Изучение сферы сознания *участников исторического действия* постепенно оттесняется изучением того, «как думают историки». Если же прошлое рассматривается не как реальность (ушедшая, но некогда существовавшая), а как «конструкт» человеческой мысли, то такой подход делает ненужным сопоставление созданной историком картины с источниками и оставляет мало места размышлениям о методике их анализа.

Немаловажно и другое. Провозглашаемые отдельными историческими школами новации всегда принимались лишь какой-то частью научного сообщества, но не получали единодушного признания. Об этом особенно уместно напомнить в связи с «постмодернистским вызовом» и другими новейшими интеллектуальными поветриями. Их приверженцы не во всем согласны и между собой, а большинство историков, навлекая на себя упреки в традиционализме, консервативности и т.п., предпочитают держаться в стороне от абстрактно-схоластических споров и заниматься конкретными исследованиями на прочном фундаменте источников.

Состав и особенности источников нового и новейшего времени. История нового и новейшего времени представлена в источниках гораздо более многочисленных и разнообразных, чем предшествующие исторические эпохи. Это объясняется отчасти тем, что памятники более отдаленного времени хуже сохранились и дошли до нас с обширными лакунами. Но главная причина заключена в специфике самой эпохи новой и новейшей истории.

Эта эпоха принесла с собой поистине гигантские сдвиги в жизни человечества. Ритм движения истории как бы уплотнился, ее развитие намного ускорилось, в историческое действие оказались так или иначе вовлечены широкие массы людей. Усложнились механизмы государственного управления. Значительно повысился уровень грамотности населения. Изобретенное еще на закате средневековья

книгопечатание открыло путь возникновению газетной и журнальной периодики, а затем стали появляться все новые способы распространения информации — радио, телевидение, Интернет¹.

Современное общество принято называть информационным. Изобретение Интернета — важнейшая веха в процессе его становления. Говорить о проблемах источниковедения в начале XXI в., не упоминая об Интернете, невозможно: Интернет значительно расширяет возможности поиска источников, с ним связано развитие новых способов представления информации и введение в оборот новых ее носителей; он также способствует изменению в практике хранения документов и т.д. Но было бы заблуждением считать, что Интернет способен заменить весь накопленный опыт работы с историческими документами. Нелишне подчеркнуть и то, что источниковая база не только новой, но и новейшей истории (кроме последней трети XX в.) — мощный пласт, сложившийся до появления Интернета и требующий дальнейшего освоения.

Важнейшее место в ряду традиционных источников нового и новейшего времени принадлежит письменным источникам, т.е. текстам (а среди них — печатным документам). Источники, размещенные на Интернет-сайтах, — это тоже по преимуществу тексты. Но текстами круг источников, с которыми работает историк данной специальности, отнюдь не исчерпывается. Расширилась сфера использования устных источников. Они привлекаются для изучения не только крупных исторических событий, о которых еще могут свидетельствовать их участники, но и явлений повседневной жизни, истории тех, кто раньше составлял «молчаливое большинство» общества, бытующих доньше обычаев, через которые приоткрывается и более отдаленное прошлое, и т.д. Возникла так называемая «устная история» — сбор устных свидетельств по целевым программам, в ряде стран существуют архивы звукозаписей, проблемы устной истории обсуждаются на международных научных конференциях, на страницах специальных журналов. Некоторые новые направления исследований обратились к вещественным памятникам. Например, в Англии, Франции, Италии заявила о себе так называемая индустриальная археология — изучение эпохи промышленного переворота по сохранившимся фабричным зданиям, остаткам оборудования, фрагментам ландшафта. Наконец, появились и принципиально новые виды источников: фото- и кинодокументы, а для самого последнего времени — электронные

¹ Проблема «Историк и Интернет» посвящена специальной главе в коллективном труде: Источниковедение новейшей истории России. М., 2004. С. 532—554.

книгопечатание открыло путь возникновению газетной и журнальной периодики, а затем стали появляться все новые способы распространения информации — радио, телевидение, Интернет¹.

Современное общество принято называть информационным. Изобретение Интернета — важнейшая веха в процессе его становления. Говорить о проблемах источниковедения в начале XXI в., не упоминая об Интернете, невозможно: Интернет значительно расширяет возможности поиска источников, с ним связано развитие новых способов представления информации и введение в оборот новых ее носителей; он также способствует изменению в практике хранения документов и т.д. Но было бы заблуждением считать, что Интернет способен заменить весь накопленный опыт работы с историческими документами. Нелишне подчеркнуть и то, что источниковая база не только новой, но и новейшей истории (кроме последней трети XX в.) — мощный пласт, сложившийся до появления Интернета и требующий дальнейшего освоения.

Важнейшее место в ряду традиционных источников нового и новейшего времени принадлежит письменным источникам, т.е. текстам (а среди них — печатным документам). Источники, размещенные на Интернет-сайтах, — это тоже по преимуществу тексты. Но текстами круг источников, с которыми работает историк данной специальности, отнюдь не исчерпывается. Расширилась сфера использования устных источников. Они привлекаются для изучения не только крупных исторических событий, о которых еще могут свидетельствовать их участники, но и явлений повседневной жизни, истории тех, кто раньше составлял «молчаливое большинство» общества, бытующих доньше обычаев, через которые приоткрывается и более отдаленное прошлое, и т.д. Возникла так называемая «устная история» — сбор устных свидетельств по целевым программам, в ряде стран существуют архивы звукозаписей, проблемы устной истории обсуждаются на международных научных конференциях, на страницах специальных журналов. Некоторые новые направления исследований обратились к вещественным памятникам. Например, в Англии, Франции, Италии заявила о себе так называемая индустриальная археология — изучение эпохи промышленного переворота по сохранившимся фабричным зданиям, остаткам оборудования, фрагментам ландшафта. Наконец, появились и принципиально новые виды источников: фото- и кинодокументы, а для самого последнего времени — электронные

¹ Проблема «Историк и Интернет» посвящена специальной главе в коллективном труде: Источниковедение новейшей истории России. М., 2004. С. 532—554.

источники (документы в Интернете, существующие только в электронной версии и не имеющие бумажных аналогов).

Не задаваясь целью перечислить все виды источников по новейшей истории, мы можем разделить основные из них на несколько групп.

Одна из таких групп — это материалы официального характера, по своему происхождению так или иначе связанные с деятельностью государства. Они появляются в процессе осуществления государством своих внутри- и внешнеполитических функций. Именно в новое время возникает разделение трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной. Носителями законодательной власти становятся общенациональные представительные органы (парламенты). Текущим управлением занимается все более многочисленный административный аппарат, находящийся в подчинении центральной власти. Сбор необходимых для управленческих нужд количественных данных о населении поручается специальной государственной статистической службе. Более сложными, чем раньше, становятся отношения между государствами, а соответственно возникает потребность в том, чтобы сделать дипломатическую деятельность регулярной. Многообразная документация, в которой отражается функционирование различных государственных институтов, образует, в частности, такие категории источников, как *законодательные акты, парламентские материалы, делопроизводство административных органов, документы судопроизводства, данные официальной статистики, официальные дипломатические документы*.

Другую большую группу источников по истории нового и новейшего времени объединяет общая публицистическая направленность, предполагающая активное воздействие не только на разум, но и на эмоции читателя, слушателя, зрителя. Исторически древнейшим видом публицистики является *памфлет* — произведение сатирического жанра. От «летучих листов», которые в средние века появлялись как спорадический отклик на необычные, из ряда вон выходящие события, ведут свое происхождение возникшие в новое время *листовки и прокламации*. С другой стороны, «летучие листки» (как и памфлетная публицистика) были историческим предшественником *периодической печати*, зародившейся в новое и достигшей небывалого развития в новейшее время. В новое время впервые появились политические партии в современном смысле слова, а также различного рода массовые общественные организации (профсоюзные, женские, молодежные и т.д.). В последние десятилетия XX в. вышли на сцену общественные движения неизвестного ранее типа, отличающиеся от преж-

них партий и организаций неформальной, децентрализованной, «сетевой» структурой и стремящиеся освоить нетрадиционные методы деятельности.

Для партий, сложившихся давно, характерно существование обильной письменной документации таких видов, как *протокольные и стенографические отчеты общенациональных съездов, программы и уставы, резолюции, политические манифесты, воззвания* и т.п. Стремясь оказать активное идеологическое воздействие на массы населения и обеспечить себе их поддержку (в частности, на выборах), политические партии используют различные средства агитации и пропаганды, в том числе листовку, плакат и в особенности периодическую печать. Во второй половине XX в. в предвыборной агитации все более значительную роль играет телевидение, а в последнее время партии обзаводятся также и интернет-сайты, где размещают свои документы (в том числе существующие только в электронной версии). Новые же общественные движения непартийного характера предпочитают Интернет всем другим способам массовой коммуникации.

Если две выделенные нами группы источников по истории нового и новейшего времени связаны с функционированием определенных институтов государства или гражданского общества, то третью группу составляют источники личного происхождения и неофициального назначения. Сюда должны быть отнесены *мемуарные источники* (воспоминания и дневники), *памятники эпистолярного характера* (частная переписка), а также *произведения художественного и научного творчества*. Все эти виды источников существовали задолго до начала нового времени и используются в различных отраслях исторических исследований. По мере приближения к современности их познавательная ценность менялась по-разному. Для изучения, например, древнегреческого общества в период, от которого сохранились по преимуществу вещественные памятники, поэмы «Илиада» и «Одиссея» имеют большее значение, чем художественная литература нового и новейшего времени для изучения этой эпохи. С другой стороны, к началу нового времени личность человека и ее свидетельства о пережитом становятся предметом куда более значительного общественного интереса, чем раньше, а книгопечатание дает практическую возможность донести эти свидетельства до относительно широкого круга читающей публики. Поэтому произведения автобиографического или мемуарного характера получают теперь качественно иной общественный резонанс, что влечет за собой гораздо большее разнообразие их форм, побуждает к выработке новых приемов мемуарного повествования, порождает невиданное ранее разнообразие

воспоминаний и дневников и в целом повышает их роль в ряду источников исторического исследования.

Наконец, как уже отмечалось выше, особую, присущую только новому и новейшему времени группу источников составляют *кинофотофонодокументы*. От письменных памятников их отличает прежде всего сам способ передачи информации, хотя в свою очередь источники данной группы различаются также и между собой. Звукозапись может быть переведена в письменный текст, тогда как фотография или кинодокумент вообще не поддаются этому. В практику исторических исследований фото- и кинодокументация введена еще очень слабо, а специфическая методика анализа и научного использования источников такого рода стала разрабатываться лишь во второй половине XX века.

Намеченная здесь классификация источников (как, впрочем, и всякая иная) является приблизительной и неполной. Но она охватывает *главные* виды источников по истории стран Европы и Америки (не только США и Канады, но и Латинской Америки) в новое и новейшее время.

Архивы и другие хранилища первоисточников. Работа с источником начинается с его поиска. Процедуры, связанные с поиском источников, охватываются понятием «*эвристика*» (от древнегреческого «эврика» — «нашел»).

Важнейшими хранилищами документов, являющихся *первоисточниками*, т.е. непосредственным выражением деятельности тех или иных лиц, учреждений, общественных организаций и т.д., служат архивы. Письменные материалы, подлежащие архивному хранению, по способу воспроизведения могут быть рукописными, машинописными, реже — печатными (например, оригинал отпечатанной типографским или иным способом листовки, экземпляр книги с пометками автора или цензуры). Являются первоисточниками, а следовательно, также должны храниться в архивах имеющие историческую ценность фотоснимки (негативы), кинодокументы (в установленном специальными инструкциями комплекте, включая подлинный негатив изображения), подлинники материалов звукозаписи.

Все перечисленное соответствует традиционно сложившемуся пониманию и организации архивного дела. Но «вторжение» в эту область информационных технологий несет с собой много нового.

Информатика и архивы — это самостоятельный и сложный комплекс проблем, который в данном издании не рассматривается. По этим проблемам уже существует масса специальной литературы, им

посвящены особые учебные курсы. Отметим здесь лишь некоторые связанные с информатизацией изменения в работе архивов.

В последние несколько десятилетий возникли совершенно новые хранилища — архивы машиночитаемых данных, или электронные архивы. Мы не будем останавливаться на детальной характеристике размещаемой в них документации (в частности, и потому, что собственно электронные документы относятся лишь к самому последнему отрезку новейшей истории), но поясним само понятие «машиночитаемой информации». Речь идет об информации, представленной в форме, пригодной для введения в компьютерную память и последующего считывания. В процессе развития информационных технологий менялись носители, на которых создавались машиночитаемые документы, и способы их создания¹. Наиболее совершенный на данный момент способ — это использование автоматизированных систем, записывающих и хранящих информацию в цифровом виде.

Хранимые в электронных архивах современные документы создаются сразу в цифровой форме. Но оцифровывание применимо и к более старым документам, находящимся в обычных архивах. Перевод в машиночитаемую форму больших массивов таких документов становится насущной необходимостью, хотя эта операция является дорогостоящей и требует времени. Но затраты окупаются возможностью значительно увеличить объем хранимой информации без расширения площади архивных помещений. Еще один плюс — обеспечение лучшей сохранности подлинников документов: они меньше подвергаются разрушению, срок их «жизни» продлевается.

Некоторые нормативные положения об архивах требуют переосмысления. Например, созданные с использованием цифровых технологий фотоматериалы по определению не могут храниться — как того требуют прежние архивные правила — в виде негативов. В представлениях о том, как должна строиться работа архивов в современную информационную эпоху, немало еще неясного и дискуссионного.

В отечественном архивоведении принята классификация документов по *архивным фондам*. Хранящиеся в архиве документы объединяются в комплексы, именуемые фондами, исходя из существующей между ними исторической и логической связи. Историческая связь — это общность происхождения документов, означающая, что

¹ Уже возникла необходимость перевести относящиеся к началу информатизации электронные документы в режим новых технологий. См.: Злобин Е. В. Машиночитаемые документы: проблемы переноса с устаревших типов ЭВМ//Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.

они образовались по ходу деятельности того или иного лица, учреждения, организации и т.д. На хранение в архивы принимаются не все оставленные фондообразователем документы, а лишь те из них, что представляют научную и практическую ценность (ее определяет специальная экспертиза). Связь логическая выражается прежде всего в общности или сходстве содержания документов. Критерий исторической связи является основным при организации по фондам текстовых документов на бумажной основе, логической — применительно к документам на иных носителях. Архивный фонд в принципе неделим, т.е. входящие в него материалы по общему правилу должны храниться в одном архиве. На практике, однако, воссоединить оказавшиеся разобращенными части фондов (особенно личных) подчас бывает нелегко.

Внутри архивного фонда выделяются *единицы хранения*. Такой единицей может быть и отдельный документ, и так называемое *дело*, т.е. совокупность документов, которые возникли в связи с определенным предметом. Каждая единица хранения должна иметь свой собственный номер или шифр и вноситься в специальную *опись*, где указывается также номер или название соответствующего архивного фонда. Такие описи имеются в каждом архиве. Архивы оснащаются различного рода каталогами (систематическими, именными, предметно-тематическими, географическими и т.д.).

С распадом СССР и кардинальным изменением общественно-политической системы на всей его бывшей территории в России произошла «архивная революция»¹. Бывшие центральные государственные архивы общесоюзного значения превратились в российские федеральные архивы с новыми названиями². Материалы партийных архивов КПСС размещены в трех новообразованных хранилищах: документы до 50-х гг. — в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)³, более поздние — в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ)⁴, до-

¹ См.: Козлов В., Локтева О. «Архивная революция» в России (1991—1996)//Свободная Мысль. 1997. № 1, 2, 4; Козлов В.П. Архивы России в контексте политических событий 90-х годов XX века//Новая и новейшая история. 2007. № 6.

² Их перечень и описание см. в справочнике: Федеральные архивы России и их научно-справочный аппарат (сост. О.Ю. Нежданова). М., 1993.

³ Первоначальное название — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). В 1993 г. издан путеводитель по его фондам.

⁴ Первоначальное название — Центр хранения современных документов (ЦХСД).

кументация Политбюро ЦК КПСС — в Архиве Президента Российской Федерации (АП). Нормативными документами в области архивного строительства стали сначала «Основы законодательства об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (июль 1993 г.), а затем — Федеральный закон № 125 от 22 октября 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации». В принципе открыт доступ к архивным документам по истечении 30 лет с момента их создания (в советское время такого правила не было, и научное использование документов ограничивалось совершенно произвольно). Рассекречены не только фонды, но и сам факт существования архива, где находится огромная масса документов, взятых в качестве трофеев Красной Армией при разгроме гитлеровской Германии¹.

Все эти изменения в организации и режиме работы отечественных архивов имеют важное позитивное значение. Но заявленные намерения реализуются медленно и не без издержек. Ограничение доступа к документам 30-летним сроком их давности не означает, что по истечении этого срока документы автоматически рассекречиваются: разработана особая процедура рассекречивания, осуществляемая при решающей роли спецслужб и других ведомств, обладающих правом длительного или постоянного хранения своей документации. С середины 90-х гг. начали закрываться некоторые ранее открытые фонды. Кроме того, возникли новые трудно решаемые проблемы.

Еще до распада СССР стала муссироваться идея «архивного передела» — передачи из центральных общесоюзных архивов в союзные республики тех документов, которые были связаны с их историей. Она использовалась в политической игре тех, кто был заинтересован в развале Союза, и вступала в противоречие с принципом неделимости архивных фондов. Но после 1991 г. все же было найдено разумное решение: республики, ставшие независимыми государствами, могли микрофильмировать интересующие их документы, подлинники же оставались в фондах российских федеральных архивов.

Большие сложности вызвал вопрос о находящейся в РГВА документации тех стран, которые с СССР не воевали и в свою очередь

¹ Этот архив, первоначально именовавшийся Центральным государственным особым архивом СССР, после его рассекречивания получил название Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), а затем вошел в состав Российского государственного военного архива (РГВА). О содержании этой части РГВА см.: Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР Российского государственного военного архива. М., 2001.

подверглись гитлеровской агрессии. Во время нацистской оккупации часть их архивных фондов была вывезена в Германию, а затем вместе с фондами германского происхождения помещена в секретное хранилище трофейных документов в Москве. От новой российской власти эти страны стали требовать возврата своих архивных материалов. В 1993 г. было достигнуто соглашение на этот счет с Францией. Однако начавшийся процесс реституции французских документов (с оставлением в московском архиве — как обычно поступают в подобных случаях — микрофильмированных копий) вызвал протест в Государственной Думе и недоброжелательную реакцию в печати, после чего был приостановлен. Принятый Думой Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» дал возвращению документов законодательную базу, но очень несовершенную: документы возвращаются только в случае, если заинтересованные в этом страны предоставят взамен равноценные материалы российского происхождения, а таковые есть далеко не везде.

Ввергнутые в стихию рыночных отношений, российские архивы широко распахнули двери зарубежным партнерам, предлагавшим заманчивые издательские проекты и готовым щедро платить за предоставленные материалы. Партнеры не всегда были добросовестны, а среди российских архивистов тоже иногда встречались люди, «приватизировавшие» доверенное им национальное достояние. В результате в архивной документации образовались пробелы, кое-что было расхищено и исчезло навсегда.

Вокруг архивов кипели страсти, подогреваемые (как в случае с возвращением французских фондов) «патриотами» великодержавного толка. Нормальное деловое сотрудничество с зарубежными хранилищами документов налаживалось с трудом. Характерный пример — судьба соглашения между Российской государственной архивной службой (Росархив) и Гуверовским институтом в США, обладающим уникальным собранием документов по истории России в период Первой мировой войны и революции. Подписанное в конце 1991 г., оно было расторгнуто четыре года спустя под аккомпанемент обвинений Росархива в «распродаже нашей истории», хотя речь в нем шла лишь о предоставляемых по общепринятым правилам копиях, а не о подлинниках документов. Впрочем, из «Россики» Гуверовского института российская сторона получила малую часть документов.

В Россию вернулось многое из архивов «русского зарубежья». Материалы эмиграции первых послереволюционных лет в межвоенный период собирались прежде всего в Праге — в Русском Зарубежном

Историческом Архиве (РЗИА), который еще в конце 1945 г. был передан в Москву постановлением правительства Чехословакии как «дар Академии наук СССР в честь ее 220-летия». Его фонды поступили в Центральный государственный архив Октябрьской революции (сейчас Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ), но до конца 80-х гг. оставались секретными, на них нельзя было ссылаться, а часть из них постепенно передавалась в другие хранилища¹. История русской эмиграции сейчас интенсивно изучается специалистами самых разных дисциплин как неотъемлемая часть отечественного прошлого. Но эмигранты по большей части были мало связаны с жизнью тех стран, где они оказались, а потому их документация почти не имеет «выходов» в проблематику европейской и американской истории.

По этой проблематике из российских федеральных архивов наиболее значительные массивы документов имеют РГВА и РГАСПИ. Львиную долю материалов РГВА составляют трофейные документы германского происхождения, относящиеся к 1898—1945 гг. (260 фондов, в том числе 80 фондов государственных учреждений, около 70 фондов личного происхождения, 25 фондов политических, общественных, культурных и других организаций и т.д.). Особый интерес обращающих в этот архив российских и зарубежных исследователей вызывают документы, относящиеся к периоду нацистского режима и открывающие богатейшие возможности для изучения проблем тоталитаризма и истории Второй мировой войны. Но здесь есть, как уже упоминалось, и архивная документация других европейских стран. Фонды РГАСПИ включают в себя, в частности, архив Коминтерна. Источники аудиовизуального характера, в том числе и относящиеся к истории зарубежных стран, сосредоточены по преимуществу в двух специальных хранилищах — Российском государственном архиве звукозаписей (РГАЗ) и Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД). В составе последнего отметим в особенности документы о гражданской войне в Испании, отснятые специальными корреспондентами Союзкинохроники Б. Макасеевым и Р. Карменом.

¹ О материалах этого архива и их нынешнем местонахождении см.: Фонды Русского Зарубежного Исторического Архива в Праге. Межархивный путеводитель/Под ред. Т.Ф. Павловой. М., 1999. Об этих и других эмигрантских фондах см. также: Попов А.В. Русское зарубежье и архивы: Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.

Правом постоянного хранения своих документов обладает ведомственный архив Министерства иностранных дел. Он делится, как и в советское время, на две части (до и после революции 1917 г.): Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Архив внешней политики СССР, а теперь России (АВП РФ). Фонды этого хранилища используются прежде всего в исследованиях по истории международных отношений, но их значение этим далеко не ограничивается.

Помимо государственных, муниципальных, ведомственных архивов, хранителями первоисточников в России являются некоторые научные учреждения, специализированные исследовательские центры, музеи, рукописные отделы и отделы редких изданий крупнейших библиотек¹. Упомянем наиболее значительные из таких собраний, относящихся к зарубежной проблематике нового времени.

В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (РНБ, в советское время — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) находится, в частности, 37 фолиантов рукописей Вольтера и около 7 тыс. принадлежавших ему книг с пометками великого просветителя². Там же хранится часть архива Бастилии³, архив вассального по отношению к наполеоновской империи Вестфальского королевства, захваченный русской армией в качестве военного трофея во время похода 1813—1814 гг. в Западную Европу. Описаны и другие представленные в РНБ первоисточники зарубежного происхождения⁴. Филиалом РНБ является Дом Плеханова в

¹ Наиболее полное описание важнейших не только государственных, но и других хранилищ архивной документации в России, подготовленное при участии американских архивистов, см. в кн.: Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель (Русское издание)/Под ред. В.П. Козлова и П. Кеннеди Гримстед. Отв. составитель Л.В. Репуло. М., 1997. См. также: Архивные документы в библиотеках и музеях Российской Федерации. Справочник. М., 2001.

² Личная библиотека и бумаги Вольтера были после его смерти приобретены Екатериной II и до 1861 г. хранились в петербургском Эрмитаже. См.: Библиотека Вольтера. Каталог книг/Под ред. М.П. Алексеева и Т.Н. Кокрсева. М.; Л., 1961.

³ См.: *Люблинская А.Д.* Бастилия и ее архив//Французский ежегодник 1958. М., 1959; *её же.* Документы из Бастильского архива. Аннотированный каталог. Л., 1960.

⁴ См.: *Мнухина Р.С.* Источники по истории нового времени в отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина//Вестник ЛГУ, №14. Серия истории, языка и литературы. Л., 1962. Вып. 3; Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П.П. Дубровского/Под ред. М.П. Алексеева. Л., 1963.

Санкт-Петербурге, где хранится личная библиотека Г.В. Плеханова и его архив, содержащий богатую документацию по истории международного социалистического движения эпохи II Интернационала.

В отделах редкой книги РНБ и Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ, в советское время — Государственной библиотеки им. В.И. Ленина) имеются ценные собрания оригинальных, т.е. являющихся первоисточниками, печатных изданий Парижской Коммуны 1871 г. — листовок, брошюр, афиш, плакатов. Основная часть собрания РНБ была приобретена у французского коллекционера по инициативе известного русского музыкального критика В.В. Стасова, являвшегося в 70-е гг. XIX в. директором императорской Публичной библиотеки. Из материалов отдела рукописей РГБ, достойных внимания специалистов по зарубежной новой истории, следует назвать фонд видного идеолога русского анархизма П.А. Кропоткина, проведшего несколько десятилетий в эмиграции и связанного с деятелями революционного движения многих стран.

Большой интерес для изучения новой истории зарубежных стран представляют западноевропейские коллекции архива Санкт-Петербургского института истории РАН (ранее ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории АН СССР)¹. В архиве Академии наук в фонде академика Е.В. Тарле хранятся многочисленные выписки, сделанные ученым во время работы в различных зарубежных архивах и относящиеся к истории Великой французской революции, истории Англии, США, Венгрии и других стран. Там же находятся фонды других видных представителей отечественной исторической науки, работавших в области новой истории, — Н.И. Кареева (частично), В.П. Волгина, Е.А. Косминского².

О том, что и в нашей стране архивное дело вступает в эпоху информационных технологий, свидетельствует существование в Москве Центрального архива документов на электронных носителях, постоянной рубрики «Электронные документы и архивы» в журнале «Вестник архивиста» и сайта «Архивы России» в Интернете³. В архивах создаются электронные каталоги и специализированные базы данных. В электронную форму переводится архив Коминтерна⁴.

¹ См.: Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958.

² См.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979.

³ Адрес этого сайта — www.rusarchives.ru/site.shtml.

⁴ Это международный проект. Подробнее см.: www.rusarchives.ru/project/commintern.shtml.

Обобщается зарубежный опыт использования электронных документов, с которым знакомят отечественных архивистов.

В большинстве стран Европы и Америки за последние десятилетия XX в. не произошло существенных, принципиальных изменений в постановке архивного дела¹. По-прежнему существуют различия между отдельными странами в том, что касается организации государственного хранения документов. Франция с ее централистскими тенденциями государственного устройства имеет и строго централизованную систему архивов и управления ими. Довольно последовательно проведена административная централизация архивной сети в Италии, где существует Центральный государственный архив в Риме и государственные архивы в каждой из провинций. В Англии же главный национальный архив (Государственный архив Великобритании) не связан в административном отношении с местными архивами в графствах. В США Национальный архив в Вашингтоне, созданный в 1934 г., а в 1967—1969 гг. дополненный 11 региональными филиалами, также не связан административно и методически с архивами штатов, которые существовали задолго до него и не входят в федеральную (правительственную) архивную службу.

В странах, где такие изменения произошли, они — как и в России — были связаны с кардинальными переменами политического характера (отстранение от власти коммунистических партий в странах Центральной и Восточной Европы, восстановление на рубеже 80—90-х гг. единства Германии).

До объединения двух послевоенных германских государств хранилищем фондов центральных правительственных учреждений ФРГ, а частично также Германии периода империи, Веймарской республики и нацизма являлся Федеральный архив в Кобленце. Отдельно существовал созданный в 1954 г. и размещенный во Фрейбурге Федеральный военный архив. ГДР имела свой центральный архив в пригороде Берлина Потсламе, где хранилась документация периода ее существования². Ныне фонды этого архива, включающие документы государственного происхождения, входят в состав Федерального архива ФРГ. Особым его подразделением являются хранившиеся ранее

¹ Краткую информацию о наиболее крупных зарубежных архивах можно найти в Интернете под рубрикой «Всемирная история. Единое научно-образовательное пространство» (www.worldhist.ru/inres/archives.htm). См. также: *Старостин Е. В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997.

² В советское время в ГДР было возвращено значительное число находившихся в Особом архиве фондов германского происхождения.

в партийном архиве СЕПГ фонды партий и массовых организаций ГДР.

В некоторых странах (например, в Англии) в центральном государственном хранилище находятся архивы всех министерств и ведомств, в том числе МИД. Но чаще МИД, а также министерства, относящиеся к военному ведомству, имеют собственные архивы с правом постоянного хранения документов. Во Франции и в Италии и дипломатические, и военные ведомственные архивы выделены из общегосударственной архивной системы.

По-разному представлены в государственных архивах зарубежных стран личные и семейные фонды, фонды общественных организаций, частных фирм, промышленных корпораций и т.д. Хотя в принципе необходимость государственного хранения таких фондов теперь уже признана, они являются частной собственностью и могут быть переданы в государственные архивы лишь с согласия владельцев.

В Национальном архиве Франции, например, отдел экономических и частных архивов был создан лишь в конце 40-х годов. Здесь хранятся фонды не только старинных дворянских родов, но и некоторых политических деятелей новейшего времени (в том числе Ш. де Голля). Но документы из архивов отдельных предприятий относятся к числу невыдаваемых и в основном хранятся все же не в Национальном архиве, а на местах.

В США архивы частных фирм и корпораций, различного рода негосударственных учреждений и обществ, деятелей культуры и т.д. вообще не поступают на государственное хранение и не контролируются федеральной архивной службой. Крупнейшие промышленно-финансовые династии, например Рокфеллеры, иногда организуют собственные семейные архивы, тщательно регламентируя доступ к ним исследователей, но хранят в строгой тайне или даже уничтожают архивы своих корпораций. Лишь во второй половине XX в. в США стала создаваться система особых государственных (подведомственных федеральной архивной службе) хранилищ — президентских библиотек, куда должны передаваться документы ушедших в отставку президентов, периода их правления. В таких библиотеках хранятся документы американских президентов, начиная с Г. Гувера (годы президентства — 1928—1932).

В Италии в законодательном порядке предписывается сдавать на архивное хранение документы государственных деятелей. Здесь в государственных архивах представлены (особенно Центральном) фонды ряда министров, дипломатов, крупных предпринимателей. Довольно высок удельный вес личных и фамильных фондов, материалов

в партийном архиве СЕПГ фонды партий и массовых организаций ГДР.

В некоторых странах (например, в Англии) в центральном государственном хранилище находятся архивы всех министерств и ведомств, в том числе МИД. Но чаще МИД, а также министерства, относящиеся к военному ведомству, имеют собственные архивы с правом постоянного хранения документов. Во Франции и в Италии и дипломатические, и военные ведомственные архивы выделены из общегосударственной архивной системы.

По-разному представлены в государственных архивах зарубежных стран личные и семейные фонды, фонды общественных организаций, частных фирм, промышленных корпораций и т.д. Хотя в принципе необходимость государственного хранения таких фондов теперь уже признана, они являются частной собственностью и могут быть переданы в государственные архивы лишь с согласия владельцев.

В Национальном архиве Франции, например, отдел экономических и частных архивов был создан лишь в конце 40-х годов. Здесь хранятся фонды не только старинных дворянских родов, но и некоторых политических деятелей новейшего времени (в том числе Ш. де Голля). Но документы из архивов отдельных предприятий относятся к числу невыдаваемых и в основном хранятся все же не в Национальном архиве, а на местах.

В США архивы частных фирм и корпораций, различного рода негосударственных учреждений и обществ, деятелей культуры и т.д. вообще не поступают на государственное хранение и не контролируются федеральной архивной службой. Крупнейшие промышленно-финансовые династии, например Рокфеллеры, иногда организуют собственные семейные архивы, тщательно регламентируя доступ к ним исследователей, но хранят в строгой тайне или даже уничтожают архивы своих корпораций. Лишь во второй половине XX в. в США стала создаваться система особых государственных (подведомственных федеральной архивной службе) хранилищ — президентских библиотек, куда должны передаваться документы ушедших в отставку президентов, периода их правления. В таких библиотеках хранятся документы американских президентов, начиная с Г. Гувера (годы президентства — 1928—1932).

В Италии в законодательном порядке предписывается сдавать на архивное хранение документы государственных деятелей. Здесь в государственных архивах представлены (особенно Центральном) фонды ряда министров, дипломатов, крупных предпринимателей. Довольно высок удельный вес личных и фамильных фондов, материалов

частновладельческих фирм, деловых контор и т.д. в английских архивах, особенно местных (в графствах и отдельных городах), но также и в различных отделах Государственного архива Великобритании. С 1924 г. существует специальный отдел для фондов частного происхождения в Национальном архиве Аргентины — одном из крупнейших и старейших в Латинской Америке.

Срок давности архивных документов, которым ограничивается возможность их научного использования, в основных странах Запада составляет 30 лет, но для некоторых категорий документов превышает эту цифру. Режим доступа к ведомственным фондам, хранящимся в центральном национальном архиве или отдельно, может отличаться от основных архивных правил данной страны.

Помимо государственных и ведомственных архивохранилищ, значительными комплексами первоисточников располагают в странах Европы и Америки архивы и рукописные собрания многих университетов, исторических обществ, музеев, библиотек. Именно такие учреждения чаще всего являются хранителями тех личных и семейных фондов, к которым разрешен публичный доступ. В подобных случаях возможность использования в научных целях документов частного происхождения зависит не от норм общегосударственного архивного законодательства, а от воли фондообразователя или его наследников. Во Франции закон 1979 г. намечает возможность поставить под определенный государственный контроль также и имеющие историческую ценность частновладельческие фонды, которые рассматриваются как часть общенационального архивного достояния. Он разрешает администрации государственных архивов брать эти фонды на учет даже вопреки воле их владельцев, запрещает их уничтожение, дает государству право налагать запрет на их вывоз за пределы страны, а также предусматривает преимущественное право приобретать поступившие в продажу на внутреннем рынке неучтенные частные фонды.

Университеты, библиотеки, исторические общества и научные учреждения наряду с государственными архивами активно участвуют в осуществлении программ «устной истории», т.е. в сборе исторической информации путем интервьюирования представителей различных профессий, этнических общностей, видных деятелей науки и культуры, участников и очевидцев тех или иных событий. Особенно активная работа в этом направлении ведется в США, Канаде и Австралии. В США с помощью материала «устной истории» изучается история не только отдельных профессий или предприятий, история науки, этнографическая или локально-историческая проблематика, но и крупные проблемы политической и военной истории новейшего

времени — избирательные кампании, деятельность администрации того или иного президента (при участии в программах «устной истории» президентских библиотек), Вторая мировая война. В Нидерландах Государственный институт по истории войны собрал много устных свидетельств о Сопротивлении в годы нацистской оккупации для организации целой серии исторических исследований.

Подобные этому институту специализированные исследовательские центры обычно имеют свои архивы, где собираются как письменные документы (рукописные и печатные), так и аудиовизуальные материалы. Так, в частности, образовалось важнейшее хранилище документов по истории Сопротивления во Франции. Изучением Сопротивления занималась специальная комиссия Комитета по истории Второй мировой войны, влившегося затем в Институт современной истории. Эта комиссия получила в свое распоряжение уникальные документы из личных архивов участников Сопротивления (в том числе афиши, дневники, фотографии), организовала запись по специально разработанной методике устных свидетельств о Сопротивлении и т.д. В Италии наиболее значительные собрания архивных материалов по истории Сопротивления хранятся в Национальном институте истории освободительного движения (Милан), Фонде Антонио Грамши (Рим), Институте Джанджакомо Фельтринелли (Милан).

Важнейшие архивные документы по истории социалистических идей и международного социалистического движения сосредоточены в Международном институте социальной истории (МИСИ) в Амстердаме. Им приобретен, в частности, архив германской социал-демократии, включающий в себя также и большую часть личных архивов К. Маркса и Ф. Энгельса. В архив Института поступила хранившаяся австрийским историком-анархистом М. Неттлау коллекция рукописей М.А. Бакунина, которые относятся к периоду его деятельности как идеолога анархизма в западноевропейском рабочем движении. Институту переданы и личные фонды многих видных представителей международной социал-демократии эпохи II Интернационала (1889—1914)¹.

Архивы II Интернационала начали собираться лишь после 1900 г. при Международном социалистическом бюро. К 1905 г. они были систематизированы и размещены в Народном доме Брюсселя, а в настоящее время хранятся в Антверпене. В этом же хранилище находят-

¹ Об архивах Института см.: *Haag J., van der Horst A. (eds.). Guide to the International Archives and Collections at the IISH, Amsterdam. Amsterdam, 1999.*

ся обнаруженная его организаторами часть архивов Международного товарищества рабочих (I Интернационала)¹.

Типы документальных публикаций. Архивные первоисточники (оригиналы и заменяющие их копии документов) выдаются для использования лишь в научных целях, иначе их было бы невозможно уберечь от разрушения. Но даже профессиональному историку вовсе не обязательно в каждом случае разыскивать подлинник нужного ему документа и обращаться для этого в архив. Существует множество документов, которые размножены печатным или иным способом — либо в связи с их прямым функциональным назначением, либо специально для того, чтобы в опубликованном виде сделать их доступными заинтересованному читателю. Материал подобного рода хранится не в архивах, а в библиотеках. Впрочем, современному читателю уже привычнее рассчитывать в таких случаях не на библиотеки, а на Интернет. Нужно лишь помнить, что Интернет здесь выступает как способ воспроизведения документа и его доставки пользователю, но не делает его первоисточником.

Типы документальных публикаций различаются в зависимости от того, с какой целью они предприняты и на какого читателя рассчитаны.

Публикации научного типа ставят цели научного исследования и рассчитаны на соответственно подготовленного читателя. Они должны включать в себя, как правило, архивные документы, публикуемые впервые. По составу материала они чаще всего бывают пофондовыми (т.е. основываются на документах одного архивного фонда), иногда — тематическими или видовыми (т.е. охватывают источники одной и той же разновидности). По форме печатная научная публикация может быть и многотомным (серийным) изданием, и однотомным сборником, и совсем небольшой подборкой на страницах журнала или газеты.

Научная документальная публикация (особенно при значительном объеме) должна иметь специальный, ориентированный на историка-профессионала, детально разработанный научно-справочный аппарат (предисловие, примечания, указатели и т.п.). В предисловии к такой публикации подготовители обязаны раскрыть место и значение публикуемых документов в исследовании проблемы, их особенности как исторических источников, а также указать, из каких фон-

¹ Находящаяся в западноевропейских хранилищах документация по истории марксизма и международного социалистического движения в значительной своей части доступна (главным образом в копиях) также и в Москве. В советское время она специально собиралась Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), а теперь входит в состав фондов РГАСПИ.

дов взяты публикуемые материалы, что представляют собой эти фонды и насколько полно они использованы, обосновать принцип отбора и систематизации документов, включенных в данное издание, и т.д. Каждый отдельный документ сопровождается, кроме того, так называемой легендой или контрольно-справочными сведениями (точное указание места его хранения и архивного шифра, данные о его внешнем виде, объеме, способе воспроизведения, о том, публикуется ли он по подлиннику, копии или черновику).

По общему правилу документы в научных изданиях публикуются полностью, без купюр. Исключения возможны в публикациях тематического характера для документов *сложного состава* (т.е. таких, отдельные части которых различаются по авторству, тематике и т.д.), но их не рекомендуется воспроизводить в разобранном виде в разных разделах одного и того же издания. При публикации однородных массовых документов, которые составлены по определенной форме и содержат цифровые сведения, поддающиеся статистической обработке, возможна организация публикуемого материала в таблицы. Для текстовых документов с разработанным формуляром (т.е. готовой схематической основой), представляющих интерес лишь как совокупность, допускается передача их содержания в виде так называемого *регеста* — сокращенного изложения, сохраняющего основные особенности их формы. На сегодняшний день практикуется именуемое *ретроконверсией* введение содержания подобных документов в электронные базы данных (например, это было проделано сотрудниками ГАРФ с делопроизводственными картотеками учреждений политического сыска России конца XIX — начала XX в.¹).

В качестве примера отечественных научных публикаций на основе недавно открытых архивных материалов назовем издания по фондам РГАСПИ, отражающие различные направления деятельности Коминтерна². Новый вид выполненной на высоком уровне научной

¹ См.: Копылова О.Н., Котлова Т.Н., Луначарский Е.Л., Широков В.И. Делопроизводственные картотеки учреждений политического сыска России конца XIX — начала XX в., хранящиеся в ГА РФ. Опыт ретроконверсии// Вестник архивиста. 2005, №1 (85).

² См.: Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М., 1994; Ч. 2. М., 1998; Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998; Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998; Коминтерн против фашизма. М., 1999; ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917—1941. М., 2001; Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001; Коминтерн и Африка. СПб., 2003; Коминтерн и Финляндия, 1919—1943. М., 2003; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М., 1996—2003. Т. 1—4. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919—1943. М., 2004.

публикации был представлен в 2001 г. на XV Международной конференции Ассоциации «История и компьютер» нидерландскими учеными Л. Сесинком и Р. Заатом. Это компакт-диск, вместивший в себя всю коллекцию опубликованных и неопубликованных произведений и писем Бакунина, которая хранится в Институте социальной истории в Амстердаме. Тексты воспроизводятся на 9 языках оригиналов и в переводе на французский язык, каждый из них сопровождается подробным описанием (место и время создания документа, публиковался ли он раньше и где именно, язык оригинала и другие сведения)¹.

От собственно научных, академических публикаций отличаются сборники документов, рассчитанные не на исследователей-историков, а на более широкий круг читателей. Доброкачественность материала и точность его воспроизведения здесь столь же обязательны, как для научной публикации, но публикуемые документы по своему характеру могут быть гораздо более разнородными, а их систематизация — менее строгой и последовательной. В таких сборниках гораздо шире, чем в научных изданиях, допускается публикация документов не полностью, а в извлечениях. Они могут включать в себя и документы, ранее не публиковавшиеся, но по большей части воспроизводят материал уже известный. Научно-справочный аппарат в них обычно сведен к минимуму, пояснения адресованы читателю, не обладающему профессиональными знаниями в данной области. Примером публикаций подобного рода могут служить вышедшие на разных языках (в том числе русском) сборники конституций различных стран и регионов, предназначенные для всех интересующихся данной проблематикой².

Особый тип публикаций предназначен для более глубокого изучения и усвоения учебной программы по истории. К таким изданиям учебного типа относятся хрестоматии — сборники документов или отрывков из них, которые систематизированы по определенным темам какого-либо исторического курса. Существуют, в частности, и

¹ См.: *Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М.* Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV Международной конференции «История и компьютер»//Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 120.

² Назовем одно из последних изданий такого типа: Конституции государств Европы: В 3 т. М., 2001.

хрестоматии по истории нового и новейшего времени¹. Для исследовательской работы такие публикации использоваться не могут, так как ориентированы на решение совершенно иных задач, в учебном же процессе они необходимы.

При изучении новой и новейшей истории зарубежных стран исследователь часто имеет дело и с публикациями документов, которые осуществляются теми или иными органами государства, общественными организациями и т.д. в текущем порядке, по ходу и для нужд их повседневной деятельности: собрания парламентских материалов, публикуемые самими парламентами в виде многотомных, подразделяющихся на разные серии изданий; составляемые и издаваемые официально сборники законодательных актов; официальные статистические ежегодники; отчеты о съездах и сборники резолюций и документов различных политических партий. Подобные публикации могут быть снабжены определенным справочным аппаратом, который может быть полезен историку, но по своему типу отвечает непосредственному назначению данного издания, а не специфическим потребностям исторического исследования.

Содержание и задачи источниковедческого анализа документа. Обнаружив документ в архиве или разыскав его в опубликованном виде, исследователь обязан подвергнуть его тщательному критическому анализу. Процедуры такого анализа будут рассмотрены здесь применительно к письменным источникам на бумажной основе, которые — как подчеркивалось выше — не исчерпывают собой круг источников, привлекаемых для изучения новой и новейшей истории, но остаются наиболее значимой их частью.

Историками-позитивистами Лангуа и Сеньобосон в конце XIX в. было введено определение задач источниковедческого анализа через понятия внешней и внутренней критики источника. Под внешней критикой подразумевался анализ документа по его происхождению, под внутренней — по содержанию. С тех пор в адрес позитивистской историографии было выпущено много критических стрел: выработанную методику считали чересчур формализованной, пригодной для изучения лишь хорошо обеспеченной документами «событий-

¹ Хрестоматия по новой истории /Под ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова: В 2 т. М., 1963, 1965; Хрестоматия по новейшей истории/Под ред. Б.Г. Гафурова и др.: В 3 т. М., 1960—1961; Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870—1914 гг./Сост. П.И. Остриков, П.П. Вандель. М., 1989; Документы истории Великой французской революции/Отв. ред. А.В. Адо: В 2 т. М., 1990, 1992.

ной» истории стран Европы, но не позволяющей осваивать новые исследовательские подходы и нетрадиционные виды источников. Много в этих суждениях справедливо, но вряд ли можно полностью согласиться с ними. Реальный процесс источниковедческого анализа трудно расчленить на отдельные, осуществляемые в строгой последовательности фазы, как это предполагается понятиями внешней и внутренней критики. Те задачи, которые в общем верно, но схематически определяются этими понятиями, на практике приходится решать не поочередно, а в комплексе, постоянно переходя от анализа происхождения источника к анализу его содержания, и наоборот. Однако даже противники позитивистской методологии, обращаясь к анализу конкретных источников, задаются теми же основными вопросами, которые ставили позитивисты.

Источниковедческий анализ должен основываться на точном и всестороннем *определении типа и видовой принадлежности* исследуемого документа. Правильная классификация источников, учитывающая их происхождение, содержание и форму, отнюдь не простая формальность: конкретные задачи и приемы анализа документа во многом зависят от того, имеет ли он официальный или неофициальный характер, является ли продуктом индивидуального или коллективного творчества, сложным или простым по составу, основан ли на других источниках и каких именно, и т.д.

В частности, источники различных видов в неодинаковой степени несут отпечаток личности того, кто непосредственно являлся их создателем. Тем не менее максимально полное выяснение всего, что связано с *авторством*, является существенным и неотъемлемым аспектом анализа любого исторического памятника.

Историк нового и новейшего времени достаточно часто работает с такими документами, из текста которых очевидно, кем именно они составлены. Но одной лишь констатацией авторской принадлежности документа в целом или отдельных его частей решение задачи источниковедческого анализа не исчерпывается. Исследователю необходимо отыскать в источнике все, что дает представление о личности автора, его социальной принадлежности и политической позиции, отношении к изображаемым событиям, степени непосредственного участия в них и т.п. По возможности этот «портрет» следует дополнить и по другим материалам. Индивидуальные психологические особенности автора памятника несомненно тоже должны учитываться — но лишь в связи с его общественным бытием. Иногда же возникает необходимость установить имя автора, если оно неизвестно или скрыто под псевдонимом, т.е. провести *атрибуцию* документа. Сделать это легче, когда у исследователя есть основания предполагать ав-

торство лица с уже известной ему биографией, особенностями литературного стиля, почерка и т.д., т.е. имеются данные, позволяющие выдвинуть определенную гипотезу на этот счет, которая затем каким-либо способом проверяется. При отсутствии таких данных помочь проведению атрибуции могут (хотя и не всегда) дополнительные поиски с обращением к другим источникам. Внедрение в сферу исторических исследований компьютера и количественных методов значительно расширило возможности атрибуции.

Для извлечения из источника заключенной в нем информации очень важно, чтобы он был правильно вписан исследователем в определенный исторический контекст. В частности, необходимо установить *место и время создания* изучаемого памятника.

Применительно к памятникам нового и новейшего времени ответ на вопрос о месте их создания по большей части сравнительно легко найти либо в самом изучаемом документе, либо в других, так или иначе связанных с ним.

Анализ любого источника требует максимально точной его датировки. При работе с источниками нового и новейшего времени для этого чаще всего не приходится затрачивать особых усилий, т.к. в тексте указывается время создания документа или какая-нибудь дата, связанная с его оформлением. Если же подобных сведений в источнике нет, то производится хотя бы приближенная его датировка на основе палеографического анализа (определение возраста бумаги, чернил, шрифта, изучение водяных знаков), анализа содержания (по ссылкам в тексте на факты и документы, поддающиеся точной датировке) или, наконец, по данным других источников.

После того как выявлена точная дата или, по крайней мере, возможные хронологические рамки периода возникновения документа, нужно обратиться к детальной характеристике исторической обстановки того времени. Объективные условия эпохи, свойственные ей противоречия и проблемы определяют ту общественную атмосферу, в которой создается исторический памятник и которая по преимуществу питает слой содержащейся в нем косвенной, скрытой информации. Лишь в неразрывной связи с этими условиями может быть дано правильное *истолкование* изучаемого документа, т.е. раскрыта его общая направленность, поняты те или иные особенности избранной автором аргументации и формы подачи материала (не только индивидуальные, но и воспроизводящие определенные стереотипы), расшифрованы адресованные современникам намеки и т.д.

При истолковании документа исследователь иногда невольно модернизирует его, вкладывая в те или иные его положения смысл, соответствующий более поздней эпохе, а не эпохе создания данного па-

мятника. Тщательный анализ условий возникновения источника помогает избежать такой ошибки и подойти к нему с позиции историзма, т.е. понять, чем был этот документ для *своего* времени, в какой части содержащиеся в нем утверждения имели лишь преходящий интерес, а в какой сохранили свою ценность и в дальнейшем.

Существенной составной частью источникововедческого анализа документа является выяснение вопроса о его *подлинности*. Подлинность означает действительную принадлежность документа тому лицу, учреждению, организации, продуктом деятельности которых он считается (в противном случае перед нами подложный документ, фальшивка). При этом исследователь не обязательно имеет дело с первоисточником, т.е. с оригиналом документа, гораздо чаще в его распоряжении находится лишь воспроизведенный тем или иным способом текст этого документа (рукописная или машинописная копия, печатная публикация). В подобном случае необходимо не только удостовериться в подлинности документа, но и попытаться установить, насколько правильно и полно воспроизведен его текст.

Располагая оригиналом документа, его подлинность можно проверить с помощью палеографического анализа, анализа почерка (если это предполагаемый автограф вполне определенного лица), анализа подписей и печатей (если это оформленный по всем правилам официальный делопроизводственный документ) и т.д. При отсутствии оригинала необходимо проанализировать содержание документа. Если при этом обнаружится какое-нибудь явное противоречие с имеющейся версией о происхождении документа, то это может указывать на факт подлога.

Но нередко документ, по принадлежности подлинный, воспроизводится с искажениями или пропусками, а взаимосвязь отдельных его частей произвольно разрывается. Купюры в тексте опубликованных документов легко обнаружить, если они обозначены отточиями (что, впрочем, делается далеко не всегда), восстановить же пропущенные места или выявить искажения удастся лишь при наличии разных публикаций, которые могут быть сопоставлены между собой.

Из сказанного вытекает, что при работе над опубликованными источниками важной составной частью их анализа является *определение характера и оценка качества публикации*. В исследовательских целях нужно обращаться прежде всего к изданиям научного характера, воспроизводящим с максимальной точностью и полнотой документы, подлинность которых бесспорно доказана.

Использование научных публикаций документов во многом упрощает и другие задачи источникововедческого анализа, о которых говорилось выше. В этом случае вся предварительная работа по уста-

новлению авторства, датировке документа и т.д. уже проделана при подготовке его к печати и отражена в научно-справочном аппарате публикации.

В научных целях источник должен использоваться по возможности на языке оригинала и с учетом особенностей данного языка применительно к изучаемой эпохе. В этом случае уменьшается опасность модернизации при истолковании документа, его можно точнее датировать, увереннее судить о его подлинности.

Выяснив, кем, когда и при каких обстоятельствах был создан данный документ, и убедившись в его подлинности, исследователь может сосредоточиться на его анализе по существу. Теперь задача заключается в том, чтобы *выявить объем и характер заключенной в источнике исторической информации* (как прямой, так и косвенной) и *степень ее полноты, достоверности и ценности* в связи с изучаемой темой.

Для этого необходимо прежде всего определить границы возможной недостоверности исследуемого источника. Имея представление об исторических условиях создания источника и его авторе, можно с известной долей вероятности установить, был ли данный автор заинтересован в правдивом или ложном освещении тех или иных событий и проблем и почему именно, насколько он был осведомлен о предмете. Это также помогает отделить личный взгляд автора на проблему от бытовавших в его среде расхожих мнений и предрассудков.

В результате подобной работы исследователь приходит к предварительным выводам о том, какие сведения и оценки источника не заслуживают доверия, а какие представляются достаточно правдивыми и убедительными. Но эти выводы он обязан тщательно проверить путем сопоставления данного источника с другими. Кроме того, в случаях, когда в качестве источников используются документы сложного состава, нужно выделять и сопоставлять друг с другом их различные части.

В принципе подобные же вопросы следует выяснять в случае, если текст существующего на бумажной основе документа получен через Интернет, хотя здесь применимы не все из названных приемов — например, использование палеографического анализа. Правильность перевода документа в электронную форму требует специальной проверки (верификации). В отношении собственно электронных документов палеографическому анализу можно найти некоторую замену: «Точно так же, как традиционные документы на бумажной основе имеют характерные особенности шрифта, качества бумаги, водяных знаков, официальных грифов учреждений и т.п., электронные документы... имеют некоторые технические характеристики, позволяю-

щие сделать определенные выводы об авторстве и обстоятельствах их создания»¹. Речь идет о справочной информации, доступной через использование специального текстового редактора и иногда содержащей сведения о том, в какой кодировке был составлен документ (это может указывать на время его составления), кем он составлен или опубликован. Проблема авторства электронных документов дополнительно осложнена тем, что ресурсы Интернета в отечественной практике стали считаться как бы «ничейными», и авторы могут искать защиту от плагиаторов лишь в судебном порядке².

Помимо текстов, в Интернете могут размещаться видеоматериалы, а также базы данных, составленные кем-либо для нужд собственного исследования и затем переданные в сеть для доступа к ним других пользователей. В подобных случаях необходимо разобраться в том, каким целям отвечал замысел составителя базы и насколько возможно ее вторичное использование в ином контексте³.

Чем шире и разнообразнее круг источников, привлеченных для критической взаимопроверки, тем точнее будут выводы исследователя о качестве добытой им информации, тем ближе он подойдет к истине в разработке поставленной исторической проблемы.

¹ Источниковедение новейшей истории России... С. 551.

² Там же. С. 552—554.

³ О базах данных подробнее см.: *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.: Геттинген, 1994.

Глава 2

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научно-историческое значение законодательных актов. В ряду источников по истории нового и новейшего времени законодательные акты занимают весьма важное место и широко используются в исторических исследованиях.

В советское время правовые нормы и политические институты стран Запада изображались в учебной литературе (не исключая и предыдущее издание настоящего учебника) односторонне, с упором на их формальный характер и буржуазную классовую ограниченность. Так, в принятом правоведами определении понятия закона указывалось, что по своему содержанию этот нормативный акт является выражением воли господствующего в данном обществе класса. Преодолевая подобный подход, не следует, однако, впадать и в противоположную крайность — рассматривать классы, классовые интересы и противоречия как некие фантомы, не оказывающие реального влияния на исторический процесс. Историк не вправе отвлекаться от их существования, но не должен абсолютизировать их роль, всегда и во всем искать только классовое начало.

В системе материалистического понимания истории правовые отношения рассматриваются как часть идеологической и политической надстройки общества над его экономическим базисом. Но признание первичности базиса не означает, что историческое развитие зависит исключительно от изменений в экономике: на ход истории оказывают влияние и различные элементы надстройки, в том числе юридические теории и законодательство, оформляющее организацию политической власти.

Принцип историзма требует учитывать, что политические системы, утвердившиеся на Западе прошли длительный путь становления. Многие идеи, которые легли в основу представлений о правовом государстве, впервые были провозглашены в эпоху буржуазных революций XVII—XVIII вв., но для их реализации потребовалось длительное время; при своем зарождении они намного опередили существовавшие общественные условия. Судьба таких идей, уловивших

Глава 2

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научно-историческое значение законодательных актов. В ряду источников по истории нового и новейшего времени законодательные акты занимают весьма важное место и широко используются в исторических исследованиях.

В советское время правовые нормы и политические институты стран Запада изображались в учебной литературе (не исключая и предыдущее издание настоящего учебника) односторонне, с упором на их формальный характер и буржуазную классовую ограниченность. Так, в принятом правоведами определении понятия закона указывалось, что по своему содержанию этот нормативный акт является выражением воли господствующего в данном обществе класса. Преодолевая подобный подход, не следует, однако, впадать и в противоположную крайность — рассматривать классы, классовые интересы и противоречия как некие фантомы, не оказывающие реального влияния на исторический процесс. Историк не вправе отвлекаться от их существования, но не должен абсолютизировать их роль, всегда и во всем искать только классовое начало.

В системе материалистического понимания истории правовые отношения рассматриваются как часть идеологической и политической надстройки общества над его экономическим базисом. Но признание первичности базиса не означает, что историческое развитие зависит исключительно от изменений в экономике: на ход истории оказывают влияние и различные элементы надстройки, в том числе юридические теории и законодательство, оформляющее организацию политической власти.

Принцип историзма требует учитывать, что политические системы, утвердившиеся на Западе прошли длительный путь становления. Многие идеи, которые легли в основу представлений о правовом государстве, впервые были провозглашены в эпоху буржуазных революций XVII—XVIII вв., но для их реализации потребовалось длительное время; при своем зарождении они намного опередили существовавшие общественные условия. Судьба таких идей, уловивших

определенные тенденции в их начальном выражении и обозначивших цель, которая окажется достижимой лишь по мере постепенного продвижения в данном направлении, — наглядный пример стимулирующего воздействия идеологических факторов на общественное развитие.

Памятники законодательства являются источником первостепенного значения при исследовании таких сторон жизни общества, как государственное устройство, правовые отношения, их идеологическое обоснование и оформление.

Нормативный характер закона. Источники права. Определение закона как нормативного акта означает, что в нем содержатся положения общего характера (нормы), предписывающие, допускающие или запрещающие какие-то действия. Закон принимается обладающим на то полномочиями органом государственной власти, издается в установленном порядке и обладает высшей юридической силой по отношению к актам других органов государства.

Законы по значению и характеру содержащихся в них норм делятся на *основные* (конституционные) и *обыкновенные*. Основные законы закрепляют принципы государственного устройства страны, определяют структуру и компетенцию государственных органов, характер избирательной системы, важнейшие права и обязанности граждан. Это прежде всего конституции, но также и другие законодательные акты, регулирующие данный круг вопросов. Все остальные законы, касающиеся других сторон жизни общества и государства или конкретизирующие действие конституции, относятся к разряду обыкновенных. Оформление основного закона страны в виде писаной конституции вошло в практику в ходе и под воздействием таких событий, как завоевание независимости США, Великая французская революция, освободительные войны стран Латинской Америки.

Нормы закона (правовые нормы) имеют общеобязательный характер, их выполнение обеспечивается государственным принуждением: нарушение этих норм влечет за собой установленное законом наказание. Новые правовые нормы могут не только вводиться вновь принимаемыми законами, но и возникнуть другими путями. Юристы называют различные пути создания новых правовых норм *источниками права*. Отметим основные из них (в современной литературе можно встретить и более широкий перечень).

Источником права может быть, например, *обычай* — прочно установившееся в той или иной среде правило, которое регулирует поведение людей в определенной области общественной жизни. Обычай возникает спонтанным, естественным путем и соблюдается главным образом благодаря своей давности и неоднократному неуклонному

применению в течение долгого времени. Он превращается в право (*обычное право*) тогда, когда начинает охраняться уже не традицией, а государством. Соответствующие нормы при этом фиксируются в письменных документах — таких, например, как западноевропейские памятники раннего средневековья, известные под общим названием «варварских правд» (Салическая, Рипуарская, Бургундская правды у германцев V—VI вв., англосаксонские судебники VII—X вв. и др.).

Международное право, т.е. совокупность правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения, имеет своим основным источником *договор* — соглашение государств о взаимных правах и обязанностях в какой-либо области. Такой договор становится источником права постольку, поскольку он санкционирует или устанавливает некоторые общие, касающиеся не только его непосредственных участников правила и принципы. Особенно важное значение в этом плане имеют многосторонние международные конвенции — например, Гаагские конвенции о законах и обычаях войны (1899 и 1907 гг.) и Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны.

Еще один путь правотворчества — это *судебная практика (судебный прецедент)*. Источником новых правовых норм здесь становится судебное постановление, определенные положения которого признаются обязательными при решении аналогичных дел в судах равной или низших инстанций.

Наконец, правовые нормы могут иметь своим источником *административные акты* — распоряжения правительства, министерские и ведомственные предписания, которые содержат общие положения и правила в рамках существующих законов, конкретизируя их применение.

В различные исторические эпохи разные источники права играют неодинаковую роль. Обычай как источник права имеет первостепенное значение в ранних классовых обществах, а позднее оттесняется на задний план; в новое и новейшее время он в этом качестве продолжает жить главным образом в модифицированной форме судебного прецедента и отчасти в сфере международного права. Практика возведения в правовые нормы положений, содержащихся в судебных постановлениях, приобретает значительное распространение не раньше, чем достигается определенный уровень государственной централизации (в Англии она окончательно получает признание с утверждением абсолютизма в XV—XVI вв.). Об административных актах как об особом источнике права можно говорить лишь тогда, когда складывается система разделения властей, а это происходит только после установления политического господства буржуазии. В то же время уже в пе-

риод зарождения этого общественного класса все большую роль начинает играть закон. В сформировавшемся буржуазном обществе он становится основным источником права.

Системы права. Публикации законодательных актов. Работа с законодательными памятниками как источником требует учета особенностей правовой системы отдельных стран. В Европе и Америке действуют континентальная (романо-германская) и англосаксонская системы права.

Континентальная система права имеет в своей основе римское право, приспособленное к условиям буржуазного общества в результате Французской революции и преобразований Наполеона I. В ее орбиту входит, помимо Франции, большинство стран европейского континента и часть государств Латинской Америки.

Англосаксонская система господствует в Англии, большинстве стран Британского содружества наций и в несколько измененном виде — в США. Англосаксонское право в гораздо большей степени, чем континентальное, основывается на судебных прецедентах. К началу 70-х гг. XX в. в США ежегодно издавалось около 350 томов судебных решений, способных служить прецедентами, в Англии общее число таких решений колеблется в пределах от 300 до 500 тыс.¹ Отмечается, однако, что к концу столетия и в Англии, и в США значение прецедентного права сильно уменьшилось по сравнению с прошлым.

Законодательные документы нового и новейшего времени не принадлежат к таким источникам, которые приходится разыскивать в архивах. Они используются всегда в опубликованном виде.

Первая публикация всякого вновь принятого закона обычно осуществляется в специальном издании, где периодически в официальном порядке обнародуется текущая законодательная и административная документация. Во Франции, например, таким изданием в период с 1789 по 1868 г. была газета *Moniteur universel*, а с 1869 г. и поныне является *Journal Officiel*. В Германии с момента образования империи (1871) и до 1945 г. официальным вестником являлся орган под названием *Reichsgesetzblatt*, после 1949 г. в ГДР и ФРГ издавались соответственно *Gesetzblatt der D.D.R.* и *Bundesgesetzblatt*. Последний под этим же названием выходит и в ФРГ как объединенном германском государстве. В США текущее законодательство публикуется в *U.S. law week* (с 1933 г.). В Англии для этих целей с 1936 г. существует издание *All England law reports*, в Италии — основанная в 1860 г. *Gazzetta ufficiale*.

¹ Правом возводить постановления судов в прецеденты в Англии наделены три инстанции — Суд короны, Высокий суд и Апелляционный суд.

Однако законодательный материал быстро накапливается в большом объеме, и для использования его не только в научных, но и в практических целях такие публикации текущего характера неудобны. Само государство нуждается в его систематизации. Предпринимаемая государством в официальном порядке систематизация законодательных актов бывает двоякого рода.

Один из способов ее осуществления называется *инкорпорацией* (от латинского *in corpore* — целиком, полностью). В этом случае учитываются все изданные за определенное время законы и другие акты, содержащие нормы права. Они объединяются в каком-либо порядке (чаще всего хронологическом) без изменения их содержания¹.

Иначе осуществляется обобщение законодательного материала при *кодификации*, когда ставится задача создать сборник законов, отличающийся внутренним единством. Такой сборник (*кодекс*) охватывает не законы страны вообще, а законодательство в определенной области (гражданское, уголовное, трудовое и т.п.). При этом в кодекс включаются лишь те законы, которые на момент кодификации оставались в силе. В случае, если в имеющемся законодательстве обнаружатся пробелы или противоречия, они должны быть устранены введением новых правовых норм. В результате кодекс и по форме, и по существу является новым правовым актом, который заменяет собой весь ранее действовавший нормативный материал по данному кругу вопросов.

Поскольку кодификация представляет собой более высокую форму систематизации законодательства и требует значительной подготовки, она проводится сравнительно редко. В новое время целую эпоху в этой области составили кодексы Наполеона — Гражданский (1804), Торговый (1807), Уголовно-процессуальный (1808), Уголовный (1810), действовавшие не только во Франции, но и в странах, которые подверглись наполеоновскому завоеванию, и надолго пережившие I Империю. Последовательно проведенная кодификация правовых норм характерна лишь для стран, придерживающихся континентальной системы права. Основанное на прецедентах англосаксонское право плохо поддается кодификации и по преимуществу остается некодифицированным. В Англии в XIX в. первичной формой обобщения законодательства стало издание так называемых *консолидированных актов* по какому-либо определенному предмету, а в 1966 г. парламентом были созданы две специальные комиссии с по-

¹ Примером составленного по этому принципу собрания законов может служить американская публикация U.S. Statutes at large, существующая с 1874 г. как продолжающееся издание.

ручением осуществить кодификацию права, но их работа к началу XXI в. почти не продвинулась. В США, где федеральное законодательство регулирует лишь небольшой круг вопросов, а остальное входит в законодательную компетенцию штатов, с целью согласования того и другого законодательства было создано так называемое *коллизийное право*. Но первый единый для всей страны кодекс (Торговый), требующий одобрения каждым из штатов, был разработан и начал действовать только во второй половине XX века.

Собрания инкорпорированных законов и кодексы нередко публикуются частными издательскими фирмами. Но такие сводные публикации в любом случае должны рассматриваться как официальные, поскольку осуществленная в них систематизация законодательного материала исходит от государства. Иной, неофициальный характер носят изданные на разных языках многочисленные сборники конституций и других законодательных актов различных стран и регионов мира, в некоторых случаях снабженные более или менее подробными комментариями, иногда близкие по типу к хрестоматиям.

Ориентацию в различных существующих изданиях законодательных актов облегчает обращение к специальной справочно-библиографической литературе по этим вопросам. В особенности следует выделить вышедший параллельно на французском и английском языках каталог ЮНЕСКО, где сообщаются сведения подобного рода по всем странам в алфавитном порядке их наименований¹.

Источниковедческий анализ актов государственного законодательства. Важнейшие особенности источниковедческого анализа законодательных актов определяются тем, что это — источник официального происхождения и назначения. Следует прежде всего установить характер той публикации, по которой они изучаются, т.е. выяснить, является она официальной или нет. В исследовательских целях официальные документы предпочтительнее использовать в официальном издании. Это гарантирует подлинность источника и аутентичность его текста, избавляя от необходимости специально проверять то и другое. Для общего же ознакомления с текстом (например, на учебных занятиях) годятся и другие имеющиеся публикации.

Среди законодательных документов особый интерес для историков представляют конституции, принятие или пересмотр которых обычно связаны с поворотными моментами в жизни общества, а содержание охватывает круг наиболее значимых для страны проблем. Чаще всего конституция представляет собой целостный документ с

¹ Catalogue des sources de documentation juridique dans le monde/A register of legal documentation in the world. Paris, 1957 (первое издание — 1953 г.).

преамбулой мотивировочного и общепринципиального характера, но в истории были и другие примеры. Так, в период существования дуалистической монархии Австро-Венгрии (1867—1918) в двух ее частях действовали разные основные законы: в Австрии это была конституция, принятая в 1861 г., а в Венгрии — восстановленная конституция 1848 г., которая сложилась из нескольких отдельных законов. Подобным же образом составила из принимавшихся по отдельности законов конституция III Республики во Франции, обычно датируемая 1875 годом. Она вырабатывалась в острой борьбе между монархистами и республиканцами и не содержала декларации об общих принципах государственного устройства; о том, что Франция является республикой, упоминалось лишь в статье о полномочиях главы государства.

Ввиду того что любой законодательный акт выражает официально принятую точку зрения, вопрос о том, кем именно составлялся и редактировался текст документа, зачастую не имеет существенного значения для историка. Формулировки нередко заимствуются из документов более или менее аналогичного характера, в том числе и из законодательства других стран. Но если закон принимался в результате длительного обсуждения, по ходу которого сталкивались представленные в поправках, дополнениях и других предложениях позиции разных социальных и политических сил, состав тех, кто так или иначе участвовал в создании окончательного текста, требует внимательного анализа. При изучении конституции важно, кто входил в комиссию по ее разработке (если таковая была), насколько активно проявили себя отдельные члены комиссии, кто стал докладчиком, представлявшим одобренный комиссией проект для утверждения полномочным законодательным органом. Все это может быть установлено, если в дополнение к изучению конституции будут привлечены источники, отражающие ход законодательного процесса (о них см. в следующей главе).

Время и место принятия законодательного акта известны из его текста. Но односложных ответов на вопросы «когда» и «где» недостаточно: это лишь «привязка» к определенной исторической ситуации, в контексте которой становятся понятными общий смысл и особенности изучаемого документа. Консульская конституция 1799 г., отдавшая всю полноту власти во Франции Наполеону Бонапарту, закрепила фактическое положение вещей после совершенного им государственного переворота (именно Наполеон кардинально изменил статью конституции о равных правах трех консулов поправкой о полномочиях первого консула, каковым стал он сам). На период разработки конституции II Республики во Франции (1848) пришлось

июньское восстание рабочих Парижа, повлиявшее на активизацию правых в дебатах по проекту конституции и на устранение из нее ассоциировавшегося с восстанием положения о «праве на труд». Республика, установленная в Германии после Ноябрьской революции 1918 г., получила название Веймарской по месторасположению принявшего ее конституцию Национального собрания: законодатели предпочли тихий, прославленный именами Гёте и Шиллера город охваченному продолжающимися революционными выступлениями Берлину.

Законодательный памятник должен рассматриваться с учетом его генеалогических связей, т.е. соотношения с предшествующими ему документами подобного же характера. Это позволит проследить, в каком направлении менялись правовые нормы, судить о том, выполнялись ли уже существовавшие законы по данному кругу вопросов. Заимствование опыта других стран (особенно при выработке конституций) далеко не всегда оказывается эффективным, т.к. одни и те же установления по-разному действуют на различной исторической почве. Так, принятая в 1787 г. конституция США послужила образцом для ряда латиноамериканских конституций, но если в США она с поправками сохраняет силу и поныне, то в странах Латинской Америки после завоевания ими независимости конституции менялись многократно.

При анализе конституций следует иметь в виду, что отраженная в них система политических институтов может очень сильно отличаться от реально существующей. Известно, что в период якобинской диктатуры во Франции действовала не конституция 1793 г., а так называемый революционный порядок управления. С другой стороны, в XX веке ни в Италии, ни в Германии при тоталитарных режимах не были отменены прежние конституции (либеральный Альбертинский статут 1848 г. и конституция Веймарской республики) — их формальное сохранение не мешало Муссолини и Гитлеру выстраивать организацию власти по-своему. Сам факт существования в той или иной стране конституции еще не означает, таким образом, что данная страна действительно живет по ее принципам.

Сравнение с реальностью необходимо при анализе не только конституции, но и любого законодательного акта. История изобилует примерами законов, которые «не работают». Не рассмотрев вопрос, как те или иные законы реализовывались на практике, историк рискует преувеличить значение законодательных документов как источника своего исследования.

Прямая информация, содержащаяся в источниках этого вида, связана с господствующими в данном обществе представлениями о

том, что есть норма, а что является отступлением от нее. Косвенную же информацию следует искать не столько в собственно нормативных положениях, сколько в их мотивировке, содержащейся в преамбуле к документу. Преамбула ориентирована на восприятие общественной средой с определенными традициями и ценностями, с прочно вошедшими в обиход представлениями, «расшифровывать» которые не входило в намерения законодателя — он принимал их как нечто само собой разумеющееся. Но историку важно распознать в документе отражение подобных явлений, скрытую информацию о них.

Обратимся, например, к Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 г. и позднее включенной в качестве преамбулы в конституцию 1791 г. В ней отчетливо прослеживается влияние идей Просвещения (представление о принадлежащих человеку от рождения естественных и неотъемлемых правах, о том, что корень общественных бедствий и пороков правительств — забвение этих прав и невежество, которое может быть побеждено постоянным напоминанием о них, апелляция к доступным разуму «простым и непререкаемым началам»). В языке Декларации элементарный арифметический подсчет позволяет выявить ключевые для ее составителей понятия и термины, среди которых бесспорный приоритет принадлежит естественным и гражданским правам и закону: из 17 статей Декларации «право», «права» упоминаются в 10, «закон» — в 9, тогда как «собственность» — в 2, «равенство» или «равный» — в 2. Иными словами, выявляется то, о чем Декларация говорит помимо своего прямого назначения: заключенная в ней косвенная информация относится к характеристике ментальности французского общества у истоков новой политической культуры.

Для правильной оценки содержания законодательных документов существенное значение имеет точное толкование употребляемой лексики, смысла отдельных юридических формул и понятий, который с течением времени может меняться. Не учитывая этого, историк рискует модернизировать источник, привнести в него нечто такое, что не отвечает условиям его создания.

В текстах более или менее значительного объема (опять-таки прежде всего в конституциях, которые обсуждались в течение длительного времени, принимались по частям или дополнялись позднейшими поправками) может обнаружиться «нестыковка» отдельных положений или даже противоречия между ними. Так, во французскую конституцию 1791 г. вместе с Декларацией прав человека и гражданина вошла статья, провозглашавшая, что люди «рождаются и остаются свободными и равными в правах», а с другой стороны, она наделяла правом голоса лишь так называемых активных граждан, число кото-

рых ограничивалось несколькими цензами, в том числе имущественным. Предусмотренные законом исключения из общего правила или иные оговорки могут значительно сузить реальную сферу его применения. Поэтому отдельные части закона следует сопоставлять между собой, выявляя таким образом его действительную, фактическую значимость.

Нормативный характер законодательных актов определяет особенности критики достоверности этого вида источников. Основное их содержание — это не констатация того, что существует на данный момент, а подлежащие выполнению предписания на будущее. Объем требующей проверки на достоверность фактической информации здесь невелик. Лишь в мотивировочной части закона можно найти отсылку к определенным конкретным обстоятельствам, побудившим к его принятию, причем далеко не всегда бывают названы важнейшие из них. Изложение мотивов, которыми руководствовался законодатель, — главное, на что должна быть направлена критика достоверности подобных источников.

Глава 3

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Функции и устройство парламента в странах Европы и Америки. Парламент, парламентаризм, парламентская система — понятия с определенным историческим содержанием, относящимся только к новому и новейшему времени. В средние века существовали учреждения сословного представительства, названия которых указывают на преемственную связь с ними парламентов соответствующих стран (парламент в Англии, Генеральные Штаты во Франции, рейхстаг в Священной римской империи Германской нации), но это были не парламенты в современном смысле слова, а лишь их предшественники.

В новое время парламент (выборный представительный орган) становится частью политической системы, основанной на разделении властей. В такой системе он является носителем законодательной власти. Функции, структура, общие принципы формирования, порядок деятельности парламента обычно фиксируются в конституции страны.

В рамках различных типов государственного устройства, предусматривающих существование парламента, его место не одинаково. Непременным признаком *парламентского* государственного устройства является верховенство парламента над правительством и ответственность перед парламентом правительства и отдельных министров. В наиболее чистом виде эта черта выражена в *парламентарной республике* (Франция в период III и IV Республик или Италия по республиканской конституции 1947 г.), хотя она присуща и *парламентарной монархии* (классический пример — Англия, к этому же типу относятся Бельгия, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия). Президент парламентарной или парламентской республики избирается парламентом и несет ответственность перед ним. Иначе обстоит дело в *президентских республиках* (подобных США), где глава государства одновременно является главой правительства и избирается непосредственно населением путем прямых или двухстепенных выборов. Строй президентской республики существует, например, в ряде стран Латинской Америки. Некоторые черты этого строя характерны и для

Глава 3

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Функции и устройство парламента в странах Европы и Америки. Парламент, парламентаризм, парламентская система — понятия с определенным историческим содержанием, относящимся только к новому и новейшему времени. В средние века существовали учреждения сословного представительства, названия которых указывают на преемственную связь с ними парламентов соответствующих стран (парламент в Англии, Генеральные Штаты во Франции, рейхстаг в Священной римской империи Германской нации), но это были не парламенты в современном смысле слова, а лишь их предшественники.

В новое время парламент (выборный представительный орган) становится частью политической системы, основанной на разделении властей. В такой системе он является носителем законодательной власти. Функции, структура, общие принципы формирования, порядок деятельности парламента обычно фиксируются в конституции страны.

В рамках различных типов государственного устройства, предусматривающих существование парламента, его место не одинаково. Непременным признаком *парламентского* государственного устройства является верховенство парламента над правительством и ответственность перед парламентом правительства и отдельных министров. В наиболее чистом виде эта черта выражена в *парламентарной республике* (Франция в период III и IV Республик или Италия по республиканской конституции 1947 г.), хотя она присуща и *парламентарной монархии* (классический пример — Англия, к этому же типу относятся Бельгия, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия). Президент парламентарной или парламентской республики избирается парламентом и несет ответственность перед ним. Иначе обстоит дело в *президентских республиках* (подобных США), где глава государства одновременно является главой правительства и избирается непосредственно населением путем прямых или двухстепенных выборов. Строй президентской республики существует, например, в ряде стран Латинской Америки. Некоторые черты этого строя характерны и для

У Республики во Франции: ее президент избирается населением и назначает главу правительства без санкции парламента.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в форме президентской республики, где два института власти (глава государства и законодательный орган) черпают свои полномочия из одного и того же источника (голосование избирателей), заложена возможность их противостояния, которое иногда обостряется до открытого конфликта. Так было, в частности, во Франции при II Республике, где избранный в 1848 г. всеобщим голосованием президент Луи Бонапарт спустя три года совершил государственный переворот, разогнав Законодательное собрание, а затем объявил себя императором Наполеоном III. В современных условиях (по данным на 1990-е гг.) в экономически развитых странах преобладает тенденция в пользу парламентарного устройства: из 20 таких стран к парламентарным государствам принадлежат 11 монархий и 7 республик, и только в США республика является президентской и во Франции — полупрезидентской (или полупарламентской).

При парламентарном государственном устройстве верховенство парламента над правительством и ответственность правительства перед парламентом означают, что:

1) обладающий законодательными полномочиями парламента считается высшим органом государственной власти;

2) формирование правительства поручается главой государства лидеру партии или блока партий, располагающих большинством в парламенте; правительство формируется, как правило, из числа депутатов и должно получить парламентарский *вотум доверия*;

3) парламента имеет право контролировать деятельность правительства. Этот контроль осуществляется в различных формах. В частности, парламента может поставить на обсуждение политику правительства в целом или какие-либо ее аспекты и в итоге выразить недоверие всему кабинету или отдельному министру, что обязывает их подать в отставку. Депутаты могут вносить запросы главе или членам кабинета. Особым видом депутатского запроса является так называемая *интерпелляция*, которая влечет за собой открытие общей дискуссии и постановку вопроса о доверии. Наконец, парламента вправе производить силами своих комиссий ревизии и расследования, касающиеся различных сторон правительственной политики.

Обычно парламента состоит из двух *палат* с неодинаковым объемом полномочий¹. При унитарном государственном устройстве — как, например, в Англии и Франции — двухпалатная структура пар-

¹ Однопалатный парламента существует, например, в Новой Зеландии, а на европейском континенте — в Дании, Швеции, Греции, Финляндии, в государствах Балтии и в странах Центральной и Восточной Европы.

ламент исторически возникла из потребности правящих классов снабдить парламентский механизм своего рода тормозом в виде верхней палаты, стоящей *над* нижней. В федеративных государствах одна из палат мыслится как представительство страны в целом, другая — как представительство отдельных частей федерации (штатов — в США и Австралии, провинций — в Канаде, кантонов — в Швейцарии, земель — в ФРГ и Австрии и т.д.). Такие палаты в принципе должны быть равноправны. Однако фактически, а иногда и формально объем принадлежащих им прав различен, причем в зависимости от условий отдельных стран большую власть может иметь либо одна, либо другая палата. В США, где в государственной структуре федералистские начала и сейчас преобладают над централистскими, права двух палат конгресса формально уравновешены, но фактически сенат располагает большей властью по сравнению с палатой представителей. В таких же странах, как ФРГ или Австрия, федеративный принцип все более приходит в противоречие с растущей централизацией, а потому бундесрат и федеральный совет даже формально наделяются меньшими правами, чем бундестаг и национальный совет.

На рубеже XX—XXI вв. в Европе стало ощутимо возрастать значение региональных и этнических проблем внутри отдельных государств, входящих в ЕС, особенно тех, которые сложились как унитарные. В связи с этим выдвигается требование передачи части властных полномочий от центра на места и соответственно — представительства регионов в структуре национального парламента.

При двухпалатной структуре парламента принципы формирования той и другой палаты в большинстве случаев различны. Нижние, или общенациональные, палаты в настоящее время, как правило, выборные и избираются гражданами, имеющими право голоса, путем прямого голосования. Верхние палаты могут быть тоже выборными, но избираться менее демократическим способом — не непосредственно избирателями, а коллегией выборщиков (сенат V Республики во Франции), при более высоком возрастном цензе для голосования (сенат в Италии) и т.д. Иногда же верхние палаты вообще не избираются: так, английская палата лордов состоит из частично наследственных, частично назначаемых с санкции монарха пэров¹. Члены фе-

¹ К началу XXI в. в Англии постепенно осуществляется реформа палаты лордов. Наследственные лорды лишены права голоса в палате. Вновь назначаемые пэры с 1958 г. получают свой титул пожизненно, но не могут передавать его по наследству. Предполагается, что к 2011 г. палату лордов заменит новая верхняя палата, из 600 членов которой 120 будут избираться на всеобщих выборах, 120 — назначаться специальной независимой комиссией, а 360 — назначаться лидерами политических партий пропорционально результатам выборов в палату общин.

деральных палат могут либо избираться на срок более длительный, чем депутаты общенациональной палаты (так, в США сенаторы избираются на 6 лет, а члены палаты представителей — на 2 года), либо назначаться (сенаторы в Канаде — генерал-губернатором, члены бундесрата ФРГ — правительствами земель и т.д.). Поэтому в двухпалатных парламентах одна из палат по своему составу и политической ориентации почти всегда консервативнее другой.

Срок, на который избирается данный состав парламента, называется *легислатурой*, а период, когда парламент собирается для осуществления своих функций, — *сессией*. В монархиях и президентских республиках право созыва парламента на сессию обычно принадлежит главе государства. Каждая такая сессия рассматривается как особый, организационно заверченный период деятельности парламента. В республиках парламентарного или смешанного типа президент не имеет подобных прерогатив в отношении парламента и существует система «постоянно действующего собрания»: парламент вправе собираться на заседания в течение неограниченного периода времени и считается работающим непрерывно в течение всей легислатуры (кроме ежегодных каникул и праздников), хотя это, конечно, не значит, что он действительно заседает круглый год. Парламентские сессии могут быть очередными (если сроки их созыва предусмотрены законом) и чрезвычайными (если они созываются помимо этих сроков по инициативе главы государства, главы правительства или определенного числа депутатов).

Порядок прохождения законопроектов в палатах и внутренняя организация каждой из них определяются соответствующим *регламентом*. Внутри палаты депутаты от одной партии объединяются в политическую группу (*фракцию*), возглавляемую председателем или комитетом. Право парламентариев на объединение в политические группы в некоторых странах долгое время существовало лишь в виде обычая, но сейчас в большинстве парламентах признано официально. Роль фракций в деятельности парламента весьма велика. В особо важных случаях политическая линия той или иной фракции намечается и обсуждается на специальных закрытых заседаниях. Фракции связаны партийной дисциплиной, особенно жесткой там, где парламентарии находятся под контролем своих партий: депутат, выступивший против линии партии, может быть исключен из ее парламентской группы. Так, например, были исключены из лейбористской фракции в английской палате общин 6 депутатов, проголосовавших в марте 1961 г. вопреки указаниям партийного руководства против ассигнований на вооруженные силы.

Существуют также различные парламентские *комиссии* и *комитеты*. Одни из них (комиссия по иностранным делам, бюджетная комиссия и т.п.) действуют постоянно, другие имеют временный характер и создаются специально по тому или иному вопросу или же в связи с каким-либо расследованием. Создание всевозможных следственных комиссий широко практиковалось, например, во Франции при III и IV Республиках. Эти комиссии занимались расследованием деятельности правительства «национальной обороны» во время франко-прусской войны, причин возникновения Коммуны в Париже, событий 1933—1945 гг. и причин поражения Франции в 1940 г. и т.д. К созданию комитетов по расследованию постоянно прибегает и конгресс США. Такие комитеты и проводимые в них слушания в известной степени подобны классической форме парламентского контроля за деятельностью отдельных звеньев администрации.

Законодательный процесс (т.е. порядок деятельности высших органов государственной власти по изданию законов) в различных странах Запада имеет свои особенности, но в основном может быть сведен к следующим стадиям:

1. *Внесение законопроекта*. Правом внесения, т.е. *законодательной инициативой*, обычно обладают главы правительств, правительства, члены палат, иногда — постоянные парламентские комиссии. В некоторых странах (Франция, Италия) текст, вносимый парламентарием, называется законопредложением, а текст, вносимый правительством, — законопроектом.

2. *Обсуждение законопроекта*, которое происходит в порядке нескольких *чтений*. Понятие чтения законопроекта в парламентской процедуре разных стран имеет различный смысл. В ряде стран (США, Англия и страны Британского содружества наций, ФРГ, Дания) действует система трех чтений. При такой системе первое чтение означает (с некоторыми вариантами по отдельным странам) лишь оглашение названия законопроекта и его регистрацию. Затем законопроект передается в соответствующую комиссию или комитет, откуда после дополнительной разработки возвращается вместе с докладом комиссии для подробного (постатейного или в целом) рассмотрения в палате, составляющего второе чтение. Главным содержанием третьего чтения является голосование по законопроекту. В других же странах (Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Швейцария) действует принцип однократного чтения законопроекта в палате, т.е. весь складывающийся из разных этапов процесс его прохождения в данной палате рассматривается как единое чтение. Повторные чтения законопроекта в одной и той же палате парламентов этих стран

бывают лишь в тех случаях, когда вторая палата не соглашается с ним без поправок, требующих дополнительного обсуждения.

3. *Принятие законопроекта.* Обычно в зарубежных парламентах принятым считается законопроект, за который подано простое большинство голосов, т.е. большинство от числа присутствующих и участвующих в голосовании парламентариев (число отсутствующих и воздержавшихся не принимается во внимание). Необходимое для действительности голосования минимальное число присутствующих (*кворум*) может быть очень низким, например, в английской палате общин оно составляло на начало 1960-х годов 40 членов из 630, а в палате лордов — 3 из почти 1000. В некоторых же случаях (в частности, при утверждении законопроектов об изменении конституции) требуется квалифицированное большинство голосов.

4. *Санкция закона* главой государства. Без такой санкции принятый парламентом законопроект еще не имеет силы закона. Право отказать в санкции (право *вето*) является прерогативой главы государства, характерной в особенности для президентских республик. В США оно сыграло активную роль в процессе отлаживания знаменитой «системы сдержек и противовесов» в XIX в., особенно в период после Гражданской войны между Севером и Югом, когда сменявшие друг друга президенты добивались расширения полномочий исполнительной власти в острейшем противоборстве с конгрессом¹. Право вето существует и в парламентарных монархиях, но, скорее, в теории, а на практике применяется крайне редко (в Англии, например, последний случай отказа в королевской санкции имел место в 1707 г., а в Норвегии, отделившейся от Швеции в 1905 г., королевское вето не использовалось ни разу).

5. *Опубликование закона.* Как правило, оно осуществляется главой государства в официальном вестнике текущего законодательства или сборнике законов.

В ряде стран существует институт так называемого *конституционного контроля*. Специальные органы (Верховный суд в США, Конституционный суд в ФРГ, Италии, Австрии и т.д.) имеют право или обязаны выносить свое суждение о соответствии принятых в установленном порядке законов конституции страны.

Парламентские выборы: право голоса и избирательные системы. На протяжении нового и новейшего времени парламентаризм претерпел значительную эволюцию. Она шла по двум основным направлениям:

¹ Если первые 6 президентов США за 40 лет применили вето 10 раз, то Э. Джонсон за 1865—1869 гг. — 29 раз, У. Грант за два срока (1869—1877) — 93 раза, Г. Кливленд только за первый срок (1885—1889) — 414 раз.

постепенного расширения электората (круга лиц, имеющих право голоса) и изменений в системах парламентских выборов.

Вплоть до XX века избирательным правом пользовались лишь мужчины. В США оно было всеобщим, в европейских же странах его получение обуславливалось рядом цензов — имущественным (достаток не ниже известного уровня), возрастным (достижение определенного возраста), образовательным (как минимум — грамотность), цензом оседлости (установленный срок проживания в данной местности). Тем самым от голосования отстранялась масса людей неимущих, неграмотных, вынужденных часто менять место жительства. Во Франции всеобщее избирательное право для мужчин с 21 года, не состоявших в личном услужении, впервые было осуществлено в 1792 г. на выборах в Конвент, но упразднено после термидорианского переворота и в дальнейшем прочно закреплено лишь с установлением в 1870-е годы III Республики. В Англии, являвшейся родиной парламентской системы, долгое время сохранялось представительство в палате общин от пришедших в запустение «гнилых местечек», тогда как новые фабричные города его не имели. Положение изменилось после парламентской реформы 1832 г., за которой последовало еще две (1867 и 1884 гг.). Эти реформы расширили контингент избирателей за счет снижения цензовых барьеров, но не сделали избирательное право всеобщим — в 1885 г. имевшие право голоса составляли лишь 29,3% общей численности населения старше 20 лет. К началу XX в. в странах Европы, где право голоса для мужчин было всеобщим (Франция, Германия, Швейцария, Бельгия), в парламентских выборах могло участвовать около 40% взрослого населения, а там, где оставались в силе цензовые ограничения, — значительно меньше даже по сравнению с Англией. В Бельгии действовал принцип так называемого множественного вотума: часть избирателей-мужчин имела право не на один, а на несколько голосов (один добавочный голос — отцам семейств, подходившим под определенный имущественный ценз, два — за диплом высшего учебного заведения). Кое-где существовало разделение избирателей на классы или курии с неравной нормой представительства. По такой системе, действовавшей в пользу имущей верхушки общества, избирался в отличие от общегерманского рейхстага — ландтаг (парламент) Пруссии, австрийский парламент, а позднее — Государственная дума в России, от созыва которой (1906) сейчас отсчитывают историю российского парламентаризма.

Избирательные реформы начала XX века добавили к странам, где было введено всеобщее избирательное право, Австрию, Норвегию (впервые также и для женщин), Италию. В Англии избирательное

право в 1918 г. стало всеобщим для мужчин (включая военнослужащих) и было предоставлено части женщин (с 30-летнего возраста). В Германии женщины получили право голоса при Веймарской республике, в США — с 1920 г., во Франции и Италии — после Второй мировой войны.

Во второй половине XX в. всеобщее избирательное право для граждан обоего пола по достижении совершеннолетия (как правило, с 18 лет) утверждается в Европе и Америке повсеместно. В странах, входящих в ЕС, всеобщим голосованием избирается также и Европейский парламент.

Независимо от состава и численности электората существуют разные системы выборов в парламент. Два основных типа таких систем — мажоритарная и пропорциональная.

Мажоритарная система в наиболее чистом виде издавна действует в Англии. Округа по выборам в палату общин одномандатные, т.е. от каждого избирается один депутат. Голосуются конкретные кандидатуры. Проходит тот кандидат, который собрал самое большое по сравнению с другими число голосов. Голоса, поданные за остальных кандидатов, при этом пропадают. В некоторых странах с мажоритарной системой для победы на выборах необходимо абсолютное большинство голосов (51%), и в тех округах, где никто не получил его, выборы проходят в два тура: во втором туре состязаются два наиболее сильных кандидата, а остальные блокируются с кем-либо из них.

При пропорциональной системе округа многомандатные и избиратели голосуют не за отдельных кандидатов, а за партийные списки. Депутатские места делятся пропорционально числу голосов, полученных в общем итоге каждой из партий. Такая система существовала, например, в послефашистской Италии до начала 1990-х гг.

Каждая из этих систем имеет свои плюсы и минусы. Мажоритарная система привлекает своей простотой и определенностью, но меньшинство получает представительство лишь от тех округов, где его кандидаты смогли одержать верх, а все остальные места достаются победителям, так что распределение депутатских мандатов не отражает реального соотношения политических сил в стране. Пропорциональная система, наоборот, вполне отражает его, но при множественности представленных в парламенте партий правительства могут быть лишь коалиционными и часто оказываются неустойчивыми. Чтобы избежать излишней дробности состава парламента, во второй половине XX в. в избирательных законах стали предусматривать так называемый порог, или барьер, — минимальный процент голосов (в разных странах разный), который позволяет участвовавшей в выборах партии претендовать на депутатские мандаты.

Безоговорочно считать какую-либо из двух систем более демократической вряд ли правильно. В истории известны переходы от одной к другой, происходившие в совершенно различных политических контекстах и под воздействием разных сил. Оптимальным, по-видимому, является сочетание обоих вариантов, когда часть депутатов избирается по мажоритарному принципу, а часть — по партийно-пропорциональному.

Публикации парламентских материалов. Материалы, отлагающиеся в процессе законодательной деятельности парламентов (тексты законопроектов и поправок к ним, протокольные или стенографические отчеты о прениях в палатах, представляемая на рассмотрение палат дополнительная документация и т.д.), накапливаются быстро и в очень значительном объеме. По мере упрочения парламентского строя издание их становится делом прежде всего самих парламентов.

Парламентские прения не всегда были гласными. В Англии материалы Долгого и других парламентов времен революции и протектората были впервые изданы лишь столетие спустя¹. На протяжении всего XVIII века, когда складывались основы английской парламентской системы, частным лицам запрещалось вести на заседаниях парламента какие-либо записи и публиковать их, а официального издания парламентских протоколов не существовало. Публикация, включавшая (наряду с более ранними материалами) отчеты о дебатах в парламенте за период после Английской революции, была начата по инициативе У. Коббетта лишь в 1806 г.²

В дальнейшем в Англии было учреждено специальное издание парламентских материалов. Официальной парламентской типографией стала типография фирмы «Хансард» (Hansard), отчего вся эта публикация и поныне называется Hansard's Parliamentary Debates, или просто Hansard (с 1943 г. наименование Hansard проставляется на титульном листе издания). Первоначально она основывалась на газетных отчетах о прениях, однако эти отчеты лишь приблизительно передавали то, что говорилось на заседаниях. Позднее в обеих палатах был создан особый штат репортеров и других сотрудников, обслуживающих данную публикацию, стала внедряться стенографическая за-

¹ The Parliamentary or Constitutional History of England, being a faithful account of all the most remarkable transactions in Parliament from the earliest times (to the dissolution of the Convention Parliament that restored King Charles II, together with an appendix). L., 1751—1761. Vol. 1—24.

² Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066, to the year 1803 (с т. 13 продолжалась под заглавием: The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803). L., 1806—1820. Vol. 1—36.

пись, выработался высокий класс «парламентской стенограммы». Материалы парламента публиковались в виде отчетов за каждый день работы палат, в виде более крупных еженедельных выпусков (*Weekly Hansard*), а потом (обычно в конце года) сводились в большие тома, снабженные различного рода указателями и т.п. справочным аппаратом.

Публикация английских парламентских дебатов делится по хронологическому принципу на различные серии. К началу 80-х гг. XX в. последней из них была пятая, начатая в 1909 г. и насчитывавшая свыше 400 томов по палате лордов и свыше 1000 — по палате общин. В 1980—1981 гг. начата шестая серия.

Во Франции отчеты о прениях в законодательных органах за период от начала Великой буржуазной революции до реставрации Бурбонов были впервые опубликованы Ф. Бюше и П. Ру в 30-е гг. XIX в.¹ Значительно быстрее — практически сразу — увидели свет протоколы Учредительного и Законодательного национальных собраний II Республики². В годы Второй империи была начата публикация под названием *Archives parlementaires* («Парламентские архивы»), куда предполагалось включить материалы всех законодательных ассамблей Франции за 1789—1860 гг.³ Первоначально она делилась на две серии (1789—1799 и 1800—1860), однако после выхода в свет некоторого количества томов из обеих серий была надолго прервана и продолжена лишь после Второй мировой войны как издание одного из научных центров по изучению Великой французской революции⁴.

Современная система публикации отчетов о парламентских прениях сложилась во Франции в годы III Республики. Материалы каждой из палат французского парламента издаются отдельно и, в свою очередь, подразделяются на две серии: собственно дебаты (*Débats*

¹ *Buchez Ph. J. B., Roux P. C. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. Paris, 1834—1838. Vol. 1—40.*

² *France. Assemblée nationale constituante. Compte rendu des séances... Paris, 1849—1850. T. 1—10; France. Assemblée nationale législative. Compte rendu des séances... Paris, 1849—1851. T. 1—17.*

³ *Archives parlementaires. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises de 1789 à 1860. Paris, 1862.*

⁴ *France. Parlement. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Fondé par Madival et E. Laurent. Continué par l'Institut d'histoire de la Révolution française de Paris sous la direction de M. Reinhard c.a. Paris, 1961.*

parlementaires) и документы (Documents), т.е. тексты законопроектов, поправок к ним и т.д.

Подобная же система издания материалов парламента принята в Италии — как в период, когда ее государственное устройство было монархическим (1861—1946), так и при республике. Деятельность законодательных органов эпохи борьбы за национальное объединение Италии (Рисорджименто) отражена в специальной публикации, осуществленной по постановлению палаты депутатов в 1911 г. к 50-летию Итальянского королевства¹.

В Германии представительные учреждения типа парламентов (учредительное национальное собрание в Пруссии, общегерманский Франкфуртский парламент) впервые появились во время революции 1848—1849 гг. и вскоре же были опубликованы разными изданиями их материалы². Отчеты о прениях в рейхстаге за период существования Германской империи (1871—1918) и Веймарской республики (1919—1933) составляют различные серии издания под общим названием *Verhandlungen des Reichstags*. Публикация отчетов бундестага ФРГ³ после объединения двух германских государств продолжается как общегерманская. Отчеты о деятельности законодательного органа ГДР (Народной палаты) также опубликованы за весь период ее существования⁴.

¹ Le Assemblee del Risorgimento. Roma, 1911. Vol. 1—15.

² *Verhandlungen der Constituirenden Versammlung für Preussen 1848*. Berlin — Leipzig, 1848—1849. Bd. 1—9; *Verhandlungen der Preussischen Nationalversammlung zu Berlin. Stenographische Berichte*. Berlin — Leipzig, 1848. Bd. 1—4; *Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt a.M. Hrsg. auf Beschluss der Nationalversammlung...* von F. Wiedard. Frankfurt a.M.— Leipzig, 1848—1849. Bd. 1—9; *Verhandlungen der deutschen verfassunggebenden Reichsversammlung zu Frankfurt a.M. Hrsg. auf Beschluss der Nationalversammlung von K.D.Hassler*. Frankfurt a. M., 1848—1849. Bd. 1—6.

³ *Verhandlungen des Deutschen Bundestags*. Bonn, s.a.; Bundesrepublik Deutschland. Bundestag. *Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte*. Bonn, 1961—1999; Berlin, 1999 ... Есть также публикация, которая охватывает весь период от начала существования ФРГ и включает отчеты о заседаниях как бундестага, так и бундесрата: *Verhandlungen des Deutschen Bundestages und des Bundesrates 1949—2009...* K.G.Saur Verlag, Mikrofiche-Ausgabe.

⁴ Deutsche Demokratische Republik. Volkammer. *Sitzungsberichte (с 1969 г. — Tagungsberichte)*. S.L., 1951—1955; Berlin, 1956—1990.

Напомним еще раз, что политический строй США (президентская республика) предполагает иные, чем в парламентских режимах, взаимоотношения между выборным представительным органом и правительством, отметим тем не менее также и важнейшие публикации материалов американского конгресса. Протоколы Континентального конгресса за период конституирования США как независимого государства (1774—1789) впервые опубликованы в начале XX в.¹, самым же полным изданием его бумаг вообще является микрофильмированная публикация, осуществленная в 1971 г.²

В начале XIX в. в США установилась система отдельного издания материалов сената и палаты представителей, а по каждой из палат — их деления в рамках каждой сессии на три серии (протоколы, отчеты комитетов и документы, опубликованные по постановлению данной палаты). Публикация материалов конгресса до 1873 г. именовалась *Congressional Globe*, а затем — *Congressional Record*. Отдельными выпусками издаются материалы слушаний в комиссиях конгресса.

Систематически продолжающиеся публикации официальных отчетов о парламентских прениях осуществляются самими парламентами по ходу их текущей деятельности, т.е. носят официальный характер. Лишь изредка среди серийных изданий материалов этого рода встречаются такие, которые (подобно *Archives parlementaires* во Франции или публикациям протоколов и других бумаг Континентального конгресса в США) тоже основаны на официальных записях, но предприняты много десятилетий спустя и имеют в виду уже не текущие политические потребности, а потребности исторического исследования. В научно-исторических целях могут издаваться и тематические подборки (иногда многотомные) из отчетов о дебатах и других парламентских документов, например, осуществленная в США публикация материалов английского парламента, касающихся Северной Америки колониального периода³. Неофициальные записи, делавшиеся на заседаниях английского парламента в то время, когда существовал запрет на протоколирование прений, ввиду своей уникально-

¹ *Journals of Continental Congress. 1774—1789*. Ed. by W.C. Ford and oth. Washington, 1904—1937. Vol. 1—34.

² См.: National Archives. *Microfilm Publications. Papers of the Continental Congress, 1774—1789*. Washington, 1971, 204 rolls.

³ *Proceedings and Debates of the British Parliaments respecting North America*. Washington, 1924—1941. Vol. 1—5.

Напомним еще раз, что политический строй США (президентская республика) предполагает иные, чем в парламентских режимах, взаимоотношения между выборным представительным органом и правительством, отметим тем не менее также и важнейшие публикации материалов американского конгресса. Протоколы Континентального конгресса за период конституирования США как независимого государства (1774—1789) впервые опубликованы в начале XX в.¹, самым же полным изданием его бумаг вообще является микрофильмированная публикация, осуществленная в 1971 г.²

В начале XIX в. в США установилась система отдельного издания материалов сената и палаты представителей, а по каждой из палат — их деления в рамках каждой сессии на три серии (протоколы, отчеты комитетов и документы, опубликованные по постановлению данной палаты). Публикация материалов конгресса до 1873 г. именовалась *Congressional Globe*, а затем — *Congressional Record*. Отдельными выпусками издаются материалы слушаний в комиссиях конгресса.

Систематически продолжающиеся публикации официальных отчетов о парламентских прениях осуществляются самими парламентами по ходу их текущей деятельности, т.е. носят официальный характер. Лишь изредка среди серийных изданий материалов этого рода встречаются такие, которые (подобно *Archives parlementaires* во Франции или публикациям протоколов и других бумаг Континентального конгресса в США) тоже основаны на официальных записях, но предприняты много десятилетий спустя и имеют в виду уже не текущие политические потребности, а потребности исторического исследования. В научно-исторических целях могут издаваться и тематические подборки (иногда многотомные) из отчетов о дебатах и других парламентских документов, например, осуществленная в США публикация материалов английского парламента, касающихся Северной Америки колониального периода³. Неофициальные записи, делавшиеся на заседаниях английского парламента в то время, когда существовал запрет на протоколирование прений, ввиду своей уникально-

¹ *Journals of Continental Congress. 1774—1789*. Ed. by W.C. Ford and oth. Washington, 1904—1937. Vol. 1—34.

² См.: National Archives. *Microfilm Publications. Papers of the Continental Congress, 1774—1789*. Washington, 1971, 204 rolls.

³ *Proceedings and Debates of the British Parliaments respecting North America*. Washington, 1924—1941. Vol. 1—5.

сти стали ценнейшим историческим документом и опубликованы позднее в различных научных изданиях¹.

Существует богатая справочно-библиографическая литература о публикациях парламентских документов (включая отчеты о дебатах) в различных странах². Обращение к ней помогает в поиске источников данного типа. Ввиду чрезвычайной громоздкости официальных парламентских публикаций следует также максимально использовать имеющийся в них справочный аппарат, предварительно уяснив себе, как он составлен.

Источниковедческий анализ парламентских документов. Парламенты как законодательные органы призваны обсуждать многие важнейшие для общества проблемы. В них представлены (особенно при современном уровне демократизации избирательных систем) различные политические силы, в дискуссиях сталкиваются разные точки зрения, находят выражение разнообразные интересы. Поэтому парламентские материалы как источник отличаются богатством содержания и заключают в себе информацию по весьма широкому кругу вопросов.

Эти материалы традиционно используются для изучения прежде всего политической истории. Во второй половине XX в. найдены способы повышения их информационной отдачи с помощью применения к ним количественных методов. Количественный анализ данных о поименных голосованиях в конгрессе США стал первым «полигоном» для отработки этих методов американскими историками. Исследованию подвергались, в частности, нередкие случаи, когда член палаты представителей или сенатор голосует не со своей, а с находящейся в оппозиции партией (демократ — с республиканцами или на-

¹ См., напр.: Verney Papers. Notes of Proceedings in the Long Parliament, temp. Charles I (December 1640 — 27th June 1642), printed from original pencil memoranda taken in the House by Sir Ralph Verney. Ed. by J. Bruce. 1845; The Journal of Sir Simonds D'Ewes. From the beginning of the Long Parliament to the opening of the trial of the Earl of Strafford. New Haven — London, 1923; The Journal of Sir Simonds D'Ewes. From the first recess of the Long Parliament to the withdrawal of King Charles from London. New Haven — London, 1942; The Parliamentary Diary of Sir Edward Knatchbull (1722 — 1730). London, 1963.

² См., напр., применительно к Англии: A Bibliography of Parliamentary Debates of Great Britain. London, 1956; Ford P. and Ford G. A Guide to Parliamentary Papers. What they are: How to find them: How to use them. Oxford, 1955; Чолганская В.Л. Британские парламентские и ведомственные издания. М., 1974. По другим странам см., в частности: Кричевский Г.Г. Общие библиографии зарубежных стран. М., 1962 (разд.: Библиографии официальных изданий).

оборот). Количественные методы позволяли выяснить, какие факторы влияют на позицию действующих подобным образом конгрессменов (политические институты — партии, президент, комитеты конгресса, идеология, местные интересы, настроения избирателей и т.д.), т.е. извлечь из источника не лежащую на поверхности, а скрытую, косвенную информацию¹.

Но освоение историками количественных методов не предполагает отказа от ранее накопленного опыта источниковедческого анализа парламентской документации.

Такой анализ в любом случае требует в качестве исходной посылки ясного представления о месте парламента в системе политических институтов данной страны в изучаемый период. Это поможет правильно определить значение парламентских материалов в ряду источников по теме исследования.

Обсуждение в парламенте тех или иных вопросов так или иначе связано с определенной ситуацией, придающей им актуальность, состоянием общественного мнения, влияющим на характер и исход дискуссий, и т.д. Все это составляет исторический контекст, в котором должны рассматриваться изучаемые парламентские документы. Чтобы вписать их в такой контекст, необходимо знать время и место их создания.

Датировка материалов парламентских прений не требует никакой специальной работы, т.к. необходимые для этого указания содержатся в их тексте. Что касается места, где в данное время проходила деятельность парламента, то чаще всего это столица страны, но в истории не раз бывало и иначе. В условиях революций в столичных городах с особой силой проявляются революционные настроения, оказывая воздействие на позиции представительных учреждений. В подобных ситуациях правительства и вообще консервативные силы заинтересованы в том, чтобы удалить парламента из столицы. Известно, например, что Генеральные Штаты 1789 г., из которых затем возникло Национальное собрание, начали свою работу не в Париже, а в Версале. Точно так же резиденцией избранного незадолго до Коммуны Национального собрания 1871 г. стал сначала Бордо, затем Версаль, но не Париж, игравший исключительную роль во всех французских революциях. Об аналогичных причинах созыва германского Национального собрания 1919 г. в Веймаре уже упоминалось в предыдущей главе. Иногда и правительство, и парламента покидают сто-

¹ Подробнее см.: *Попова Е.И., Станкевич С.Б.* Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США// *Американский ежегодник 1981. М., 1981.*

лицу в условиях войны, под угрозой или в результате ее захвата вражеской армией (так было в Румынии в 1916 г., когда Бухарест был занят австро-германскими войсками). Необычность местонахождения парламента, как правило, связана с острой, кризисной политической ситуацией, а потому вопрос о том, где именно происходили изучаемые дебаты, имеет отнюдь не формальное значение.

Насколько адекватно в парламенте отражено реальное влияние существующих в стране политических партий, зависит, в частности, от того, по какой системе он избирался. Привлечение данных избирательной статистики позволит установить, какие партии провели в него своих представителей и сколько депутатских мест они получили. Суть политической линии той или иной парламентской фракции в ее официальных декларациях может быть завуалирована, гораздо надежнее судить о ней по реальному поведению парламентариев при обсуждении животрепещущих проблем или по их реакции на неординарные, потрясшие общество события.

Политические платформы фракций в парламентских речах отдельных депутатов неизбежно преломляются через их личные качества. Когда предстоят важные дебаты, фракции тщательно выбирают своих главных ораторов, и историку необходимо понять мотивы этого выбора. Мера ораторских способностей участников дискуссии, тип употребляемой тем или другим из них аргументации, реплики с мест, в которых проявляется реакция на выступления политических противников, — все это существенным образом влияет на общий тон прений, на степень их остроты. Поэтому характеристика парламентских фракций в целом должна быть дополнена как можно более подробной характеристикой каждого из выступающих в дебатах.

Имена ораторов, авторов запросов, поправок к законопроектам и т.д. известны из текста парламентских материалов. Иногда в этих материалах содержатся и прямые сведения о партийной принадлежности депутатов, сообщаемые, например, в ремарках к тексту или в именных указателях. Если же в парламентских отчетах таких данных нет (допустим, когда существование политических групп в парламенте не признано официально), то партийную принадлежность участников прений можно установить по специальным парламентским справочникам, по характеру и содержанию выступлений или по сообщениям других источников.

Существенно знать не только партийную, но и социально-профессиональную принадлежность отдельных депутатов, поскольку различия по этому признаку могут найти выражение в определенных, подчас важных оттенках мнений у сторонников одной и той же политической программы. Полезно и знакомство с политическими био-

графиями парламентариев, позволяющее выяснить, какое место в их жизни занимает парламентская деятельность. Сведения такого рода можно почерпнуть из биографических справочников типа «Кто есть кто» или из справочных изданий, посвященных специально парламентам и обычно обновляемых с началом очередной легислатуры, а иногда и чаще.

Поскольку отчеты о парламентских прениях используются исследователями, как правило, в издании самих же парламентов, т.е. в официально опубликованном виде, их подлинность практически никогда не вызывает сомнений и не требует проверки. Но при этом важно, насколько полно воспроизводится в официальном отчете ход дебатов в целом и сказанное каждым отдельным оратором. Это зависит, в частности, от того, основан ли опубликованный текст на протокольной записи, которая передает содержание прений в обобщенном, резюмированном виде, или же на стенограмме. Официальные протоколы заседаний законодательных органов времен Великой французской революции были настолько краткими и сухими, что известный историк А. Олар считал их непригодными в качестве источника и предпочитал им более подробные газетные отчеты о выступлениях депутатов, обычно составлявшиеся репортерами либо по заметкам, сделанным в ходе заседания, либо по записям, полученным от самих ораторов.

Стенографическая запись (которая в парламенте ведется на самом высоком профессиональном уровне) намного полнее протокольной, но и она не гарантирует абсолютно точной передачи того, что в действительности говорилось на том или ином заседании. Стенограммы речей специально выправляются для публикации, отдельные их места «приглаживаются»; из текста изымаются обороты, считающиеся несовместимыми с парламентским этикетом, а иногда и сугубо «непарламентские» выражения, слетающие с уст депутатов в пылу полемики. Обнаружить и восполнить пробелы в официальных публикациях парламентских материалов можно путем сравнения их текста прежде всего с отчетами о заседаниях парламента в периодической печати разных направлений. Впрочем, по мере внедрения в практику СМИ аудиовидеозаписи и прямого телерепортажа с заседаний газетные отчеты о них постепенно отмирают.

Раскрытие содержания данного источника в немалой степени затрудняется специфическими особенностями парламентского красноречия. Гласность парламентских прений поощряет к употреблению эффектных ораторских приемов, зачастую уводящих от истинной сути того, о чем идет речь на заседании. Чтобы выявить суть, отделив ее от «игры на публику», необходимо прежде всего понять

целенаправленность аргументации, употребляемой участниками прений. Полезно задаться вопросами, чего хочет добиться тот или иной оратор, обосновывая свою позицию именно так, а не иначе; что и почему он выдвигает на первый план; чьи интересы просматриваются за этим и т.д.

При обсуждении проекта какого-либо закона его автор или докладчик соответствующей комиссии излагает доводы в пользу его принятия гораздо более развернуто (а иной раз и более откровенно) по сравнению с мотивировочной частью уже принятого и вступившего в действие закона. Это связано с необходимостью убедить слушателей, как и другие особенности парламентской речи, обусловленные обстановкой живой дискуссии (опровержение каких-то тезисов оппонентов, обращение к конкретным лицам и т.д.).

Утверждения парламентариев не должны приниматься историком на веру, соответствуют ли они истине — выявится лишь при их сопоставлении с реальностью. Критики достоверности требуют и фактические сведения, которыми насыщены парламентские материалы. При публикации парламентских отчетов уже при их подготовке к печати выявляются и исправляются связанные со случайными оговорками неточности в датах, цифрах, именах и т.д. Например, в издании Hansard для этого существует специальный штат сотрудников, но они принимают поступающие от парламентариев поправки к стенограмме лишь в тех случаях, если допущенные оговорки не повлияли на последующий ход дискуссии.

Как источник сложного состава парламентские материалы заключают в себе богатые внутренние возможности для проверки достоверности их содержания. Истина может выявиться уже из сопоставления между собой различных частей парламентской документации. Для «перекрестного допроса» должны быть привлечены свидетельства и иных источников — в первую очередь таких, как документы, отражающие внепарламентскую деятельность представленных в парламенте партий, периодическая печать, частная переписка и мемуарные произведения самих парламентариев и других лиц и т.д.

Глава 4

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Управленческая деятельность в новое и новейшее время. В странах Европы и Америки важная роль в практическом применении предписаний закона и других нормативных актов принадлежит органам государственного управления — правительству и министерствам с соответствующими ведомствами¹. Их деятельность, иначе именуемая административной, осуществляется все более многочисленным штатом *назначаемых* на свои должности чиновников, функционеров. С этой сферой прочно ассоциируются такие понятия, как бюрократия, бюрократизм, а также представление о порождаемом ею гигантском потоке бумаг.

Административная деятельность должна осуществляться на основании и во исполнение закона. Различаются две ее формы: исполнительная деятельность (применение установленных законом общих норм к конкретным обстоятельствам в виде непосредственного предписания, организации и проверки исполнения) и распорядительная деятельность (установление в пределах компетенции органов государственного управления новых правовых норм, основанных на законе, в порядке его детализации и конкретизации). На практике, однако, обе эти стороны административной деятельности тесно связаны между собой и сливаются воедино.

В новое и особенно в новейшее время государство через свои административные органы воздействует на самые разные стороны жизни общества, в том числе на экономику, которая согласно классическим либеральным постулатам должна быть максимально свободной от государственного вмешательства. Подход к государственному регулированию экономики в европейских странах и в США на протяжении только XX века менялся неоднократно: оно резко усиливалось в годы обеих мировых войн или «великого кризиса» 1929—1933 гг. и

¹ В данной главе не рассматривается документация внешнеполитического ведомства — о ней пойдет речь отдельно.

ослабевало в менее напряженные годы, но и в периоды наступления «экономического либерализма» не исчезало полностью, как и механизмы управления хозяйственной жизнью. При всех подобных «приливах и отливах» в сфере управленческой деятельности преобладает тенденция к расширению, а не к сужению ее охвата, как и к увеличению численности занятого в ней персонала и объема ее документооборота.

Ведомственная документация административных органов отличается большим тематическим многообразием и может привлекаться как источник в исторических исследованиях различного характера. Особым вниманием историков пользуются документы ведомства внутренних дел и служб безопасности — важный, хотя и весьма тенденциозный источник информации об оппозиционных правящим силам движениях и организациях.

Состав, хранение и публикация документов административных органов. Деятельность административных органов отражается в их текущем делопроизводстве. Документы, полученные данным учреждением из других, принято называть *входящими*, а отправленные им во вне — *исходящими*. Кроме того, часть делопроизводственных документов готовится каждым учреждением для своих собственных нужд и остается внутри него. Вплоть до второй половины XX века делопроизводственная документация существовала только на бумажной основе, поэтому сказанное ниже относится прежде всего к «бумагам».

Терминология, употребляемая для обозначения различных видов деловых административных документов, с течением времени меняется под воздействием революций, которые приводят к власти другой общественный класс и создают соответствующий его потребностям государственный аппарат, в связи с теми или иными перестройками административных органов в рамках существующих отношений и просто потому, что сам язык (даже канцелярский) развивается, отбрасывая устаревшие формы. При поиске и использовании таких документов в качестве исторических источников необходимо называть их так, как они назывались в свое время — независимо от того, остались ли эти наименования в силе или же сохранились лишь в истории.

В отечественной практике документы деловой переписки между учреждениями, не подчиненными друг другу, в прошлом именовались *отношениями* (сейчас это название в делопроизводстве не применяется, и официальные письма такого рода не имеют специального названия). К документам, предназначенным для распространения в системе подчиненных данному учреждению органов, применяется и поныне название *циркуляров*. Внутри учреждения или ведомства от

начальника к подчиненным идут *предписания* или *приказы*, от подчиненных к начальнику — *докладные записки* (в прошлом — *рапорты*). *Удостоверение* подтверждает достоверность какого-либо факта, *удостоверение личности* свидетельствует о личности предъявителя. О прохождении государственной или военной службы свидетельствует документ, в прошлом именовавшийся *аттестатом*, а теперь — *послужным списком*. *Патентом на чин (звание)* в России XVIII—XIX вв. удостоверялось присвоение не только служебных чинов (гражданских и военных), но и ученых званий, в настоящее время подтверждаемых *дипломами*¹.

Официальная переписка данного учреждения по определенному вопросу или с определенным корреспондентом объединяется в *дело*, а каждому делу присваивается особый номер. Кроме того, тем или иным способом ведется учет текущей деловой документации. В более отдаленные времена это делалось с помощью журналов входящих и исходящих бумаг, затем появилась система регистрации документов в картотеках, классифицирующих их по предметным рубрикам. Для документов, существующих только в бумажной форме, оба эти способа применяются и поныне, но по мере компьютеризации управленческой деятельности документы все чаще изначально создаются в электронной версии и хранятся в памяти компьютеров. Впрочем, даже за рубежом бумажное делопроизводство не отмерло: например, в США всем учреждениям рекомендуется сохранять документы не только в машиночитаемом виде, но и воспроизведенными на бумаге.

Рациональная организация управления требует стандартизации и унификации делопроизводства. Деловые административные документы каждого вида все больше приближаются к единообразной форме и с источниковедческой точки зрения должны в значительной своей части рассматриваться как категория массовых источников.

В отечественной источниковедческой литературе нет однозначного и общепринятого определения массовых источников, а в зарубежном источниковедении такое понятие отсутствует вообще. Автор главы о массовых источниках в учебном пособии РГГУ (М.Ф. Румянцева) отмечает, что среди отечественных ученых есть две основные точки зрения на этот счет. Одна из них принадлежит Б.Г. Литваку, считающему отличительными признаками массовых источников их возникновение в ординарных, свойственных повседневной жизни

¹ Действовавшие в советский период и исторические наименования основных видов документов в России отражены соответственно в двух разделах специального справочника. См.: Краткий словарь основных видов и разновидностей документов/Отв. ред. А.С. Малитиков. М., 1974.

обстоятельствах, однородность или повторяемость содержания и однотипность формы, тяготеющую к стандартизации. Другая предложена И.Д. Ковальченко и выдвигает на первый план функциональную особенность массовых источников — отражение ими сущности и взаимодействия массовых объектов действительности. Сама М.Ф. Румянцева не поддерживает ни ту, ни другую позицию и считает обреченными на неудачу попытки как-то примирить их.

Представляется, однако, убедительным и практически эффективным определение, сформулированное на основе идей И.Д. Ковальченко автором великолепного исследования о российских мемуарных источниках: массовые источники — это «однотипные по структуре и номенклатуре отраженной информации документы, предназначенные в ходе социально-исторической практики для систематической фиксации *массовых* (т.е. однородно-повторяющихся) явлений в жизни общества»¹. Компьютерные технологии позволяют систематизировать и хранить первичные сведения из таких источников в виде электронных баз данных (пример — уже упоминавшаяся база данных, созданная в ГА РФ на основе делопроизводственной картотеки служб политического сыска Российской империи).

Документы, сыгравшие свою оперативную роль и вышедшие из употребления, отделяются от текущего оперативного делопроизводства и поступают в *архивную часть* (архив) соответствующего учреждения. Из архивов действующих учреждений они по истечении определенного срока передаются — но, как правило, тоже лишь на время — в *ведомственные архивы*. Сроки временного хранения различны в разных странах и для разных типов бумаг. Затем та их часть, которую специальная экспертиза отбирает для постоянного хранения, передается в *государственные архивы*. Фонды государственных архивов состоят по преимуществу именно из делопроизводственных документов административных органов. Среди поступивших в РГВА трофейных германских фондов имеется 80 фондов различных государственных учреждений, в том числе нацистского периода — например, фонды Главного управления государственной безопасности (ведомство Гейдриха — Кальтенбруннера), гестапо, Министерства пропаганды (ведомство Геббельса) и т.д.

Деловая документация органов государственного управления предназначена для сугубо ведомственного, служебного употребления и в отличие от законодательных актов или материалов парламентских прений не рассчитана на текущую публикацию, за исключением наиболее важных распоряжений, которые печатаются в официальных

¹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 20.

правительственных вестниках. По большей же части она если и публикуется, то значительное время спустя после того, как выполнит свое непосредственное оперативное назначение. В большинстве стран Запада она подпадает под действие правил, согласно которым документы из государственных архивов открываются для публикации лишь по истечении установленного срока давности. Только во Франции принятый в 1979 г. закон об архивах отменил какие-либо ограничения сроком давности для обнародования таких документов, которые не были секретными в момент их создания.

В принципе документы, отражающие рутинный ход государственного управления, — это не материал для легкого чтения, способный заинтересовать широкую публику. Такие документы публикуются почти исключительно в изданиях научного характера и применительно к таким эпохам, когда в истории той или иной страны происходили масштабные сдвиги и подлинные трагедии¹.

В России политические потрясения начала 1990-х годов и сопутствовавшая им либерализация доступа в архивы вызвали настоящий бум публикаций разоблачительного характера по материалам спецслужб и других закрытых от общества механизмов сталинского режима. Такие публикации становились известны и за рубежом.

Из зарубежных стран особенно примечательны в данной связи научные начинания, предпринятые в Германии. Издательство K.G. Saur Verlag стало инициатором программы «XX век германской истории Онлайн». В рамках этой программы при участии Института современной истории, Федерального архива, Центра по исследованию антисемитизма и других учреждений и общественных организаций создана доступная пользователям Интернета в режиме Онлайн база данных «Национал-социализм, холокост, Сопротивление и эмиграция 1933—1945». В нее вошли сведения, полученные в результате обработки примерно 40 тыс. документов объемом около 450 тыс. страниц, детально разработанный справочный аппарат и научные комментарии. Осуществлен также ряд крупных публикаций. Изданы, в частности, списки лиц, лишенных германского гражданства, и де-

¹ Назовем в качестве примера многотомные издания донесений секретных агентов правительству во время якобинской диктатуры (*Paris pendant la Terreur: Rapports des agents secrets du ministre de l'Intérieur*/Publ. par P. Caron. Paris, 1910—1964. Т. 1—6) или ежедневных бюллетеней тайной полиции при Наполеоне (*Paris sous le Consulat. Recueil des documents*. Par A. Aulard. Paris, 1903—1906. Т. 1—4; *La police secrète du Premier Empire*. Paris, 1908—1964. Т. 1—5).

портированных из Германии и оккупированных ею стран евреев¹, доклады и донесения различных секретных служб рейха².

Но освоение в виде подобных специальных публикаций значительных комплексов документов аппаратного, бюрократического происхождения — довольно редкий случай. В огромной своей массе документы такого рода остаются в архивах и доступны историку лишь в своем первоизданном неопубликованном виде, чем обусловлена особая сложность и трудоемкость их источниковедческого анализа.

Источниковедческий анализ документов административных органов. Если делопроизводственные бумаги административных органов используются неопубликованными, то в каждом конкретном случае следует прежде всего установить, говоря языком археографов, *составителя-отправителя*, т.е. выяснить, какому учреждению принадлежит данный документ. Составитель-отправитель определяется по штампу печати, подписям должностных лиц в конце документа.

Однако все это возможно лишь при условии, если исследователь располагает подлинником документа, т.е. его первым экземпляром, оформленным по всем правилам и отправленным по назначению. Подчас же документ доступен только в виде копии или отпуски (чернового варианта). В подлинниках сохраняются обычно входящие, а в копиях или отпусках — исходящие бумаги учреждения, которое является фондообразователем. При публикации делопроизводственных документов принято указывать, по какому именно тексту (подлинника, копии или отпуски) они воспроизводятся.

То, что документ выглядит как подлинник, не гарантирует подлинности его происхождения — он может оказаться подложным. Чтобы выяснить, не было ли в данном случае подлога, изучаемый документ следует сравнить по штампу, печати, подписи с такими образцами деловых бумаг, где подобные же элементы не вызывают никаких сомнений в подлинности.

¹ Die Ausbürgerung deutscher Staatsangehöriger 1933—1945 nach den im Reichsanzeiger veröffentlichten Listen. Hrsg. von Michael Hepp, eingeleitet von Hans Georg Lehmann und Michael Hepp. J. Bd. 1—3; München, 1985—1988; Buch der Erinnerung: die ins Baltikum deportierten deutschen, österreichischen und tschechoslowakischen Juden. Bearb. von Wolfgang und Diana Schulle. München, 2003. Bd. 1—2.

² Meldungen aus dem Reich: 1938—1945: die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. Hrsg. und eingel. von Heinz Boberach, Herrsching, 1984. Bd. 1—17; Regimekritik, Widerstand und Verfolgung in Deutschland und den besetzten Gebieten: Meldungen und Berichte aus dem Geheimen Staatspolizeiamt, dem SD-Hauptamt der SS und dem Reichssicherheitshauptamt 1933—1945. Hrsg. von Heinz Boberach. Mikrofiche-Edition. München, 1999—2003.

портированных из Германии и оккупированных ею стран евреев¹, доклады и донесения различных секретных служб рейха².

Но освоение в виде подобных специальных публикаций значительных комплексов документов аппаратного, бюрократического происхождения — довольно редкий случай. В огромной своей массе документы такого рода остаются в архивах и доступны историку лишь в своем первоизданном неопубликованном виде, чем обусловлена особая сложность и трудоемкость их источниковедческого анализа.

Источниковедческий анализ документов административных органов. Если делопроизводственные бумаги административных органов используются неопубликованными, то в каждом конкретном случае следует прежде всего установить, говоря языком археографов, *составителя-отправителя*, т.е. выяснить, какому учреждению принадлежит данный документ. Составитель-отправитель определяется по штампу печати, подписям должностных лиц в конце документа.

Однако все это возможно лишь при условии, если исследователь располагает подлинником документа, т.е. его первым экземпляром, оформленным по всем правилам и отправленным по назначению. Подчас же документ доступен только в виде копии или отпуски (чернового варианта). В подлинниках сохраняются обычно входящие, а в копиях или отпусках — исходящие бумаги учреждения, которое является фондообразователем. При публикации делопроизводственных документов принято указывать, по какому именно тексту (подлинника, копии или отпуски) они воспроизводятся.

То, что документ выглядит как подлинник, не гарантирует подлинности его происхождения — он может оказаться подложным. Чтобы выяснить, не было ли в данном случае подлога, изучаемый документ следует сравнить по штампу, печати, подписи с такими образцами деловых бумаг, где подобные же элементы не вызывают никаких сомнений в подлинности.

¹ Die Ausbürgerung deutscher Staatsangehöriger 1933—1945 nach den im Reichsanzeiger veröffentlichten Listen. Hrsg. von Michael Hepp, eingeleitet von Hans Georg Lehmann und Michael Hepp. J. Bd. 1—3; München, 1985—1988; Buch der Erinnerung: die ins Baltikum deportierten deutschen, österreichischen und tschechoslowakischen Juden. Bearb. von Wolfgang und Diana Schulle. München, 2003. Bd. 1—2.

² Meldungen aus dem Reich: 1938—1945: die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. Hrsg. und eingel. von Heinz Boberach, Herrsching, 1984. Bd. 1—17; Regimekritik, Widerstand und Verfolgung in Deutschland und den besetzten Gebieten: Meldungen und Berichte aus dem Geheimen Staatspolizeiamt, dem SD-Hauptamt der SS und dem Reichssicherheitshauptamt 1933—1945. Hrsg. von Heinz Boberach. Mikrofiche-Edition. München, 1999—2003.

том, кем именно составлен каждый из них менее важен. Исключением являются случаи, когда предполагается причастность к выработке документа должностного лица, индивидуальные черты которого могли наложить отпечаток на содержание текста.

Документы, возникающие в сфере государственного управления, редко составляются теми, кто их подписывает — обычно эту работу выполняют канцелярские чиновники, которые «набили руку» в написании бумаг в соответствии с принятыми формами. Поэтому об авторе документа можно в случае надобности судить не по подписи под ним, а по почерку черновика или же по стилистическим особенностям, если они не полностью стерты трафаретной канцелярской терминологией; а предполагаемым автором является лицо, чей стиль письма известен по другим образцам.

Следует также по возможности выяснить, написан ли текст документа сразу в окончательном виде одним и тем же лицом или же в нем есть позднейшие *интерполяции* (вставки, дополнения) и кому они принадлежат. Для этого необходимо располагать черновиком документа. Интерполяции в черновике легко выявляются по его внешнему виду. Это могут быть изменения, внесенные в первоначальный рукописный текст тем же или другим почерком, поправки от руки на машинописной копии и т.д. Если основной текст и поправки к нему написаны одной и той же рукой, но разными чернилами, допустимо предположить, что составитель текста дополнительно редактировал его не сразу, а спустя какое-то время. Чаще всего в той или иной степени отделена по времени от первичного текста и правка, сделанная на нем не самим составителем, а кем-то другим. Кем именно — можно попытаться установить путем анализа почерка, сравнив его с образцами почерка различных должностных лиц данного учреждения.

Название учреждения, от которого исходит документ, обычно уже указывает и место его происхождения. Для датировки документов административного делопроизводства применимы в разных случаях различные способы. В подлиннике документа при регистрации его исходящего номера обычно проставляется так называемая канцелярская дата. Она вносится не автором документа и не лицом, подписавшим его, а также не составляет единого целого с его текстом и не отражает точно времени его создания или подписания, но все же достаточно близка к этому времени и потому может служить ориентиром при датировке. Иногда такой даты в тексте отправленного по назначению документа почему-либо нет, но зато отмечена дата его получения учреждением-адресатом или имеется датированная помета должностного лица, которому он был направлен на рассмотрение. Такие

даты тоже дают возможность по крайней мере приблизительно определить время создания документа, хотя отстоят от него еще дальше, чем канцелярская «исходящая» дата. Наконец, сам документ может не содержать никаких прямых указаний на то, когда он был составлен, отправлен, получен или рассмотрен (например, если данный его экземпляр является лишь копией или отпуском), и в этом случае его датировка может основываться лишь на анализе содержания по таким элементам, как употребление характерных для того или иного периода канцелярских формул, упоминание точно датированных событий и т.д., и будет, естественно, только предположительной.

Однако выяснение «обстоятельств места и времени» при анализе документов административного аппарата не должно сводиться лишь к тому, чтобы определить, где и когда была составлена данная бумага. Необходимо представлять себе эпоху, которой принадлежит документ, облик того государства, чья административная деятельность его породила, функциональное назначение составившего изучаемый документ учреждения в государственной системе; разобраться в том, какие конкретные причины привлекли внимание администрации к трактуемым в документе вопросам.

Делопроизводственные документы в сфере государственного управления часто составляются на основе аналогичных по типу бумаг, поступивших в данное учреждение из подчиненных ему или же, наоборот, из вышестоящих инстанций: текст рапорта полицейского инспектора начальнику городской полиции с помощью сравнительно небольшой правки превращается в донесение последнего префекту, из предписания префекта начальнику полиции подобным же образом изготавливается циркуляр, рассылаемый полицейским надзирателям отдельных городских кварталов и т.д. Существенно и то, в каком окружении сохранился изучаемый документ, что лежит вместе с ним в архивном деле. Поэтому для понимания и значения документа нужно выяснить и учесть его соотношение с другими, так или иначе связанными с ним бумагами.

В неопубликованных документах делопроизводства постоянно встречаются ошибки в тексте, возникающие из-за спешки при оформлении бумаг, небрежности или невнимания тех, кто их составлял или переписывал. Такие погрешности должны быть по возможности выявлены и исключены до того, как начнется анализ документа по существу, иначе они могут повлиять на понимание исследователем смысловой стороны источника. Пропуски в тексте обнаруживаются по отсутствию в отдельных его местах логической связи, но могут быть восполнены лишь в случае, если документ сохранился также и в каком-либо ином варианте. Часто искажается написа-

ние собственных имен и географических названий, поэтому их транскрипцию следует проверять путем сравнения данного текста с другими.

При раскрытии содержания документов, вышедших из недр административной системы, приходится преодолевать барьер трафаретной терминологии, зачастую не столько проясняющей, сколько затуманивающей истинную суть того, о чем идет речь. Например, в Италии конца XIX в. квалификация в полицейских донесениях каких-либо действий как «подрывных», «мятежных» или «опасных для общественного порядка» могла относиться к любым индивидуальным или коллективным акциям, формально не запрещенным законом, но нежелательным с охранительной точки зрения.

Тщательной проверки требует содержащаяся в бумагах административных органов информация фактического характера. Это опять-таки в особенности относится к полицейским документам, которые изобилуют неточными, а подчас и просто вымышленными сведениями о лицах или организациях, находящихся в оппозиции существующему строю или политическому режиму.

Должностные лица полицейского аппарата в донесениях «наверх» нередко идут на сознательное искажение фактов и высказывают необоснованные утверждения ради того, чтобы подчеркнуть собственное служебное рвение в борьбе с «подрывными» элементами или, наоборот, скрыть допущенные ими или их подчиненными промахи, изобразить в угоду начальству идиллическую картину полного благополучия на вверенном им участке и т.д. Искажение истины может быть и результатом незнания или специфически полицейского понимания сущности трактуемого вопроса. Вот, к примеру, как рисовалась перепуганному воображению блюстителей порядка в Италии деятельность I Интернационала в период после Парижской Коммуны:

«Европейское общество Интернационал разделено на две партии. Одна находится под руководством Мадзини и Гарибальди, которые хотят, чтобы рабочий класс имел работу, не прибегая для этого к преступным средствам, и чтобы собственность уважалась. Другая, которой руководит один немец [Маркс — *Авт.*], проповедует в качестве принципа и средства разрушение, чтобы затем строить вновь. Если рабочий говорит, что у него нет работы, то учиняются разрушения с помощью поджога и таким образом ему обеспечивается работа.

В Лондоне у них находится касса, в которой, как утверждают, несколько миллиардов, в Женеве — поименный список всех членов организации. По жребию определяются имена тех, кто должен поехать в соответствующую страну и в то место, где надлежит произвести под-

жог; если же тот, на кого пал жребий, отказывается, то его закалывает другой член этого же общества.

Всякого — будь то член общества или нет, — кто донесет на них правительственным властям, предательским образом убивают. Это общество организовано наподобие древнеримских легионов: в нем есть декурионы и центурионы. Декурион начальствует над десятком людей, центурион — над сотней. Их подчиненные не посвящены в тайны общества. Они должны слепо повиноваться любому требованию и клянутся в этом»¹.

При упоминании в полицейских документах действительных фактов их значение может преувеличиваться или преуменьшаться, иной раз единичные факты используются для неправомерных обобщений. С осторожностью следует относиться к сообщаемым «силами порядка» количественным данным, например, о числе участников массовых акций: такой подсчет почти всегда делается «на глаз», цифры округляются и в разных источниках сильно расходятся.

Ввиду того, что ведомственная деловая документация изобилует недостоверными сведениями, она может использоваться в историческом исследовании лишь в ряду других источников и при условии тщательной перекрестной проверки извлеченной из нее информации. Если исследователь имеет дело с опубликованным материалом такого рода, то необходимо всесторонне оценить качество публикации и опереться на нее в той мере, в какой проделанная подготовителями работа помогает выполнить задачи источниковедческого анализа.

¹ Донесение начальника полицейского патруля квестору Флоренции от 26 октября 1871 г. Подлинник хранится в фонде квестуры Государственного архива Флоренции (Archivio di Stato di Firenze. Carte di Polizia {Questura}, Fascio 1, fascicolo 3).

Глава 5

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Суд в новое и новейшее время. Система судопроизводства, существующая в странах Европы и Америки, в основных своих чертах сложилась в эпоху буржуазных революций на Западе (особенно Французской революции 1789—1799 гг.). К этой эпохе восходит ряд принципов и институтов непреходящего значения, хотя процесс их реального воплощения в практику был длительным и непростым.

Из таких принципов назовем, в частности, *независимость судебной власти*, что обеспечивается несменяемостью назначенных на свои должности судей или их выборностью. В Англии еще в начале революции XVII в. в борьбе против королевского произвола был выдвинут принцип, согласно которому судьи не должны быть сменяемы, «пока они будут себя хорошо вести», а в 1701 г. принцип несменяемости судей был закреплен законом. Французская революция пошла значительно дальше, провозгласив выборность судей на основе имущественного ценза, что исключало признание их несменяемости. Однако судьи во Франции были выборными лишь до переворота Наполеона Бонапарта. В дальнейшем здесь также утвердился принцип несменяемости судей, впервые признанный законом в 1814 г. и окончательно — в 1883 г. (в Германии — в 1877 г.).

Другое важное нововведение, осуществленное Французской революцией, — *разделение функций судьи и следователя*, которые в средневековом процессе выполнялись одним и тем же лицом. Отныне следователю поручалось предварительное (до суда) расследование, судье — судебное следствие и вынесение приговора. Во Франции такое разделение было узаконено Наполеоном в 1808 г., а позднее получило признание и в других странах. При этом две стадии процесса организовывались на основе разных принципов. Предварительное следствие строилось как розыск, в котором подозреваемый был лишь объектом, а не «стороной» в деле и не имел никаких прав. В судебном же разбирательстве признавался принцип состязательности: подсудимый рассматривался как формально равноправная сторона, получая право на защиту, заявление ходатайств, участие (лично или через

адвоката) в допросе свидетелей и т.д. Некоторое участие адвокатов в предварительном следствии стало допускаться (сначала в Англии, а затем в континентальных европейских странах) лишь к концу XIX в. На протяжении XIX в. в большинстве стран утвердился также принцип, согласно которому уголовное преследование возбуждается не в частном порядке, а официально, от имени государства — прокуратурой. Под уголовное законодательство подпадали деяния, считающиеся общественно опасными, в том числе и деяния политического характера.

От Декларации прав человека и гражданина 1789 г. ведет свое происхождение принцип, в дальнейшем получивший название *презумпции невиновности*: подсудимый не считается виновным и не может быть осужден до тех пор, пока его вина не доказана. Поскольку признание самого подсудимого таким доказательством не является, из презумпции невиновности долгое время делался тот вывод, что подсудимый не только не должен принуждаться к даче показаний (так дело обстояло скорее в теории, чем на практике), но и не имеет права давать их, т.е. быть свидетелем в собственном деле. Это право было признано за подсудимым в США лишь в конце 70-х годов XIX в., а в Англии — в 1898 г.

Одним из важнейших завоеваний эпохи буржуазных революций в области судопроизводства было участие в отправлении правосудия наряду с профессиональными судьями также и выборных народных представителей — присяжных заседателей. Суд *присяжных* впервые возник в Англии, а оттуда был перенесен в ее североамериканские колонии. Английская революция упрочила этот институт на его родине, но путь в страны европейского континента ему проложила Великая французская революция. На рассмотрение судов присяжных сначала передавались по преимуществу тяжкие преступления общеуголовного характера, однако постепенно под давлением демократической общественности в их компетенцию стали входить «преступления по делам печати» и некоторые другие политические дела.

В Англии и США присяжные традиционно участвовали лишь в решении вопроса о виновности подсудимого, причем их вердикт должен был выноситься единогласно (в США правило единогласия присяжных действует в ряде штатов и поныне, а в Англии заменено в 1967 г. требованием квалифицированного большинства голосов — 10 из 11 или 9 из 10). Во Франции присяжные должны были по ходу рассмотрения дела отвечать на ряд вопросов судьи, относящихся к доказыванию или опровержению факта, вменяемого в вину подсудимому, и свои решения выносили большинством голосов. В остальных европейских странах сначала был принят французский образец суда при-

сяжных, но в дальнейшем присяжные стали, как и в Англии, участвовать в определении виновности (в Германии и Австрии — квалифицированным большинством не менее 8 голосов из 12).

При всей ценности отмеченных выше демократических основ судостроительства нельзя не сделать существенных оговорок, касающихся их реализации в странах Запада в разные периоды. Хотя считается, что судебная власть отделена от власти исполнительной и судьи при отправлении своих обязанностей «повируются только закону», это даже сейчас далеко не так и на практике, и в бытующих среди людей представлениях. Влиятельные политики, чью репутацию задевают некие судебные решения, пытаются — как во время антикоррупционной кампании «Чистые руки» в Италии на исходе XX века — обвинить принявших эти решения судей в политической пристрастности, а с другой стороны — использовать свои позиции во власти, чтобы заблаговременно обезопасить себя соответствующими изменениями в законодательстве. Суд присяжных неизменно попадал под удар там, где торжествовала реакция. В гитлеровской Германии, в Италии в годы фашизма, во Франции при режиме Петэна он был ликвидирован. Восстановленный после Второй мировой войны, суд присяжных кое-где подвергся реорганизации, направленной на усиление «руководства» присяжными со стороны профессиональных судей. Так, в Австрии по закону 1950 г. судейская коллегия может потребовать исправления вердикта присяжных, а в случае их отказа — назначить новое рассмотрение дела с другим составом присяжных.

Уголовное законодательство после Французской революции в течение примерно полувека развивалось в сторону либерализации (смягчение чрезмерно жестоких наказаний, ограничение сферы применения смертной казни), но в последние десятилетия XIX в. возникла тенденция к усилению судебных репрессий по политическим делам. Этой цели служили, с одной стороны, более широкие и неопределенные формулировки состава политических преступлений в уголовных кодексах (например, в германском уголовном кодексе 1871 г.), а с другой — чрезвычайное законодательство, под действие которого подводилась социалистическая пропаганда и другие «мятежные» акции (во Франции — закон 1872 г. «О наказаниях, налагаемых на членов Международного товарищества рабочих» и прозванный «злодейским» закон 1894 г. «О пресечении происков анархистов», в Германии — введенный в 1878 г. исключительный закон против социалистов и др.). В новейшее время чрезвычайное законодательство, как и создаваемые со специальными полномочиями особые суды по политическим делам, получало наибольшее распространение там, где утверждались тоталитарные и авторитар-

но-диктаторские режимы. В подобных условиях все шире практикуются и расправы с политическими противниками вообще без суда (убийства в полиции, «при попытке к бегству», в концлагерях и т.д.).

Чудовищные преступления перед человечеством нацизма, развязавшего невиданную по кровопролитности Вторую мировую войну и запятнавшего себя массовым истреблением «неарийского» мирного населения оккупированных стран и территорий, заставили после войны ввести в судебную практику такие не имеющие прецедентов институты, как международные трибуналы для суда над главными военными преступниками. 8 августа 1945 г. СССР, США, Англией и Францией был учрежден Международный военный трибунал в Нюрнберге, где судили нацистскую верхушку. Перед судом Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, заседавшего в Токио, предстали в 1946 г. японские военные преступники.

Продолжает существовать Международный арбитражный суд в Гааге, созданный в 1899 г. с целью мирного урегулирования возникающих конфликтных ситуаций. В конце XX века в Гааге стал действовать другой международный суд, рассматривающий дела по обвинению в военных преступлениях, возбужденные в связи с событиями 90-х гг. на Балканах. Такие обвинения предъявляются, в частности, политическим и военным деятелям бывшей Югославии, которым инкриминируются те или иные акции в период распада югославского государства.

Некоторые новые установления в области судопроизводства вызваны к жизни процессом европейской интеграции. Для стран, желающих присоединиться к ЕС, обязательным является отказ от применения смертной казни. В Страсбурге существует Европейский суд по правам человека, куда могут обращаться также и граждане стран, не входящих в ЕС.

Значение судебно-следственных материалов как источника. Судебно-следственные материалы широко используются в исследованиях по истории нового и новейшего времени.

Внимание историков привлекают прежде всего такие судебные процессы, которые вызвали глубокий резонанс в современном им обществе. Характернейший пример — процесс по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Германии капитана французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса (90-е гг. XIX века): из споров о виновности или невиновности Дрейфуса выросло ожесточенное противостояние двух политических лагерей клерикально-монархических сил и сторонников республики. В 1933 г. нацистами был инспирирован процесс в Лейпциге по делу о поджоге рейхстага, инкриминированном коммунистам (главным обвиняемым был Георгий

Димитров). Он вызвал во многих странах проявления антифашистской солидарности. Антифашистами была создана Международная следственная комиссия, которая по делу о поджоге рейхстага провела контрпроцесс в Лондоне. В подобных случаях сам процесс, его подоплека, связанные с ним действия общественности становятся достаточно значительным объектом исторического исследования, а документы процесса приобретают первостепенную важность в ряду используемых для этого источников.

Применительно к эпохе буржуазных революций и промышленного переворота процессуальные документы являются важнейшим, хотя и весьма тенденциозным источником по истории стихийно возникавших народных движений. Иногда только по материалам судебных дел историки могут узнать о локальных повседневных проявлениях социальных антагонизмов в деревне (поджоги, потравы и иные посягательства крестьян на помещичью собственность), установить имена участников крестьянских и рабочих волнений, получить некоторое представление об их психологии.

Изучение распространенных в народной среде представлений о мире, верований, обычаев отвечает интересу современной историографии к проблемам ментальности и ведется с широким привлечением материалов судебных процессов, в том числе таких, которые относились еще к кануну нового времени и были типичны для уходящего средневековья с его гонениями на всевозможные «ереси». Появляются, в частности, исследования о ведовстве, ведовских процессах, восприятии «охоты на ведьм» современниками. Французский историк Р. Мандру — автор капитального труда «Ведьмы и колдуны во Франции в XVIII в. Анализ исторической психологии» — установил, что к концу «старого порядка» судебное преследование за ведовство постепенно сходило на нет (ведовские процессы проводились все реже, выносимые приговоры становились более мягкими), а это свидетельствовало об определенном изменении ментальных ориентиров общества.

Еще один французский историк — Ж. Ружри — предпринял специальное исследование по материалам судебных процессов участников Парижской Коммуны 1871 г. Анализ этого источника привел его к выводу, что рабочий-коммунар и по своему социальному положению, и психологически ближе к санкюлоту времен Великой революции или повстанцу июня 1848 г., чем к социалистическому пролетарию XX века, а потому Коммуна — это «лишь последняя революция XIX в., последний завершающий пункт французского революционного движения XIX в. Это — закат, а не заря».

Материалы процессов главных немецких и японских военных преступников дают в распоряжение историков документацию огромной разоблачительной силы о роли нацизма и его пособников в развязывании Второй мировой войны, о разбойничьих целях и человеконенавистнической направленности их политики. К ним также примыкают документы проходивших после войны в различных странах Европы судебных процессов коллаборационистов.

Структура судебно-следственных материалов, цели и характер их публикаций. Судебно-следственные материалы относятся к источникам сложного состава. Их структура определяется порядком деятельности органов юстиции. Как уже упоминалось выше, после Французской революции происходит отделение предварительного следствия от рассмотрения дела в суде. Соответственно документация судебных процессов XIX—XX вв. (речь пойдет преимущественно о процессах по политическим делам) обычно складывается из двух больших частей, в свою очередь, неоднородных по составу. Материалы предварительного следствия включают в себя протоколы допроса подследственного и свидетелей и вещественные доказательства по делу (в том числе письменные документы). К материалам судебного разбирательства, ход которого протоколируется, относятся обвинительное заключение, речь прокурора, показания подсудимого и свидетелей обеих сторон, речь защитника или защитительная речь самого подсудимого, последнее слово подсудимого, приговор и его мотивировка.

Судебное разбирательство в новое и новейшее время по большей части осуществляется гласно. Поэтому можно назвать немало судебных процессов, материалы которых опубликованы. Иногда подобные публикации предпринимались в официальном порядке даже в тех случаях, когда процесс происходил при закрытых дверях, но те, кто стоял у власти, сознательно стремились к широкому распространению версии об особой опасности деяний обвиняемых. Примерами могут служить осуществленное еще в ходе революции 1848—1849 гг. во Франции издание документов судебного процесса участниками июньского восстания¹ или некоторые публикации материалов, относящихся к процессам над парижскими коммунарами².

В свою очередь, накопленный оппозиционными и революционными движениями опыт использования политических судебных про-

¹ Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la première division militaire. Publ. par des sténographes de l'Assemblée nationale. Sections 1—2. Paris, 1848 [1849].

² Их библиографию см. в кн.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т. II. С. 673.

Материалы процессов главных немецких и японских военных преступников дают в распоряжение историков документацию огромной разоблачительной силы о роли нацизма и его пособников в развязывании Второй мировой войны, о разбойничьих целях и человеконенавистнической направленности их политики. К ним также примыкают документы проходивших после войны в различных странах Европы судебных процессов коллаборационистов.

Структура судебно-следственных материалов, цели и характер их публикаций. Судебно-следственные материалы относятся к источникам сложного состава. Их структура определяется порядком деятельности органов юстиции. Как уже упоминалось выше, после Французской революции происходит отделение предварительного следствия от рассмотрения дела в суде. Соответственно документация судебных процессов XIX—XX вв. (речь пойдет преимущественно о процессах по политическим делам) обычно складывается из двух больших частей, в свою очередь, неоднородных по составу. Материалы предварительного следствия включают в себя протоколы допроса подследственного и свидетелей и вещественные доказательства по делу (в том числе письменные документы). К материалам судебного разбирательства, ход которого протоколируется, относятся обвинительное заключение, речь прокурора, показания подсудимого и свидетелей обеих сторон, речь защитника или защитительная речь самого подсудимого, последнее слово подсудимого, приговор и его мотивировка.

Судебное разбирательство в новое и новейшее время по большей части осуществляется гласно. Поэтому можно назвать немало судебных процессов, материалы которых опубликованы. Иногда подобные публикации предпринимались в официальном порядке даже в тех случаях, когда процесс происходил при закрытых дверях, но те, кто стоял у власти, сознательно стремились к широкому распространению версии об особой опасности деяний обвиняемых. Примерами могут служить осуществленное еще в ходе революции 1848—1849 гг. во Франции издание документов судебного процесса участниками июньского восстания¹ или некоторые публикации материалов, относящихся к процессам над парижскими коммунарами².

В свою очередь, накопленный оппозиционными и революционными движениями опыт использования политических судебных про-

¹ Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la première division militaire. Publ. par des sténographes de l'Assemblée nationale. Sections 1—2. Paris, 1848 [1849].

² Их библиографию см. в кн.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т. II. С. 673.

цессов в пропагандистских целях уже давно вызвал к жизни такие публикации судебных материалов, которые обвиняют самих обвинителей — господствующую политическую систему и служащую ее интересам юстицию. Публиковались отдельными изданиями (иногда нелегальными) особенно удачные и важные в пропагандистском плане речи подсудимых или их защитников, а подчас и целые сборники документов о том или ином процессе в противовес официально насаждаемой версии. Подобный характер имели, например, предпринятая КПП публикация материалов процесса 1916 г. над К. Либкнехтом¹, осуществленное исполкомом КПИ издание документов первого в Италии процесса над коммунистами², публикация на разных языках брошюры с текстом заключительной речи Г. Димитрова на Лейпцигском процессе³. Той же цели отвечали и более обширные документальные публикации о Лейпцигском процессе, включавшие наряду с извлечениями из стенограмм судебных заседаний многочисленные материалы самого Димитрова (различные заявления, тюремный дневник, письма родным и т.д.) и документы о международной антифашистской солидарности с подсудимыми⁴.

Ввиду широкого читательского интереса к «делу Дрейфуса» по свежим следам были опубликованы (во Франции и других странах) стенографические отчеты о процессе над ним, а также над писателем Эмилем Золя, который предстал перед судом за свои выступления в печати в защиту Дрейфуса.

Издатели материалов процесса над Николой Сакко и Бартоломео Ванцетти (итальянские иммигранты в США, ложно обвиненные в убийстве полицейского и казненные на электрическом стуле)⁵ предприняли свою публикацию, руководствуясь соображениями о том, что этот процесс неизбежно привлечет внимание историков. «Дело Сакко и Ванцетти, — писали они в предисловии, — это, несомненно,

¹ Das Zuchthausurteil gegen Karl Liebknecht. Wörtliche Wiedergabe der Prozessakten, Urteil und Eingaben Liebknechts. Herausgegeben von der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund). Berlin im 19 Juni 1919.

² Il processo ai comunisti italiani. 1923. A cura del C.E. del P.C. Roma, 1924.

³ Dimitrov. His final Leipzig speech accuses. London, [1934]; Georgi Dimitroff. Rede vor Gericht. Mit zwei einleitenden Aufsätzen von Wilhelm Piek und D. Manuilski. Moskau, 1936.

⁴ См., напр.: *Димитров Г.* Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1961.

⁵ The Sacco — Vanzetti case. Transcript of the record of the trial of Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti in the Courts of Massachusetts and subsequent proceedings 1920 — 7. New York, 1928—1929. Vol. 1—5; supplemental vol.

исторический процесс. Как таковой он обещает быть предметом споров и дискуссий на многие предстоящие годы. Важно, чтобы полный отчет обо всем ходе рассмотрения этого дела существовал и был доступен ученым-историкам».

В рамках программы по изучению германской истории XX века (см. в предыдущей главе) опубликованы материалы процессов по обвинению в государственной измене, проводившихся при нацистском режиме в Германии и Австрии¹. Дополнительные тома к изданию речей и других текстов Гитлера за период до прихода к власти содержат отчет о процессе над ним по обвинению в организации так называемого «пивного путча» в Мюнхене в 1923 г.²

Международный военный трибунал, судивший главных немецких военных преступников, по договоренности между странами антигитлеровской коалиции сам опубликовал материалы Нюрнбергского процесса³. Официальное обнародование этих материалов (в том числе вещественных доказательств нацистских преступлений) было важнейшим средством мобилизации демократической общественности мира на противодействие любым попыткам возродить фашизм и политику империалистической агрессии. Публикация осуществлена параллельно на английском и немецком языках и включает в себя стенограммы, документы, справочную информацию. Однако и в начале XXI века не существует подобного издания на русском языке, имеются лишь выборочные публикации разного объема. Дело в том, что на процессе всплыли «неудобные» для сталинского руководства темы: впервые возник вопрос о секретных дополнениях к советско-германскому пакту 1939 г., не были приняты доводы советской стороны об ответственности СС за массовый расстрел польских офицеров в Катыни, к тому же приведенный представителями Англии и США

¹ Widerstand als «Hochverrat» 1933—1945: die Verfahren gegen deutsche Reichsangehörige vor dem Reichsgericht, dem Volksgerichtshof und dem Reichskriegsgericht. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte von Jürgen Zarusky und Hartmut Mehringer. Mikrofiche-Edition. München 1995; Widerstand und Verfolgung in Österreich 1938 bis 1945: die Verfahren vor dem Volksgerichtshof und den Oberlandesgerichten Wien und Graz. Hrsg. von Wolfgang Form, Wolfgang Neugebauer und Theo Schiller in Zusammenarbeit mit dem Bundesarchiv. Mikrofiche-Edition. München, 2004.

² Der Hitler-Prozess 1924: Wortlaut der Hauptverhandlung vor dem Volksgericht München I. Hrsg. und kommentiert von Lothar Gruchmann und Reinhard Weber unter Mitarb. von Otto Gritschneider. München, 1997—1999. 4 Bde.

³ International Military Tribunal. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947—1949. Vol. 1—42.

материал о подготовке германской агрессии слишком явно опровергал официальную советскую версию о внезапности нападения Германии на СССР. По отдельности все это уже давно стало достоянием гласности в нашей стране, а полномасштабного русского издания материалов Нюрнбергского процесса как не было, так и нет.

Размещена в Интернете и доступна в режиме онлайн картотека документов, составивших доказательную базу Нюрнбергского процесса¹. Материалы процесса над японскими военными преступниками опубликованы в Нидерландах — стране, которая была участником Международного военного трибунала по Дальнему Востоку².

В Японии в 1962 г. вышла трехтомная публикация «Материалы по современной истории. Дело Зорге» с комментарием Тасито Оби. В нее вошли официальные документы следствия и суда над советским разведчиком, которые, по признанию японской общественности, при всей их пристрастности позволяют сегодня правильно понять и оценить деятельность Рихарда Зорге и его сподвижников и являются дополнительным источником по истории Японии предвоенных лет. Однако составителям этого издания удалось отыскать далеко не все материалы, относящиеся к процессу Зорге, и пришлось довольствоваться не подлинниками из архива министерства юстиции, сгоревшего в марте 1945 г. во время налета американской авиации, а сохранившимися в других местах копиями документов.

Среди названных выше публикаций лишь немногие охватывают материалы не только разбирательства в суде, но и предварительного следствия. Протоколы допросов на стадии досудебного расследования и приобщенные к ним документы чаще всего остаются неопубликованными и передаются в составе соответствующих фондов на хранение сначала в ведомственные, а затем в государственные архивы³. Доступ в зарубежных архивах к фондам политических процессов обычно ограничивается большим сроком давности по сравнению с другими документами (во Франции — 100 лет, в Италии — 70 лет). Так, по делам итальянских антифашистов, в свое время судимых Особым фашистским трибуналом, публикации о происходившем в зале

¹ Nürnbergger Dokumentenkartei: Erschliessungskartei zu den Beweisdokumenten der Nürnbergger Kriegsverbrecherprozesse aus dem Institut für Zeitgeschichte, München. Erstveröffentlichung online. München, 2006.

² The Tokyo judgement. The International Military Tribunal for the Far East (I.M.T.F.E.) 29 april 1946 — 12 november 1948. Amsterdam, 1977. Vol. I—III.

³ В РГВА находится громадный трофейный фонд Имперского суда и Прокуратуры Германии (14464 единицы хранения, хронологический охват — 1881—1945 гг.).

суда появились уже в начале 60-х гг.¹, а доступ к материалам следствия открылся лишь в последнее десятилетие XX века.

Источниковедческий анализ судебно-следственных материалов. Как было сказано выше, судебно-следственные материалы — источник сложного состава. Поэтому методы анализа и степень достоверности их различных частей неодинаковы. С другой стороны, существенно, каков в данном случае предмет исследования: интересует ли историка сам процесс, возможность обнаружения ошибок или подтасовок в ходе следствия и суда или же данный источник используется в ряду других при изучении иной проблематики.

Прежде всего, необходимо рассмотреть исторический контекст возникновения документации. Это значит выяснить обстоятельства и мотивы возбуждения данного судебного дела, условия проведения процесса (при открытых или закрытых дверях, с участием или без участия присяжных).

Потребуется как можно более подробная характеристика состава судебной коллегии и всех «действующих лиц» процесса. Здесь имеет значение и профессиональная компетентность юристов, и облик присяжных (если они участвовали в рассмотрении дела), и социальный статус свидетелей обвинения и защиты, и такие черты личности подсудимого или подсудимых, как политические позиции, нравственные качества (что существенно и для других участников процесса) и т.д.

Следует установить, на каких источниках основано обвинительное заключение, и удостовериться в подлинности вещественных доказательств. Из истории громких политических процессов известно много случаев преднамеренной фабрикации улик против обвиняемых. Специально изготовленной фальшивкой была, например, некая бумага, будто бы найденная в корзине для мусора и представленная как черновик документа, уличавшего Дрейфуса в выдаче французских военных секретов Германии. В деле Дрейфуса эта фальшивка оказалась не единственной. Нацисты для того, чтобы поддержать против Г. Димитрова обвинение в причастности к поджогу рейхстага, подбросили ему при аресте план Берлина, где были помечены места якобы задуманного коммунистами поджога («план с крестами»).

Существуют различные способы проверить подлинность вещественных доказательств. Если исследователю доступен архив судебного

¹ *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Tutti i processi del tribunale speciale fascista. Roma, 1961; *Il Processone. Gramsci e i dirigenti comunisti davanti al Tribunale speciale.* A cura di D. Zucàro. Roma, 1961.

процесса, сохранившиеся в нем в качестве вещественных доказательств письменные документы должны быть подвергнуты *графологической экспертизе* (анализ почерка). Если же текст этих документов известен не в оригинале, то следует идти от анализа их содержания: на подлог могут указывать выявленные в них логические противоречия, несоответствие твердо установленным фактам и т.д.

В ходе самого процесса подобная работа продлевается по оригиналам документов защитниками обвиняемых. Если проведенная защитой экспертиза нашла отражение в выступлениях защитников на суде, на нее можно опереться и в источниковедческом анализе, хотя историк должен при этом попытаться сам перепроверить ее результаты.

В применении к такой существенной части процессуальной документации, как протоколы допроса подозреваемых и свидетелей в ходе предварительного следствия, должен быть поставлен и выяснен вопрос о том, может ли считаться аутентичным имеющийся текст показаний. Подобный вопрос возникает потому, что показания в официальной записи часто искажаются¹. Именно по этой причине Г. Димитров на следствии отказался подписать протоколы дознания и предпочел собственноручно изложить все, что считал нужным. Р. Зорге также настоял на том, что представит свои показания на следствии в собственном изложении. Их оригиналом был машинописный текст на немецком языке. Каждую запись у Зорге потом отбирали, так что он не мог сверяться с предыдущим текстом при печатании следующего. Немецкий оригинал показаний Зорге сгорел в здании министерства юстиции во время бомбардировки, но сохранились их копии в переводе на японский язык. Подлинность этих показаний была удостоверена прокурором, в присутствии которого они печатались, и переводчиком².

Вся имеющаяся в распоряжении исследователя совокупность судебно-следственных материалов должна быть оценена с точки зрения ее полноты. Пробелы в документации подобного рода встречаются достаточно часто. В стенограммах Лейпцигского процесса, например, отсутствует полный текст вынесенного на основании следствия обвинительного заключения, так как оно в нарушение обычаев гер-

¹ Компьютерная графологическая экспертиза позволяет не только проверить подлинность подписи под показаниями, но и установить, не была ли она поставлена под угрозой или иным воздействием на душевное состояние пишущего.

² См.: Тюремные записки Рихарда Зорге//Новая и новейшая история. 1994. № 4—6; 1995. № 2.

манского судопроизводства зачитывалось на суде лишь в выдержках. Уже упоминалось о причинах неполноты материалов, которыми располагали подготовители японской публикации по «делу Зорге». Не исключается, впрочем, что часть документов из архива этого процесса все же сохранилась и до середины 50-х гг. американские оккупационные власти в Японии могли что-то изъять из них (такие утверждения встречались в советской исторической литературе).

Поскольку неполная сохранность процессуальной документации может объясняться разными причинами, исследователь должен не только проверить, нет ли в документах явных пробелов, но и попытаться в случае их обнаружения выяснить, как и почему они возникли. При использовании судебно-следственных материалов в опубликованном виде необходимо установить, насколько полной является данная публикация, и вести анализ включенных в нее документов с учетом ее общего характера и назначения.

Масштабное 42-томное издание материалов Нюрнбергского процесса все же не является полным. Изначально между странами-союзниками была достигнута договоренность о том, что на процессе не будут рассматриваться факты, относящиеся к периоду до начала Второй мировой войны. Соответственно часть собранных документов осталась за рамками публикации. Уже в ходе самого процесса по настоянию советской стороны были сделаны изъятия из текстов выступлений представителей Англии и США, и таким образом в стенограммы не попало то, что шло вразрез с политической линией Сталина и его окружения.

Извлечение из судебно-следственных документов исторической информации сопряжено с трудностями, сходными с теми, которые возникают при анализе других видов официальных документов. Для привлечения к суду представителей оппозиционных данной власти движений сплошь и рядом используются заимствованные из административно-полицейской практики трафаретные формулы вроде «заговора против установленного порядка», особенно если буква закона не дает легальных оснований для судебного преследования. В условиях гласности судебного разбирательства как защитники, так и обвинители часто прибегают к тем же эффективным ораторским приемам, которые характерны для парламентского красноречия.

При анализе содержательной стороны процессуальной документации необходимо правильно раскрыть целенаправленность вопросов, задаваемых подследственным и подсудимым, их ответов на эти вопросы, построения речей прокурора, защитников, обвиняемых. Иными словами, важно разобраться в том, какова логика поведения каждого из участников процесса.

Весьма трудоемкой частью источниковедческого анализа судебно-следственных материалов является проверка достоверности извлекаемых из них сведений. В материалах таких процессов, где судят политических противников существующей власти, часто содержится пристрастная, тенденциозно-враждебная обвиняемым информация. К тому же документация любого судебного дела складывается из очень разных по характеру, происхождению, направленности составных частей, и достоверность их содержания также далеко не одинакова.

Недостоверные фактические данные и ложные утверждения появляются в судебно-следственных материалах по самым различным причинам. Там, где независимость суда является фикцией, официальные представители правосудия могут сообразовываться с определенным политическим заказом. Обвиняемые революционеры подчас умалчивают перед враждебным судом о конспиративных сторонах своей деятельности или дают о них преднамеренно неверные показания, чтобы не поставить под удар оставшихся на свободе товарищей. Известно много случаев (особенно из истории процессов над «врагами народа»), когда обвиняемые под воздействием на их психику, запугивания, пыток приписывали себе деяния и поступки, которых они не совершили.

Свидетель, выступающий в суде, клянется «говорить правду, только правду, ничего, кроме правды». Но в свидетельских показаниях встречается умышленная ложь — в тех случаях, когда состав свидетелей специально подбирался с целью обеспечить задуманный политический эффект процесса. Неточными иногда бывают и показания вполне добросовестных свидетелей, которых может «подвести» непровольная ошибка памяти, дефект зрения или слуха. Наконец, и свидетели нередко подвергаются (особенно во время следствия) давлению извне, имеющему целью добиться от них нужных суду показаний. Некоторые из тех, кто уступил нажиму следователя и подписал ложные показания, на публичном заседании в зале суда отказываются от них.

Сомнения в достоверности закономерно возникают там, где в документах следствия или суда заметны логические неувязки, внутренние противоречия и т.д. Предположительно определить, что и в каких именно частях судебно-следственной документации не заслуживает доверия, можно исходя из имеющихся в распоряжении исследователя данных о цели изучаемого процесса, условиях, в которых он проводился, лицах, так или иначе причастных к нему. Опираясь на все эти известные элементы, историк как бы сам проводит весь процесс за-

ново, еще раз «проигрывает» возникшую в прошлом ситуацию с тем, чтобы отделить истину от лжи.

Чтобы не только выявить в судебном-следственных материалах то, что сомнительно в смысле достоверности, но и по возможности установить истину, необходимо подвергнуть все данные перекрестной проверке. Поскольку судебном-следственная документация сама имеет сложный состав и как бы «многолика», такая проверка начинается уже с сопоставления между собой различных ее частей. Для сравнения следует привлекать и источники иного происхождения и характера — различные публикации в связи с изучаемым процессом¹, позднейшие воспоминания о нем и т.д.

¹ Например, если речь идет о Лейпцигском процессе, то такие, как издания Международной следственной комиссии в Лондоне и Международного комитета помощи жертвам гитлеровского фашизма: *The Burning of the Reichstag. Official Findings of the Legal Commission of Inquiry.* London, sept. 1933; *Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре.* М., 1933; *The Reichstag fire trial. The second Brown Book of the Hitler Terror.* London, 1934.

Глава 6

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Понятие дипломатии. Организация дипломатической службы в новое и новейшее время. В новое и новейшее время значительно возрастает сложность и интенсивность межгосударственных отношений. Значительно возрастает объем документации внешнеполитического характера. Она становится более систематизированной, чем раньше. Наибольшую ценность для исторического исследования представляют документы дипломатического характера.

Дипломатия — это одно из средств осуществления внешней политики, а именно средство мирное, невоенное. Дипломатическую деятельность ведут специальные органы внешних сношений и должностные лица государства. Внутри страны внешнеполитические функции дипломатического характера выполняются высшими законодательными учреждениями, главой государства, правительством (в первую очередь его главой), министром иностранных дел и центральным аппаратом соответствующего министерства. Круг их полномочий в области внешней политики, как правило, определяется конституциями. Зарубежными органами внешнеполитических сношений страны являются ее *дипломатические представительства* — постоянные и временные.

Институт постоянных дипломатических представительств (т.е. учреждений, которые аккредитуются одним государством для политических сношений с другим, представляют и защищают его интересы в стране пребывания) складывается примерно к началу нового времени. Соответственно классу дипломатических представительств они возглавляются дипломатическими агентами различных рангов: представительство I класса (*посольство*) — *послом*, представительство II класса (*миссия*) — *посланником*. Временно представительство и того, и другого класса может возглавляться *поверенным в делах*, но по большей части назначение поверенного в делах указывает на какие-то осложнения в дипломатических отношениях. Официальный персонал дипломатического представительства составляют, помимо его главы, *советники, секретари, атташе, специальные атташе по*

различным вопросам. В новейшее время возникла практика аккредитования отдельными странами своих постоянных дипломатических представителей при международных организациях — Лиге Наций, а позднее ООН.

При отсутствии нормальных дипломатических отношений (как в случае признания лишь *de facto*, но не *de jure*) страны могут обмениваться между собой представительствами особой категории, обычно не имеющими какого-то специального наименования. В частности, такой характер имели в первые годы после Октября 1917 г. советские представительства в ряде государств, возглавлявшиеся *полномочными представителями* (полпредами). В.В. Воровский, например, был в 1917—1919 гг. советским полпредом в скандинавских странах, а в 1921—1923 гг. — в Италии.

Для выполнения в той или иной стране какой-либо специальной миссии (участия в национальных торжествах по случаю провозглашения независимости или имеющих юбилейный характер, присутствия на похоронах главы государства, при вступлении в должность нового президента, коронации монарха и т.д.) туда направляется посольство чрезвычайного, временного характера, сейчас обычно именуемое *правительственной делегацией*. Иногда эти функции возлагаются на постоянное дипломатическое представительство в данной стране.

Охрана экономических, правовых, культурных и т.п. интересов страны, а также прав ее граждан и юридических лиц за ее пределами поручается ее официальным представителям, не облеченным дипломатическими полномочиями, — *консулам*. Консулы назначаются по преимуществу в портовые города. Они должны оказывать содействие торговле и навигации, выполнять для граждан своей страны нотариальные функции, систематически информировать свое правительство о политическом, экономическом, культурном, санитарном, административном состоянии своего консульского округа, о текущих событиях в стране пребывания, об изменениях ее законодательства и административных правил и т.д.

Состав дипломатической документации. Одним из важнейших видов официальной дипломатической документации является *международный договор* — официально зафиксированное соглашение между государствами о взаимных правах и обязанностях в политических, экономических или каких-либо иных отношениях¹. Это общее назва-

¹ Относительно различных видов дипломатических документов, их структуры, процедуры и правил оформления см.: Дипломатический словарь: В 3 т. М., 1985—1986; Зорин В.А. Основы дипломатической службы. 2-е изд. М., 1977; Ковалев А. Азбука дипломатии. 6-е изд. М., 1993.

ние для международных актов с различным содержанием и наименованием — таких, как *трактат, пакт, конвенция, декларация, соглашение, уговор, регламент, уния, протокол, модус вивенди, генеральный акт, картель, капитуляция, конкордат* и пр. Твердо установленного значения для каждого из этих наименований не существует, но некоторые из них более или менее традиционно применяются к определенным случаям. Например, конкордатом обычно называют соглашение между государством и католической церковью, регулирующее ее положение и закрепляющее за ней какие-то позиции в данной стране (конкордат 1801 г. во Франции, подписанный Наполеоном Бонапартом и просуществовавший более столетия, Латеранский конкордат 1929 г. в Италии, действовавший до 1984 г., и т.п.).

В новое и новейшее время выработалась определенная форма, по которой составляется международный договор. Обычно в его тексте различаются три части:

а) *Преамбула* (введение), где указывается, кто, с кем, по каким мотивам заключил данный договор, и подтверждается полномочность заключающих его представителей сторон.

б) *Статьи* (артикулы), в которых излагается основное содержание договора.

в) *Концовка* (финал, протокольные статьи), где предусматривается срок действия договора, возможность его продления, порядок денонсации (расторжения), оговаривается время и условия вступления договора в силу; указывается, на каких языках составляется текст договора, какой текст считается аутентичным при его толковании, каков порядок толкования и разбора споров, которые могут при этом возникнуть; определяется значение приложений к договору, если таковые имеются. Концовка завершается подписательной формулой, которая является единственным обязательным ее элементом (остальные названные выше протокольные пункты могут войти в текст лишь частично или отсутствовать вообще).

Начиная с XIX в. все более частым явлением в дипломатической практике становятся приложения к договору. Они имеют такую же силу, как сам договор, и составляют его неотъемлемую часть лишь при условии, если стороны специально договорились об этом и внесли в текст соответствующую протокольную статью. В противном случае приложениям придается только пояснительное значение, а согласие с текстом договора не означает само по себе также и согласия с ними.

Процесс оформления договора проходит несколько стадий. Он начинается с *подготовки, или трактовки, текста*. Так называется стадия переговоров между представителями сторон и редактирования

экспертами проекта будущего соглашения. Затем обычно следует (хотя не является обязательным этапом) процедура *парафирования*, т.е. подписания, каждой страницы согласованного текста инициалами уполномоченных сторон. Она означает, что текст согласован именно в данной редакции и не подлежит дальнейшим изменениям по существу (после парафирования в текст могут вноситься лишь поправки, устраняющие случайные ошибки или опечатки). Особую процедуру составляет официальное *подписание* договора. Договор датируется днем его подписания. При соответствующей договоренности сторон, зафиксированной в протокольной части договора, он вступает в силу непосредственно с момента подписания. Если же такой договоренности нет, договор подлежит *ратификации*, т.е. должен получить одобрение высших органов власти заключивших его государств. В новое и новейшее время входит в практику ратификация международных договоров главами государств с предварительного согласия законодательных представительных учреждений. Вопрос о ратификации договора может быть предметом острой политической борьбы в парламенте. Если парламенты стран-участниц одобрили ратификацию договора, главы соответствующих государств подписывают специальные *ратификационные грамоты*, которые по усмотрению сторон передаются ими друг другу в порядке обмена или сдаются на хранение третьей стороне (об этом должно быть сказано в протокольной части соглашения). Лишь после этого договор официально вступает в силу. Процедура размена ратификационных грамот имела место, например, после заключения в 1807 г. Тильзитского мира между Россией и Францией. В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, подписанном 12 сентября 1990 г. СССР, США, Англией и Францией с ФРГ и ГДР, предусматривалось хранение ратификационных грамот правительством объединенной Германии.

Внутри страны договору придает силу его обнародование, или *промульгация*. Однако при широком распространении тайной дипломатии многие договоры не только нового, но и новейшего времени, несмотря на официальное осуждение подобной практики международным правом, имеют секретные, непубликуемые статьи, приложения или добавочные протоколы. Наиболее известный исторический пример — секретный протокол, подписанный при заключении советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

Еще один распространенный вид дипломатической документации — *нота* — официальное письмо дипломатического представительства министерству иностранных дел страны пребывания или на-

экспертами проекта будущего соглашения. Затем обычно следует (хотя не является обязательным этапом) процедура *парафирования*, т.е. подписания, каждой страницы согласованного текста инициалами уполномоченных сторон. Она означает, что текст согласован именно в данной редакции и не подлежит дальнейшим изменениям по существу (после парафирования в текст могут вноситься лишь поправки, устраняющие случайные ошибки или опечатки). Особую процедуру составляет официальное *подписание* договора. Договор датируется днем его подписания. При соответствующей договоренности сторон, зафиксированной в протокольной части договора, он вступает в силу непосредственно с момента подписания. Если же такой договоренности нет, договор подлежит *ратификации*, т.е. должен получить одобрение высших органов власти заключивших его государств. В новое и новейшее время входит в практику ратификация международных договоров главами государств с предварительного согласия законодательных представительных учреждений. Вопрос о ратификации договора может быть предметом острой политической борьбы в парламенте. Если парламенты стран-участниц одобрили ратификацию договора, главы соответствующих государств подписывают специальные *ратификационные грамоты*, которые по усмотрению сторон передаются ими друг другу в порядке обмена или сдаются на хранение третьей стороне (об этом должно быть сказано в протокольной части соглашения). Лишь после этого договор официально вступает в силу. Процедура размена ратификационных грамот имела место, например, после заключения в 1807 г. Тильзитского мира между Россией и Францией. В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, подписанном 12 сентября 1990 г. СССР, США, Англией и Францией с ФРГ и ГДР, предусматривалось хранение ратификационных грамот правительством объединенной Германии.

Внутри страны договору придает силу его обнародование, или *промульгация*. Однако при широком распространении тайной дипломатии многие договоры не только нового, но и новейшего времени, несмотря на официальное осуждение подобной практики международным правом, имеют секретные, непубликуемые статьи, приложения или добавочные протоколы. Наиболее известный исторический пример — секретный протокол, подписанный при заключении советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

Еще один распространенный вид дипломатической документации — *нота* — официальное письмо дипломатического представительства министерству иностранных дел страны пребывания или на-

оборот. Существуют две основные разновидности нот — личная и вербальная.

Личная (или *подписная*) нота посылается в случае, если трактуемому в ней вопросу придается особо серьезное значение. Она называется так потому, что адресуется от имени посла министру иностранных дел или от имени министра — послу и сопровождается соответствующей личной подписью, которой должна предшествовать традиционная формула вежливости.

Вербальная нота носит менее официальный характер и касается вопросов относительно меньшей важности. В отличие от подписной, вербальная нота направляется не от лица посла или министра иностранных дел, а соответственно от имени посольства или министерства и обычно бывает сравнительно краткой.

Нота идентичного содержания, направляемая ведомством иностранных дел какой-либо страны одновременно нескольким странам, именуется *циркулярной*. Как пример здесь можно назвать ноту («циркуляр») министра иностранных дел Франции Жюля Фавра правительствам европейских стран с требованием не предоставлять политического убежища эмигрантам — участникам Парижской Коммуны.

Для более подробного освещения затронутого в ноте вопроса к ней может быть приложен пояснительный документ — *меморандум*. Он существует и как самостоятельная, но менее важная по сравнению с нотой форма дипломатической переписки. В этом качестве меморандум вручается без какой-либо печати и подписи, чаще всего — лично в подтверждение сделанного министром или послом заявления.

В новейшее время в связи с возросшей ролью *глав государств и правительств* в осуществлении внешнеполитических функций приобретает важное значение такой вид дипломатической документации, как выражающаяся в обмене личными посланиями *официальная переписка* между ними. На этом высшем уровне дипломатического общения обсуждаются наиболее серьезные и неотложные международные проблемы.

МИД любой страны ведет также обширную *внутриведомственную переписку* со своими представителями за границей. Послам направляются из МИД письма, депеши, телеграммы с инструкциями, в МИД поступают отчеты посольств за определенный период времени, политические письма послов, записи бесед посольских работников с политическими деятелями и дипломатами, консульские донесения и т.д. Наконец, в МИД накапливается и такая внутриведомственная документация, как *журналы и протоколы* различных совещаний, *поден-*

ные записи, справки по отдельным вопросам, представляемые посольствами обзоры прессы стран пребывания и пр.

Публикации дипломатических документов нового и новейшего времени. Некоторые виды дипломатических документов специально рассчитаны на то, чтобы их опубликовали. Таковы тексты договоров (публикуемые официально в изданиях типа правительственных вестников), наиболее важные ноты, личные послания, которыми обмениваются между собой главы государств и правительств, и т.д. Однако в условиях господства тайной дипломатии подобного рода документы также достаточно часто остаются секретными — полностью или частично. В тексте договора о Тройственном союзе между Германией, Австро-Венгрией и Италией (1882) была специальная статья, где говорилось: «Выс[окие] дог[оваривающиеся] стороны обещают друг другу держать в тайне содержание и существование настоящего договора»¹. Франко-русская военная конвенция 1892 г. также предусматривала, что все перечисленные в ней пункты «будут храниться в строгой тайне»². Англо-французское соглашение 1904 г. о разделе сфер влияния в Северной Африке состояло из двух частей — предназначенной для гласности и секретной, которые имели прямо противоположный смысл: в первой договаривающиеся стороны утверждали, что они не стремятся к изменению политического положения Египта и Марокко, во второй же обещали друг другу рассмотреть исходящие от партнера предложения о «реформах» (английских — в Египте, французских — в Марокко) и предусматривали прекращение суверенитета султана над частью марокканской территории, которая становилась сферой испанского влияния. Тайными были все соглашения, заключенные между различными странами в ходе Первой мировой войны и касавшиеся условий участия в войне тех из них, которые первоначально остались нейтральными, или послевоенного раздела добычи.

Другие же названные выше виды официальной дипломатической документации предназначены к использованию лишь внутри ведомства иностранных дел страны и находятся в архивах МИД, оставаясь длительное время неопубликованными. Имеется, однако, значительное количество опубликованной дипломатической документации всех видов, прежде всего относящейся к истории подготовки двух мировых войн. Она вошла в различные специальные издания, по боль-

¹ Ключников Ю. В. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. С. 242.

² Там же. С. 271.

шей части предпринятые по официальному распоряжению правительств соответствующих стран.

Первыми публикациями секретной дипломатической переписки в канун мировой войны 1914—1918 гг. были так называемые «цветные книги» (немецкая «белая», английская «синяя», российская «оранжевая», французская «желтая», итальянская «зеленая» и т.д.), выпущенные правительствами воюющих стран, как правило, в первые дни или недели их участия в войне с целью оправдания собственной политики и доказательства агрессивности противника. Все они без исключения отличались крайней тенденциозностью в отборе документов и бесстыдной фальсификацией публикуемых текстов. В архиве царского МИД после Октябрьской революции были обнаружены подлинники вошедших в «оранжевую книгу» документов со множеством «поправок», внесенных в них красными чернилами. Одна из депеш, помещенных во французской «желтой книге», была целиком, за исключением одной фразы, сфабрикована специально для этой подборки. Когда после войны факт подлога был установлен, разразился громкий скандал в палате депутатов. В английской «синей книге» из 159 тщательно отобранных документов свыше 100 были опубликованы в сильно искаженном виде.

Начало действительному обнародованию тайн внешней политики положила Октябрьская революция в России. II съезд Советов наряду с декретом о мире принял решение опубликовать тайные договоры империалистических правительств. Тайные документы из архивов бывшего МИД с 10 ноября 1917 г. до января 1918 г. печатались на страницах газет «Правда», «Известия», «Рабочий и солдат», «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» (в «Известиях» и «Газете...» было напечатано более чем по 100 документов, в «Правде» — около 50). Параллельно за период с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. в Петрограде было издано 7 выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел». В общей сложности в них вошло свыше 100 документов. Обе эти публикации включали тексты ряда заключенных накануне и в годы войны тайных договоров, а также материалы секретной дипломатической переписки, секретных совещаний в МИД и т.д.

Разоблачительная сила первых советских публикаций, основанных на материалах тайных дипломатических архивов, была исключительно велика. Попытки поставить под сомнение подлинность опубликованных документов, исходившие как от членов свергнутого Временного правительства, так и от дипломатических представителей стран Антанты в Петрограде, закончились провалом: их инициаторам

пришлось отказаться от намерения выступить с публичным опровержением этих документов.

На протяжении 20-х гг. в нашей стране интенсивно продолжалась работа по публикации тайных дипломатических документов периода Первой мировой войны и ее подготовки. Вышел в свет ряд специальных тематических сборников, включавших материалы из различных фондов архива дореволюционного МИД¹. Отдельные документы и их подборки систематически печатались в журнале «Красный архив»².

Наиболее крупной из советских документальных публикаций подобного рода многотомное научное издание «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917». Оно было начато в 1931 г., но осталось незаконченным. Из намеченных трех серий этой публикации (1878—1900, 1901—1913, 1914—1917) вышли частично лишь вторая и третья, в общей сложности 13 томов (некоторые в двух частях), охватывающих материал за период с 14 мая 1911 г. по 17 октября 1912 г. и с 1 января 1914 г. по 31 марта 1916 г.

Научная объективность и археографические достоинства вышедших томов этого издания были признаны даже самыми придирчивыми критиками из числа зарубежных историков и архивистов. Издание охватывало не только документацию МИД; в нем были широко представлены и материалы из архивов всех других ведомств царской России, имевших отношение к внешней политике, — военного, военно-морского и т.д. Включенные в публикацию документы расположены по хронологическому принципу, благодаря чему не нарушаются исторически существовавшие между ними связи.

Однако публикация прервалась с началом Великой Отечественной войны, хотя не только по этой причине; она не была возобновле-

¹ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского Министерства иностранных дел. М., 1922; Русско-германские отношения 1873—1914 (Документы из секретного архива б. Министерства иностранных дел). М., 1922; Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922; Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924; Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел: В 2 т. М., 1925—1926; Царская Россия в мировой войне. Л., 1926.

² См.: Красный архив. Систематический указатель публикаций и статей/Под ред. М.С. Селезнева. М., 1957; Красный архив. Исторический журнал 1922—1941. Аннотированный указатель содержания/Сост. Р.Я. Зверев. М., 1960.

на и позднее, когда война закончилась¹. Действительная причина прекращения издания лежала глубже: на протяжении 30-х гг. одновременно с перерождением режима, возникшего в результате Октябрьской революции, в тоталитарный, происходило кардинальное изменение его внешнеполитической концепции. Согласно прежней концепции, виновниками мировой войны были империалисты всех стран, включая Россию. Теперь же Сталин вместо декларированного в 1917 г. разрыва с тайной дипломатией и внешней политикой царизма стремился восстановить преемственность с ней внешнеполитического курса СССР. Подписание с Германией в 1939 г. секретного протокола по вопросу о «разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе» вполне вписывалось в эту логику: за счет предполагаемого «территориально-политического переустройства» областей, входивших в состав Польши и прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), оно должно было положить начало расширению территории СССР до границ Российской империи.

За рубежом одна из первых после мировой войны попыток использовать публикацию секретных дипломатических документов непосредственно в качестве оружия политической борьбы была предпринята социал-демократическим правительством, пришедшим к власти в Германии в ходе Ноябрьской революции 1918 г. В предвидении предстоящей мирной конференции оно поручило К. Каутскому подготовить к изданию переписку правительства Германской империи с его дипломатическими представителями за границей под названием «Немецкие документы о возникновении войны»². Концепция, которая пронизывала подготовленное к печати издание, состояла в том, что единственным виновником войны со стороны Германии была свергнутая революцией династия Гогенцоллернов. Каутский и его единомышленники надеялись, что если побежденная Германия в такой форме примет на себя определенную долю ответственности за войну, это поможет ей добиться смягчения условий мира. Но в последний момент правительство Веймарской республики испугалось, что публикация может дать эффект, обратный желаемому, и задержало ее выход в свет до подписания мирного договора.

¹ Считалось, что ее должна заменить и «перекрыть» начатая в 1960 г. новая публикация — «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Но если это и произойдет, то еще очень не скоро (последний из опубликованных томов вышел в 1994 г. и охватывает документы до июля 1830 г.).

² Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Charlottenburg, 1919. Bd. 1—4.

Версальский мир в одностороннем порядке возложил ответственность за войну на Германию, и в дальнейшем официальной линией правительства Веймарской республики стало полное отрицание вины Германии за развязывание войны. Осуществленное в 1922—1927 гг. в Германии многотомное издание архивных дипломатических документов — «Большая политика европейских кабинетов. 1871—1914»¹ — отличается поэтому уже иной, по сравнению с «документами Каутского», общей направленностью — безоговорочно-апологетическим освещением предвоенной германской внешней политики.

Эта публикация насчитывает в общей сложности 54 книги (из 40 составляющих ее томов некоторые имеют по две части). В ней применен тематический принцип расположения материала: каждый том посвящен определенной проблеме. Уже сам выбор этих проблем позволяет определенным образом направить внимание читателя, приступающего к изучению собранных в публикации документов. Сплошь и рядом таким образом разобщаются связанные между собой документы, а иногда даже части одного и того же документа попадают в совершенно разные тома. В издании представлена документация только дипломатического происхождения. Тем самым исключена из рассмотрения деятельность других важных частей правительственного механизма Германской империи, влиявших на определение внешнеполитического курса. Весьма пристрастный характер носят и комментарии к опубликованным текстам.

Несколько позднее, чем в Германии, в 1926—1938 гг., вышла в свет официальная публикация дипломатических документов в Англии — «Британские документы о происхождении войны. 1898—1914 гг.»². Она уступает германской и по хронологическому охвату, и по объему (11 томов), но ей свойственна столь же ярко выраженная тенденциозность — только предметом апологии здесь является британская политика. Как и в немецком издании, здесь использован тематический принцип расположения материала и рассматривается лишь дипломатическая документация, причем очень неполно. Такая неполнота объясняется не только умыслом составителей, но и действовавшими в Англии особыми цензурными ограничениями (на публикацию документов, где упоминались имена еще живших в то время политических деятелей, требовалось их собственное разрешение и специальная королевская санкция), а также некоторыми обычаями

¹ Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des auswärtigen Amtes. Berlin, 1922—1927. Bd. 1—40.

² British documents on the origins of the war, 1898—1914. Ed. by G.P. Gooch and Harold Temperley. London, 1926—1938. Vol. 1—XI.

английской дипломатии, позволявшими избежать хранения многих важнейших материалов в ведомственных фондах МИД¹.

Во Франции аналогичное многотомное издание («Французские дипломатические документы. 1871—1914»²) было начато в 1929 г., а закончено лишь после Второй мировой войны. Его составители учли неблагоприятную реакцию научной общественности на немецкую и английскую публикации с их явной тенденциозностью. Во французской публикации применен не тематический, а хронологический принцип расположения материала. Включенные в нее документы отобраны с таким расчетом, чтобы отразить агрессивные поползновения не только германского блока, но и Антанты. Наряду с дипломатической документацией частично привлечены документы военного, морского и колониального ведомств. То, что эта публикация заканчивалась в период, когда уже сошли с политической сцены деятели, непосредственно причастные к подготовке Первой мировой войны, также способствовало относительно объективному освещению в ней проблем предвоенной политики Франции на международной арене. Однако черты, характерные для других зарубежных публикаций подобного рода, присутствуют и здесь, хотя и в несколько смягченном виде. Составители пошли на известное отражение агрессивных целей партнеров Франции по Антанте, но не самой Франции. Колониальному соперничеству в сравнении с его действительной ролью в подготовке войны уделено ничтожно мало внимания. Налицо и неполнота охваченного публикацией материала — иногда не зависящая от воли составителей (во время Второй мировой войны архивы французского МИД были частично сожжены при капитуляции Франции, частично опустошены гитлеровцами), иногда же являющаяся результатом тенденциозного отбора. Так, в публикацию умышленно не были включены «частные письма» дипломатических представителей Франции министру иностранных дел, протоколы особых совещаний военно-политических руководителей страны, где решались важнейшие вопросы внешней политики, и т.д.

В США еще с 60-х гг. XIX в. существует издаваемая Госдепартаментом текущая публикация предназначенных для гласности официальных дипломатических документов, название которой в разные пе-

¹ Согласно установившейся в английском МИД практике, наиболее деликатная информация сообщалась послами в виде не официальных донесений, а «личных» писем министру. Уходящий в отставку министр не был обязан оставлять эти письма в ведомственном архиве и мог их изъять для хранения вместе со своими личными бумагами.

² Documents diplomatiques français (1871—1914). Paris, 1929—1959. Т. 1—41.

риоды менялось (сейчас — «Внешнеполитические отношения США»). Вплоть до начала XX в. она имела в общем четко выраженный характер ежегодника, в каждом выпуске которого печатались документы за предшествующий год. Накануне Первой мировой войны такие сборники стали выходить с большей задержкой, а во время войны их выпуск был приостановлен и возобновлен лишь в 1919 г. Первой мировой войне отдельно посвящены дополнительные тома этого издания, появившиеся на протяжении 1928—1933 гг. — в общей сложности 9 книг (считая двойные выпуски за год и полутома)¹. Осушественная в такой форме американская многотомная публикация отличается той же односторонностью, что и аналогичные издания в западноевропейских странах. В ней затушевывается агрессивный характер политики США в Латинской Америке, в бассейне Тихого океана и на Дальнем Востоке.

Официальная дипломатическая документация о Второй мировой войне и ее подготовке опубликована пока еще в значительно меньшей степени. Во время войны дипломатические архивы в странах, подвергшихся нацистской оккупации, серьезно пострадали. В ряде стран доступ к материалам ведомственных фондов МИД за период войны и возможность их широкой публикации тормозились на протяжении нескольких десятилетий еще не истекшими тогда сроками давности. Но главное, что сдерживало процесс научного изучения истории и предыстории войны, — это начавшаяся в 1946 г. «холодная война».

Сразу же отпал вопрос о намечавшейся раньше совместной публикации странами-союзницами всех трофейных документов из германских архивов. Документы МИД (не в подлинниках, а переснятые на микрофильм) оказались в руках западных союзников². Первоначально они хранились в Лондоне, а с 1956 г. постепенно передавались правительству ФРГ. По распоряжению правительств США, Англии и Франции с микрофильмов были сняты копии, а в США изданы ката-

¹ Papers relating to the foreign relations of the United States. 1914. Supplement. The World war. Washington, 1928 (и далее соответственно: 1915 — Washington, 1928; 1916 — Washington, 1929; 1917 — Washington, 1931—1932; 1918 — Washington, 1933).

² Микрофильмирование документов производилось по указанию Риббентропа с 1943—1944 гг. Весной 1945 г. поступило распоряжение уничтожить документы, но занимавшийся этим чиновник на свой страх и риск сохранил микрофильмы и спрятал их в тайнике, а затем сообщил об их местонахождении английскому офицеру. Последний поделился этой информацией с американцами. Всего в тайнике было обнаружено 20 катушек микрофильмированных документов общим объемом 9725 страниц.

логи микрофильмированных документов¹. На основе этих документов была предпринята многотомная публикация «Документы о германской внешней политике 1918—1945 гг.». Издание делится на несколько серий: А (ноябрь 1918 г. — ноябрь 1925 г.); В (декабрь 1925 г. — январь 1933 г.); С (январь 1933 г. — октябрь 1936 г.); D (1937 г. — декабрь 1941 г.); Е (декабрь 1941 г. — май 1945 г.). Первыми вышли серии D (в процессе публикации хронологически суженная за счет выделения серии Е) и С, изданные совместно Госдепартаментом США и министерствами иностранных дел Англии и Франции². В 1960 г. США, Англия и Франция заключили соглашение с ФРГ, по которому возложили на нее дальнейшее продолжение публикации, сохранив своих представителей в издательской комиссии. Под эгидой правительства ФРГ опубликованы серии А, В и Е³.

В публикации нет единого принципа расположения материала. В сериях D и В первые тома построены по тематическому принципу, последующие — по хронологическому. В сериях С и Е применен только хронологический принцип, который больше отвечает требованиям научной объективности.

Но первый сборник документов из немецких дипломатических архивов был издан Госдепартаментом еще в 1948 г. под заглавием «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». Он стал сенсацией прежде всего потому, что в нем был воспроизведен (по микрофильмированной копии) текст секретного протокола, подписанного одновременно с советско-германским пактом о ненападении.

Сам этот пакт был опубликован сразу же после его подписания и по буквальному смыслу сказанного в нем не содержал ничего необычного в дипломатической практике (соглашения аналогичного характера существовали в 20—30-е гг. между различными странами). Однако и без остававшегося тайным протокола этот документ стал потрясением как для советских людей, искренне веривших, что СССР не может о чем-либо договариваться с фашистскими режимами, так и для антифашистов всех стран. С обнародованием протокола

¹ Index of Microfilmed Records of the German Foreign Ministry and the Reich's Chancellery covering the Weimar Period, deposited at the National Archives, Washington, 1958; Kent G.O. A catalog of files and microfilms of the German Foreign Ministry Archives, 1920—1945. Stanford, 1961—1972. Vol. 1—4.

² Documents on German foreign policy. 1918—1945. Ser. D. London (частично — Washington), 1949—1964; Ser. C. — Ibid., 1957—1966.

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Göttingen, 1966—1995 (издание завершается дополнительным справочным томом). В 1950—1964 гг. в ФРГ была издана также серия D, а в 1971—1975 — серия С.

не только «пакт Молотова—Риббентропа», но и события всего начального периода Второй мировой войны представляли в новом, весьма неблагоприятном для СССР свете.

Как уже упоминалось (см. предыдущую главу), сведения о секретном протоколе начали циркулировать еще во время Нюрнбергского процесса. В кулуарах к защитнику одного из подсудимых подошел неизвестный и предложил поинтересоваться неким машинописным текстом. Прежде чем его собеседник успел рассмотреть текст (который был копией секретного протокола), таинственный незнакомец исчез, не дав никаких пояснений¹. Смахивающие на детектив обстоятельства появления этого документа были немаловажным доводом в пользу того, чтобы считать его фальшивкой и не принимать к рассмотрению на процессе. Советской стороне удалось довольно легко добиться этого, тем более что у западных союзников были свои мотивы не настаивать на углублении в предвоенные сюжеты: их «скелетом в шкафу» было Мюнхенское соглашение 1938 г., когда Англия и Франция отвели от себя угрозу войны, позволив Гитлеру расчленил Чехословакию.

Содержавший текст секретного протокола сборник «Нацистско-советские отношения...» был залпом в начавшейся «холодной войне», на который СССР ответил в резко-полюемическом тоне — публикацией исторической справки «Фальсификаторы истории», на много лет задавшей тон освещению начального периода войны в советской историографии. «Обмен любезностями» продолжался до самого конца существования Советского Союза. Подготовленный Госдепартаментом сборник был в 1976 г. переиздан в США, а затем появился в нескольких русскоязычных изданиях (1983 г. — Нью-Йорк и Париж, 1989 г. — Вильнюс, 1991 г. — Москва). С советской стороны особое внимание уделялось «ключей» для Запада проблеме — Мюнхену. На эту тему МИД СССР и Чехословакии совместно подготовили и осуществили две публикации с использованием дипломатических архивов обеих стран².

Аутентичность опубликованного на Западе текста секретного протокола (ранее отрицавшаяся на том основании, что не существует ни немецкого, ни русского подлинника) была признана в СССР лишь в годы перестройки. К 50-летию начала Второй мировой войны этот

¹ См.: Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в Нюрнбергских досье//Международная жизнь. 1989. № 9.

² Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; Документы по истории Мюнхенского стовора. 1937—1939. М., 1979.

не только «пакт Молотова—Риббентропа», но и события всего начального периода Второй мировой войны представляли в новом, весьма неблагоприятном для СССР свете.

Как уже упоминалось (см. предыдущую главу), сведения о секретном протоколе начали циркулировать еще во время Нюрнбергского процесса. В кулуарах к защитнику одного из подсудимых подошел неизвестный и предложил поинтересоваться неким машинописным текстом. Прежде чем его собеседник успел рассмотреть текст (который был копией секретного протокола), таинственный незнакомец исчез, не дав никаких пояснений¹. Смахивающие на детектив обстоятельства появления этого документа были немаловажным доводом в пользу того, чтобы считать его фальшивкой и не принимать к рассмотрению на процессе. Советской стороне удалось довольно легко добиться этого, тем более что у западных союзников были свои мотивы не настаивать на углублении в предвоенные сюжеты: их «скелетом в шкафу» было Мюнхенское соглашение 1938 г., когда Англия и Франция отвели от себя угрозу войны, позволив Гитлеру расчленил Чехословакию.

Содержавший текст секретного протокола сборник «Нацистско-советские отношения...» был залпом в начавшейся «холодной войне», на который СССР ответил в резко-полюемическом тоне — публикацией исторической справки «Фальсификаторы истории», на много лет задавшей тон освещению начального периода войны в советской историографии. «Обмен любезностями» продолжался до самого конца существования Советского Союза. Подготовленный Госдепартаментом сборник был в 1976 г. переиздан в США, а затем появился в нескольких русскоязычных изданиях (1983 г. — Нью-Йорк и Париж, 1989 г. — Вильнюс, 1991 г. — Москва). С советской стороны особое внимание уделялось «ключам» для Запада проблеме — Мюнхену. На эту тему МИД СССР и Чехословакии совместно подготовили и осуществили две публикации с использованием дипломатических архивов обеих стран².

Аутентичность опубликованного на Западе текста секретного протокола (ранее отрицавшаяся на том основании, что не существует ни немецкого, ни русского подлинника) была признана в СССР лишь в годы перестройки. К 50-летию начала Второй мировой войны этот

¹ См.: Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в Нюрнбергских досье//Международная жизнь. 1989. № 9.

² Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; Документы по истории Мюнхенского стовора. 1937—1939. М., 1979.

документ был впервые опубликован в Советском Союзе¹, но по фотокопии с микрофильма и со ссылкой на то, что его подлинника в советских архивах нет. Подлинник обнаружился лишь после распада СССР и отстранения КПСС от власти — в личном сейфе Сталина, куда после его смерти имел доступ лишь очередной Генеральный секретарь партии².

В 1990 г. в законодательном порядке было установлено, что дипломатические документы могут рассекречиваться по истечении 30-летнего срока давности. Это позволило преодолеть задержку в выпуске очередных томов начатого в 1957 г. и на тот момент доведенного до конца 30-х гг. серийного издания «Документы внешней политики СССР». Его продолжением стали два вышедших в 1990 г. солидных сборника. Один из них — двухтомник «Год кризиса. 1938—1939» — охватывал период от Мюнхенского соглашения до начала Второй мировой войны. Как и предшествующие тома «Документов...», он включал в себя разнохарактерный и частично уже публиковавшийся материал, но с гораздо большей долей впервые публикуемых документов и с точным указанием их архивных координат, которые раньше не приводились. Второй сборник — «Полпреды сообщают» — в основном состоял из опубликованных впервые и с точными отсылками донесений советских дипломатических представителей из Латвии, Литвы и Эстонии за год до их присоединения к СССР (август 1939 — август 1940 г.). Уже после распада СССР вышло и несколько новых томов упомянутой серии, которая теперь называется «Документы внешней политики»³.

Основная масса опубликованных в нашей стране документов за годы Второй мировой войны относится к истории Великой Отечественной войны и здесь не рассматривается. Отметим лишь то, что касается внешней политики СССР и международных отношений периода войны.

Различные направления внешнеполитической деятельности советского государства за этот период (борьба за создание и укрепление антигитлеровской коалиции, расширение дипломатических связей,

¹ Вокруг пакта о ненападении (документы о советско-германских отношениях 1939 года)//Международная жизнь. 1989. № 9.

² См. информацию о пресс-конференции в Роскомархиве: Найдены свидетельства сговора сталинского режима с фашистской Германией//Отечественные архивы. 1992. № 6.

³ В 1993 г. издан т. XXII, включающий документы за 1939 г., в 1995 и 1998 гг. — две части т. XXIII, в 2000 г. — т. XXIV (хронологический охват — 22 июня 1941 — 1 января 1942 г.)

политика в отношении нейтральных стран и т.д.) были отражены в сводной публикации, появившейся в первые послевоенные годы¹. В ней систематизированы документы, как правило, уже публиковавшиеся ранее, но не содержащиеся сведений о том, где именно они печатались и по какому тексту воспроизводятся. Научный аппарат издания ограничивается предметным и именовым указателями и хронологической таблицей.

Архивная документация МИД Германии лишь в небольшой части стала трофеем Красной Армии. По этим документам в первые послевоенные годы было издано несколько сборников, которые проливали свет на различные аспекты закулисной деятельности гитлеровской дипломатии накануне войны и в начальный ее период².

Важнейшее значение придавалось документальному освещению проблемы межсоюзнических отношений. Сразу же после войны (в 1946 г.) МИД СССР опубликовал «Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии 1943—1945 гг.». В дальнейшем была осуществлена более обширная публикация, куда вошли также материалы конференций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско³. Имеются специальные публикации об отношениях СССР с каждой из стран антигитлеровской коалиции⁴.

Начиная с 1957—1958 гг. неоднократно переиздавалась «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (последнее переиздание — 1986 г.). Особо отметим новейшую публикацию материалов о личных встре-

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: В 3 т. М., 1946—1947.

² Документы МИД Германии. Вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942); вып. 2. Германская политика в Турции (1941—1943); вып. 3. Германская политика и Испания (1936—1943). М., 1946; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из архива МИД Германии (1937—1938): В 2 т. М., 1948.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: В 6 т. М., 1978—1980.

⁴ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1959 (переиздание в 2 т. — 1983); Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984.

чах лидеров двух стран-союзниц¹. В нее включены документы из ряда архивов — российских (АП РФ, АВП РФ, РГАСПИ) и зарубежных (Государственный архив Великобритании, Архив Черчилля при Кембриджском университете, Национальный архив США). Использованы как советские, так и английские записи бесед между Сталиным и Черчиллем, иногда — с сопоставлением текстов. Многое опубликовано впервые.

На материалах РГАСПИ (архив Коминтерна) основана двухтомная публикация «Коминтерн и Вторая мировая война» (1994 и 1998 гг.). Эти материалы дают целостное представление о том, как менялись на разных этапах войны оценки ее характера в документах коммунистического движения, обязанного при любых поворотах внешнеполитического курса СССР сохранять солидарность с ним.

Недавно открытые документы из российских архивов широко использованы в четырехтомном издании «Мировые войны XX века» (М., 2003). Оно включает исследовательские монографии о Первой и Второй мировых войнах (тт. 1 и 3) и собственно документальную часть (соответственно — тт. 2 и 4).

Из предпринятых в других странах публикаций их собственных дипломатических документов упомянем следующие.

Англия. Весь межвоенный период охватывается публикацией «Документы о британской внешней политике 1919—1939 гг.»². Она состоит из четырех серий: серии 1 и 1А — 1919—1929 гг.; серия 2 — 1929—1937 гг.; серия 3 — 1938—1939 гг.

Это издание было начато в первые послевоенные годы томами из разных серий и к середине 60-х гг. оставалось еще в значительной части не завершенным. Работу над ним ускорило осуществленное в Англии в 1967 г. снижение срока давности при допуске к архивным документам с 50 до 30 лет. В смысле расположения материала качество публикации менялось в худшую сторону: от хронологического принципа в более ранних по времени выхода томах к тематическому в более поздних.

В порядке подготовки к рассекречиванию документов за период войны в Англии был издан путеводитель по фондам различных ведомств (в том числе не только МИД, но и адмиралтейства, военного министерства, министерства ВВС, министерства колоний и т.д.) в Государственном архиве³.

¹ *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941—1945. М., 2004.

² Documents on British foreign policy. 1919—1939. London, 1946—1980.

³ The Second World War. A Guide to documents in the Public Record Office. London, 1972.

США. Основной публикацией официальных дипломатических документов за межвоенный период остается издаваемая Госдепартаментом серия «Внешнеполитические отношения США». Выпуски этой серии (которые за период после 1931 г. группируют материалы за каждый год по тематическому принципу) выходят со все более значительным запозданием: документы кануна Второй мировой войны были опубликованы лишь в 50-е годы. Те из них, что касаются взаимоотношений США с Советским Союзом, изданы не в обычном порядке (по годам), а в виде отдельного сборника, охватывающего 1933—1939 гг.¹. Еще раньше появилась публикация об американо-японских отношениях 1931—1941 гг.², а также документальный сборник более общего характера о внешней политике США в предвоенное десятилетие³. Период Второй мировой войны отражен в многочисленных томах «Внешнеполитических отношений США», опубликованных в 50—60-е годы.

Германия. При нацистском режиме была начата серийная публикация дипломатических и других официальных документов под названием «Документы германской политики». Первая ее серия должна была охватить период от начала Первой мировой войны до прихода нацистов к власти (1933), но осталась практически не осуществленной: вышел лишь том «Ноябрьский переворот и Версаль» (в двух частях). Из второй серии на протяжении 1942—1944 гг. вышло 9 томов, включавших материал за период с 1933 по 1941 г., после чего издание прекратилось. Оно имело выборочный и до крайности тенденциозный характер, подкрепляемый тематическим принципом расположения опубликованных документов. После разгрома гитлеровского рейха внешняя политика Германии за 1918—1945 гг., как уже упоминалось, получила освещение в публикации, осуществленной Англией, США и Францией с последующим привлечением ФРГ.

Франция. Уничтожение во время Второй мировой войны части архивных фондов французского МИД существенно затруднило подготовку многотомной публикации дипломатических документов межвоенного периода. Однако образованная в 1961 г. специальная комиссия проделала в этом направлении большую работу и сумела восстановить тексты около 160 тыс. документов, обратившись к архивам французских посольств за границей, архивам исторических служб ар-

¹ U. S. Department of State. Foreign relations of the United States. Diplomatic papers. The Soviet Union. 1933—1939. Washington, 1952.

² U. S. Department of State. Papers relating to the foreign relations of the United States. Japan: 1931—1941. Washington, 1943. Vol. 1—2.

³ Peace and War. U. S. foreign policy 1931—1941. Washington, 1942.

мии, авиации и флота и личным архивам политических деятелей. Так была создана публикация «Французские дипломатические документы 1932—1939 гг.». Она состоит из двух серий, которые выходили параллельно и охватывают соответственно 1932—1935 и 1936—1939 гг.¹. В публикации принят хронологический принцип расположения документов, в нее включены материалы не только внешнеполитического ведомства, но и военных инстанций. После 1992 г. она стала частью более широкого издательского проекта, который предусматривает также серии, посвященные 1914—1919 и 1920—1932 годам.

В **Италии** первая многотомная публикация официальных дипломатических документов начала готовиться лишь с 1952 г. Это издание — «Итальянские дипломатические документы» — было задумано в хронологических рамках от провозглашения Итальянского королевства (1861) до краха фашистского режима (1943), позднее же было решено продолжить его вплоть до конца 50-х годов². Таким образом, оно, в частности, должно было охватить как дипломатическую подготовку, так и историю обеих мировых войн. По состоянию на 2008 г. опубликованы серии, включающие документы военных лет (V — 1914—1918, IX — 1939—1943, X — 1943—1948), тогда как по периоду, предшествующему Первой мировой войне, завершается подготовка к выпуску серий III (1896—1907) и IV (1908—1914), а по межвоенному периоду — серий VI (1918—1922) и VIII (1935—1939), серия же VII (1922—1935) опубликована.

Работа над публикацией продвигается медленно как потому, что подготовители должны изучить громадный материал архива МИД (фонды которого составляют около десятой части всех архивных документов Италии), так и потому, что в этом материале есть существенные пробелы и одновременно с изданием документов приходится вести их поиск. Во время Второй мировой войны часть архивной документации МИД была вывезена из Италии, с одной стороны, гитлеровцами, оккупировавшими осенью 1943 г. ее северные и центральные области, а с другой — англо-американскими военными властями. Вероятно, именно необходимость восполнить эти пробелы побудила издателей итальянских дипломатических документов привлечь также и материалы других ведомств и бумаги из личных архивов политических деятелей, что положительно сказалось на качестве публикации. Построена она по хронологическому принципу.

¹ Documents diplomatiques français 1932—1939. Ser. 1. Paris, 1964—1982; Ser. 2. Paris, 1963—1986.

² I documenti diplomatici italiani. Ser. I—XI. Roma, 1954—... (издание продолжается).

Несмотря на обилие имеющихся изданий официальных дипломатических документов, опубликованная документация этого типа составляет лишь относительно небольшую часть общей ее массы. Публикации же, которые освещают наиболее острые проблемы истории международных отношений (особенно новейшего времени), всегда так или иначе служат определенным политическим интересам.

Источниковедческий анализ дипломатических документов. Ввиду того, что дипломатические документы являются выражением официальной линии данного государства в области международной политики, исходной позицией исследователя при их анализе должно быть общее представление о характере и направленности этой политики. Существенно ли при этом знать, кем именно составлен каждый отдельный документ? Такой вопрос имеет разное по важности значение применительно к различным видам дипломатической документации.

Некоторые договоры входят в историю под именами их инициаторов или тех, кто их подписал («пакт Бриана—Келлога» 1928 г., «пакт Молотова—Риббентропа» 1939 г.), но и в этом случае не являются выражением их личной точки зрения. Над текстом договора обычно работает большая группа людей, чьи персональные позиции и мнения никак не отражаются в нем, формулировки тщательно «обкатываются» с использованием имеющихся прецедентов. В договорах важно не личное авторство, а то, что предлагается каждой из сторон и чей проект больше повлиял на окончательную редакцию.

Нота (даже если она идет за личной подписью посла или министра) выражает только официальную позицию ведомства иностранных дел, а не чью-либо персональную точку зрения. Ее форма продиктована требованиями дипломатического этикета и не сохраняет ничего от индивидуальной стилистической манеры ее составителя.

Иначе обстоит дело с такими документами, как донесения послов, где отпечаток личности автора заметен. Посол в своей деятельности проводит официальную линию представляемого им государства, но делает это талантливо или бездарно, может быть дипломатом по призванию или лишь в силу кастовых традиций, благодаря своим политическим или семейным связям, вследствие неудачи на каком-либо ином служебном поприще и т.д. В подобных случаях, когда индивидуальная авторская принадлежность документа должна быть принята во внимание, она устанавливается без особых затруднений. Если документ не опубликован и хранится в архиве, то даже в копии указывается должность составителя, а в подлиннике имеется также и его подпись; если же документ опубликован — соответствующие данные воспроизводятся в справочном аппарате издания. Установив имя и должностное положение автора документа, следует по возмож-

ности узнать что-либо и о его деловых качествах, дипломатическом стаже, отношении к данному роду деятельности и т.д.

Подобно любому другому источнику, официальный дипломатический документ должен анализироваться в контексте определенной исторической ситуации. От общей политической обстановки в данном регионе, от конкретного положения дел на дипломатическом фронте данной страны в данный момент зависит характер заключаемых ею международных соглашений, смысл тех или иных демаршей, предпринимаемых ее послами. Существенным условием действительности международного договора является свобода соглашения уполномоченных. Договор, заключенный под давлением извне, — например, когда в стране находятся оккупационные войска другой державы — с точки зрения международного права является недействительным. Между тем в истории нового и новейшего времени известно немало соглашений, навязанных сильным государством слабому с помощью самого грубого нажима. В 1808 г. испанский король Фердинанд VII, будучи пленником Наполеона I во Франции, подписал акт, где отказывался от престола и отдавал свою страну в полновластное распоряжение императора французов. Гитлеровская Германия, осуществив без объявления войны территориальное расчленение Чехословакии путем оккупации Судетской области, в 1939 г. вынудила жертву своей агрессии подписать договор, который *post factum* санкционировал этот захват и проложил путь последующему превращению собственно Чехии в «протекторат Богемия и Моравия». В дальнейшем оба этих международных акта были признаны недействительными, но так произошло далеко не во всех подобных случаях. Знать, соблюдалась ли при заключении договора свобода соглашения сторон, важно для суждения о характере их взаимоотношений, о том, насколько действительно равноправны партнеры, одинакова ли степень их реальной самостоятельности во внешней политике.

Датировка и установление места происхождения источника в применении к официальной дипломатической документации не вызывают затруднений. Все необходимые сведения на этот счет обычно содержатся в тексте самого исследуемого документа.

Исключительную важность при анализе дипломатических документов приобретает проверка их подлинности, а также полноты и точности их текстов в имеющихся публикациях. История дипломатии в новое и новейшее время изобилует случаями специальной фабрикации фальшивок и фальсификации текстов подлинных документов. В пору существования Священного союза австрийский канцлер Меттерних не раз использовал в своих демаршах перед европейскими дворами псевдореспубликанские документы, фабрикованные по

его же приказу тайной полицией в качестве «вещественных доказательств» подготовки всеевропейского восстания. Отто Бисмарк в 1861 г. в бытность посланником Пруссии в Петербурге решил предостеречь Александра II и министра иностранных дел А.М. Горчакова от уступок польскому национальному движению и для пущей убедительности изложил свои соображения от лица прусского министра иностранных дел Шлейница в форме выписки из его письма, которого в действительности не существовало. Хрестоматийно известен факт фальсификации Бисмарком для печати текста депеши о переговорах французского посла с прусским королем в Эмсе летом 1870 г. и роль этого эпизода в развязывании франко-прусской войны.

Фальсификация документов приобретает особенно крупные масштабы тогда, когда они специально извлекаются из тайных дипломатических архивов и подбираются для публикации в определенных политических целях. Выше это было показано на примере «цветных книг» периода Первой мировой войны.

Поэтому подлинность всякого, а в особенности опубликованного дипломатического документа должна быть тщательно проверена всеми доступными исследователю способами: исходя из внутреннего содержания текста, с помощью других источников, по возможности же — по фондам архива, где этот документ должен был сохраниться. В дипломатических архивах фальшивками могут оказаться не документы внутриведомственного характера, а прилагаемые к посольским донесениям бумаги сомнительного происхождения, вроде тех, что сочинялись по указаниям Меттерниха, или пресловутых «документов Сиссона», подложность которых была установлена лишь спустя несколько десятилетий¹. Если исследователь работает только с опубликованным материалом, он обязан вынести свое суждение о ка-

¹ Речь идет о документах, собранных в Петрограде в конце 1917 — начале 1918 г. по поручению посла США в России Фрэнсиса журналистом Э. Сиссоном и составивших основу брошюры «Германо-большевистский заговор», опубликованной в октябре 1918 г. в качестве официальной версии о «германском золоте». Их подлинность была перед публикацией засвидетельствована двумя авторитетными экспертами, а затем оригиналы исчезли и были найдены лишь в 1952 г. в одном из сейфов Белого дома. Экспертизу документов заново проделал видный историк и дипломат Джордж Кеннан и в 1956 г. опубликовал неопровержимые доказательства их подложности. Два профессора, ранее удостоверившие подлинность документов, вынуждены были признать, что нарушили кодекс научной объективности под давлением политической конъюнктуры. Подробнее см.: *Мальков В.Л.* О «документах Сиссона» (находки в архивах США)//Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

честве данной публикации в целом и выяснить (путем сравнения с другими документальными изданиями, если таковые имеются), нет ли искажений или пропусков в тексте отдельных вошедших в нее документов.

В задачи источниковедческого анализа дипломатических документов входит и выявление ошибок и опечаток, иногда встречающихся даже в официально опубликованных текстах договоров. Так, например, пропуск целого параграфа в международной конвенции 1929 г. об охране жизни на море был замечен уже после того, как ее ратифицировали США, а в тексте мирного договора 1947 г. с Италией на французском языке одна строка оказалась пропущена и заменена другой. Как и в деловых бумагах, о которых речь шла выше (гл. 4), подобные случайные ошибки в тексте не должны искажать его смысл, а потому их желательно обнаружить и отметить до рассмотрения смысловой, содержательной стороны документа.

Раскрытие содержания официальных дипломатических документов и отделение в них достоверной информации от недостоверной сопряжено с большими трудностями. В новое и новейшее время профессиональный язык дипломатии носит до известной степени условный характер, намеренно избегает резких формулировок, включает в себя обороты, имеющие традиционно принятый «знаковый» смысл: они не должны пониматься буквально, но являются определенным сигналом для партнера или потенциального противника. Есть темы, о которых дипломаты никогда не говорят напрямую. Дипломатические документы изобилуют ссылками на интересы мира и безопасности, национально-государственные интересы данной страны, необходимость защиты ее граждан или подданных, а за этими благозвучными фразами может скрываться агрессия или подготовка к ней, покушение на суверенитет другой страны, вмешательство в ее внутренние дела и т.д.

Преамбула договора о Тройственном союзе говорила о желании заключивших его монархов Германии, Австро-Венгрии и Италии «увеличить гарантии всеобщего мира», о «существенно охранительной и оборонительной природе» договора, о том, что его цель — только обеспечить трех монархов «от угроз, которые могли бы создаться для безопасности их государств и спокойствия Европы»¹. Преамбула франко-русской военной конвенции точно так же провозглашала стремление договаривающихся сторон «сохранить мир» и объявляла их единственной целью «приготовиться к нуждам оборонительной

¹ Ключников Ю. В. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. С. 241.

войны, вызванной нападением сил тройственного союза на ту или другую из них»¹. В договоре 1903 г. между США и Кубой «право» США на «вмешательство», т.е. военную интервенцию (впоследствии не раз осуществленную), мотивировалось целями «охранения независимости Кубы, поддержания правительства, способного на защиту жизни, собственности и личной свободы» и выполнения обязательств США в отношении Кубы по Парижскому мирному договору с Испанией (1898)². К подобной маскировке обычно прибегают в документах, обнародование которых предусмотрено специально или предполагается как неизбежное (договоры, особенно их преамбулы, ноты и т.д.), в переписке же внутри своего ведомства дипломаты высказываются откровеннее.

«Перевод» с дипломатического языка на язык реальной действительности одновременно позволяет выявить недостоверность, лживость тех доводов, которыми мотивируются некоторые международные акции, или официально принятых их оценок. В циркулярной ноте Талейрана европейским правительствам по поводу введения Наполеоном войск в Швейцарию (1802) утверждалось, что это сделано «не затем, чтобы лишить Швейцарию свободы, но затем, чтобы успокоить раздражающие ее смуты», тогда как никаких «смут» там не было. В 1863 г. Россия и Пруссия, заключив военную конвенцию в целях совместного подавления польского восстания, распространили версию о том, что этот «мятеж» инспирирован во вред обеим западными державами. В подобных случаях исследователя должно предостеречь от излишней доверчивости прежде всего точное знание той исторической обстановки, в которой предпринимались изучаемые им дипломатические действия. Не бесполезно и сравнение с другими, в чем-то аналогичными ситуациями: оно позволяет убедиться в стереотипности употребляемых аргументов.

Трудности при раскрытии содержания дипломатических документов могут порождаться также перешлетением тайной дипломатии и шпионажа. Особо деликатная информация излагается при этом специально зашифрованным языком, с помощью всякого рода условных обозначений. Когда, например, советник русского посольства в Париже К.В. Нессельроде сообщал в Петербург сведения, полученные от Талейрана (оказывавшего с 1808 г. тайные услуги Александру I против Наполеона), то называл его не по имени: «мой кузен Анри», «мой друг», «наш книгопродавец», «Та», «красавец Леандр»,

¹ *Ключников Ю.В. и Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. С. 270.

² Там же. С. 306.

«юрисконсульт» и даже «Анна Ивановна». Соответственно министр полиции Фуше, который знал о сношениях Талейрана с Нессельроде и через Талейрана поставлял русскому посольству информацию о внутреннем брожении во Франции, именовался в переписке Нессельроде с Петербургом «Наташей», «президентом» или «Бержье-ном», а освещаемый им предмет — «английским земледелием» или «любовными шашнями Бутягина» (секретарь посольства)¹.

Дипломатическая деятельность нередко служит «крышей» для разведчиков. В свою очередь, разведслужбы используют дипломатические каналы в целях дезинформации «партнера» или потенциального противника. Так, именно из дипломатических источников советскому руководству стали известны распространенные нацистами в начале 1937 г. в Париже и Праге ложные сведения, которые стали поводом для расправы сталинского режима с М.Н. Тухачевским и другими военачальниками Красной Армии.

В силу всех названных причин официальные дипломатические документы требуют самой тщательной проверки их достоверности в части как декларативной, так и конкретно-фактической. Определив, где, в чем и по каким мотивам есть основания не доверять данному источнику, следует сопоставить то, что кажется сомнительным, с другими имеющимися версиями тех же событий и обоснованно решить, какой из них отдать предпочтение. Выяснению истины может помочь сравнение:

1) официальных документов одного типа, но разного происхождения (например, для периода подготовки Первой мировой войны — донесений английских и немецких дипломатических представителей);

2) официальных документов одного происхождения, но различного типа и назначения (например, ноты, адресованной послом какой-либо державы министру иностранных дел страны пребывания, и его же донесений по поводу этого демарша министру иностранных дел своей страны);

3) официальных документов с источниками неофициального характера — воспоминаниями и внеслужебной перепиской дипломатов и других причастных к внешней политике государственных деятелей.

¹ Тарле Е.В. Талейран. М., 1962. С. 92—93, 105.

Глава 7

МАТЕРИАЛЫ СТАТИСТИКИ

Статистика как наука и как метод в других отраслях знания. Термин «статистика» имеет несколько смысловых значений, но все они так или иначе связаны с цифрами, с количественными данными. Под статистикой понимают и совокупность количественных сведений о каких-либо явлениях, и процесс сбора и последующей обработки таких сведений, и особую отрасль знаний, т.е. науку с собственным предметом и методом исследования. При рассмотрении предмета статистики в специальных учебных пособиях неизменно подчеркивается, что она занимается не единичными, а массовыми явлениями. Иногда при этом имеются в виду массовые явления в любой области (как в природе, так и в обществе), иногда только в сфере общественной жизни.

Количественный учет массовых явлений, из которого выросла статистика, зародился еще в глубокой древности под воздействием практических нужд и в первую очередь — потребностей государственного управления. В Китае, например, задолго до нашей эры стали проводиться переписи населения. Определенные элементы статистического учета существовали в Вавилоне и Древнем Риме. Но предпосылки для превращения статистики в самостоятельную отрасль научных знаний возникли лишь на пороге нового времени, когда в лице буржуазии появился общественный класс, заинтересованный в регулярном поступлении и специальном осмыслении статистической информации самого разнообразного, в том числе экономического характера. В этих условиях начала развиваться теория статистики, появилась особая статистическая литература, стали складываться различные школы и направления исследований в данной области.

Основоположником статистики как самостоятельной науки, стремящейся познать определенные закономерности и взаимосвязи общественных явлений, стал англичанин Уильям Петти (1623—1687). Проблемам статистики был посвящен его труд «Политическая арифметика», который дал название всей школе его последователей. У истоков другого направления в статистике — так называемой описа-

Глава 7

МАТЕРИАЛЫ СТАТИСТИКИ

Статистика как наука и как метод в других отраслях знания. Термин «статистика» имеет несколько смысловых значений, но все они так или иначе связаны с цифрами, с количественными данными. Под статистикой понимают и совокупность количественных сведений о каких-либо явлениях, и процесс сбора и последующей обработки таких сведений, и особую отрасль знаний, т.е. науку с собственным предметом и методом исследования. При рассмотрении предмета статистики в специальных учебных пособиях неизменно подчеркивается, что она занимается не единичными, а массовыми явлениями. Иногда при этом имеются в виду массовые явления в любой области (как в природе, так и в обществе), иногда только в сфере общественной жизни.

Количественный учет массовых явлений, из которого выросла статистика, зародился еще в глубокой древности под воздействием практических нужд и в первую очередь — потребностей государственного управления. В Китае, например, задолго до нашей эры стали проводиться переписи населения. Определенные элементы статистического учета существовали в Вавилоне и Древнем Риме. Но предпосылки для превращения статистики в самостоятельную отрасль научных знаний возникли лишь на пороге нового времени, когда в лице буржуазии появился общественный класс, заинтересованный в регулярном поступлении и специальном осмыслении статистической информации самого разнообразного, в том числе экономического характера. В этих условиях начала развиваться теория статистики, появилась особая статистическая литература, стали складываться различные школы и направления исследований в данной области.

Основоположником статистики как самостоятельной науки, стремящейся познать определенные закономерности и взаимосвязи общественных явлений, стал англичанин Уильям Петти (1623—1687). Проблемам статистики был посвящен его труд «Политическая арифметика», который дал название всей школе его последователей. У истоков другого направления в статистике — так называемой описа-

тельной школы государственоведения, складывавшейся в немецких университетах, — стояли Герман Конринг (1606—1681), Готфрид Ахенваль (1719—1772), Август Людвиг Шлецер (1735—1809). Эта школа считала задачей статистики описание достопримечательностей государства (территории, населения и т.д.), не задаваясь целью поиска в изучаемых ею явлениях какой-либо внутренней закономерности.

Специфика присущего статистике как науке метода исследования тесно связана с особенностями объекта ее изучения — явлений массового характера. Статистика начинается со сбора сведений о целой совокупности таких явлений — *массового наблюдения*. Собранный в результате массового наблюдения материал *группируется*, т.е. подразделяется на качественно однородные категории. На основе сгруппированных данных рассчитываются *обобщающие показатели* — средние, относительные величины и т.д. Из этих компонентов (массового наблюдения, группировки и исчисления обобщающих показателей) и складывается метод статистики.

Закономерности, которые с помощью этого метода выявляет статистика, — особого рода. В каждом из единичных явлений, составляющих исследуемую ею совокупность, присутствует элемент случайного, который влияет, в частности, на величину индивидуального выражения тех или иных признаков. Но в большой массе явлений, взятой как целое, такие единичные случайности взаимно погашаются. В этом выражается действие так называемого *закона больших чисел*, через которое проявляет себя устанавливаемая посредством статистического анализа тенденция — *статистическая закономерность*.

Поскольку с массовыми явлениями, помимо специально изучающей их статистики, имеют дело также и другие науки, статистика может выступать как метод и в других отраслях знаний, в том числе в истории. Историческое познание обращается к статистике при изучении социально-экономических проблем, политических отношений и политических институтов, демографических процессов и т.д.

Значение ее данных и методов статистики в историческом исследовании особенно возрастает применительно к новейшему времени. Усложнение хозяйственной жизни общества все дальше раздвигает границы применения экономической статистики, способствует расширению объема и номенклатуры собираемых статистических сведений, вызывает потребность в их более детальной обработке.

С другой стороны, по преимуществу в новейшее время получила развитие социология и ее специализированная отрасль, изучающая социальную базу партий и других общественных организаций, поли-

тические ориентации населения и т.д. (политическая социология, или политология). Эти дисциплины широко оперируют сведениями, собираемыми в порядке статистического учета, но выработали и собственную методику получения необходимых массовых данных (выборочный опрос), подготавливая для этого аналогичную статистической документацию массового характера (анкеты).

Все это дает в распоряжение историка новейшего времени возросшую по объему и многообразию массу не только статистических сведений, но и иной информации, поддающейся статистической обработке.

Статистика как метод применима к изучению любых массовых источников. Такие источники, в свою очередь, сами выступают в качестве статистической совокупности, которую можно анализировать с помощью группировки, различного рода подсчетов и т.д. В известных пределах количественная, статистическая обработка применима и к источникам, не подходящим под какие-либо признаки собственно массовых, но составляющим большие группы. Для них предлагается наименование «множественные источники» и выработаны специальные приемы, позволяющие анализировать их подобно массовым (подробнее об этом будет сказано в следующей главе).

В статистике, как и в других областях знания, многое меняется по мере внедрения компьютерной техники и технологий. Распространяется машинное хранение первичной статистической информации и ее обобщение (в виде таблиц, баз данных и в других формах) на носителях, пригодных для машинного чтения. Историческая наука, выступая в качестве одного из «потребителей» статистики, пользуется результатами ее машинной обработки. В то же время она сама все шире принимает на вооружение математику и компьютер уже не в порядке простого заимствования из арсенала своих «соседей», а как собственный инструмент познания общественных явлений. Открылись новые возможности использования в исторических исследованиях математической статистики, являющейся разделом математики и связанной с теорией вероятностей¹. Сейчас они весьма успешно применяются при решении широкого спектра исследовательских задач.

¹ См.: Теория статистики с основами теории вероятностей/Под ред. И.И. Елисевой. М., 2001; Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 1999.

Организация статистики в странах Европы и Америки. Международная статистика. В новое время сбор статистических сведений и их публикация стали функцией специальных государственных органов. Существующая ныне организация статистики в различных странах Запада имеет свои особенности, связанные со структурой экономики, принципами государственного устройства, историческими традициями данной страны т.д.

Такие особенности проявляются прежде всего в различной степени централизации государственной статистической службы. Из развитых стран наиболее централизованную систему статистики имеет Канада. Эта система начала создаваться в 1918 г. и усовершенствована рядом последующих законов о статистике. Координирующим центром всей статистической работы в стране является Бюро статистики Канады, осуществляющее сбор, сводку, анализ и публикацию статистических данных о национальной экономике в целом и по провинциям. Без консультации с главным статистиком Канады не может быть в официальном порядке предпринято никакое обследование, охватывающее более 10 опрашиваемых¹. Иная картина наблюдается в США и Англии, где сбором и обобщением статистической информации традиционно занимается несколько разных, не связанных или слабо связанных между собой ведомств.

Впрочем, если примерно до середины XX века типичным для стран Запада явлением была именно децентрализация статистической деятельности, то затем положение начало меняться. В статистическом справочнике ООН, опубликованном в 1980 г., отмечалось, что «даже в системах, отличающихся значительной децентрализацией, проявляются тенденции к централизации»². Это было характерно, в частности, для США, где на роль головных статистических учреждений постепенно выдвигались Бюро переписей населения и Бюро статистики труда, для Англии (хотя здесь авторитетные эксперты высказывались в пользу «смешанной» системы), для Австралии, где преимущества централизации были официально признаны правительственным Комитетом по интеграции систем данных. Во Франции, традиционно относившейся к странам со слабой межведомственной координацией статистической деятельности, а также в Норвегии на центральные статистические учреждения в связи с курсом на программирование экономического развития была возложена главная роль в разработке числовых моделей национального планирования.

¹ См.: Справочник по организации статистики. Нью-Йорк, 1980. Т. 1. С. 41.

² Там же. С. 35.

Помимо государственных статистических учреждений, значительную статистическую информацию собирают в странах Европы и Америки различного рода частные организации — например, Американский институт черной металлургии, Американский институт нефти, Британская федерация искусственного и синтетического волокна и т.п. Такая практика существует уже давно: проведенное в США в 1938—1939 гг. обследование 813 компаний, занимавшихся в числе других видов деятельности также и статистикой, показало, что у 356 из них (44%) статистическая деятельность была основной¹.

Свою статистику ведут на Западе и профсоюзы. Иногда они определенным образом взаимодействуют с государственными статистическими органами. Так, официально публикуемая в США статистика стачек основана на отчетах о стачках, представляемых в Бюро статистики труда профсоюзами, но на добровольных началах.

Начиная с середины XIX в. стала развиваться международная статистика — такая отрасль экономической статистики, которая занимается сопоставлением и анализом статистических показателей различных стран. На протяжении 1853—1875 гг. состоялось девять международных статистических конгрессов, а в 1885 г. был создан международный Статистический институт. В межвоенный период работа в области международной статистики велась Секцией экономики и финансов Лиги Наций. В настоящее время международные статистические публикации предпринимаются прежде всего статистическими органами ООН (Статистическая комиссия, Комиссия по народонаселению, региональные конференции статистиков и др.) и ее специализированных учреждений, таких, например, как Международная организация труда (МОТ) и ее рабочий орган Международное бюро труда (МБТ). ООН и Всемирный банк издают имеющие глобальный охват справочники-ежегодники, включающие данные по 208 странам².

Организация и методика статистического исследования. Историк может иногда иметь в своем распоряжении первичные статистические документы (например, налоговые списки конца XVIII в. во

¹ См.: Лукин Л.И., Остроумов В.С. Организация статистики в зарубежных странах. М., 1961. С. 11.

² См. для примера: Страны и регионы 2007//Статистический справочник Всемирного банка. М., 2008; Страны мира 2005//Статистический справочник ООН. М., 2006. Подробнее о международной статистике см.: Сиденко А.В., Матвеева В.М. Международная статистика: Учебник. Изд. 2-е. М., 2000; Симчера В.М. Библиографический указатель важнейших международных статистических публикаций//Проблемы международной статистики. М., 1971; Указатель по международной статистике. Нью-Йорк, 1975.

Франции использовались И.В. Лучицким и современными французскими авторами), но гораздо чаще исходным материалом ему служат уже обработанные статистические данные, т.е. конечный продукт *другого* процесса исследования. Для источниковедческого анализа статистики необходимо знать, как собирается статистическая информация и какие операции проделаны с ней до того, как ею займется историк.

Статистическое исследование начинается с первичного учета изучаемых массовых явлений, т.е. с регистрации признаков каждой единицы данной совокупности в специально разработанных документах. Такой первичный учет иначе называется статистическим наблюдением (см. выше). Оно ведется по определенной программе, состоящей из перечня вопросов, на которые должен быть получен ответ. Вопросы программы заносятся в *формуляры* наблюдения — переписные листы, анкеты, формы отчетности и т.д.

Статистическое наблюдение может быть *единовременным* или *текущим*. Единовременное наблюдение приурочивается к определенному моменту; если оно через какие-то промежутки времени повторяется, то проводится по одинаковой или сходной в основных пунктах программе, чтобы собранные данные можно было сравнить. Примером единовременного наблюдения является регистрация первичных данных при переписи населения. Текущее наблюдение заключается в непрерывной регистрации определенных фактов массового характера по мере их возникновения, обычно в порядке ведомственного учета, с последующей передачей этих сведений статистическим органам (так ведется, например, учет рождений и смертей, медицинская статистика, статистика преступлений).

По степени охвата исследуемой статистической совокупности различается *сплошное* и *несплошное* (частичное) наблюдение. Сплошное наблюдение охватывает все единицы данной совокупности: так, при переписи населения какой-либо страны в идеале должны быть учтены все ее граждане до единого. При несплошном наблюдении описывается лишь часть единиц совокупности, по признакам которых затем характеризуется совокупность в целом. Получаемые таким путем обобщающие выводы убедительны лишь при том условии, если обследованные единицы типичны в своем роде, или, как говорят статистики, если выборка *репрезентативна*.

Особым видом несплошного наблюдения, наиболее предпочтительным с точки зрения репрезентативности данных, является так называемое *выборочное* наблюдение, когда число подлежащих описанию единиц (*доля выборки*) на основании определенных статистических правил рассчитывается заранее. Иначе — в гораздо большей

мере случайно — складывается выборка при сплошном наблюдении по *анкетному способу*: раздаваемые или рассылаемые для сбора первичных сведений анкеты заполняются в добровольном порядке, а следовательно, лишь какой-то частью опрашиваемых, величина которой не может быть известна наперед.

Анкетный способ наблюдения, помимо собственно статистических исследований, широко применяется в социологии — при изучении общественного мнения. Анкета мнений начала отделяться от других статистических опросов перед Первой мировой войной и стала самостоятельной отраслью исследований после Второй мировой войны. Еще один способ сплошного статистического наблюдения, утвердившийся по преимуществу в области «статистики мнений», — это *интервью*, т.е. опрос по специально разработанной программе в порядке личного общения интервьюера с опрашиваемым. В отличие от анкетного способа, здесь численность намеченных для опроса лиц устанавливается заранее и зависит от организаторов исследования¹.

Источником первичных статистических сведений всегда является организованный в той или иной форме *опрос*. По способу регистрации фактов различается несколько его разновидностей. При *экспедиционном* способе сведения собираются непосредственно на месте и записываются специально обученным для этого работником (регистратором). При *саморегистрации* сведения записываются опрашиваемым, а присутствующий при этом регистратор лишь поясняет порядок ответов на вопросы. При *корреспондентском* способе формуляры опроса и инструкции по их заполнению пересылаются опрашиваемым и затем возвращаются ими по почте, телеграфом или с нарочным. В отечественной практике в советское время существовал и такой способ регистрации, как *документированная запись* — ведение по установленной форме первичного статистического учета и статистической отчетности на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Собранные тем или иным способом первичные статистические данные для дальнейшего использования в научных или практических целях должны быть проверены и систематизированы. На этом этапе статистической работы центральной задачей является группировка, т.е. сведение однородных по какому-либо признаку единиц в группы и характеристика таких групп системой обобщающих показателей (см. выше). Результаты группировки могут быть выражены в таблицах и иллюстрациях к ним в виде графиков или диаграмм.

¹ Материалы опросов общественного мнения будут подробно рассмотрены в следующей главе.

Затем обобщенные таким образом статистические данные подвергаются *анализу* с качественной, содержательной стороны. В ходе анализа формулируются выявленные исследование закономерности изучаемых явлений и выводы относительно характера их связей и взаимоотношений.

Такова традиционно сложившаяся схема основных этапов статистического исследования, выполняемого с помощью «ручной» технологии. Историку следует принимать ее во внимание, если он изучает с привлечением статистических источников проблематику не позднее середины XX века, новейшая же статистика обрабатывается уже иным, машинным, способом. Компьютерные технологии наиболее эффективны при их использовании на системной основе, т.е. в составе автоматизированных систем сбора и обработки информации. При такой системе статистические данные уже в процессе первичной регистрации должны по возможности заноситься на специальные документы, пригодные для машинного чтения. Если эта операция не может быть осуществлена непосредственно в ходе статистического наблюдения, то нанесение данных на специальные технические носители входит в задачи особого этапа их *подготовки к машинной обработке*. Возрастает значение всех операций по *контролю* — проверке достоверности статистической информации, и особенно так называемого входного контроля перед закладкой в машину: комплекс работ по контролю также становится особым этапом статистического исследования. Все поддающиеся выполнению на компьютере вычислительные и логические операции включаются в единый этап *обработки данных*, куда входят как группировка, так и аналитические расчеты. Особой и чрезвычайно важной в рамках автоматизированной системы функцией становится *хранение и поиск* статистической информации, которая, накапливаясь в специальных «банках данных», с помощью вычислительной техники может быстро сводиться воедино и многократно использоваться в самых различных расчетах¹.

Однако при любом способе обработки статистических данных — ручном или машинном — эта обработка никогда не сводится к сумме чисто технических операций, никогда не может быть отделена от тех

¹ Об информационных технологиях в статистике см.: *Божко В.П., Хорошилов А.В.* Информационные технологии в статистике. М., 2002; *Тульчинский Б.М.* Сбор статистической информации в электронной форме: идеология и практика // Вопросы статистики. 2005. № 12. Эти вопросы затронуты и в новейшей учебной литературе по статистике (*Елисеева И.И., Юзбашев М.М.* Общая теория статистики. Изд. 5-е. М., 2005; *Салин В.Н., Чурилова Э.Ю., Шпаковская Е.П.* Статистика [электронный учебник]. CD-ROM. М., 2008).

или иных общих представлений о природе изучаемого явления. Именно поэтому процесс статистического исследования не может быть автоматизирован от начала до конца: разработка методологии исследования и системы показателей для характеристики его объекта, как и теоретическое осмысление его результатов, остается делом человека, а не компьютера. Используя материалы статистического исследования как источник, историк должен не только учитывать его технические параметры, но и понять концепцию тех специалистов, которые его проводили, и дать ей свою оценку.

Статистическая документация в архивах. Публикации статистических данных. Первичные документы государственной статистики передаются для хранения в архивы, но доступ к их изучению серьезно ограничен. Это объясняется отмеченным экспертами ООН растущим недоверием населения к различным статистическим обследованиям, особенно в развитых странах и крупных городах: люди опасаются, что при современной вычислительной технике не будет обеспечена конфиденциальность сообщаемых ими о себе сведений. В действительности статистику, поскольку она занимается массовыми явлениями, отдельные лица интересуют лишь как совершенно анонимные единицы определенной совокупности. Поэтому в настоящее время во всех странах опрашиваемым в законодательном порядке гарантируется, что та информация, которую они сообщат о себе государственным учреждениям для нужд статистики, не будет использована ни для каких целей, кроме чисто статистических, т.е. сохранит «обезличенный» характер. Подобные обязательства государство берет на себя в отношении данных не только об отдельных лицах, но и о предприятиях, частных хозяйствах во имя соблюдения коммерческой тайны.

Именно для обеспечения конфиденциальности первичной статистической информации доступ к ней строго регламентируется. Во Франции хранящиеся в государственных архивах первичные статистические документы открываются для использования лишь по прошествии 100 лет. В США в связи с растущим интересом к микроаналитическим методам и повысившимся спросом на информацию, относящуюся к отдельным лицам или предприятиям, Бюро переписей разработало «выборочные комплекты данных по неопознаваемым лицам, которые предоставляются потребителям, имеющим для этого законное основание»¹. Некоторые статистические учреждения практикуют уничтожение использованных при обследовании формуляров после того, как в них минует необходимость.

¹ Справочник по организации статистики. Нью-Йорк, 1980. Т. 1. С. 89.

Историки работают преимущественно с опубликованной статистикой. В новое время были выработаны различные формы официальных статистических изданий. Это статистические ежегодники, публикации данных переписей (общих, промышленных, сельскохозяйственных) и т.д. Ведущие свою статистику негосударственные учреждения и общественные организации также публикуют ее. Существуют и статистические публикации, отражающие определенные направления или темы научных исследований, например, предпринятое по инициативе одного из корифеев «серийной истории» Э. Лабрусса критическое переиздание статистики хлебных цен во Франции почти за два столетия¹. В Италии обобщены и подробно прокомментированы статистические данные о выборах в Учредительное собрание и первые четыре республиканских парламента². Публикации на бумажной основе не теряют своей значимости и сейчас, когда все шире распространяется машинное хранение статистической информации и ее представление в электронном виде.

Среди статистических публикаций наибольшее внимание историков традиционно привлекают материалы переписей населения. Богатый опыт проведения переписей (цензов) накоплен в США, где они проходят каждые 10 лет³. В новейших исследованиях с использованием информационных технологий к переписям также проявляется пристальный интерес. Об этом свидетельствуют различные проекты, представляемые на международных конференциях по исторической информатике. В Англии ведется работа по созданию полнотной коллекции материалов переписей (проект *CHCC — Collection of Historical and Contemporary Census*), предназначенной как для научных целей, так и для нужд учебного процесса. В рамках программы по изучению профессионального состава и занятости населения в XIX—XX вв. готовится сравнительный анализ материалов английской переписи 1881 г. и переписей 1880 г. в США и Канаде. В связи с созданием баз

¹ Labrousse E., Romano R., Dreyfus F.-G. Le prix du froment en France au temps de la monnaie stable (1726—1913). Reédition de grands tableaux statistiques. Paris, 1970.

² Ghini C. Le elezioni in Italia (1946—1968). Milano, 1968.

³ См.: Урланис Б.И. История американских цензов (Организация и методы переписей в Соединенных Штатах Америки). М., 1938. В этой очень содержательной и полезной работе дан обзор материалов 15 федеральных цензов (с 1790 по 1930г.) и промышленного и сельскохозяйственного цензов 1935 г. Отмечены изменения, происходившие в методике проведения цензов, приведены образцы переписных документов 1930-х гг., подробные выдержки из инструкций счетчикам, в библиографии учтены публикации результатов всех упомянутых федеральных цензов.

данных по переписям обсуждается вопрос о приведении к единому стандарту принципов классификации населения по профессиям. Переведены в электронную форму материалы переписи 1801 г. в Дании и Норвегии, продемонстрированы возможности применения компьютерных технологий к изучению норвежских переписей второй половины XIX в.¹

В США в 1962 г. при Мичиганском университете был создан Межуниверситетский консорциум по социальным и политическим исследованиям (ICSPR, г. Анн-Арбор), который является одним из крупнейших в мире архивов машиночитаемой статистической информации. В нем представлена в виде коллекций и баз данных статистика 130 стран, относящаяся к различным сторонам жизни общества и отраслям знания (социология, политология, история, экономика, юриспруденция и т.д.). Аналогичные архивы созданы в Канаде, ЮАР, Австралии, Новой Зеландии и во всех странах Западной Европы, где их деятельность координируется Европейским архивом социологических данных.

Источниковедческий анализ материалов статистики. Используемые историками статистические публикации представляют собой уже обобщенные результаты работы, проделанной специалистами-статистиками. Поэтому все, что относится к организации статистической деятельности (в данной стране вообще и применительно к данному конкретному исследованию), должно тщательно учитываться в историко-источниковедческом анализе.

При децентрализованной или не вполне ведомственно специализированной системе статистической службы текущая учетная деятельность различных учреждений нередко ведется без каких-либо единых исходных критериев. В результате получаются данные, которые могут по содержанию дублировать друг друга и при этом далеко расходиться между собой или же оказаться несопоставимыми. Известно, например, что число занятых в обрабатывающей промышленности США в 1947 г. было (по-видимому, из-за разной классификации относимых к ней отраслей) по сведениям Бюро переписи населения на 750 тыс. чел. меньше, чем по сведениям Бюро страхования по старости и инвалидности, и на 1 млн меньше, чем по сведениям Бюро статистики труда.

Следует по возможности подробнее выяснить (опираясь, в частности, на текстовое введение к изучаемой публикации), как в данном случае был организован сбор материала, т.е. статистическое наблюдение. Необходимо знать, было ли оно сплошным или не сплошным, а

¹ См.: *Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М.* Новые тенденции развития...//Новая и новейшая история. М., 2003. № 1. С. 122, 126—127.

данных по переписям обсуждается вопрос о приведении к единому стандарту принципов классификации населения по профессиям. Переведены в электронную форму материалы переписи 1801 г. в Дании и Норвегии, продемонстрированы возможности применения компьютерных технологий к изучению норвежских переписей второй половины XIX в.¹

В США в 1962 г. при Мичиганском университете был создан Межуниверситетский консорциум по социальным и политическим исследованиям (ICSPR, г. Анн-Арбор), который является одним из крупнейших в мире архивов машиночитаемой статистической информации. В нем представлена в виде коллекций и баз данных статистика 130 стран, относящаяся к различным сторонам жизни общества и отраслям знания (социология, политология, история, экономика, юриспруденция и т.д.). Аналогичные архивы созданы в Канаде, ЮАР, Австралии, Новой Зеландии и во всех странах Западной Европы, где их деятельность координируется Европейским архивом социологических данных.

Источниковедческий анализ материалов статистики. Используемые историками статистические публикации представляют собой уже обобщенные результаты работы, проделанной специалистами-статистиками. Поэтому все, что относится к организации статистической деятельности (в данной стране вообще и применительно к данному конкретному исследованию), должно тщательно учитываться в историко-источниковедческом анализе.

При децентрализованной или не вполне ведомственно специализированной системе статистической службы текущая учетная деятельность различных учреждений нередко ведется без каких-либо единых исходных критериев. В результате получаются данные, которые могут по содержанию дублировать друг друга и при этом далеко расходиться между собой или же оказаться несопоставимыми. Известно, например, что число занятых в обрабатывающей промышленности США в 1947 г. было (по-видимому, из-за разной классификации относимых к ней отраслей) по сведениям Бюро переписи населения на 750 тыс. чел. меньше, чем по сведениям Бюро страхования по старости и инвалидности, и на 1 млн меньше, чем по сведениям Бюро статистики труда.

Следует по возможности подробнее выяснить (опираясь, в частности, на текстовое введение к изучаемой публикации), как в данном случае был организован сбор материала, т.е. статистическое наблюдение. Необходимо знать, было ли оно сплошным или не сплошным, а

¹ См.: *Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М.* Новые тенденции развития...//Новая и новейшая история. М., 2003. № 1. С. 122, 126—127.

при не сплошном — как складывалась выборка. Существенно также, от кого поступали первичные сведения (их источником могут быть отдельные лица, учреждения, частновладельческие фирмы, общественные организации и т.д.), кто, где и каким образом их регистрировал.

К примеру, данные о численности безработных официальная статистика стран Запада обычно получает от бирж труда и т.п. учреждений. Но эти данные учитывают лишь тех, кто зарегистрировался с целью найти работу и получает пособие по безработице. Поскольку получение таких пособий нередко связано с возрастными и другими ограничениями, а иногда с лишением права на другие пособия, часть безработных не только вынуждена искать работу помимо официальных каналов трудоустройства, но и сама предпочитает не обращаться в систему страхования от безработицы. По относящимся к концу 1950-х гг. расчетам английских экономистов, основанная на подобных исходных данных официальная статистика занижала общую численность безработных в стране более чем вдвое. Насколько меняется статистическая картина безработицы в зависимости от источников первичных сведений, наглядно показывает сравнение численности безработных по данным текущей статистики занятости и по данным переписей, тоже официальным, но более полным ввиду поголовного охвата обследуемого населения (табл. 1)¹:

Таблица 1

Сравнение численности безработицы

Страны	Источник данных	Дата	Число безработных (в тыс.)
Франция	Перепись населения Биржи труда	8 марта 1936 г.	823,0
		Март 1936 г.	509,0
Италия	Перепись населения Кассы страхования	21 апреля 1931 г.	919,9
		Апрель 1931 г.	699,1
Бельгия	Перепись промышленности и торговли Статистика страхования от безработицы	31 декабря 1930 г.	386,9
		Декабрь 1930 г.	181,2
Норвегия	Перепись населения Биржи труда	1 декабря 1930 г.	111,1
		1 декабря 1930 г.	27,2
Канада	Перепись населения Биржи труда	1 июня 1931 г.	435,3
		Июнь 1931 г.	49,3
Австралия	Перепись населения Статистика профсоюзов	30 июня 1933 г.	439,8
		Май 1933 г.	106,7

¹ См.: *Цылин Л.М., Петров А.И.* Буржуазная статистика скрывает правду. М., 1953. С. 50.

Данные сельскохозяйственной статистики в большинстве стран Запада собираются путем рассылки фермерам анкет, из которых далеко не все возвращаются в заполненном виде. В середине XX века в Канаде фермеры, возвращавшие заполненные анкеты, составляли лишь около 1% всех фермеров этой страны, а в США на анкеты отвечало 25—30% тех фермеров, которым они рассылались.

Но погрешности, возникающие на начальных ступенях статистического исследования, зависят не только от источника и способа регистрации первичных сведений или общих принципов организации статистики в данной стране. Существенно, по какой программе собирались исходные сведения. При характеристике программы следует обратить внимание на то, как формулировались и в каком порядке размещены задаваемые вопросы, насколько полно они охватывают предмет изучения, нет ли в программе умолчаний, указывающих на определенную тенденциозность.

Время регистрации статистических сведений, как правило, фиксируется в первичных документах, а затем указывается в соответствующих публикациях. Но в процессе источниковедческого анализа статистических материалов имеет значение не голая хронология, а точный и всесторонний учет условий проведения данного обследования. Необходимо, в частности, знать, с какой целью оно проводилось, в какой мере эта цель была разъяснена населению вообще или той его части, которая непосредственно опрашивалась, каков был культурный уровень опрашиваемых в момент обследования, как они относились к сбору статистической информации и т.д.

Поскольку между сбором первичного материала и появлением статистической публикации лежит процесс обработки данных, всесторонне охарактеризовать происхождение изучаемого источника в применении к материалам статистики значит также выяснить, как обрабатывалась исходная информация — традиционным «ручным» или машинным способом. В тех случаях, когда в историческом исследовании используется целая группа статистических публикаций разного времени или разного происхождения, требуется дать их сравнительную оценку с точки зрения сопоставимости данных, сходства или несходства критериев, положенных в основу группировки, и т.д. Например, во Франции времен «старого порядка», когда еще не было специально разработанной методики сбора статистической информации, при переписях (проводившихся нерегулярно) для подсчета численности населения использовались данные из церковных книг, а позднее — налоговая документация, что затрудняет их сопоставление.

При анализе статистических источников по содержанию требуют самого внимательного рассмотрения использованные в них приемы сводной обработки первичного материала. Необходимо установить, насколько обоснованы те критерии, по которым сгруппированы статистические единицы, не являются ли они произвольными или случайными, правильно ли выбраны показатели для характеристики выделенных групп.

Например, средние величины имеют реальный смысл лишь тогда, когда они исчислены для однородных статистических совокупностей, но иногда их выводят для таких групп явлений, которые составятся на основе второстепенных или чисто формальных общих признаков. Так часто бывало в прошлом, при относительной неразвитости методов статистического анализа, но и сейчас можно встретиться с имеющими весьма зыбкую основу выкладками, скажем, относительно удельного веса в социальной структуре нашей страны так называемого «среднего класса». В составе статистической совокупности не должно выделяться слишком много групп — излишняя дробность группировки не проясняет, а скорее, затемняет общую картину, особенно если в системе характеризующих группы показателей упущено что-то важное.

В случае, если установлена явная неправильность сводки (группировки) исходных данных, желательнее всего обратиться непосредственно к первичному материалу, чтобы перегруппировать его на основе иных, научно выверенных критериев. Но исследователю, работающему в области новой и новейшей истории стран Европы и Америки, подобная возможность предоставляется довольно редко — по причинам, о которых уже сказано.

Выяснение затронутых выше вопросов (источник первичных данных, способ их регистрации, структура и состав формуляра, качество группировки) необходимо историку для суждения о достоверности используемых статистических материалов. Но достоверность статистики зависит и от других обстоятельств.

Отклонения от истины на уровне первичного учета могут возникать прежде всего из-за ошибок статистического наблюдения — таких, как неполный охват подлежащих регистрации единиц, пропуск записи или неясная запись сведений об отдельных единицах, неверная с фактической стороны запись отдельных ответов. По происхождению подобные ошибки наблюдения делятся в статистике на *непреднамеренные* и *преднамеренные*, а по значению — на *случайные* (т.е. такие, которые с равной вероятностью могут исказить данные и в сторону преувеличения, и в сторону преуменьшения) и *систематические* (т.е. искажающие сведения в одном направлении).

Случайные ошибки совершаются, как правило, непреднамеренно — в результате допущенной регистратором описки, по неопытности, невниманию и тому подобным причинам и в процессе сводки данных взаимопогашаются, а потому при использовании готовой, обработанной статистики их можно не принимать в расчет. Систематические же ошибки всегда (за исключением, может быть, случая неисправности измерительных приборов, не замеченной регистратором) являются ошибками преднамеренными, т.е. делаются с целью скрыть или исказить действительное положение вещей. Они выражаются в округлении цифр, заносимых в первичные учетные документы, в умышленном пропуске единиц наблюдения и т.д. Эти ошибки не погашаются при сводке данных и могут существенно исказить обобщающие показатели.

Особого рода ошибки могут иметь место при выборочном статистическом наблюдении. Они называются *ошибками представительства* (репрезентативности) и выражаются в необоснованном или случайном отборе той группы единиц, по которой должны выявляться типичные характеристики всей совокупности. Но при правильной организации выборочного наблюдения получаемый материал, как считают статистики, отличается высокой степенью достоверности. Вероятность непреднамеренных ошибок регистрации здесь меньше, чем при сплошном наблюдении, т.к. выборочные наблюдения проводятся силами более квалифицированных работников. С другой стороны, у лиц, проводящих выборочное наблюдение, нет личной заинтересованности в искажении собираемых ими данных.

Однако недостоверность первичного материала может быть вызвана не только невольными упущениями или недобросовестностью статистических работников при сборе сведений. Зачастую и сами опрашиваемые по тем или иным причинам искажают истину в своих ответах. Нередко к сообщению ложных сведений побуждает корыстная заинтересованность. В Италии, например, вошло в традицию, что работодатели, дабы снять с себя часть требуемых по закону выплат на социальные нужды, сообщают государственным статистическим органам преднамеренно заниженные данные о численности рабочих своих предприятий.

Во время переписей населения статистические работники особенно часто сталкиваются с тем, что опрашиваемые опасаются оглашения личной тайны и не хотят давать откровенных ответов. Это известное из зарубежной практики явление со всей наглядностью подтвердил опыт переписи 2002 г. в России. При невысоком культурном уровне опрашиваемых в их ответах возможны непреднамеренные искажения истины из-за неправильного понимания смысла поставлен-

ных вопросов. Представители старших возрастных групп не всегда знают свой точный возраст, а долгожители могут и намеренно преувеличивать его (статистики называют это «старческим кокетством»).

Статистика принимает определенные меры к тому, чтобы выявить погрешности в собранном первичном материале. Данные статистического наблюдения перед их обработкой должны проверяться. Такая проверка ведется в двух направлениях. Так называемый арифметический контроль имеет целью проверить счетную согласованность данных, которые занесены в формуляры наблюдения, и правильность подсчета итогов. Задача логического контроля — проверка правильности содержания сведений, собранных по каждой единице наблюдения. Она осуществляется путем сравнения данных различного рода (ответов на разные вопросы одного и того же формуляра, сведений аналогичного характера в обследованиях, относящихся к разному времени, результатов сплошного и специально организованных выборочных наблюдений и т.д.).

Сказанное, однако, относится лишь к самому высокому современному уровню организации статистических исследований. В прошлом такая проверка достоверности статистических данных в самом процессе их обработки если и делалась, то гораздо более поверхностно.

В ходе источниковедческого анализа материалов статистики необходима, таким образом, дополнительная проверка их достоверности методами собственно исторической критики. Именно для этого требуется предварительно как можно подробнее выяснить, каковы были цели, методика, условия проведения данного статистического обследования, от кого и как получался первичный материал, где и каким способом (вручную или с помощью компьютера) он обобщался и обрабатывался. Такие сведения дают основу для суждения о том, насколько надежен исследуемый статистический источник в целом, в чем именно и почему ему не следует доверять, в каком направлении его показания могут отклоняться от истины.

Однако максимально полное выявление возможных или вероятных причин недостоверности статистических материалов важно не само по себе, а как шаг по пути к установлению истины, как способ «взвесить», насколько в том или ином конкретном случае статистика расходится с действительностью. Чтобы судить об этом более определенно и попытаться хотя бы приблизиться к истине, следует сравнить показания различных статистических источников, подвергнуть их данные взаимопроверке. Это даст возможность если не установить точные абсолютные цифры, то, по крайней мере, определить порядок их преувеличения или преуменьшения.

При расхождении показаний разных источников их сравнительная достоверность может быть проверена математическими методами. Для этого годится, в частности, системный подход — включение проверяемых данных в систему других показателей. Если они вписываются в эту систему, не противоречат ей — это довод в пользу их достоверности.

Применение к статистическим источникам математических методов позволяет значительно повысить их информационную отдачу, не ограничиваясь использованием заключенной в них прямой информации. Особенно результативен в этом смысле метод корреляционного анализа, с помощью которого может быть измерена и представлена в количественном выражении взаимозависимость определенных процессов в экономическом развитии общества. Например, обработка с помощью специальных коэффициентов корреляции динамических рядов данных о ценах на зерно в отдельных местностях дает представление о том, существует ли сопряженность в колебаниях этих цен и насколько она значительна, а тем самым — получить информацию, конкретно характеризующую процесс складывания общенационального рынка¹.

¹ Максимально наглядное изложение методики корреляционного анализа — *Малов В.Н.* К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX веках (Опыт корреляционного анализа)//Французский ежегодник 1979. М., 1981. Об этом и других методах извлечения из статистических данных косвенной информации см. также: *Миронов Б.Н.* К вопросу об использовании скрытой исторической информации (на материалах статистических источников XVIII — нач. XX в.)//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. XVII.

Глава 8

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА В РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Из истории опросов. Материалы опросов общественного мнения (*демоскопических опросов*) активно используются историками, работающими преимущественно в области новейшей, современной проблематики. Специально же этими опросами занимается социология, становление и развитие которой тесно связано со статистикой. «Анкета мнений» первоначально существовала в недрах статистики и лишь во второй половине XX века обрела самостоятельное значение. Из статистики заимствована и методика сбора и обработки массовых данных, на которых основан *зондаж* общественного мнения: выборочный опрос по заранее намеченной программе, отраженной в пунктах формуляра (анкеты), заполняемого самим респондентом (опрашиваемым) или тем, кто берет у него интервью, подразделение полученных ответов на группы, количественные подсчеты и анализ их итогов.

На рубеже XIX—XX вв. возникла разновидность опроса, которую позднее стали называть *экспертной оценкой*: небольшому кругу лиц, компетентных в определенной области, предлагалось высказать в форме ответов на несколько вопросов свое мнение по поводу тех или иных явлений или фактов. Подобным образом Ж. Жорес выяснял позицию деятелей международной социал-демократии по двум вопросам, вызвавшим острые разногласия во французском социалистическом движении (отношение к «делу Дрейфуса» и допустимость участия социалиста в правительстве), а Г.В. Плеханов — их оценку революции 1905 г. в России (предмет споров между большевистским и меньшевистским течениями РСДРП). Материалы обоих опросов были опубликованы в периодической печати (в газете Жореса «Petite Republique» и в русском эмигрантском журнале «Современная жизнь»), каждый из них опросил около полутора десятков участников, имена которых указывались (при экспертной оценке это принято — выясняется точка зрения именно определенных лиц).

К этому времени относятся и первые опыты более или менее представительных выборочных опросов. Один из них был проведен в 1894 г. в Италии миланским журналом *Vita moderna* и касался отношения в обществе к идеям социализма (социалистическое движение уже пользовалось значительным политическим влиянием). Литераторам, ученым, деятелям искусства было разослано 1200 анкет, состоявших из трех вопросов:

1. Как Вы относитесь к социализму — с симпатией, враждебно или безразлично?

2. Является ли данное отношение результатом размышлений, изучения вопроса или же подсказано чувством?

3. Если социализм осуществится на практике — будет ли это означать более совершенную экономическую организацию общества или приведет к выработке человеческого типа с более высокими душевными качествами?

Респондентов просили указать свой возраст и профессию. Заполненными вернулись 193 анкеты (в том числе больше половины — от литераторов). Все ответы были опубликованы с именами респондентов и по содержанию распределились так: благожелательное отношение к социализму — 151 (110 безусловно и 41 — с какими-либо оговорками); враждебное — 30 (безоговорочно); безразличное — остальные¹.

В 1912—1913 гг. в Италии прошли еще два опроса: об отношении к движению националистов и к масонству. Состав респондентов и в этих случаях был примерно таким же, как в опросе 1894 г., — они принадлежали преимущественно к высшему слою интеллигенции². Материалы опроса о национализме вышли отдельным изданием³.

В конце 1907 г. состоялся опрос в Австрии, имевший целью выяснить, как повлияло введение всеобщего избирательного права в этой части двуединой монархии Габсбургов на межнациональные отношения⁴. Среди 80 опрошенных были политические деятели (в том числе депутаты парламента и местных сеймов), университетские профессо-

¹ Частичная публикация материалов опроса — в антологии: *I socialisti. Cronaca inedita dell'Unità d'Italia a cura di A. De Jaco*. [Roma], 1974. P. 483—516.

² Подробнее см.: *Коломиец В.К.* Опросы общественного мнения как источник для изучения политических ориентаций итальянцев в конце XIX — начале XX в. // *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. 1983. М., 1983.

³ *Il Nazionalismo giudicato da Letterati, Artisti, Scienziati, Uomini politici e giornalisti italiani*. Con prefazione di Arturo Salucci. Genova, 1913.

⁴ *Das neue Österreich. Eine politische Rundfrage veranstaltet von C.M. Dancer*. Viden, 1908.

ра, представители разных национальностей. Им предлагалось ответить на четыре вопроса, касавшиеся различных проектов реформирования существующего статуса национальностей и путей к лучшему взаимопониманию между ними. Были указаны имена всех респондентов, сообщались сведения об их роде занятий, партийной принадлежности и т.д.

В 1928 г. в Германии по инициативе профсоюза текстильщиков было проведено обследование условий труда и быта работниц этой отрасли. Были опубликованы ответы 150 женщин на вопросы о том, как строится их рабочий день и как распределяется время в выходные дни¹. Подобный материал ценен для изучения истории повседневной жизни. Масштабные исследования повседневной жизни немцев в 30—60-е годы XX в. были предприняты в ФРГ и ГДР незадолго до объединения двух послевоенных германских государств².

Ориентация общественного мнения в объединившейся Германии осталась, как констатировал в начале XXI века западногерманский автор, глубоко различной. Так, в апреле 1999 г., по данным выборочного опроса, 65% западных немцев одобрили воздушные удары НАТО по Югославии, тогда как в бывшей ГДР почти 60% высказались за немедленное прекращение военных действий.

Несколько близких по методике опросов было проведено социологическими службами Франции по заказу различных СМИ в преддверии 200-летнего юбилея Великой французской революции³. Их целью было выяснить, каков образ революции в сознании современных французов и какое место она занимает в коллективной исторической памяти.

¹ Mein Arbeitstag — mein Wochenende: 150 Berichte von Textilarbeiterinnen/Gesammelt und herausgegeben vom Deutschen Textilarbeiterverband. Berlin, 1930.

² «Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll». Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet. L.Niethammer (Hrsg.). Berlin — Bonn, 1983; Bd. 1. «Hinterher merkt man, dass es richtig war, dass es schiefgegangen ist». Nachkriegserfahrungen im Ruhrgebiet. L.Niethammer (Hrsg.). Berlin — Bonn, 1983; Bd. 2. Niethammer L., von Plato A., Wierling D. Die volkseigene Erfahrung. Eine Archäologie des Lebens in der Industrieprovinz der DDR. Berlin, 1990; von Plato A., Meinicke W. Alte Heimat — neue Zeit. Vertriebene, Umgesiedelte, Flüchtlinge in der SBZ/DDR. Berlin, 1991.

³ См.: SOFRES. L'état de l'opinion. Clés pour 1988. Paris, 1988. P. 191—200; Le Nouvel Observateur, 6 janvier 1989; Le Monde, 4 janvier 1989, а также Согомонов А.Ю. Двести лет спустя (что думают французы о революции 1789 г.) // Социологические исследования. 1989. № 4.

Основные вопросы, предлагавшиеся респондентам, касались их представлений о том, была ли революция необходима, о наиболее значительных событиях и действующих лицах революции, об отношении к террору и, в частности, к казни королевской четы и якобинских вождей, а также позиции в случае, если бы респонденты жили в то время. Фиксировались и учитывались при подведении итогов пол и возраст респондентов и их политические симпатии (голосование на выборах за одну из основных политических партий Франции).

Преобладала методика так называемой «*закрытой анкеты*»: по каждому вопросу предлагалось несколько вариантов ответа, из которых респонденту предстояло выбрать совпадающий с его мнением. Например, в одном из опросов в перечне из 10 ставших символами революции событий на первом месте по «рейтингу» оказалась Декларация прав человека и гражданина (74% опрошенных), а на втором — взятие Бастилии (55%). Два опроса предлагали респондентам определить свое отношение (положительное, отрицательное или безразличное) к политическим деятелям из списка в 9—10 имен. В одном из них впереди других по числу симпатизирующих оказались Лафайет и Бонапарт (соответственно — 57 и 53%), в другом — Лафайет и Дантон (45 и 42%). В третьем же опросе к персоналиям применялась, по-видимому, методика «*открытой анкеты*», когда вопросы задаются без «подсказки» возможных ответов. Респондентам было предложено назвать наиболее значительных, по их мнению, деятелей революции. Было названо 7 имен (Бонапарт, Дантон, Людовик XVI, Марат, Мирабо, Робеспьер, Сен-Жюст), больше всего «голосов» набрали Робеспьер и Дантон (48 и 40%), остальные — в диапазоне от 5 до 12%, а 38% респондентов не высказались вообще.

При постановке вопроса о том, была ли нужна революция, альтернативные варианты ответов формулировались развернуто, с мотивировкой. Позиции респондентов распределились так:

66% — необходимый этап, чтобы изменить французское общество;

23% — бесполезное испытание, т.к. французское общество эволюционировало бы и без нее;

11% — не выразили своего мнения.

Почти половина респондентов (49%) ответили положительно на вопрос: «Приняли ли бы Вы участие в революции, если бы жили в то время?» Вычисленная отдельно для респондентов с разными политическими предпочтениями доля положительных ответов превышала эту цифру у избирателей левых партий — ФКП и ФСП (соответственно 79 и 57%), но была немалой и у тех, кто поддерживал правоцентристов или правых (37—40%). 6% всех респондентов ответили, что

они боролись бы против революции, 33% — не вмешивались бы, 12% не высказали своего мнения.

В настоящее время зондаж общественного мнения в странах Европы и Америки обычно осуществляют специальные исследовательские центры и институты. Старейший и наиболее известный из них — Институт Гэллага в США, основанный в 1935 г. при Принстонском университете.

Источниковедческий анализ опросов общественного мнения. За все время существования демокопических исследований не было недостатка в негативных или скептических оценках их результативности и объективности. Людей часто раздражало бесцеремонное, с их точки зрения, вторжение в сферу их мыслей и чувств, а также их удерживали от участия в опросах опасения, что может иметь те или иные нежелательные последствия. Высказывались и подозрения в том, что общественное мнение при проведении опросов не столько изучается, сколько фабрикуется в заданном направлении, служит объектом манипуляции¹.

Вряд ли подобное отношение к опросам возникло без всяких на то оснований: повод давали сначала сама новизна и непривычность предмета, неосвоенность методики опросов, а позднее, когда демокопия стала модой, — паразитирование на этом поприще массы дилетантов, своей продукцией подрывающей доверие также и к серьезным исследованиям. Но игнорировать существование таких представлений было бы неправильно — хотя бы потому, что они затрагивают главное в оценке материала опросов как исторического источника: проблему их адекватности реальному состоянию общественного мнения.

При проведении опроса должен соблюдаться ряд профессиональных требований, что является определенной гарантией надежности полученных результатов. В частности, важна репрезентативность выборки. Для современных выборочных опросов считается достаточной выборка в 1500—2000 чел.; если число опрошенных не указано, обычно имеется в виду именно такая стандартная величина. Репрезентативность измеряется не только количественным, но и качественным составом выборки (представительство разных возрастных групп, мужчин и женщин, городских и сельских жителей, социально-профессиональная принадлежность респондентов и т.д. — в зависимо-

¹ Французский автор Патрик Шампань опубликовал в 1990 г. книгу под многозначительным названием — «Делать мнение: новая политическая игра». Реферат этой книги был помещен в журнале «ПОЛИС» (1992. № 3), а в 1994 г. она вышла в переводе на русский язык.

они боролись бы против революции, 33% — не вмешивались бы, 12% не высказали своего мнения.

В настоящее время зондаж общественного мнения в странах Европы и Америки обычно осуществляют специальные исследовательские центры и институты. Старейший и наиболее известный из них — Институт Гэллага в США, основанный в 1935 г. при Принстонском университете.

Источниковедческий анализ опросов общественного мнения. За все время существования демокопических исследований не было недостатка в негативных или скептических оценках их результативности и объективности. Людей часто раздражало бесцеремонное, с их точки зрения, вторжение в сферу их мыслей и чувств, а также их удерживали от участия в опросах опасения, что может иметь те или иные нежелательные последствия. Высказывались и подозрения в том, что общественное мнение при проведении опросов не столько изучается, сколько фабрикуется в заданном направлении, служит объектом манипуляции¹.

Вряд ли подобное отношение к опросам возникло без всяких на то оснований: повод давали сначала сама новизна и непривычность предмета, неосвоенность методики опросов, а позднее, когда демокопия стала модой, — паразитирование на этом поприще массы дилетантов, своей продукцией подрывающей доверие также и к серьезным исследованиям. Но игнорировать существование таких представлений было бы неправильно — хотя бы потому, что они затрагивают главное в оценке материала опросов как исторического источника: проблему их адекватности реальному состоянию общественного мнения.

При проведении опроса должен соблюдаться ряд профессиональных требований, что является определенной гарантией надежности полученных результатов. В частности, важна репрезентативность выборки. Для современных выборочных опросов считается достаточной выборка в 1500—2000 чел.; если число опрошенных не указано, обычно имеется в виду именно такая стандартная величина. Репрезентативность измеряется не только количественным, но и качественным составом выборки (представительство разных возрастных групп, мужчин и женщин, городских и сельских жителей, социально-профессиональная принадлежность респондентов и т.д. — в зависимо-

¹ Французский автор Патрик Шампань опубликовал в 1990 г. книгу под многозначительным названием — «Делать мнение: новая политическая игра». Реферат этой книги был помещен в журнале «ПОЛИС» (1992. № 3), а в 1994 г. она вышла в переводе на русский язык.

сти от предмета исследования). Еще один обязательный принцип — объективность того, кто проводит опрос, его «отстраненная», не окрашенная какими-либо пристрастиями позиция. Формулировки «закрытой анкеты» должны быть нейтральны, чтобы у респондента не возникало ощущения, что ему навязывается определенный выбор из предлагаемых вариантов ответа. Если респондента опрашивают устно, в форме интервью — интервьюеру следует избегать наводящих вопросов, подсказок, собственных комментариев. Профессиональный уровень организации опроса проявляется и в том, как составлена его общая программа, какие пункты внесены в нее, как они взаимосвязаны, в каком порядке расположены и т.д.

Анализ по всем этим параметрам изучаемых историком материалов демокопического опроса — необходимое, но недостаточное условие для суждения об их достоверности. Его следует дополнить критикой источника по другим, уже известным из предшествующих глав направлениям.

Личностная характеристика респондентов имеет существенное значение при опросах типа экспертной оценки или проводимых посредством интервью (в этом случае форма и длительность ответов обычно не регламентированы, и они сохраняют индивидуальные авторские особенности). Такие опросы сообщают и имена респондентов. Массовые же выборочные опросы посредством анкетирования сейчас, как правило, анонимны, хотя в прошлом (как видно из приведенных примеров) бывало и иначе. Опросы подобного рода направлены на выяснение устойчивых общих тенденций и в этом отношении сходны с материалами статистики, где соблюдается анонимность отдельных единиц совокупности.

От того, будут ли при публикации указаны имена респондентов или нет, в определенной степени зависит откровенность их ответов, причем разные люди реагируют на эти условия опроса не одинаково. Одних перспектива увидеть свое мнение опубликованным под собственным именем смущает и они «зажимаются», осторожничают, предпочитают отвечать кратко, других же, наоборот, воодушевляет и стимулирует их активность.

Существенно и то, каково было отношение в обществе к социологическим опросам вообще и к проведению данного опроса — в частности. С этой точки зрения важно знать время анкетирования (обычно оно указывается) и иметь представление об общесторическом контексте, в который вписывалась реакция общественного мнения на предложенные темы. Так, рассмотренные выше опросы об отношении современных французов к Французской революции были со-

ставной частью широкомасштабной подготовки к празднованию ее 200-летнего юбилея, сопровождавшейся острой полемикой¹.

Важная и зачастую непростая проблема — сравнение материалов разных опросов. Чтобы оно было корректным, необходимо сходство применявшихся в разных случаях критериев или возможность привести их к какому-то «общему знаменателю». Расхождение в результатах во многом зависит еще и от того, предназначены ли итоги опросов для публикации в СМИ или же только для нужд социологов. В российских СМИ опросы часто используются — по меткому выражению отечественного ученого — «не столько для зондирования общественного мнения, сколько для его «зомбирования», т.е. давления на избирателя»². Вот наглядная иллюстрация:

*Политические предпочтения населения по опросам общественного мнения перед первым и вторым туром президентских выборов 1996 г. (в % от общего количества опрошенных)*³

Вопрос: Если бы выборы состоялись завтра, кому бы Вы отдали предпочтение?

а) перед первым туром:

Кандидаты	ВЦИОМ	«Общественное мнение»		Журналистские опросы
	Не для печати	Не для печати	Для прессы	
Ельцин	7	32	63	34
Зюганов	51	28	45	15
Лебедь	10	15	20	0
Жириновский	9	10	35	0
Явлинский	5	7	25	5
Федоров	1	1	—	—

б) перед вторым туром:

Кандидаты	ВЦИОМ	«Общественное мнение»		Журналистские опросы
	Не для печати	Не для печати	Для прессы	
Ельцин	21	54	55	45
Зюганов	62	40	40	25

¹ См. об этом: Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. М., 1991. С. 169—186.

² Юревич А.В. Наука и СМИ//ПОЛИС. 2001. № 3. С. 6.

³ Источниковедение новейшей истории России... С. 253. Из таблицы видно, что даже и не предназначенные для публикации данные разных социологических центров весьма расходятся между собой.

Достоверность представленной опросами картины общественно-го мнения выявляется и из сравнения разных демокопических данных, но прежде всего — из сопоставления с реальностью. Например, данные предвыборных опросов о распределении политических симпатий населения между различными партиями и основанные на них прогнозы далеко не всегда совпадают с результатами уже прошедших выборов, зафиксированными избирательной статистикой. В других случаях о действительных настроениях в обществе можно найти убедительные свидетельства в источниках неофициального, личного происхождения.

Методика анкетирования в приложении к другим источникам. Демокопические опросы могут служить историческим источником лишь в сравнительно узком хронологическом диапазоне (с конца XIX в. до современности). Но их освоение побудило историков искать подобие этому материалу и приемам его исследования применительно к более отдаленному прошлому.

В научный обиход давно вошли крупные комплексы таких однотипных документов, как петиции и указы, в изобилии появляющиеся в кризисные периоды, накануне или во время революций. Но они не изучались как совокупность; документы подобного рода рассматривались по отдельности и использовались по преимуществу иллюстративно. Это было характерно, например, для историков конца XIX — начала XX в., обращавшихся к указам в Генеральные Штаты 1789 г. во Франции¹. То же самое относится к работам французского исследователя Ж. Белена (Белен—Мийерона), специально посвященным петициям времен двух французских революций (конца XVIII в. и 1848 г.)². Они являются своего рода образцом «доколичественного» подхода к таким источникам — без каких-либо подсчетов, классификации и т.д.

В позднейших работах историков не только Франции, но и других стран к указам 1789 г. стала применяться методика, делавшая их пригодными для количественной обработки, в том числе с помо-

¹ Тексты сводных указов начали публиковаться еще в XIX в. в первых томах «Парламентских архивов» (см. гл. 3), а местных — вошли в многотомную коллекцию, которая была издана основанной в 1903 г. по инициативе Ж. Жореса Комиссией по разысканию и публикации документов по экономической истории революции. Путеводитель по указам с указанием места публикации каждого — *Hyslop B. A Guide to the General Cahiers of 1789, with the Texts of Unedited Cahiers.* New York, 1936.

² *Belin J. La logique d'une idée-force: l'idée de l'utilité sociale et la Révolution française.* Paris, 1939; *Belin-Milleron J. Les pétitions de 1848//1848. Revue des Révolutions contemporaines.* 1950. Т. 43.

шью компьютера. Сошлемся на исследование отечественного автора Л.А. Пименовой о французском дворянстве накануне революции: дворянские указы 1789 г. рассмотрены в нем как целостный корпус источников, на основе которого выявлены, в частности, существовавшие в дворянской среде разные типы социально-политического мышления и приверженность различным типам экономической программы¹. В данном случае указы (числом 165) вполне заменяют собой массовый опрос респондентов одной и той же сословной принадлежности.

Петиции по торгово-экономическим вопросам, направленные во время революции 1848 г. в Национальное собрание Пруссии, — еще один пример большого комплекса источников, приближенного в процессе его обработки немецким историком Г. Бестом к материалам массового опроса². Бест изучил несколько тысяч таких петиций, под которыми подписалось около 400 тыс. человек, в большинстве — рабочих, ремесленников, крестьян. С помощью компьютера он детально исследовал (с использованием различных коэффициентов), как распределились между разными социально-профессиональными группами предпочтения в пользу протекционизма или свободы торговли, каковы были мотивы поддержки того или другого, какие факторы и в какой степени влияли на эту поддержку и т.д.

Отечественных историков подводила к поискам применимой в подобных случаях методики разработка активно изучавшейся в советское время проблематики массовых движений и психологии их участников. Все, кто этим занимался, сталкивались с тем, что множество частных фактов было очень трудно представить в обобщенном виде. Напрашивалась мысль вести анализ однотипных или содержащих массовые данные источников, используя определенную программу-вопросник, своего рода анкету. Ответ на внесенные в нее вопросы историк ищет в тексте источников.

Одним из первых в нашей стране такой прием применил Б.Г. Литвак, исследуя крестьянское движение в 29 губерниях Европейской России накануне и в первые годы после отмены крепостного права. Он составил и разослал в местные архивы карточку-анкету из 11 пунктов, которую следовало заполнить применительно к каждому отдельному выступлению. Рекомендации архивистам к заполнению карточек подробно пояснялись и были сходны с профессиональными

¹ Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 110—112, 149—151.

² См.: Best H. Interessenpolitik und nationale Integration 1848/49. Handelspolitische Konflikte in frühindustriellen Deutschland. Göttingen, 1980.

требованиями при проведении социологических опросов (беспристрастная регистрация фактов, воздержание от собственных комментариев и т.д.). Образец заполненной карточки воспроизведен в книге¹. Расформированный по карточкам-анкетам материал поддавался количественной обработке и обобщению.

Другие отечественные авторы (А.И. Нильве, Н.Н. Лещенко и в особенности белорусский историк О.Г. Буховец) сосредоточились на изучении общественного сознания крестьянства и крестьянского движения в период революции 1905—1907 гг., основываясь прежде всего на наказах от крестьян во II Государственную Думу и «приговорах» (постановлениях) крестьянских сходов. В их работах подробно пояснялась методика исследования этих источников с использованием карточек или таблиц-вопросников. Иногда такой прием применялся для обработки не только однотипных, но и разных по характеру источников и позволял свести воедино их данные.

Документы типа наказов или петиций имеют и отличия от материалов демоскопических опросов. В частности, у каждого такого документа, подаваемого от лица более или менее значительной группы людей, всегда есть автор. Знать, кто это был, историку немаловажно, особенно если речь идет о крестьянских наказах: они далеко не всегда составлялись самими крестьянами, и если установлено имя или хотя бы факт принадлежности автора к иной среде, это может помочь взглянуть в тексте след каких-либо личных, политических, идеологических влияний на участников собрания или схода. В дворянских наказах 1789 г. такое влияние «со стороны» исключено (участниками предвыборных собраний были только дворяне и среди них всегда находились люди с литературными навыками). В числе составителей этих наказов были яркие личности с известными именами (философ Кондорсе, герой войны за независимость США Лафайет, ученый-химик Лавуазье), а в протоколах собраний иной раз отражалась острая борьба вокруг текста, поправки, заявленное кем-либо особое мнение и т.д. Кому принадлежит авторство изначального или окончательного текста — обычно устанавливается по документам, связанным с его принятием.

Не в меньшей мере, чем авторство наказа или петиции, важна социальная принадлежность тех, от чьего лица документ был подан, а главное — выяснение того, адекватно ли его содержание реальным устремлениям данного слоя, группы, сословия. Состав подателей петиций обычно известен, т.к. они подписываются, но далеко не всегда

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 85.

анализируется специально и углубленно. В упомянутой выше работе Г. Беста подобный анализ послужил основанием для выводов концептуального характера (широкая поддержка в народе экономической программы либеральной буржуазии и полемика с марксистской интерпретацией ее роли в германской революции 1848—1849 гг.). Совершенно иначе поступил Ж. Белен-Мийерон, изучив разнообразные петиции, появившиеся в ходе революции 1848—1849 гг. во Франции. Он сообщает, кем подавались эти петиции (муниципальными советами, ассоциациями рабочих, а также от имени национальных гвардейцев, чиновников, служащих, крестьян, женщин, писателей, иностранцев, иногда анонимно) и даже говорит о них как о феномене «коллективной памяти», имея в виду, что их идеи перекликаются с идеями петиций Великой революции. Но эти суждения основаны на отдельных проявлениях сходства, а не на фронтальном, «социологическом» анализе всего массива рассмотренных ученых петиций. Вопрос о том, соответствовали ли изложенные в петициях требования реальным настроениям в той среде, из которой они исходили (иначе говоря, о достоверности петиций как источника), остается вне его поля зрения.

Как и любой источник, петиции и указы должны рассматриваться с учетом конкретных условий, при которых они вырабатывались, в частности, обстоятельств места и времени. Источниковедческий анализ этих документов может быть также обогащен их сравнением с другими — либо аналогичными по типу, но более ранними по времени¹, либо отличающимися от них по характеру, но содержащими информацию, полезную для проверки их достоверности. Проиллюстрируем, как может выглядеть и что может дать такое сопоставление, на примере одной из работ О.Г. Буховца².

В этой работе было исследовано 79 представленных от имени крестьян документов политического характера — «приговоров» и наказов. Содержавшиеся в них требования автор сгруппировал по 30 вопросам карточки-анкеты, а затем изучил по различным статистическим источникам участие крестьян тех местностей, откуда подавались документы, в других формах выступлений в годы революции. Сравнение изложенных в наказах требований с реальным поведени-

¹ Так, в книге Л.А. Пименовой помимо наказов 1789 г. использованы указы 1614 и 1649—1651 гг., что позволяет выявить эволюцию дворянской ментальности.

² Буховец О.Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. (По материалам Самарской губернии)//История СССР. 1979. № 3.

ем крестьян в ходе таких выступлений выявило соответствие между тем и другим. На этом основании автор пришел к выводу, что рассмотренные им «приговоры» и наказания действительно отражают крестьянские требования, даже в тех случаях, когда их составители не были крестьянами. В другой своей работе он предпринял попытку применить к источникам по той же тематике приемы контент-анализа¹.

В руках историка могут превращаться в социологический материал для изучения общественного сознания даже источники личного происхождения, функционально не являющиеся массовыми, но представленные в значительных количествах и отражающие опыт, пережитый в сходных условиях множеством людей. Например, Отечественная война 1812 г. породила в России огромный поток мемуарных произведений, не иссякавший на протяжении ряда десятилетий. Новаторский подход к мемуарным источникам как целостному массиву был продемонстрирован А.Г. Тартаковским²: он исследовал более 450 таких произведений с использованием карточки-анкеты из нескольких десятков пунктов. Внимание социологов еще в начале XX века привлекли письма из США польских иммигрантов-крестьян, в совокупности отражавшие сложный процесс их адаптации к новой реальности³. Этот источник сейчас используется и историками, изучающими судьбы традиционной крестьянской культуры в условиях цивилизационных изменений⁴.

Исследователи такого специфически российского источника, как широко публикуемые сейчас «письма во власть», справедливо обращают внимание на то, что взятые в массе письма содержат в себе информацию, недоступную на уровне отдельного документа, и больше чем какие-либо другие источники приближают историка к пониманию менталитета и его изменений в разных общественных слоях⁵. В свете новых подходов к письмам отечественные ученые вернулись к

¹ Буховец О.Г. Математика в исследовании общественного сознания крестьян: крестьянские приговоры и наказания 1905—1907 гг. // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

³ Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group. Boston, 1918. Vol. 1—5.

⁴ См., например: Крисань М.А. В поисках потерянного мира. О функционировании элементов крестьянской культуры в условиях эмиграции (на примере польских крестьянских писем рубежа XIX—XX веков) // Славяноведение. 2003. № 4.

⁵ См.: Источниковедение новейшей истории России... С. 357—358.

проблематике массового сознания россиян в период Первой мировой войны и революции 1917 г.¹ В частности, к ним были применены методы контент-анализа: исследование велось на основе представительной выборки (например, А.М. Маркевич использовал около 500 солдатских писем), выявляло в источниках системообразующие смысловые узлы или информационные блоки. В результате были обнаружены такие оттенки настроений на фронте и в тылу, которые не улавливались или игнорировались в работах советского времени, и притом была сохранена форма их выражения, характерная для речевой практики той эпохи.

¹ См.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Поршнева О.С., Поршнев С.В.* К характеристике менталитета народных масс России: революция 1917 г. в фокусе массового сознания (опыт системного анализа писем рабочих, крестьян и солдат в центральные органы Советов рабочих и солдатских депутатов//Круг идей. Историческая информатика на пороге XXI века. М.; Чебоксары, 1999; *Маркевич А.М.* Солдатские письма во ВЦИК и Петросовет в 1917 г.//Там же.

Глава 9

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

Политические партии и партийные системы. Политические партии в собственном смысле слова возникли в новое время, хотя и до этого на исторической сцене выступали различные группировки со своими лидерами, условно называемые партиями. Раскрытие понятия партии в предыдущем издании пособия (наиболее активная и организованная часть какого-либо класса, имеющая свою особую программу и объединяющая ее приверженцев в рамках определенной, четко выраженной структуры) требует существенной корректировки. Изложение соответствующего материала слишком тесно привязано там к жесткой классовой схеме, дает представление только о марксистском подходе к данному вопросу и к тому же рисует партии такими, какими они были лишь в ограниченный период (конец XIX — первая половина XX в.), теперь же и они сами, и их роль в общественной жизни во многом изменились.

Для стран Европы и Америки традиционно существование множества партий. Но эти партии имеют разный политический вес, находятся в разных взаимоотношениях. Устойчивый, прочно вошедший в практику тип таких взаимоотношений — важнейший признак, свидетельствующий о наличии в данной стране сложившейся *системы* партий. Специфика партийной системы в отдельных странах зависит от присущих им особенностей социальной структуры, политических традиций и т.д.

В ряде стран (США, Англия, Канада, Новая Зеландия) существует система, традиционно именуемая двухпартийной. Общее число партий в стране при такой системе может быть различно, но две из них являются главными, причем они не вступают друг с другом в коалицию, а чередуются у власти. Другие страны (например, Франция при

III и IV Республиках) не знали устойчивого преобладания одной-двух партий над другими. Отсюда ведет истоки пестрота состава парламента, непрочность правительственных коалиций и частая смена кабинетов. При V Республике французская партийная система стала эволюционировать в сторону двухпартийности: существующие партии начали стягиваться в два блока, противостоящие друг другу на выборах. Похожие тенденции отмечались на протяжении второй половины XX века в ФРГ и в Италии, тогда как в Бельгии, Дании, Нидерландах, Финляндии какой-либо поляризации не наблюдается. Для Швеции и Норвегии характерно значительное и длительное преобладание над всеми остальными партиями не двух (как при тенденции к двухпартийности), а одной партии — социал-демократической. В Латинской Америке партии формировались в условиях запоздалого и далеко не повсеместного утверждения представительной демократии и существенно отличаются от европейских и североамериканских, хотя могут носить аналогичные названия. До недавнего времени их обычно разделяли на традиционные или исторические; «новые», выступающие за капиталистическую модернизацию; сочетающие черты тех и других. На исходе XX века обнаружилась несостоятельность применительно к Латинской Америке неolibеральных рецептов модернизации, и здесь начался новый цикл социально-политического развития, характеризующийся поворотом влево и снижением политической значимости существующих партий по сравнению с широкими народными движениями.

Политическими партиями и партийными системами в наше время занимается прежде всего политология, но и в исторических исследованиях им отводится важное место — и тогда, когда речь идет о современности, и при изучении прошлого. На этом поле политология и история во многом взаимодействуют, но их научные интересы имеют разную направленность.

Политолог рассматривает функционирование партий как некий самостоятельный механизм со своими законами, «правилами игры» (не случайно этот оборот так часто встречается в политологической литературе). Если политолог в связи с анализом различных «моделей» партий касается их истории, процесса становления, то лишь кратко, иллюстративно. Историк же смотрит на эту проблему под иным углом зрения: процесс возникновения партий интересует его как тако-

вой, а их функционирование — как составная часть определенной исторической ситуации¹.

О партийных системах политолог обычно рассуждает, оценивая предпочтительность той или иной из них с точки зрения интересов демократии, политической стабильности в стране, управляемости и т.д. Историк же обязан помнить о том, что система партий не может быть создана искусственно или путем заимствования чужих образцов, что партийные системы эволюционируют, что в ходе их развития не раз бывали моменты своего рода «смены поколений», и с особым вниманием исследовать, как и почему это происходит. Как правило, такие перемены бывают сопряжены с революциями, сменой политического режима и вообще крупными общественными потрясениями.

Связь с интересами тех или иных классов и социальных слоев, на которой настаивало принятое в советской литературе определение политической партии, была свойственна партиям, какими они сложились к концу XIX в. После Второй мировой войны начали постепенно набирать силу новые тенденции. Стремясь расширить свою социальную базу, партии искали опоры в такой среде, куда их влияние раньше не проникало. Программы, с которыми они выступали на выборах, приобретали все более прагматический характер, рассчитанный на «межклассовую» поддержку, и становились все более похожими. Опросы общественного мнения свидетельствуют о падении доверия к партиям как к политическому институту².

Тем не менее партии остаются важной действующей силой (на языке политологов — «актером») в политической жизни стран Европы и Америки. В истории существовали и существуют также межнациональные объединения родственных партий. Некоторые из них

¹ Сошлемся на примеры успешной реализации такого подхода отечественными авторами: *Лабутина Т.Л.* Применение ЭВМ при исследовании формирования политических партий «тори» и «вигов» // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977 (источником служили парламентские материалы, к которым применено анкетирование и обработка на компьютере); работы о политических течениях периода Французской революции (*Гусейнов Э.Е.* Жиронда в период Законодательного собрания // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989; *Тырченко А.В.* Фельяны. М., 1999); докторские диссертации (монографии): *Канинская Г.Н.* Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М., 2001; *Байбакова Л.В.* Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество. М., 2002.

² О состоянии партий в странах Запада см.: *Холодковский К.Г.* Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001.

уже сошли с политической сцены, другие продолжают действовать или возникли недавно — в связи с процессом европейской интеграции.

Длительный исторический путь прошли не только политические партии, но и различные массовые организации — профсоюзные, женские, молодежные и пр. Они очень разнородны как по характеру своей деятельности, так и по своему официально заявленному отношению к существующим партиям и к политике как таковой. Но на рубеже XX—XXI вв. с падением влияния не только партий, но и других традиционных форм общественных организаций все большую роль начинают играть новые общественные движения, иногда называемые в литературе «партиями новой волны». Это сторонники защиты окружающей среды, исторического облика городов, противники строительства АЭС и размещения новых видов оружия, в особенности же те, кого неточно именуют антиглобалистами¹. Эти движения нетрадиционны не только по направлениям своей деятельности, но и по типу организации: их приверженцы объединяются не по вертикали, а по горизонтали, по сетевому принципу и связаны между собой прежде всего через Интернет.

Документы политических партий. Рассмотрим сначала те виды партийной документации, которые возникли и существуют на бумажной основе.

Важнейшим источником для характеристики официальной идеологической платформы партии является ее программа. В советское время, когда отечественная историография занималась преимущественно рабочими партиями, особое значение придавалось типичным для них программам, рассчитанным на длительную перспективу и соотношенным с конечными целями данной партии (напомним хотя бы о программах СДПГ — Готской 1875 г., Эрфуртской 1891 г., Бад Годесбергской 1959 г.). Но даже эти партии имели подобную программу не всегда. Например, в Итальянской коммунистической партии на протяжении всех 70 лет ее существования (1921—1991) такую программу заменяли составлявшиеся к каждому из съездов тезисы. В партиях же, реально или потенциально правящих, их политическая линия обычно намечалась и излагалась в связи с предстоящими выборами. Так, программными документами республиканской и демократической партий в США являются предвыборные платформы очередных кандидатов в президенты.

¹ Так называемые «антиглобалисты» отвергают не глобализацию как таковую, а тот ее вариант, который осуществляется «мировым Севером» (развитыми странами) в ущерб «мировому Югу». Правильнее называть их *альтерглобалистами*, т.е. сторонниками *другой* глобализации.

уже сошли с политической сцены, другие продолжают действовать или возникли недавно — в связи с процессом европейской интеграции.

Длительный исторический путь прошли не только политические партии, но и различные массовые организации — профсоюзные, женские, молодежные и пр. Они очень разнородны как по характеру своей деятельности, так и по своему официально заявленному отношению к существующим партиям и к политике как таковой. Но на рубеже XX—XXI вв. с падением влияния не только партий, но и других традиционных форм общественных организаций все большую роль начинают играть новые общественные движения, иногда называемые в литературе «партиями новой волны». Это сторонники защиты окружающей среды, исторического облика городов, противники строительства АЭС и размещения новых видов оружия, в особенности же те, кого неточно именуют антиглобалистами¹. Эти движения нетрадиционны не только по направлениям своей деятельности, но и по типу организации: их приверженцы объединяются не по вертикали, а по горизонтали, по сетевому принципу и связаны между собой прежде всего через Интернет.

Документы политических партий. Рассмотрим сначала те виды партийной документации, которые возникли и существуют на бумажной основе.

Важнейшим источником для характеристики официальной идеологической платформы партии является ее программа. В советское время, когда отечественная историография занималась преимущественно рабочими партиями, особое значение придавалось типичным для них программам, рассчитанным на длительную перспективу и соотношенным с конечными целями данной партии (напомним хотя бы о программах СДПГ — Готской 1875 г., Эрфуртской 1891 г., Бад Годесбергской 1959 г.). Но даже эти партии имели подобную программу не всегда. Например, в Итальянской коммунистической партии на протяжении всех 70 лет ее существования (1921—1991) такую программу заменяли составлявшиеся к каждому из съездов тезисы. В партиях же, реально или потенциально правящих, их политическая линия обычно намечалась и излагалась в связи с предстоящими выборами. Так, программными документами республиканской и демократической партий в США являются предвыборные платформы очередных кандидатов в президенты.

¹ Так называемые «антиглобалисты» отвергают не глобализацию как таковую, а тот ее вариант, который осуществляется «мировым Севером» (развитыми странами) в ущерб «мировому Югу». Правильнее называть их *альтерглобалистами*, т.е. сторонниками *другой* глобализации.

В партиях более или менее структурированных их организационные принципы и нормы внутренней жизни определяются уставом. Но это опять-таки атрибут прежде всего рабочих партий, в особенности в период их становления, когда для них было важно четко отделить себя от других партий и отграничить «своих» от «чужих». В силу своего функционального назначения и устав, и программа — источники главным образом прямой исторической информации, в них трудно обнаружить что-либо, кроме целенаправленно сообщаемого составителями.

Любая политическая партия время от времени проводит свои общенациональные форумы — съезды, конференции, конвенты (у демократов и республиканцев в США). Их протокольные или стенографические отчеты, резолюции, воззвания составляют важный и богатый по содержанию разряд партийной документации. Здесь можно найти сведения о существующих в партии течениях и группировках, аргументированное изложение их позиций или отражение их закулисной борьбы, малоизвестные факты, характеризующие практическую деятельность партии, и многое другое.

Текущая деятельность руководящих органов партии и ее низовых организаций (если таковые имеются) также каким-либо образом документируется. В партиях со строгими централистскими принципами (прежде всего коммунистических) руководство и местные организации, а также различные звенья партийного аппарата ведут между собой переписку, содержащую направляемые сверху вниз директивы, идущие в обратном направлении отчеты и т.д. Такая переписка может вестись не только на национальном, но и на интернациональном уровне — в том случае, если данная партия или организация принадлежит к какому-либо международному объединению. Так, в период существования Коммунистического Интернационала (1919—1943) его Исполком (ИККИ) поддерживал регулярные сношения с компартиями отдельных стран, являвшимися секциями этой международной организации.

Наконец, к партийным документам следует причислить речи, выступления и различные произведения отдельных деятелей партии, когда они выступают как ее представители, а не как частные лица. По своему «жанру» подобные источники могут относиться и к другим категориям (парламентские материалы, газетно-журнальная или памфлетная публицистика), но партийная деятельность их автора существенна для их анализа в любом источниковедческом контексте.

Аналогичные виды документов в той или иной степени характерны для международных объединений родственных партий, а некото-

рые из них — для массовых общественных организаций традиционного характера (например, профсоюзов, тяготеющих к партиям молодежных движений). Но в XXI веке характер партийной документации существенно меняется. Прежние, фиксированные в уставах или освященные традицией организационные формы и присущие им способы документирования и коммуникации отступают перед натиском Интернета. Информация о партиях и их программах все чаще размещается на их интернет-сайтах.

Хранение, порядок публикации и основные издания партийных документов. Располагая большими комплексами документов на бумажной основе, политические партии давно сталкиваются с необходимостью создать упорядоченную систему их хранения, т.е. собственные архивы. Но такие архивы зачастую возникают значительно позднее, чем соответствующее общественное движение. В частности, социалистические рабочие организации даже в эпоху II Интернационала (1889—1914) практически их еще не имели. Документы этих организаций в подавляющем большинстве случаев сохранились не в виде целостных фондов, а среди бумаг их руководителей вперемешку с документацией чисто личного характера. Лишь в 1905 г. секретарем Международного социалистического бюро К. Гюйсмансом был учрежден в Брюсселе архив МСБ, который в сущности стал хранилищем архивов II Интернационала (см. в главе I).

Действующие организации обычно сами хранят свои архивы. Сошлемся на пример партии радикалов во Франции: ее архив за период до 1972 г, когда партия раскололась, находится в особом хранилище и открыт для исследователей. Но в той же Франции есть и специальный центр, взявший на себя соби́рание, хранение и организацию научного использования документов политических партий — Национальный фонд политических наук. Среди сохраняемых им документов немало таких, которые были размножены лишь в небольшом количестве и нетипографским способом или же вообще не публиковались — как, например, стенографические отчеты съездов католической партии МРП, которые доступны для изучения в виде микрофильмов¹.

Когда партия или иная организация почему-либо перестает существовать, ее архивы (если таковые имелись) поступают в государственные или иные публичные хранилища. Например, в период существования ГДР документы ранних рабочих организаций Германии были включены в состав архивного фонда СЕПГ, а после объединения двух германских государств весь этот фонд и другие фонды Архи-

¹ См.: *Charlot J. Répertoire des publications des parties politiques françaises 1944—1967.* Paris, 1970.

ва партий и массовых организаций ГДР были переданы (без территориального перемещения) в состав Федерального архива ФРГ. В Федеральном архиве находятся архивы НСДАП, ее филиалов и примыкавших к ней союзов не ниже областного масштаба.

В Италии после ее освобождения от фашизма в систему государственных архивов стали передаваться документы из архива фашистской партии. В 60-е гг. был открыт для научного использования архив ИКП (тогда — одной из двух крупнейших партий в политической системе страны) за период от ее основания до победы Сопrotивления. Он размещался в Институте (Фонде) Грамши в Риме, где находится и после прекращения деятельности ИКП в 1991 г., когда она была реорганизована в две новые партии. Архив компартии за весь период ее существования доступен для изучения.

Поскольку деятельность партий направлена прежде всего вовне, имея своей непосредственной целью идейно-политическое воздействие на определенные слои населения, те их документы, которые предназначены быть активным средством такого воздействия, по большей части немедленно публикуются ими самостоятельно. Так появляются публикации протокольных или стенографических отчетов съездов, сборники резолюций и воззваний, отдельные издания или сборники речей партийных лидеров, листовки местных организаций и т.д. Для публикации своих наиболее злободневных материалов партии и другие организации традиционно использовали периодическую печать, а теперь все чаще — Интернет.

Публикуемая в текущем порядке на бумажной основе партийно-политическая документация обычно не сопровождается какими-либо специальными комментариями. Если речь идет о сборнике или о стенографическом отчете съезда, т.е. об издании более или менее значительного объема, то оно может быть снабжено именованным, предметным и т.п. указателями. Но детально разработанного научного аппарата такие публикации не имеют: они не рассчитаны на исследователей (хотя и пригодны для исследовательских целей), а иногда носят сугубо популярный характер.

Не предназначена для огласки (по крайней мере, немедленной) та документация, которая относится к чисто внутренним, «закрытым» для посторонних проблемам данной партии. В исключительных случаях документы такого рода тоже предаются гласности, например, с целью опровергнуть какие-то утверждения политических противников (обычно это делается через периодическую печать). Но, как правило, подобные документы находятся в архиве соответствующей организации, где и могут быть изучены исследователями в случае доступности этого архива. Если же они публикуются в более или менее

крупных масштабах, то значительное время спустя уже не как злободневные политические документы, а как материал, представляющий интерес для истории.

Опубликованная в изданиях разного типа документация рабочих партий и международных организаций исключительно обильна. Остановимся поэтому лишь на наиболее значительных публикациях и справочно-библиографических пособиях в данной области.

Ряд крупных публикаций — отечественных и зарубежных — охватывает документы Международного товарищества рабочих (I Интернационала, 1864—1876). Оригинальные печатные издания этой организации стали ныне большой редкостью (они учтены в специальных библиографиях¹). Поэтому среди позднейших научных публикаций некоторые представляют собой перепечатку (с историческими комментариями, приложениями и т.д.) уже издававшихся, но малоизвестных документов, например, протоколы большинства конгрессов Международного товарищества рабочих². Такие же материалы, как протоколы Лондонской конференции 1871 г., Гаагского конгресса, заседаний Генерального Совета I Интернационала, в подобных специальных изданиях увидели свет впервые³. Многие документы I Интернационала вошли в собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, так как были написаны или отредактированы ими⁴.

¹ См.: Répertoire international des sources pour l'étude des mouvements sociaux aux XIX-e et XX-e siècles. Vol. II. La Première Internationale. Imprimés 1864—1976. Actes officiels du Conseil général et des Congrès et conférences de l'Association Internationale des travailleurs. Paris, 1961; Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Сводный каталог изданий, хранящихся в библиотеках СССР. Ч. I. Официальные издания Генерального Совета, конгрессов, конференций, местных секций. Периодика Первого Интернационала. М., 1964.

² См.: Базельский конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г. М., 1934; La Première Internationale. Recueil de documents publ. sous la dir. de J. Freymond. Genève, 1962. Т. 1—2.

³ См.: Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г. М., 1936; The First International. Minutes of the Hague Congress of 1872 with Related Documents. Edited and translated by Hans Gert. Madison, 1958 (имеется также не повторяющее этой публикации советское издание: Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970); Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы: В 5 т. М., 1961—1965; Papers of the General Council of the International Workingmen's Association. New York, 1872—1876. A cura di S. Bernstein/Istituto G.G. Feltrinelli. Annali. 1961. Anno 4. Milano, 1962.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16—18.

В гораздо меньшей степени подверглась специальной источниковедческой разработке документация II Интернационала, в опубликованной своей части известная и поныне главным образом в изданиях своего времени¹. Первые публикации по материалам архивов II Интернационала появились лишь в 60-е гг. XX в. под эгидой одного из исследовательских центров Сорбонны. В частности, было начато задуманное в трех томах (с добавлением четвертого, справочного тома) научное издание документов Международного социалистического бюро за 1900—1918 гг., по большей части не опубликованных или сохранившихся в ничтожно малом количестве печатных экземпляров. Однако вышел только первый том². Осуществлена публикация переписки между секретарем МСБ К. Гюйсмансом и В.И. Лениным как представителем в МСБ российской социал-демократии³. Много лет хранившиеся Гюйсмансом в архиве МСБ письма Ленина к нему были во время нацистской оккупации Бельгии укрыты в специальном тайнике и спрятаны настолько тщательно, что их удалось вновь разыскать лишь полтора десятилетия спустя после окончания Второй мировой войны.

В конце 1980-х гг. возникла идея осуществить совместную публикацию ИМЛ (Москва) и МИСИ (Амстердам) под условным названием «II Интернационал. Корпус источников». Предлагалось, чтобы она состояла из двух взаимодополняющих серий («русской» и «зарубежной») общим объемом 11 томов. Но этот проект так и не был реализован. В нашей стране данное направление исследований не получило развития в условиях кардинально изменившейся в 1991 г. политической ситуации и прекращения деятельности ИМЛ, а на Западе не последнюю роль сыграло, вероятно, то, что уже не было в живых главного инициатора упомянутых выше научных изданий документов II Интернационала — Ж. Хопта.

Социалистические и социал-демократические партии некоторых стран предприняли обзорные публикации материалов своих съездов, совмещающие в себе антологию и справочник. Таков, например, двухтомный путеводитель В. Шредера по материалам съездов герман-

¹ См. ее общий обзор и аннотированную библиографию: *Haupt G. La Deuxième Internationale 1889—1914. Etude critique des sources. Essai bibliographique.* Paris-La Haye, 1964.

² См.: Bureau Socialiste International. *Manifestes et circulaires. Documents recueillis et présentés par Georges Haupt.* Paris-La Haye, 1969. Vol. I. 1900—1907. *Comptes-rendus des réunions.*

³ См.: *Lénine N. et Huysmans C. Correspondance entre Lénine et Camille Huysmans (1905—1914).* Ed. par G. Haupt. Préf. de C. Huysmans. Paris-La Haye, 1964.

ской социал-демократии от ее зарождения до Первой мировой войны¹ или несколько изданий подобного же типа (с разным хронологическим охватом), посвященных съездам Итальянской социалистической партии².

Документы Коммунистического Интернационала лишь недавно стали предметом специальных научных публикаций (они перечислены в гл. 1). В советское время находившийся в Москве архив Коминтерна был закрыт для использования, и в научном обороте было лишь то, что публиковалось в текущем порядке самой этой организацией в период ее существования — стенографические отчеты конгрессов и пленумов ИККИ, сборники резолюций, воззваний и т.д. Опубликованные до открытия архива документы Коминтерна отражены в библиографических указателях³.

Вместе с архивом Коминтерна в начале 1990-х гг. были рассекречены материалы Информационного бюро коммунистических партий (Коминформа) — координационного центра, с которым были связаны партии, находившиеся у власти в странах так называемой «народной демократии», а также ФКП и ИКП. Раньше документация Коминформа публиковалась лишь выборочно (коммюнике о состоявшихся совещаниях представителей партий, их доклады, принятые резолюции). О ходе этих совещаний, о происходивших там спорах впервые дали представление их протоколы, опубликованные совместно РГАСПИ (тогда РЦХДНИ) и Фондом Фельтринелли на русском и английском языках⁴.

Состояние библиографической информации о документах других политических партий в общем отстает от широкого размаха исторических и иных исследований о них. Показателен в этом смысле пример США, где изучение истории политических партий занимает, по

¹ *Schröder W.* Handbuch der sozialdemokratischen Parteitage von 1863 bis 1909. München, 1910; *idem.* Handbuch der sozialdemokratischen Parteitage von 1910 bis 1913. München, s.a.

² См., например: *Il Partito socialista italiano nei suoi congressi.* Milano, 1959—1968; Vol. 1—5. *Cortesi L.* Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Dibattiti congressuali del PSI. 1892—1921. Bari, 1969.

³ См.: *Procacci G.* L'Internazionale Comunista dal I al VII Congresso (1919—1935)//Istituto G.G. Feltrinelli. Annali. Anno I. 1958. Milano, 1958; Коммунистический Интернационал: указатель документов, опубликованных на русском языке в 1919—1993 гг./ГОПБ; сост. Е.М. Золотухина, В.И. Зорина. Ред. Л.М. Трофимова. М., 1994.

⁴ Коминформ. Документы трех конференций 1947—1949 гг. М., 1994; *The Cominform. Minutes of Three Conferences 1947/1948/1949.* A cura di G. Procacci//Annali di Fondazione Feltrinelli. Milano, 1994. Anno XXX.

отзыву специалиста-библиографа, профилирующее место в историографии и литературе по политическим наукам¹. Он отметил, в частности, что по состоянию на конец 60-х гг. в США не было библиографий по отдельным партиям, в том числе и двум крупнейшим — республиканской и демократической. В составленном им справочнике из документов двух главных партий указаны — если не считать документации избранных от них президентов — лишь официально опубликованные материалы соответствующих национальных конвентов (съездов). По менее значительным партиям учтены некоторые их пропагандистские издания и т.п. материалы. Отсылки к неопубликованным документам (например, в...) встречаются редко, сохранившимся в некоторых личных фондах.

Судя по имеющимся данным, документы правящих партий публикуются почти исключительно в текущем порядке. Сводных ретроспективных публикаций этих документов практически нет.

Архивы консервативной, либеральной, лейбористской партий Англии, а также Британского конгресса тред-юнионов за период от начала их существования и на протяжении значительной части XX века доступны для изучения в виде коллекций микрофишей или микрофильмов. Но такая репродукция архивных документов все же не заменяет собой научной публикации с разработанным источниковедческим комментарием.

Источниковедческий анализ партийных документов. Данные источники возникают (в отличие от большинства рассмотренных выше) в процессе деятельности не государственных органов, а различных общественных организаций и движений. Но и они в какой-то мере имеют официальный характер, поскольку отражают прежде всего политическую линию данного движения в целом или значительных его течений и лишь во вторую очередь — деятельность отдельных лиц, их мнения по тому или иному вопросу.

Документы партий являются важным источником информации о ней. Но этой информации недостаточно для того, чтобы дать всестороннюю и обоснованную оценку деятельности партии. Приступая к анализу партийных документов (как в совокупности, так и отдельно взятых), необходимо хотя бы в основных чертах знать ее реальную роль в современном ей обществе (разумеется, это исходное представление в процессе исследования документов будет значительно уточнено и пополнено). При этом не является надежным критерием ни самооценка партии (в ее названии, программе и т.д.), ни состав ее

¹ См.: Wynar L.R. American political parties. A selective guide to parties and movements of the 20-th century. Littleton (Col.), 1969. P. 11.

членов; важно прежде всего понять, каковы ее дела, чьим интересам соответствует проводимая ею политика.

Для правильного подхода к документам любой партии существенно знать ее место в партийной системе соответствующей страны в изучаемый период, есть ли в данной стране специальное законодательство о партиях и официально признанная практика финансирования их деятельности. Применительно к общественным организациям непартийного характера должны учитываться их широта, массовость, специфика занимаемой ими «ниши», отношение к существующим партиям и политической борьбе и т.д.

Складывающееся из подобных элементов представление об облике той организации, которой принадлежит исследуемый партийно-политический документ, является исходным пунктом его источниковедческого анализа. Но хотя содержание такого документа отражает общую линию данной партии, а не чье-то личное мнение, историку немаловажно знать, кто именно участвовал в его составлении: одна и та же платформа или политическая установка может быть выражена разными лицами на различном теоретическом уровне, неодинаково в смысле публицистической манеры, с большей или меньшей адекватностью и т.д. Сейчас у партийных лидеров обычно есть штат помощников, которые готовят основу текста, но так было не всегда, да и теперь тот, кто «озвучивает» документ, так или иначе накладывает на него личностный отпечаток.

Атрибуция документа по его принадлежности определенной организации обычно не вызывает затруднений, так как в тексте есть на это прямые указания, а при их отсутствии ориентиром может служить идейное содержание данной программной декларации, воззвания, листовки и т.д. Определение авторства — задача более сложная. Традиционным способом она решается так. Исходя из наличных фактических данных, составляется некоторая рабочая гипотеза на этот счет, которая затем проверяется путем сравнения с известными образцами стиля предполагаемого автора, с его почерком (если в распоряжении исследователя есть рукописный оригинал текста) или по показаниям других источников. Усовершенствовать эту методику позволило использование контент-анализа. Установлено, что индивидуальные особенности авторского стиля отражаются в расположении грамматических классов (частей речи) на уровне придаточного предложения. Выявление и подсчет случаев их парной встречаемости, т.е. употребления в характерных для данного автора сочетаниях, позволяет поставить на более надежное основание проверку предположений об авторской принадлежности текста. Подобный лексико-грамматический анализ текста (применимый, разумеется, не только к партий-

ным документам, но и к другим источникам) еще не есть анализ его содержательной стороны: в данном случае речь идет о решении другой задачи.

Чрезвычайно важно детально выяснить обстановку и условия появления изучаемого документа: поскольку речь идет о «живом» документе политической борьбы, лишь таким образом может быть понята его непосредственная, злободневная направленность. Документ при этом должен быть точно датирован и привязан к определенному месту. Чаще всего место и время создания документа известны из его текста или генетически связанных с ним источников, за исключением тех случаев, когда соответствующая организация находится в подполье и намеренно не сообщает таких сведений.

Подлинность текста должна быть тщательно проверена, особенно если речь идет о его публикации политическими противниками данного движения или о нелегальном издании. В период после подавления Парижской Коммуны 1871 г. враждебная ей печать опубликовала множество фальшивок, выдававшихся за «документы Интернационала». Преследование в судебном или административном порядке «внесистемных» политических сил не раз сопровождалось использованием против них подложных документов вроде «подлинной книги протоколов» Союза коммунистов на процессе против него в Кёльне в 1852 г. или прокламации, сфабрикованной итальянскими полицейскими властями от имени социалистов во время расправы с крестьянским движением на Сицилии в 1894 г.

Пример уже из истории XX века — текст, якобы являвшийся директивой Коминтерна английским коммунистам («письмо Зиновьева») и опубликованный консервативной прессой в преддверии выборов октября 1924 г. с целью скомпрометировать лейбористскую партию. «Компроматом» должна была служить поддержка лейбористов со стороны компартии, которой в «письме» давались инструкции о подготовке вооруженного восстания. Коминтерн тогда же заявил, что это фальшивка, но нашлось немало желающих счесть опровержение «пропагандой». Лишь в конце 90-х гг. в самой Англии была доказана и официально признана подложность «письма Зиновьева».

Помимо публикации специально сфабрикованного текста, подлог может осуществляться путем манипуляции с реально существующим документом — подделки подписи под ним, ложной ссылки на местонахождение оригинала и т.д. Возможны и искажения подлинного текста, которые могут объясняться разными причинами (сознательные намерения политического противника, произвольное влияние иных идейных позиций, неправильный перевод на другой язык). Поэтому исследователю важно удостовериться не только в

подлинности документа, но и в аутентичности и полноте текста, которым он располагает.

Широкою скандальную известность получила история с письмом из архива Коминтерна, написанным 15 февраля 1943 г. П. Тольятти (находившимся как член секретариата ИККИ в эвакуации в Уфе) в ответ представителю КПИ при ИККИ Винченцо Бьянко. К этому времени посланная Муссолини на Восточный фронт армия была полностью разгромлена, и в советских лагерях для военнопленных оказалось множество итальянцев. В одном из писем руководивший политической работой Бьянко сообщил Тольятти, что итальянские военнопленные находятся в очень тяжелых условиях (многие из них умирают), и спросил, нельзя ли что-то сделать для облегчения их участи. Ответ Тольятти был очень жестким: в принципе позиция в отношении армий, вторгшихся в СССР, определена Сталиным — и к этому нечего добавить; если же многие пленные умирают, то их семьи, испытав на себе трагические последствия войны, в которую Муссолини вверг Италию, получают самое эффективное противоядие против агрессивной империалистической идеологии. «Чем шире проникнет в народ убеждение, что агрессия против других стран приносит разрушения и смерть в его собственную страну, для каждого ее гражданина в отдельности, — тем лучше для будущего Италии», — писал он¹. Это письмо вместе с другими документами из архива Коминтерна было передано представителям одного итальянского издательства, а от них — в средства массовой информации. В 1992 г. оно было опубликовано рядом итальянских газет в разгар кампании по выборам в парламент и активно использовалось для нападков на Демократическую партию левых сил — основного преемника компартии после ее самороспуска. Но московский корреспондент газеты *Stampa* Джульетто Кьеза сличил опубликованный текст письма с подлинником в архиве и установил, по крайней мере, пять случаев расхождения с оригиналом. В дальнейшем был обнаружен еще ряд искажений в тексте (всего их набралось около 40). Не меняя позиции Тольятти по существу, эти «поправки» усиливали циничный оттенок его суждений.

В отчетах о прениях на съезде, конференции, собрании и т.п. точность воспроизведения происходившего до известной степени зависит от того, велась ли запись стенографическим или протокольным

¹ См.: Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна//Отечественные архивы. 1992. № 3; Togliatti, Bianco, Marabini sui prigionieri italiani e sull'URSS//*Risaliti R. Togliatti fra Gramsci e Neciaev*. Prato, 1995.

способом. В последнем случае значение имеют и взгляды протоколиста, влияющие на понимание им тех или иных вопросов и изложение хода их обсуждения. Стенографическая запись, как правило, ведется лицами, профессионально владеющими стенографией, но не имеющими прямого отношения к деятельности данной организации и не занимающими какой-либо позиции по существу обсуждаемых проблем. Хотя она полнее, чем протокольная запись, но тоже передает сказанное лишь приблизительно. Правда, в этом случае поправку следует делать не на идейно окрашенную субъективность восприятия, а на обычные для стенограммы неточности или упущения, которые не всегда исправляются при подготовке материалов к печати.

В тексте опубликованных партийных документов могут быть и случайные издательские погрешности вроде ошибок в транскрипции имен и названий, опечаток и т.д. Они наиболее вероятны в таких публикациях, которые предпринимались в срочном, безотлагательном порядке или в трудных нелегальных условиях. Поэтому характер имеющейся публикации документа заслуживает специального внимания исследователя, а связанные с ее качеством «ляпсусы» должны быть по возможности выявлены, чтобы исключить их влияние на смысловой анализ источника.

Содержание партийных документов облечено в форму, отвечающую их агитационно-публицистическому назначению. В отличие от юридических документов с их сухим, почти математически формализованным языком, здесь преобладает такой стиль изложения, который рассчитан на эмоциональное воздействие (особенно в воззваниях и устных выступлениях); он нередко отличается внешней броскостью, использованием литературных приемов и образных средств и т.д. Впрочем, с течением времени политическая лексика также в значительной мере стандартизируется.

К раскрытию содержания партийных документов может быть эффективно применен метод контент-анализа. Исходя из конкретной исследовательской задачи в тексте документа выделяются имеющие ключевое значение смысловые единицы и затем подсчитывается частота их употребления, соотношение различных элементов текста между собой и с общим объемом информации. По употреблению в определенных соотношениях и связях тех или иных речевых стереотипов в партийных документах можно выявить не поддающиеся другим способам наблюдения оттенки идейно-политической ориентации. Возможности контент-анализа для извлечения из партийных документов скрытой исторической информации демонстрирует, например, опубликованное Национальным фондом политических наук ис-

способом. В последнем случае значение имеют и взгляды протоколиста, влияющие на понимание им тех или иных вопросов и изложение хода их обсуждения. Стенографическая запись, как правило, ведется лицами, профессионально владеющими стенографией, но не имеющими прямого отношения к деятельности данной организации и не занимающими какой-либо позиции по существу обсуждаемых проблем. Хотя она полнее, чем протокольная запись, но тоже передает сказанное лишь приблизительно. Правда, в этом случае поправку следует делать не на идейно окрашенную субъективность восприятия, а на обычные для стенограммы неточности или упущения, которые не всегда исправляются при подготовке материалов к печати.

В тексте опубликованных партийных документов могут быть и случайные издательские погрешности вроде ошибок в транскрипции имен и названий, опечаток и т.д. Они наиболее вероятны в таких публикациях, которые предпринимались в срочном, безотлагательном порядке или в трудных нелегальных условиях. Поэтому характер имеющейся публикации документа заслуживает специального внимания исследователя, а связанные с ее качеством «ляпсусы» должны быть по возможности выявлены, чтобы исключить их влияние на смысловой анализ источника.

Содержание партийных документов облечено в форму, отвечающую их агитационно-публицистическому назначению. В отличие от юридических документов с их сухим, почти математически формализованным языком, здесь преобладает такой стиль изложения, который рассчитан на эмоциональное воздействие (особенно в воззваниях и устных выступлениях); он нередко отличается внешней броскостью, использованием литературных приемов и образных средств и т.д. Впрочем, с течением времени политическая лексика также в значительной мере стандартизируется.

К раскрытию содержания партийных документов может быть эффективно применен метод контент-анализа. Исходя из конкретной исследовательской задачи в тексте документа выделяются имеющие ключевое значение смысловые единицы и затем подсчитывается частота их употребления, соотношение различных элементов текста между собой и с общим объемом информации. По употреблению в определенных соотношениях и связях тех или иных речевых стереотипов в партийных документах можно выявить не поддающиеся другим способам наблюдения оттенки идейно-политической ориентации. Возможности контент-анализа для извлечения из партийных документов скрытой исторической информации демонстрирует, например, опубликованное Национальным фондом политических наук ис-

следование французского социолога А. Турэна о «темах и лексике» кампании по выборам в парламент Франции 2 января 1956 г.¹.

При изучении партийных документов исследователь должен особенно тщательно соблюдать принцип историзма. Содержание каждого отдельного документа следует рассматривать и оценивать одновременно с двух точек зрения: в его непосредственной, «сиюминутной» обусловленности и в соотношении с проявленной опытом дальнейших событий перспективой исторического развития.

Концентрированным выражением установок партии или иной общественной организации и соответственно — смысловым стержнем наиболее важных партийно-политических документов являются лозунги, которые формулируются кратко, популярно, так, чтобы увлечь за собой массы людей. В процессе анализа документа лозунгам следует уделить самое пристальное внимание, памятуя, что правильно истолковать их можно лишь в точном контексте тех исторических условий, в каких они были выдвинуты. В условиях резких перемен в политической обстановке происходит не только замена одних лозунгов другими, но подчас и наполнение прежних лозунгов новым содержанием.

Существенной частью содержательного анализа партийно-политической документации является раскрытие заключенного в ней обоснования тех или иных положений, смысла аргументов, употребляемых в полемике с политическими противниками или внутри данного общественного движения, и т.д. Если при этом используются и какие-то другие документы, следует обратить внимание на то, как они толкуются.

Специфические сложности возникают в работе с документами таких общественных движений, которые подвергаются преследованию. В этих документах всегда в той или иной степени используется «эзоповский язык» — различного рода иносказания. Точная расшифровка «эзоповского языка» в тех случаях, когда он употребляется в партийных документах, является самостоятельной и подчас нелегкой задачей их смыслового анализа. Эта задача решается тем успешнее, чем лучше исследователь представляет себе события и действующих лиц изучаемой эпохи, соотношение легальных и нелегальных методов в работе данной партии и т.д.

Наконец, анализ содержания партийно-политического документа предполагает также и суждение о степени достоверности этого источника с точки зрения как качества заключенной в нем фактической

¹ *Tourain A. Thèmes et vocabulaire d'une campagne electorale//Cahiers de la F.N.S.P. Paris, 1957. № 82.*

информации, так и соответствия истине его оценочной стороны. Недостоверность фактических данных в этом случае чаще всего вызывается такими причинами, как искажение реальной картины в угоду определенным политическим интересам, прагматическое приспособление к обстоятельствам, неполнота информации. Ложные же оценки возникают преимущественно из-за объективно свойственной партии или движению ограниченности либо в результате сознательного лавирования руководства с целью сохранить своих сторонников.

Круг возможных искажений истины в сообщениях фактического характера и в оценке событий и явлений очерчивается исходя из того, что известно исследователю о происхождении и условиях создания изучаемых партийно-политических документов. Окончательный же вывод о степени их достоверности возможен лишь на основе сопоставления с другими источниками. Для такого сопоставления может быть использована аналогичная по типу документация иной классово-политической направленности, а также периодическая печать, частная переписка и воспоминания политических деятелей данного движения и их противников и т.д.

Сказанное выше об источниковедческом анализе партийных документов относится к документации на бумажной основе. Но в общем так же (с некоторыми оговорками и дополнениями) следует действовать и применительно к электронным документам, не имеющим бумажных аналогов и существующим только в Интернете. Например, проверка подлинности требуется лишь в таких случаях, когда документ появился не на сайте данной партии, а «вывешен» неизвестно кем, с явно сенсационной целью, противоречит публично заявленным установкам партии и т.д. (впрочем, и бумажные документы подвергаются такой проверке не всегда, а только при веских подозрениях в фальсификации). Документация для размещения на партийных сайтах тщательно отбирается и проверяется, чтобы исключить неожиданные и нежелательные эффекты ее обнародования. Предметом источниковедческого анализа могут быть не только отдельно взятые документы, но и партийные сайты в целом. В подобном случае необходимо обратить внимание на внешнее оформление сайта (интерфейс, соотношение текстового и изобразительного материалов, его расположение, использование партийных цветов и символики и т.п.), на то, какой аудитории адресована информация. А в анализе содержания выявить логические акценты, определенным образом влияющие на восприятие читателем материалов, представленных на сайте.

Глава 10

ПАМФЛЕТНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Памфлет в истории публицистики. Значение памфлета как исторического свидетельства. Памфлетом называется литературное произведение, которое в острой, подчас сатирической форме критикует какие-либо политические порядки или институты, деятельность тех или иных лиц, играющих видную роль в жизни общества, а иногда и определенный общественный строй в целом. Это исторически древнейшая форма публицистики, которая была хорошо известна уже в античных обществах (например, в Риме времен империи) и вновь получила распространение начиная с XV столетия.

На заре нового времени памфлетная литература до какой-то степени заменяла лишь зарождавшуюся тогда периодическую печать. Так было, в частности, в эпоху Английской революции, от которой сохранилось громадное, исчисляемое десятками тысяч количество памфлетов. Следует, однако, иметь в виду, что в Англии наименование «памфлет» в ту пору и позднее применялось не только к определенному жанру публицистики, но и к различным политическим трактатам, сочинениям на экономические темы, петициям к королю и т. д. В дальнейшем такое расширительное понимание памфлета закрепилось в практике библиографического учета в соединении с чисто внешними признаками, по которым памфлет стали отличать от книги: в различных специализированных библиографиях и каталогах это наименование обычно относится к злободневным публицистическим брошюрам сравнительно небольшого объема, выходящим как дешевые, общедоступные издания.

В памфлете активно используются средства эмоционального воздействия на читателя. Желаемый эффект здесь обеспечивается прежде всего стилистическими особенностями произведений этого жанра. Памфлет обычно бывает насыщен образными характеристиками, яркими метафорами, его чеканные формулировки врезаются в память; в нем широко используются средства сатиры — ирония, сарказм, гиперболы, гротеск.

Памфлетная литература в изобилии появляется в такие эпохи, когда назревают или имеют место острые социально-политические кризисы, и в связи с этим резко обостряется идейная борьба. Не случайно памфлетами чрезвычайно богата, в частности, история буржуазных революций нового времени. Памфлет — оружие по преимуществу передовых общественных сил, хотя к нему достаточно часто прибегают и во имя открыто реакционных, великодержавных и пр. целей (напомним, например, об опубликованном в 1790 г. контрреволюционном памфлете английского философа Эдмунда Берка «Размышления о французской революции» или о памфлетах, которые по приказу Наполеона распространялись в завоеванных им странах Европы).

Великолепным памятником борьбы гуманистов против засилья католической церкви, суеверия, невежества является «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского. Англия в период и после революции дала таких блестящих мастеров памфлета, как Дж. Лильберн — среди политических писателей, Дж. Мильтон и Дж. Свифт — среди художников слова. Средствами памфлета вели атаку на «старый порядок» французские просветители, их активно использовали социалисты-утописты в своей критике социального неравенства и эксплуатации. Видный представитель американского Просвещения Т. Пейн сражался за независимость США не только с оружием в руках, но и, в первую очередь, — пером публициста: его памфлет «Здравый смысл» (январь 1776 г.) утвердил идею независимости в сознании американского общества, а написанные в ходе освободительной войны памфлеты под общим названием «Американские кризисы» зачитывались вслух солдатам революционной армии для поднятия боевого духа.

Демократическая памфлетная публицистика XIX в. представлена именами Г. Гейне и Л. Берне в Германии, П.-Л. Курье, В. Гюго, А. Рошфора во Франции и т.д. Жанр памфлета активно использовался и в марксистской литературе. Средства памфлета неоднократно применялись в работах К. Маркса (самый яркий пример — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Одним из лучших памфлетистов-марксистов был П. Лафарг, оставивший такие памфлеты, как «Право на лень», «Религия капитала», «Проданный аппетит» и др.

Памфлет как источник фиксирует определенные явления в сфере сознания, идейной жизни общества. Для изучения истории идей он чрезвычайно ценен, но сам по себе обычно не раскрывает глубинных (на уровне «бытия», а не только сознания) причин изображаемого.

Оригинальные публикации и переиздания памфлетов. Каталоги и библиографии. Памфлет всегда рассчитан на публикацию по большей части немедленную. Памфлеты, которые создаются в критические

моменты общественного развития и становятся своего рода знаменем политических сил, борющихся по разные стороны баррикады, выходят иногда громадными тиражами. Так, памфлет Т. Пейна «Здравый смысл» разошелся тиражом 120 тыс. экземпляров и только в 1776 г. переиздавался 25 раз. Широкое распространение получил и другой его известнейший памфлет — «Права человека», написанный в ответ Э. Берку в защиту Французской революции. В свою очередь, памфлет Берка, идеи которого разделялись в консервативных кругах всей Европы, имел первоначальный тираж 30 тыс. экземпляров и в течение одного года выдержал 11 изданий.

Но подобный издательский успех сопутствует памфлетам нечасто. Памфлеты «рядового» уровня в оригинальных изданиях, как правило (особенно в начале нового времени), имеют сравнительно небольшой тираж и подчас бесследно исчезают.

Такова была, например, судьба многих памфлетов периода Английской революции, когда еще не было упорядоченных архивов и других публичных хранилищ. Дошедшая до нас часть памфлетной публицистики тех лет сохранилась главным образом благодаря усилиям отдельных современников-коллекционеров, причем нередко составленные ими собрания в условиях послереволюционных политических перипетий умышленно скрывались от посторонних глаз и долго оставались неизвестными. Лишь в середине XVIII в., когда эпоха «великого мятежа» стала восприниматься как достаточно отдаленное прошлое, такие коллекции начали обнародоваться и передаваться на хранение в созданный тогда же Британский музей в Лондоне. Среди них одной из самых интересных является коллекция Джорджа Томасона, насчитывающая более 22 тыс. печатных изданий и рукописных документов, в том числе около 15 тыс. памфлетов.

Памфлеты времен Американской и Французской революций конца XVIII в. сохранились значительно лучше. В США памфлетный жанр в революционный период стал, по оценке отечественного исследователя, самым распространенным и популярным средством пропаганды: «Трудно найти хотя бы одного видного деятеля, и тем более идеолога патриотического лагеря, который бы не выступил в нем»¹. В канун войны за независимость (с 1750 по 1776 г.) в североамериканских колониях Англии было опубликовано несколько сот памфлетов, посвященных назревавшему конфликту с метрополией, а к 1783 г. количество памфлетов, возникших в связи с революцией, пре-

¹ *Согрин В.В.* Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980. С. 14.

высило 1500. Специальной библиографией американских политических памфлетов за период с 1764 по 1776 г. учтено в общей сложности 231 произведение, из которых 12 имели за это же время по 5 и более изданий¹. Во Франции за период с 1789 по 1799 г. вышло в свет около 46 тыс. различных печатных изданий, включая брошюры и памфлеты. Фонды Национальной библиотеки в Париже пополнились такой гигантской массой новых поступлений, что ее удалось разобрать, занести в каталог и сделать доступной читателям лишь спустя более чем полвека. Издания революционной эпохи собирали и частные лица, хотя на судьбе многих таких коллекций, как и в Англии, неблагоприятно отразились различного рода политические потрясения в ходе и после революции. Общее количество как вышедших в свет, так и сохранившихся памфлетов периода Французской революции, по-видимому, неизвестно, но о нем могут дать некоторое представление цифры, относящиеся к отдельным собраниям. Например, в коллекции, продававшейся в 1803 г., памфлеты 1789 г. (не считая брошюр, учтенных отдельно) составляли 106 томов. В США в составе приобретенной Гарвардским университетом библиотеки графа А. Буле де ла Мерт имеется 30 тыс. памфлетов, в библиотеке Корнелльского университета — 10 тыс., в библиотеке университета Дюка — 3 тыс., в Нью-Йоркской публичной библиотеке — 2 тыс. памфлетов только из коллекции Галейрана².

Позднейшим памфлетам исчезновение уже не грозит. Оригинальные их издания не являются музейной редкостью, но чаще всего остаются лишь в библиотеках собственной страны.

В исследовательской практике чаще всего используются не относительно малодоступные первичные публикации, а различного рода переиздания памфлетов. Иногда переиздаются собранные кем-либо коллекции, как, например, несколько сот памфлетов и других документов эпохи Английской революции, обнаруженных в XVIII веке в библиотеке герцога Оксфордского³. Предпринимаются и научные публикации, для которых памфлеты собираются или отбираются спе-

¹ American Independence. The Growth of an Idea. A Bibliographical Study of the American Political Pamphlets Printed Between 1764 and 1776 Dealing with Dispute Between Great Britain and Her Colonies/By Th. R. Adams. Providence (Rhode Island), 1965.

² См.: The Maclure Collection of French Revolutionary materials. Philadelphia, 1966. P. IX, X, XI, XIV.

³ The Harleian Miscellany: a collection of scarce, curious and entertaining pamphlets and tracts...found in the late Earl of Oxford's library. London, 1744—1746 (позднейшие издания: в 12 т. — 1808—1811, в 10 т. — 1808—1813, выборочные — 1793 и 1924). Vol. 1—8.

циально. Такова, в частности, публикация памфлетов под редакцией Б. Бейлина, относящихся к кануну войны за независимость США, — последнее по времени, но не единственное переиздание американской памфлетной публицистики революционного периода¹.

Комментированные научные переиздания могут охватывать и наследие какого-либо одного памфлетиста². Pamфлеты авторов, завоевавших известность не только в этом жанре, публикуются в собраниях их сочинений. Особо упомянем изданную в СССР под общей редакцией академика В.П. Волгина серию «Предшественники научного социализма», куда в ряду наиболее значительных памятников эгалитарной и утопическо-социалистической мысли вошли многие памфлеты и литературные произведения близкого к ним типа.

Значительные массивы памфлетов, представляющих исторический интерес и по отдельности, и как корпус однородных источников, учтены в различных фундаментальных справочниках, но при этом они не всегда выделяются из множества других изданий, как, например, в основных библиографиях и каталогах печатных изданий эпохи Французской революции³. Среди справочных изданий, учитывающих по преимуществу или специально памфлетную литературу⁴, назовем каталог памфлетов из собрания герцога Оксфордского⁵, двухтомный каталог коллекции Томасона⁶, упомянутую выше библиографию американских памфлетов предреволюционной эпохи⁶, библиографию сочинений Марата и материалов о нем, составленную его биографом Ф. Шевремоном⁷, каталог посвященной Марату кол-

¹ Pamphlets of the American Revolution 1750—1776/Ed. by B. Bailyn. Cambridge (Mass.), 1965. Vol 1:1750—1765. Намечалось издать четыре тома, но остальные не были изданы.

² См., напр.: Les pamphlets de Marat. Avec une introduction et des notes par Ch. Vellay. Paris, 1911; *Марат Ж.П.* Pamфлеты/Под ред. Ц.С. Фридлянда. М.: Л., 1934.

³ Таких, как: *Tourneux M.* La Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution. Paris, 1890—1913. Т. I—V; *Monglond A.* La France révolutionnaire et impériale. Grenoble, 1930—1933. Т. I—III; *Martin A., Walter G.* Catalogue de l'histoire de la Révolution française. Paris, 1936—1943. Т. I—V.

⁴ A complet and exact catalogue of all the pamphlets contained in the VIII volumes of the Harleian Miscellany. By W. Oldys. London, 1746.

⁵ Catalogue of the pamphlets, books, newspapers, and manuscripts relating to the civil war, the commonwealth, and restoration, collected by George Thomason, 1640—1661. London, 1908. Vol. 1—2.

⁶ American Independence... Op. cit.

⁷ *Chèvremont F.* Marat. Index du bibliophile et de l'amateur de peintures, gravures etc. Paris, 1876.

лекции лионского врача Лакассаня, которая хранится в муниципальной библиотеке Лиона¹.

Источниковедческий анализ памфлета. Памфлет является таким публицистическим документом, общественное воздействие которого в сильнейшей степени зависит не только от заложенного в нем идейного содержания, но и от индивидуальной авторской разработки избранного сюжета, т.е. от меры литературного таланта памфлетиста, от сопряженной с его личным отношением к изображаемому системы образных средств, от степени присущей ему способности адекватно выразить политические взгляды или умонастроения и т.д. В то же время как отражение исторической действительности памфлет меньше всего похож на бесстрастную фотографию. Факты и события преломляются в нем сквозь призму авторского мировоззрения, проявляющегося через определенную общественную позицию.

Поскольку любой памфлет глубоко индивидуален по авторской манере, отбору и осмыслению исторической информации, его источниковедческий анализ требует самого детального выяснения всего, что характеризует личность автора, прежде всего в мировоззренческом аспекте. Через мировоззрение, политическую ориентацию, общественные симпатии и антипатии автора исследователю раскрывается в памфлете и нечто более широкое и общее — существовавшее в данных исторических обстоятельствах определенное направление мысли, которое нашло выразителя в лице памфлетиста.

Ввиду того, что памфлет во все времена был острым политическим оружием, авторы произведений этого или близких жанров нередко (особенно в условиях господства абсолютизма, цензурных гонений и т.д.) оказывались вынуждены публиковать их анонимно. Примерами подобного рода богата, в частности, история просветительской и утопическо-социалистической литературы во Франции. Анонимно вышли в свет «Письма об английской нации» Вольтера, «Письмо о слепых в назидание зрячим» Дидро, «Дух законов» и «Персидские письма» Монтескье. «Завещание» Ж. Мелье было впервые опубликовано в 60-е годы XVIII в. Вольтером без указания имени автора и потому первоначально приписывалось молвой ему самому. Принадлежность перу Морелли «Кодекса природы», изданного анонимно в 1755 г., была установлена лишь столетие спустя. Анонимные публикации произведений памфлетного характера типичны в особенности для начала нового времени, но встречаются и позд-

¹ Bibliothèque de la ville de Lyon. Catalogue du fonds Lacassagne, par Cl. Roux. Lyon, 1922.

нее — вплоть до наших дней. Достаточно часто в памфлетах используются и псевдонимы.

Во всех таких случаях необходимо не только составить общую характеристику публициста, но и попытаться установить его имя, т.е. дать атрибуцию произведения. Наиболее распространенным и доступным способом атрибуции является «примерка» исследователем своего представления о пока еще безымянном авторе памфлета к различным современникам отразившихся в нем событий, имеющая целью выяснить, кто из них мог бы написать о них именно так, как в данном сочинении. Очень удачно этот прием применен, например, греческим историком Н. Кардулиасом, чье исследование о политических взглядах Сэмюэла Адамса (видного деятеля Американской революции XVIII в.) было защищено в МГУ как кандидатская диссертация. Изучив анонимно опубликованный в 1776 г. памфлет под названием «Народ — лучший правитель», он пишет об авторе: «Это был житель Массачусетса, скорее всего Бостона, получивший хорошее юридическое образование и познакомившийся с западноевропейским мышлением. Он обладал большим политическим опытом, выходящим за рамки Массачусетса, и, вероятно, был членом континентального конгресса. Он был также опытным публицистом со специфической манерой письма. Наконец, его отличали демократические политические взгляды, тождественные взглядам С. Адамса, да и проблемы, занимавшие их в конце 1775 — начале 1776 г., как видно, были одними и теми же. Если бы в поисках автора памфлета мы обратились ко всем американским демократам того времени, то не смогли бы найти ни одного, чьи взгляды полностью совпадали бы со взглядами, выраженными в интересующем нас произведении. А уж если мы ограничимся Массачусетсом, тогда у нас точно не останется иной альтернативы, кроме Сэмюэла Адамса. Только он, по имеющимся на сегодня данным, сосредотачивает в своей личности и мышлении все черты, присущие и анонимному автору»¹.

Предположения относительно авторской принадлежности памфлета должны проверяться сравнением его стилистических особенностей и манеры письма других «подозреваемых» в авторстве подобным же сличением образцов почерка (если налицо рукописный оригинал произведения) и т.д. В добавление к этим традиционным методам атрибуции все шире используется метод контент-анализа. Именно он, например, позволил различить вклад каждого из трех ав-

¹ *Кардулиас Николаос*. Эволюция идейных воззрений Сэмюэла Адамса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003. С. 4—5.

торов (А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея) в создание 85 памфлетов в поддержку принятой в 1787 г. конституции США¹. Подчас автор изданного анонимно или под псевдонимом памфлета устанавливается по показаниям других источников. И все же раскрыть не названное по тем или иным причинам имя памфлетиста историкам удается далеко не всегда.

Иногда памфлет умышленно выдается его действительным автором за произведение другого, чаще всего известного и уже умершего лица. Это явление, называемое *литературной мистификацией*, встречается не только в публицистике: мистификация может имитировать различные источники личного происхождения, о чем речь пойдет впереди. В литературоведении она рассматривается в одном ряду с псевдонимами и анонимами, но в плане историко-источниковедческого анализа должна квалифицироваться иначе — как подделка. Памфлет, оказавшийся литературной мистификацией, либо вообще не может служить историческим источником, либо должен использоваться как документ идейной биографии своего настоящего автора (как, например, в случае с произведениями Гольбаха или Вольтера, выпущенными под именами реальных исторических лиц).

Если исследователь заподозрил мистификацию, то ему предстоит решить две задачи: 1) удостовериться в подложности произведения, т.е. доказать, что оно не принадлежит тому, кому приписывается; 2) попытаться установить, кем оно создано в действительности (так же, как это делается при атрибуции анонимных произведений или раскрытии псевдонимов). В случае злостной мистификации тот, кто совершает подлог, старается замаскировать его, имитируя как можно точнее стиль и идеи мнимого автора. Но обычно даже самому ловкому мистификатору не удается полностью «замести следы» и избежать каких-то ляпсусов или неувязок, обнаружение которых и позволяет разоблачить подделку. Все, что в этом смысле насторожило исследователя, должно быть тщательно проверено путем сопоставления с фактами биографии мнимого автора, а при доступности рукописного оригинала произведения — определением возраста рукописи с помощью палеографического анализа и графологической экспертизой — анализом почерка. По почерку может быть установлено и имя настоящего автора произведения. Но возможность обращения к рукописи подложного памфлета — случай маловероятный, т.к.

¹ Эти памфлеты были подписаны общим псевдонимом «Публий» и печатались первоначально в газетах, а в 1788 г. вышли в виде двухтомного сборника под названием «Федералист».

мистификатор отнюдь не заинтересован в сохранении такой улики против себя. Раскрыть и доказать подделку, как правило, оказывается легче, чем установить, кто именно и по каким мотивам осуществил ее.

Необходимо по возможности проверить, вполне ли точен опубликованный текст памфлета. Выявить купюры в тексте позволяют либо специальные оговорки на этот счет, сделанные издателем произведения, либо сравнение между собой разных его публикаций. Различия между прижизненными изданиями одного и того же памфлета должны учитываться как отражение процесса авторской работы над текстом.

Будучи живым откликом на злободневные события и проблемы своего времени, памфлет по-настоящему раскрывается как источник лишь при условии, если он исследуется в точном общественно-историческом контексте соответствующей эпохи. Без детального знания обстановки, в которой создавался памфлет, нельзя ни понять его общую направленность, ни расшифровать содержащиеся в нем политические намеки, ассоциации, параллели, ни представить себе эмоциональный эффект образных средств, использованных его автором. Важнейшее значение в этой связи имеет, в частности, правильная датировка памфлета.

Памфлетные произведения (особенно в начале нового времени) далеко не всегда содержат исходящие от самих авторов прямые указания на то, когда они написаны. Иногда они опубликованы и без обозначения года издания, служащего хотя бы приблизительным конечным ограничителем того временного интервала, в рамках которого могло возникнуть данное произведение. В таких случаях следует попытаться определить время создания памфлета по его содержанию — исходя из упоминания в тексте каких-либо точно датированных событий, возраста или иных деталей биографии автора и т.д.

Такая датировка по косвенным признакам была, в частности, успешно применена исследователями мировоззрения Жана Мелье к его «Завещанию». Многие в тексте этого произведения (начиная с названия) указывает на то, что Мелье писал его незадолго до смерти; умер же он в мае 1729 г. С другой стороны, тщательный текстологический анализ «Завещания» выявил детальное знакомство Мелье с «Трактатом о добровольном рабстве» Э. де Ла Бозси — публицистическим произведением, созданным еще в XVI в., но впервые полностью опубликованным (без указания имени автора) лишь в 1727 г. в собрании сочинений известного философа М. Монтеня (Мелье часто почти буквально повторяет заимствованные отсюда положения). Все это

мистификатор отнюдь не заинтересован в сохранении такой улики против себя. Раскрыть и доказать подделку, как правило, оказывается легче, чем установить, кто именно и по каким мотивам осуществил ее.

Необходимо по возможности проверить, вполне ли точен опубликованный текст памфлета. Выявить купюры в тексте позволяют либо специальные оговорки на этот счет, сделанные издателем произведения, либо сравнение между собой разных его публикаций. Различия между прижизненными изданиями одного и того же памфлета должны учитываться как отражение процесса авторской работы над текстом.

Будучи живым откликом на злободневные события и проблемы своего времени, памфлет по-настоящему раскрывается как источник лишь при условии, если он исследуется в точном общественно-историческом контексте соответствующей эпохи. Без детального знания обстановки, в которой создавался памфлет, нельзя ни понять его общую направленность, ни расшифровать содержащиеся в нем политические намеки, ассоциации, параллели, ни представить себе эмоциональный эффект образных средств, использованных его автором. Важнейшее значение в этой связи имеет, в частности, правильная датировка памфлета.

Памфлетные произведения (особенно в начале нового времени) далеко не всегда содержат исходящие от самих авторов прямые указания на то, когда они написаны. Иногда они опубликованы и без обозначения года издания, служащего хотя бы приблизительным конечным ограничителем того временного интервала, в рамках которого могло возникнуть данное произведение. В таких случаях следует попытаться определить время создания памфлета по его содержанию — исходя из упоминания в тексте каких-либо точно датированных событий, возраста или иных деталей биографии автора и т.д.

Такая датировка по косвенным признакам была, в частности, успешно применена исследователями мировоззрения Жана Мелье к его «Завещанию». Многие в тексте этого произведения (начиная с названия) указывает на то, что Мелье писал его незадолго до смерти; умер же он в мае 1729 г. С другой стороны, тщательный текстологический анализ «Завещания» выявил детальное знакомство Мелье с «Трактатом о добровольном рабстве» Э. де Ла Бозси — публицистическим произведением, созданным еще в XVI в., но впервые полностью опубликованным (без указания имени автора) лишь в 1727 г. в собрании сочинений известного философа М. Монтеня (Мелье часто почти буквально повторяет заимствованные оттуда положения). Все это

дало основание отнести создание или во всяком случае завершение «Завещания» Мелье к периоду с 1727 по май 1729 г.¹

Поскольку памфлет служит источником для изучения прежде всего по истории идей, необходимо проследить его генеалогические связи как с другими произведениями того же автора, так и вообще с публицистикой данной или более ранней эпохи. Это позволит судить о месте изучаемого произведения в идейной биографии автора, о том, были ли у него предшественники, знал ли он об их существовании и как относился к их наследию. В некоторых случаях, как показывает пример с «Завещанием» Мелье, установить факт использования в памфлете каких-либо других текстов важно также и для его датировки.

Извлечь из содержания источника то, что составляет ценность для историка информацию по существу исследуемых проблем, бывает подчас непросто ввиду присущих этому жанру особенностей формы — обилия метафор и всякого рода образных характеристик, нарочито смещенного распределения «светотени», употребления автором сатирических приемов изображения реальности и т.д. В памфлете далеко не все может быть понято и истолковано в буквальном смысле. В то же время аллегорический язык памфлета обычно достаточно прозрачен, иначе он не дошел бы до читателя, которому был непосредственно адресован. Правильно судить о содержательной стороне памфлета можно лишь тогда, когда уяснена специфика примененных в нем изобразительных средств.

Интересный в этом отношении пример — памфлет, изданный в Швейцарии через несколько дней после падения Парижской Коммуны в виде листовки, которая, по-видимому, предназначалась для нелегального распространения во Франции². В нем использован характерный для публицистики Коммуны прием: повествование ведется как бы от лица ее противников. Но при этом оно выдержано в таком тоне, который придает сказанному гневно-сатирическое звучание. В результате перед читателем возникает картина, зловещий колорит которой великолепно передает обличительный смысл документа:

«Париж подавлен! Обезглавленное восстание потоплено в крови его защитников! Дикая резня, безжалостная, слепая и безудержная, завершает победу друзей порядка.

¹ См.: *Поршнев Б.Ф.* Народные истоки мировоззрения Жана Мелье//Из истории социально-политических идей. Сборник статей. К семидесятипятилетию академика В.П. Волгина. М., 1955. С. 213.

² См.: Листовка-памфлет (к 90-летию Парижской Коммуны). Публ. М. Алексеевой и С. Маневич//Новый мир. 1961. № 3. С. 282—283.

Мы забираем, мы расстреливаем всех, даже смертельно раненных пленных».

«Урра! Париж подавлен, разрушен, побежден! Царит порядок. Добропорядочные люди взяли верх».

«Возвращайтесь все! Урра! Делить добычу! Франция, разбитая, искалеченная, не умерла. Она живуча, еще течет кровь в ее жилах. Собирайтесь, вороны, ястребы, пиявки. Порядок восстановлен!».

На подступе к содержательному анализу как подготовка к нему может быть полезна и эффективна обработка текста памфлета с помощью количественных методов — примерно так, как это сделано Л.М. Брагиной в применении к трактатам итальянских гуманистов¹. Она позволяет выявить сопряженность определенных терминов, употребляемых в тексте, и получить с помощью коэффициентов корреляции количественное выражение тесноты их взаимосвязи. Это существенно расширяет возможности извлечения из источника косвенной, скрытой информации.

Достоверность сообщаемых в памфлете фактов, а также истинность принципиальных утверждений, аргументов, выводов автора должна тщательно проверяться исследователем. Памфлетист может быть недостаточно осведомлен, использовать не вполне доброкачественные и надежные сведения, оказаться в плену политической пристрастности, неверно видеть что-либо в силу ограниченности своего кругозора. Сама нарочитая публицистическая заостренность постановки поднятых в памфлете вопросов иногда смещает угол зрения настолько, что при этом искажается общая картина изображаемого. В каждом конкретном случае следует, исходя из того, что удалось выяснить об авторе памфлета и условиях его работы, взвесить вероятность допущенного им по подобным или каким-либо иным причинам отступления от истины, а для окончательного суждения на этот счет сопоставить содержание памфлета с данными других источников — периодики той же эпохи, воспоминаний, переписки современников и т.д.

¹ См.: Брагина Л.М. Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения//Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977, а также: Количественные методы в исторических исследованиях/Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1984. С. 365—367.

Глава II

ЛИСТОВКИ, ПРОКЛАМАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ АФИШИ

Жанровая специфика листовки и ее разновидностей. Легальная и нелегальная листовка. Листовка представляет собой особый жанр публицистики. Это небольшой по объему документ (согласно принятым в библиографии критериям — не более 4 страниц), рассчитанный на массовое распространение в ходе открытых политических кампаний, манифестаций, забастовок или же по нелегальным каналам. Цель листовки — в краткой и доходчивой форме донести до читателя определенные программные положения, политические или иные требования, с тем чтобы пробудить к ним идейную симпатию либо добиться их действенной поддержки в виде проявления солидарности, участия в движении протеста, подачи голоса на выборах и т.д.

Разновидностью листовки является прокламация, которая пишется особенно ярким, эмоционально-приподнятым языком и завершается «ударной» концовкой, состоящей из одного или нескольких лозунгов. Политическая афиша отличается от обычной листовки или прокламации, в сущности, лишь большим форматом и способом распространения: афиши не раздаются или разбрасываются, а расклеиваются для всеобщего обозрения. Листовки, прокламации, политические афиши обобщенно называются «летучими» или уличными изданиями.

Современная листовка произошла от так называемого «летучего листка», появившегося в период позднего средневековья и вошедшего в обиход после изобретения книгопечатания. В некоторых языках для обозначения листовки по сей день употребляется выражение, которое буквально переводится как «летучий листок»: *flugblatt* (нем.), *foglio volante* (итал.), *hoja volante* (исп.).

С того времени, когда возникают политические партии, листовка становится важным средством агитации в массах, в сущности превращаясь в один из видов партийной документации. Исходящая от политической партии листовка может содержать разъяснение того, что изложено в ее программе, манифесте, решении съезда, или даже тексту-

ально воспроизводить другие партийные документы с целью их массового (иногда нелегального) распространения. Но листовки не изобретены партиями, а заимствованы ими как готовая, уже существовавшая форма обращения к массам (известно, например, что листовки во множестве выходили в эпоху Великой французской революции, когда партий еще не было). С другой стороны, и после того, как листовка приобретает по преимуществу партийный характер, она не отмирает полностью как документ, публикуемый от имени какой-либо не оформленной организационно или не имеющей постоянного статуса группы и даже от имени отдельного лица.

Как уже упоминалось выше, листовка может существовать в качестве и легального, и нелегального издания. Легальные и нелегальные листовки существенно различаются по внешнему оформлению, тиражу, способу воспроизведения.

Легально распространяемые листовки, прокламации, афиши в новое и новейшее время широко используются различными политическими силами и институтами. Памятный исторический пример обращения в критический момент к этому методу агитации даже со стороны абсолютной власти — воззвание короля Фридриха Вильгельма IV «К возлюбленным берлинцам», обнародованное в форме прокламации в самом начале революции 1848 г. в Пруссии. Издавна (по крайней мере, со времен наполеоновских войн) листовка вошла в агитационно-пропагандистский арсенал действующих армий. Современные политические партии издают огромное количество листовок во время избирательных кампаний. Такие листовки излагают предвыборные программы, сообщают биографические данные кандидатов той или другой партии, призывают избирателей на митинги, служат средством полемики данной партии с ее политическими противниками и т.д. (часто они дублируются в виде афиш). Предвыборные листовки раздаются на улицах, а иногда даже сбрасываются с самолетов. Листовку как доходчивый, пригодный для доверительного индивидуального воздействия на умы и души вид печатного слова оценила и католическая церковь: с помощью листовок и небольших брошюр, раздаваемых прихожанам и всем, кто входит в помещения храмов, она убеждает родителей не противиться, если их сыновья мечтают о священническом сане, пропагандирует достоинства готовящихся к этому религиозных учебных заведений, стремится заинтересовать молодежь организуемыми в приходах вечерами и беседами, где в духе, отвечающем религиозным предписаниям, освещаются проблемы секса, семьи, брака и т.д.

Но в особом изобилии легально издаваемые листовки появляются в периоды высокого общественного подъема, революционных кризи-

сов или революций, когда необычайно возрастает тяга к печатному слову вообще. Так было, в частности, в дни Парижской Коммуны: французская столица была буквально затоплена потоком листовок и афиш, которые исходили не только от Совета Коммуны, различных ее комиссий, тех или иных общественных организаций, но и от отдельных граждан, создававших свою сопричастность историческим событиям. Листовки, разбрасывавшиеся с воздушных шаров, использовались для агитации за дело Коммуны в провинциях.

Легальные листовки печатаются, как правило, типографским способом. Однако в современных условиях для их изготовления используются и другие множительные средства, особенно если листовка выпускается срочно в ходе забастовки, к митингу протеста или же силами какой-либо организации, не имеющей доступа в типографию.

В ряде стран Европы и Америки в новое и новейшее время не раз наблюдались такие периоды, когда «внесистемные» силы бывали лишены возможности легально вести сколько-нибудь широкую политическую агитацию. На заре рабочего движения свобода печати и свобода союзов для пролетарских организаций носили в значительной мере призрачный характер. Существенное ограничение демократических свобод произошло во всех воюющих странах в годы Первой мировой войны. Установление фашистских режимов в Италии, Германии, Испании, Португалии и других странах надолго отняло право на легальное существование у всех оппозиционных фашизму политических партий и течений. В труднейших условиях подполья действовали во время Второй мировой войны антифашисты тех стран, которые подверглись нацистской оккупации. На протяжении XX века диктаторские режимы не раз приходили к власти в различных странах Латинской Америки, что вынуждало их противников прибегать к подпольным и партизанским методам борьбы.

Повсюду, где складываются подобные ситуации, важным агитационным средством становится нелегально издаваемая и распространяемая листовка. Она исторически возникла и приобрела свои характерные черты именно в недрах общественных движений демократической и революционной направленности.

Там, где для этого есть необходимая техническая база, нелегальные листовки издаются типографским способом, иногда — в значительных количествах. В нацистской Германии, например, только одна подпольная типография в Лейпциге сумела напечатать 96 тыс. экземпляров листовок под названием «Правда о пожаре рейхстага». Но по сравнению с легальной нелегальная листовка гораздо чаще печатается с помощью не типографского станка, а с использованием бо-

лее примитивных и доступных в подполье множительных средств (гектограф и т.п.). Чтобы облегчить распространение, листовку обычно печатают на тонкой бумаге. Этой же цели служит и целый ряд специфических маскировочных приемов внешнего оформления листовки, выработанных опытом подпольной издательской деятельности (в библиографической практике существует специальный термин — *замаскированные издания*).

Нелегальные листовки и брошюры могут маскироваться, например, какой-нибудь «безобидной» обложкой. Заключительная речь Г. Димитрова на Лейпцигском процессе была в нелегальном издании снабжена обложкой одного из произведений Мопассана. Другим подпольным листовкам подобным же образом придавался внешний вид советов садоводу, кулинарных рецептов и т.д.

Одна из партизанских листовок периода Великой Отечественной войны воспроизводила распоряжение немецкой комендатуры, а рядом на развороте — будто бы его перевод на русский язык. При этом русский текст точно соответствовал немецкому по объему, разбивке на абзацы и другим внешним признакам, а его содержанием был призыв партизанского командования к беспощадной борьбе с фашистскими захватчиками.

В подпольных листовках подчас «обыгрывались» приемы рекламы — скажем, типично рекламная «шапка» и выделяемые шрифтом заголовки отдельных абзацев текста, так что изданный документ можно было принять за рекламный проспект какой-нибудь фирмы. Листовка могла маскироваться и под изложение содержания нового фильма (брошюрки подобного характера нередко раздавались зрителям в кинотеатрах, в частности, в нацистской Германии).

Оригинальные издания листовок (степень сохранности, собрания, библиографии). Листовка всегда рассчитана на опубликование и выполняет свое агитационное назначение именно как печатный документ, что придает ее оригинальному изданию качество первоисточника. Но этот массовый по своему характеру материал сохраняется лишь в незначительной части. Из тиража нелегальной листовки те экземпляры, которые дошли до читателя, затем, как правило, уничтожаются по конспиративным соображениям, а те, которые были обнаружены полицией, тщательно изымаются из обращения. Весь нелегальный тираж обычно невелик, особенно если листовка печатается не типографским, а каким-либо более примитивным способом. Небольшими тиражами издаются и многие легальные листовки, хранить которые ни для кого не опасно, но мало кому интересно или необходимо. Имеющие иногда громадный тираж предвыборные листовки чаще всего выбрасываются сразу по их прочтении и превращаются в груды бумажного мусора, от которого муниципальные службы стараются поскорее очистить городские улицы.

Экземпляры оригинальных изданий листовок обычно сохраняются либо в архивах тех организаций или лиц, которые были причастны к их выпуску, либо в государственных архивах — в фондах полицейского или судебного ведомства как вещественные доказательства «подрывной» деятельности противников данной власти, либо в составе специально собранных кем-то коллекций.

Крупнейшим хранилищем, где в советское время наряду с другими документами собирались подлинные издания листовок из различных стран, являлся Центральный музей революции СССР (теперь Государственный Центральный музей современной истории России). Его коллекции по состоянию на середину 70-х годов отражали историю революционного движения в 111 странах мира и деятельность 47 международных организаций, преимущественно в новейшее время. В этих коллекциях есть материалы, которые не сохранились в стране их происхождения — например, листовки компартии, комсомола и революционных профсоюзов Кубы, относящиеся к концу 20-х — середине 30-х годов. Значительным комплексом материалов (включая листовки) представлена история Венгерской советской республики 1919 г. В коллекции документов о Гражданской войне 1936—1939 гг. в Испании имеются листовки и другие издания Комиссариата интернациональных бригад, отдельных интербригад, адресованные для добровольцев-антифашистов разных национальностей.

Одно из наиболее значительных собраний листовок и других печатных изданий периода франко-прусской войны и Коммуны находится в РНБ в Санкт-Петербурге. Основой его является коллекция, составленная историком искусства Э. Мюнцем, с которым был близко знаком живший в Париже П.Л. Лавров. При посредничестве Лаврова и при активном содействии В.В. Стасова (в то время заведовавшего художественным отделом императорской Публичной библиотеки) коллекция была приобретена библиотекой в 1872 г. Всего в этом собрании насчитывается 192 издания типа листовок и небольших брошюр — преимущественно за время после революции 18 марта 1871 г.¹ Общий же фонд листовок, афиш, брошюр кануна и периода Коммуны, имеющихся в отечественных хранилищах (в том числе РГБ, Государственной общественно-политической библиотеке и др.), включает — по данным специального сводного каталога — более 670 названий². Это много больше, чем смог разыскать и учесть современник Коммуны Ф. Майяр, отметивший в своей библиографии

¹ См.: *Маневич С.М.* и др. Французские издания периода Парижской Коммуны. Л., 1961. Вып. I. С. 145.

² См.: Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964. Вып. I. С. III.

436 парижских уличных изданий, начиная с периода осады французской столицы прусскими войсками¹.

Государственная библиотека в Берлине хранит в своем составе насчитывающее 25000 единиц собрание листовок и сходных с ними документов за пять столетий, начиная с периода Реформации. Самой весомой его частью являются листовки, использовавшиеся для пропаганды в стане противника в обеих мировых войнах XX века. Издан каталог этих листовок в объеме двух томов по Первой мировой войне (листовки английского и французского происхождения) и пятнадцати — по Второй (листовки как из стран антигитлеровской коалиции, так и из Германии)². Листовки периода Второй мировой войны демонстрировались на выставках, каталоги которых также опубликованы³.

Значительные массивы сохранившихся за рубежом подлинных листовок относятся к истории Сопротивления и сосредоточены там, где она специально изучается. Количественные данные о них можно привести лишь выборочно, т.к. в имеющихся библиографиях публикации типа листовок не всегда учитываются отдельно. Такие сведения есть, например, по Италии: в библиографии печатных изданий итальянского Сопротивления учтено 2623 листовки и брошюры, выпущенные различными партиями, организациями, партизанскими формированиями и т.д. за период с 25 июля 1943 г. (отстранение Муссолини от власти) по 25 апреля 1945 г. (победа народного восстания в Северной Италии против нацистской оккупации и неофашистского режима)⁴. Библиография освободительной борьбы против фашизма в Венгрии (1944—1945) включает около 500 листовок и плакатов⁵.

Листовки, прокламации, афиши в переизданиях. Поскольку листовка или афиша в оригинальном издании является редким, а подчас и уникальным документом, для исследовательских целей она должна использоваться и в различных перепечатках. Такие перепечатки (с комментариями или без них — в зависимости от назначения и ха-

¹ *Maillard F.* Les publications de la rue pendant le Siège et la Commune. Paris, 1874.

² *Kirchner K.* Flugblattpropaganda im 1. Weltkrieg. Bd. 1—2. Erlangen, 1985, 1992; *idem.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Erlangen, 1978—1996. Bd. 1—15.

³ Flugblattpropaganda im II Weltkrieg: Katalog einer Ausstellung 16.4—22.6.1980 Hannover, Historisches Museum am Hohen Ufer; Flugblätter des Nationalkomitees Freies Deutschland. Ausstellung. Berlin, 1989.

⁴ См.: *La Resistenza in Italia 25 luglio 1943—25 aprile 1945.* Saggio bibliografico. A cura di L. Conti. Milano, 1961.

⁵ См.: *Hazánk felszabadulása (1944—1945).* Bibliográfia és dokumentum gyűjtemény/Szerkesztette: Tiszay A. Budapest, 1955.

рактера публикации) передают иногда только текст документа, иногда же являются *факсимильными* репродукциями, т.е. точно воспроизводят также и его внешний вид — формат, шрифт, орфографию, цвет бумаги и т.д. Оба способа воспроизведения могут сочетаться в одном и том же издании.

Во Франции стали своего рода традицией переиздания настенных политических афиш. Спрос на публикации подобного рода стимулировался крупными историческими событиями, например, такими, как франко-прусская война и Парижская Коммуна, а в XX веке — «красный май» 1968 г.

Уже в 1871 г. Ф. Майяр опубликовал собрание афиш, прокламаций и т.д., связанных с выборами в Коммуну 26 марта и 16 апреля¹, а в Орлеане вышла факсимильная перепечатка афиш периода прусской оккупации². Несколько лет спустя парижский издатель Ле Шевалье предпринял факсимильную публикацию под общим названием «Французские политические афиши», отведя в ней отдельный том афишам Коммуны³. Ле Шевалье сознавал историческую ценность публикуемого материала, но его издание (как и аналогичное орлеанское) не претендовало на научный характер, не содержало каких-либо комментариев и было рассчитано скорее на библиофилов.

Множество сборников афиш вышло в свет по следам майско-июньских событий 1968 г.⁴. Эти события породили также огромную массу студенческих прокламаций, которые не только переиздавались⁵, но и стали предметом проведенного под эгидой Национального фонда политических наук лексикометрического исследования, т.е. количественного анализа их словаря, грамматического строя и т.д.⁶. Переиздания «майских» листовок, афиш и прочих документов осуществлялись большей частью по инициативе различных ультраале-

¹ Élections des 26 mars et 16 avril 1871. Affiches, professions de foi — documents officiels, clubs et comités pendant la Commune. Récueillis par F. Maillard. Paris, 1871.

² Les murailles d'Orléans pendant l'occupation prussienne 1870—1871. Orléans, 1871.

³ Les murailles politiques françaises. [I] Depuis le 4 septembre 1870. [II] La Commune. [III] Les murailles d'Alsace-Lorraine. Paris, 1874.

⁴ Mai 1968. Affiches. 32 affiches. Paris, 1968; Atelier populaire présenté par lui-même. 87 affiches de mai-juin 1968. Paris, 1968; Mai 68: les affiches de l'atelier populaire de l'ex-Ecole des Beaux Arts [réunies et présentées par] Mésa. Paris, 1975.

⁵ Например: La révolution par elle-même. Tracts révolutionnaires... Textes rassemblés et présentés par J.-P. Simon. Paris, 1968; *Vienet R.* Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations. Paris, 1968.

⁶ Des tracts en mai 1968. Mesures de vocabulaire et de contenu. Paris, 1975.

вых группировок, концепциям которых соответствовал отбор материала и характер комментариев в подобных сборниках.

Изданные нелегально листовки составили большую часть документального сборника, посвященного деятельности в годы Первой мировой войны организации левых германских социал-демократов — «Союза Спартака»¹. Осуществленная одним из бывших спартаковцев — Эрнстом Мейером, предполагавшим также издать сочинения Карла Либкнехта и листовки «Спартака» за период Ноябрьской революции, эта публикация стала частью его изысканий в области истории КПГ. Но своему сборнику Э. Мейер предпослал введение общеисторического, а не собственно археографического характера и сопроводил публикуемые документы лишь сведениями об их авторах, а также дал их приблизительную датировку. Уже после смерти составителя сборник вышел в русском переводе². В издании на русском языке листовки были снабжены довольно подробными историческими комментариями.

Некоторое количество листовок немецкого антифашистского подполья и Национального комитета «Свободная Германия» вошло в публикацию «К истории немецкого антифашистского движения Сопротивления (1933—1945)»³. Эта публикация, осуществленная в ГДР, имеет мемориальный характер и не претендует на полный охват и научно-источниковедческую разработку темы. Включенные в нее листовки даны главным образом в факсимильном воспроизведении.

В рамках уже упоминавшейся выше программы «XX век германской истории» издательством K.G. Saur совместно с Архивом партий и массовых организаций ГДР в составе Федерального архива Германии осуществлена в технике микрофишей публикация замаскированных листовок и брошюр 1933—1945 гг.⁴. Это наиболее солидное из сводных ретроспективных изданий таких источников. В других странах листовки периода Сопротивления переиздавались по преимуще-

¹ Spartakus im Kriege. Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege. Berlin, 1927.

² «Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М., 1933.

³ Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung. 1933—1945. 2. verbesserte Auflage. Berlin, 1958.

⁴ Tarnschriften 1933 bis 1945/Hrsg. vom K.G. Saur in Zusammenarbeit mit dem Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv. Mikrofiche-Edition unter Verwendung der «Bibliographie der Tarnschriften 1933 bis 1945» von Heinz Gittig. München, 1997.

ству не отдельно, а в совокупности с другими материалами — в составе различных тематических сборников, публикаций личных архивов и т.д.

Российскими исследователями Л.С. Белоусовым и А.Ю. Ватлиным подготовлена и осуществлена публикация в издательстве «Вагриус» альбома, куда вошли советские и немецкие листовки и плакаты периода Второй мировой войны из разряда так называемой спецпропаганды, т.е. предназначенные для пропаганды «по ту сторону фронта» среди военнослужащих и гражданского населения¹. В него вошли документы из коллекции Ника Ильина, находящейся в Музее Гугенхайма (Нью-Йорк), дополненные специально разысканными в архивах.

Из колоссальной массы материалов спецпропаганды сохранилась лишь сравнительно небольшая часть, т.к. их хранение было наказуемо. Существующие коллекции подобных материалов собирались более или менее случайно, без строгой системы. Коллекцию Н. Ильина собирал не он сам, а другое лицо, у которого она была приобретена. Поэтому публикация Белоусова и Ватлина не ставила целью сколько-нибудь полно охватить адресуемые противнику листовки, плакаты, карикатуры военных лет и не претендует на характер научного издания, а знакомит читателя с наиболее типичными образами и приемами спецпропаганды, которые обстоятельно охарактеризованы во вступительной статье авторов-составителей.

Включенные в издание документы воспроизводятся факсимильно и разделены на две части — немецкую («Агрессия нового порядка») и советскую («Ответный удар»). Текст обычно занимает в них немного места, активно используются изобразительные средства — рисунок (преимущественно сатирический), фотография (воспроизводящая реальность или нечто инсценированное), картографический материал. Бросается в глаза сходство в технологии использования обеими сторонами типичных для каждой из них идеологических стереотипов: для нацистской пропаганды это антисемитизм, для советской — классово-интернационалистская риторика начального периода войны, затем сменившаяся акцентом на защищаемые СССР патриотические ценности и идеалы.

Источниковедческий анализ листовок. В этом разделе вопросы источниковедческого анализа будут рассмотрены прежде всего применительно к листовкам как к публицистическому отклику на те или иные внутренние проблемы общества. Листовки спецпропаганды не вписываются в такие рамки, они используются в условиях войны и

¹ Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой/Авт.-сост. Л.С. Белоусов, А.Ю. Ватлин. М., 2007.

ству не отдельно, а в совокупности с другими материалами — в составе различных тематических сборников, публикаций личных архивов и т.д.

Российскими исследователями Л.С. Белоусовым и А.Ю. Ватлиным подготовлена и осуществлена публикация в издательстве «Вагриус» альбома, куда вошли советские и немецкие листовки и плакаты периода Второй мировой войны из разряда так называемой спецпропаганды, т.е. предназначенные для пропаганды «по ту сторону фронта» среди военнослужащих и гражданского населения¹. В него вошли документы из коллекции Ника Ильина, находящейся в Музее Гугенхайма (Нью-Йорк), дополненные специально разысканными в архивах.

Из колоссальной массы материалов спецпропаганды сохранилась лишь сравнительно небольшая часть, т.к. их хранение было наказуемо. Существующие коллекции подобных материалов собирались более или менее случайно, без строгой системы. Коллекцию Н. Ильина собирал не он сам, а другое лицо, у которого она была приобретена. Поэтому публикация Белоусова и Ватлина не ставила целью сколько-нибудь полно охватить адресуемые противнику листовки, плакаты, карикатуры военных лет и не претендует на характер научного издания, а знакомит читателя с наиболее типичными образами и приемами спецпропаганды, которые обстоятельно охарактеризованы во вступительной статье авторов-составителей.

Включенные в издание документы воспроизводятся факсимильно и разделены на две части — немецкую («Агрессия нового порядка») и советскую («Ответный удар»). Текст обычно занимает в них немного места, активно используются изобразительные средства — рисунок (преимущественно сатирический), фотография (воспроизводящая реальность или нечто инсценированное), картографический материал. Бросается в глаза сходство в технологии использования обеими сторонами типичных для каждой из них идеологических стереотипов: для нацистской пропаганды это антисемитизм, для советской — классово-интернационалистская риторика начального периода войны, затем сменившаяся акцентом на защищаемые СССР патриотические ценности и идеалы.

Источниковедческий анализ листовок. В этом разделе вопросы источниковедческого анализа будут рассмотрены прежде всего применительно к листовкам как к публицистическому отклику на те или иные внутренние проблемы общества. Листовки спецпропаганды не вписываются в такие рамки, они используются в условиях войны и

¹ Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой/Авт.-сост. Л.С. Белоусов, А.Ю. Ватлин. М., 2007.

дополняют собой другие средства ее ведения. Поэтому как источник они кое в чем отличаются от листовок в обычном понимании, что потребует оговорок по ходу изложения.

Листовка как агитационный документ в большинстве случаев исходит от какой-либо организации, партии или движения и соответственно отражает их идейно-политические установки, а не личное мнение того, кем составлен ее текст. Поэтому прежде всего следует установить, какой организации принадлежит листовка, и возможно точнее представить себе ее общий облик. В легально издаваемых листовках выпустившие их организации, как правило, прямо называют себя в «шапке» к тексту или в подписи под ним. Иногда это делается и в нелегальных листовках, но весьма часто ее принадлежность не указывается совсем или как-либо зашифровывается.

Относящаяся к эпохе I Интернационала листовка на итальянском языке под названием «Интернациональная программа» издана без подписи. Однако из первых же слов ее текста («Мы хотим социальной революции...») очевидно, что эта программа излагается непосредственно ее приверженцами. Дальнейший анализ содержания позволяет обнаружить в листовке типично анархистские положения (например: «Что касается политического освобождения, мы хотим уничтожения государства и всех институтов, которые являются его ответвлениями») и таким образом установить, что она была выпущена сторонниками бакунинской интерпретации идей Интернационала. Именно таким способом — исходя из анализа содержания — чаще всего определяется принадлежность неподписанной листовки.

Издавшая нелегальную листовку организация может подписаться и псевдонимом типа «Солдат», «Матрос» и т.д., специально рассчитанным на агитационное воздействие. В этом случае принадлежность листовки устанавливается так же, как при отсутствии подписи вообще — по ее содержанию, лозунгам, общей направленности.

При определении принадлежности нелегальной листовки нельзя слепо полагаться на ту версию ее происхождения, которая слишком легко подсказывается внешними признаками (подпись) или основана на других, явно тенденциозных источниках. Против движений, подвергающихся преследованиям или действующих в подполье, часто пускается в ход полицейская провокация с использованием якобы нелегально изданных подложных документов. Такая провокация была, например, организована за рубежом царской охранкой в 1892 г. с целью внести раскол в среду русских революционных эмигрантов, развернувших активную деятельность в помощь голодающим в России. В эмигрантских кругах была распространена подложная гектографированная прокламация за подписью Г.В. Плеханова (по его собственному отзыву, «очень хорошо» подделанная), очерняющая

русских социал-демократов в Париже — инициаторов создания общества борьбы с голодом, где Плеханов вскоре должен был выступить, и С.М. Степняка-Кравчинского, который вел подобную же работу в Лондоне¹.

Факты такого рода доказывают, что подлинность нелегальной листовки должна тщательно проверяться, особенно если эта листовка фигурировала в качестве улики против тех, кому она приписывается. Необходимо выяснить, соответствует ли общей линии предполагаемой организации-составителя содержание листовки, ее лозунги, их обоснование, существовала ли вообще организация, обозначенная в подписи под листовкой. Все это относится прежде всего к работе с первичным, еще не подвергавшимся исследованию и не переиздававшимся материалом (что касается вышеупомянутой итальянской листовки, такая проверка подтверждает, что она подлинная). В переизданиях, особенно научного типа, подлинность публикуемых листовок обычно уже проверена теми, кто готовил публикацию к печати.

Когда установлено, от какой организации исходит листовка, а ее подлинность проверена или заведомо не вызывает сомнений, следует по возможности также выяснить, кем именно она написана. Это желательно всегда, а особенно в случае, если есть вероятность обнаружить авторство известного политического деятеля или публициста. Мы можем предположительно определить автора или авторов листовки при наличии каких-либо сведений о составе данной организации, о том, кто из ее членов обладал необходимой для написания листовки политической подготовкой и литературными навыками. Но это лишь допущение, требующее дополнительной проверки путем сравнительного стилистического анализа или по показаниям других источников.

Автор листовки может быть точно установлен по почерку ее рукописного оригинала, если таковой доступен исследователю непосредственно или в факсимильном воспроизведении. Давно известен, например, текст прокламации к населению Генуи, изданной от имени Комитета национального освобождения (КНО) области Лигурия в связи с победой антифашистского восстания 24 апреля 1945 г. Но в личном архиве видного деятеля итальянской ХДП, ее представителя в КНО Лигурии Паоло Эмилио Тавиани этот документ сохранился написанным его рукой, что бесспорно указывает на авторство Тавиани.

Весь комплекс затронутых здесь вопросов выглядит иначе, если мы имеем дело с листовками спецпропаганды. В этом случае нет необходимости детально выяснять происхождение и авторство листов-

¹ Г.В. Плеханов и «шпионские забавы» (сообщил С.Н. Валк)//Красный архив. 1924. Т. 5. С. 263—266.

ки — создание таких листовок было поставлено «на поток» соответствующими армейскими службами, с использованием уже существующих изобразительных материалов (например, газетных карикатур), стандартных текстов, убеждавших сдаваться в плен, и т.д. «Всплывшая» где-либо одиночная листовка подобного рода требует проверки на подлинность, т.к. их коллекционирование стало модой, и этим пользуются в корыстных целях изготовители «новоделов». Помочь такой проверке могут упомянутые выше каталоги.

Обычная, не «спецпропагандистская» листовка всегда пишется на злобу дня и быстро стареет, поэтому ее ценность как источника во многом зависит от того, насколько точно удастся определить время и место ее создания. В листовках, изданных легально, то и другое сообщается составителями или же может быть установлено по выходным типографским данным. Однако такие данные указываются не всегда. Типографская дата хотя и максимально близка к моменту создания листовки, но все же не совпадает с ним, а часто к тому же бывает неполной (только год или месяц и год — без указания числа). Нелегальные листовки, как правило, выпускаются без даты и других элементов, которые могут навести на след подпольщиков. Отсутствие или неполнота прямых сведений о том, когда и где была составлена или издана листовка, приходится восполнять косвенными указаниями на это в самом ее тексте.

Рассмотрим датировку по косвенным признакам на примере листовки, написанной по-итальянски, отпечатанной на ротапринтере и выпущенной организацией обучавшихся в Италии иранских студентов. Она обличает шахский режим в Иране и призывает демократические силы Италии солидаризироваться с борьбой против него студентов и всего иранского народа. Уже из этого ясно, что листовка появилась до свержения власти шаха (январь 1979 г.). С другой стороны, в тексте упоминается в качестве действующего президента США Дж. Картер, который официально вступил в должность в январе 1977 г. Недавняя поездка шаха в США, о которой говорится в листовке, относится к ноябрю 1977 г. — листовка, следовательно, написана вскоре после этого. Наконец, обратим внимание на заголовок листовки: он напоминает о предстоящей 7 декабря годовщине кровавой полицейской расправы над студентами Тегеранского университета (1953). С учетом всех этих данных листовку можно датировать концом ноября или первыми числами декабря 1977 г.

Подобным же образом по содержанию листовки устанавливается место ее выпуска. Здесь могут помочь такие детали, как упоминание кварталов, улиц, площадей, памятных зданий определенного города в связи с маршрутом шествия или созывом митинга, отсылка к событи-

ям в какой-либо провинции или области, явно подразумевающая хорошо знакомого с ними местного читателя и т.д.

В некоторых случаях время и место издания листовки определяются по показаниям других источников. Примером может служить упомянутая выше анархистская листовка «Интернациональная программа». Об ее изъятии сообщается в полицейских донесениях от 1 октября 1874 г., хранящихся вместе с ней в архивном фонде римской квестуры (Государственный архив Рима), а каких-либо следов распространения аналогичных листовок в других городах Италии нет. Напрашивается вывод, что листовка была составлена и отпечатана в Риме в конце сентября 1874 г.

Листовка должна быть исследована и с точки зрения ее генеалогии. Если она является средством обращения к массам какой-либо партии или организации, то ее нужно соотнести прежде всего с документами, в которых выражены общие политические и тактические установки данного движения. Как явствует из вышеизложенного, это важно и для проверки подлинности листовки, а с другой стороны, может оказаться полезным для ее датировки (если, например, она пропагандирует такие лозунги, которые отвечают хронологически определенному этапу в жизни партии или организации и не могли появиться ни раньше, ни позднее). При наличии в руках исследователя листовок, которые однородны по типу и основному содержанию, но не совпадают текстуально, разнятся по времени и месту происхождения и т.д., их необходимо тщательно сопоставить между собой. Такой сравнительный анализ поможет выявить, было ли в издании всех этих листовок какое-то объединяющее начало, и уточнить географические рамки деятельности соответствующих организаций.

Листовка отличается от других источников агитационно-публицистического характера большей открытостью смыслового содержания. Здесь нет характерной для памфлета сложной системы ассоциаций, образов, намеков, читателю не преподносится (как в периодической печати, о чем речь пойдет впереди) рассчитанное на определенный «отвлекающий» эффект сочетание разнотипного материала. Цель листовки заключается, наоборот, в том, чтобы в максимальной степени сосредоточить внимание читателя на одном предмете и притом — поскольку она обращается к массовой аудитории — изложить суть дела как можно более доходчиво. В ряду партийных документов листовка также выделяется по преимуществу разъяснительным, популяризаторским назначением. Разумеется, и в листовке отражение исторической реальности опосредуется идеологическими установками ее составителей. Но это не создает серьезных препятствий к истолкованию ее смысла.

Вопрос о достоверности содержания в листовках информационного типа должен быть отнесен к сообщаемой ими сумме фактических сведений, в таких же листовках, где тот или иной факт служит лишь поводом для политической агитации — к утверждениям принципиального характера, истинность которых подлежит проверке. Достоверность фактов в листовках информационного типа различна в зависимости от их целевого назначения. Листовка забастовочного комитета, которая имеет целью привлечь на сторону бастующих общественное мнение, вряд ли погрешит против истины в описании их положения и причин забастовки (если эти данные легко опровергнуть, эффект окажется обратным желаемому). Предвыборная листовка какой-нибудь партии с изложением биографии ее кандидата не будет откровенно искажать те факты, которые она сообщает, но одновременно может обойти молчанием другие, «не выигрышные» биографические детали и тем самым отретушировать весь политический портрет данного деятеля так, чтобы обеспечить ему большую популярность среди избирателей. Соответствие истине содержащихся в листовках общих выводов и оценок в решающей мере зависит от идейно-политической позиции составителей, от того, насколько она позволяет проникнуть в объективную суть изображаемого. Исследователем должна учитываться также и степень фактической осведомленности авторов листовки, полнота и качество той информации, которой они располагали.

В том, что касается достоверности, требуется оговорка в отношении листовок спецпропаганды. В психологической войне, имевшей целью морально сломить противника, внешнее правдоподобие информации было важнее, чем ее полное соответствие реальности. Поэтому наряду с подлинными фотографиями пленных и факсимильным воспроизведением солдатских писем использовался фотомонтаж, инсценировки, вымышленные имена. «Говорить врагу только правду — нереально», — утверждают ветераны спецпропаганды¹.

Предварительная оценка достоверности листовки как источника выносится на основе имеющихся в распоряжении исследователя сведений о цели и условиях ее создания, об организации-составителе, об авторе или авторах текста. Но, как и во всех описанных выше случаях, убедительно доказать справедливость такой оценки или заставить в чем-либо пересмотреть ее может лишь сравнение данного источника с другими.

¹ Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой/Авт.-сост. Л.С. Белосусов, А.Ю. Ватлин. М., 2007. С. 24.

Глава 12

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Происхождение периодики. Пресса в новое и новейшее время. Периодическая печать является наиболее массовым видом печатного слова. Этим определяется ее роль в современном обществе (журналисты любят называть прессу и другие СМИ «четвертой властью») и соответственно — ее место в ряду источников по истории нового и новейшего времени.

Зарождение прессы в ее современном виде относится к кануну нового времени, но имеет длительную предысторию. Потребность в обмене информацией возникла, наверное, вместе с человеческим обществом. Уже в глубокой древности существовали различные способы официального оповещения людей о важнейших распоряжениях властных органов, исходе сражений с неприятелем во время войн и т.д. В средние века предшественниками периодической печати были хроники и летописи, а информация распространялась главным образом путем переписки. Таким образом получали необходимые им сведения владетельные князья, монастыри, университеты и в особенности купцы, поддерживавшие более или менее широкие торговые сношения. Именно крупные купеческие конторы становились центрами, где специально собиралась поступающая от различных корреспондентов информация. Так закладывалась основа для возникновения непериодических и периодических рукописных газет.

Одна из первых рукописных газет появилась как официальный правительственный орган в XV в. в Венеции. Отсюда же, согласно наиболее распространенной версии, ведет свое происхождение и слово «газета» (*gazetta* — название мелкой венецианской монеты, которую ушачивали за право прослушать на городской площади читаемые по распоряжению правительства новости из ежемесячного рукописного вестника).

Становлению периодики способствовало развитие рассмотренных выше видов публицистики — памфлета и летучего листка. Из последнего выросла не только листовка, но и газета. Путь от летучего листка к газете выглядел примерно так. Печатные листки, сообщава-

шие о каком-либо примечательном событии, сводились в таблицы. Постепенно вошло в практику рассматривать такие таблицы как серию, как продолжающееся издание — им стали придавать порядковые номера. Известно, например, что в 1566 г. в Страсбурге и Базеле выходили подобные издания с порядковой нумерацией, но они еще не имели периодического характера. С появлением этого признака окончательно складывается газета в современном понимании. Возникновение газетной периодики из памфлета отчетливо прослеживается на материале печати времен Английской и Великой французской революций.

Печатные и рукописные газеты какое-то время сосуществовали, но рукописные к концу XVII в. постепенно перестали выходить — не только из-за несовершенства своей технической базы, но и потому, что власти запрещали их по цензурным соображениям. Печатные газеты в первой половине XVII в. уже выходили в ряде стран Европы (некоторые германские государства, Франция, Англия, Нидерланды, Швейцария), но, как правило, недолго. Исключением была старейшая французская газета *Gazette de France*, выходившая с 1631 по 1792 г. и до 1777 г. являвшаяся единственной политической газетой во Франции. Ее основатель, врач по профессии, Теофраст Ренодо специально изучал опыт издания летучих листков и газет в других странах и опирался на него. Газета «Ренодо» выходила еженедельно, а появившееся вскоре приложение к ней, где содержались известия за целый месяц и давалось нечто вроде комментариев к ним, стало прообразом журнальной периодики.

В условиях абсолютизма развитие прессы в высокой степени тормозилось цензурным гнетом. В той же Франции, например, королевский рескрипт 1624 г. запретил печатать что-либо касающееся государственных дел, а парламенты (местные судебные учреждения) запрещали печатную критику не только государства, но и вообще чего бы то ни было. И все же, несмотря на эти цензурные ограничения, во Франции на протяжении 1631—1789 гг. зарегистрировано существование в общей сложности 350 газет и других периодических изданий.

Мощный импульс развитию периодики в Европе и Америке дали буржуазные революции и национально-освободительные движения. В конце XVII в. была отменена цензура в Англии. Во Франции значение прессы в общественной жизни ощутимо возросло уже в предреволюционный период, а в годы революции появилось множество новых периодических изданий. За неполный 1789 г. только в одном Париже возникло около 150 газет, причем тиражи революционной прессы и сейчас поражают своими масштабами: газета *Révolutions de Paris* («Парижские революции») имела тираж до 200 тыс., а писавшая пле-

бейским языком парижских предместий газета Эбера *Pere Duchesne* («Папаша Дюшен») — до 600 тыс. экземпляров. Война за независимость США и Великая французская революция стимулировали развитие передовой общественной мысли и периодической печати в германских государствах, но существенную роль политическая пресса начала здесь играть лишь во время революции 1848—1849 гг. Американская пресса зародилась еще в колониальный период (в начале XVIII в.), но с завоеванием государственной независимости США наступил качественно новый этап ее развития, т.к. значение газет как органов политической пропаганды стало быстро возрастать. На Кубе (в Гаване) первые газеты стали выходить в 80—90-е гг. XVIII в. Другие ранние латиноамериканские газеты (*El Colombiano*, *El Repertorio Americano*) возникли в начале XIX в. как эмигрантские издания. В ходе борьбы за независимость Латинской Америки пресса укоренилась и в самих освобождающихся странах, где ее активно использовали в качестве трибуны передовые, патриотически настроенные публицисты.

Свобода печати была одной из важнейших гражданских свобод, фактически завоеванных в условиях ломки феодального «старого порядка». Но она сразу же оказалась в теснейшей зависимости от всех сложностей, зигзагов, а порой и попятных движений в процессе консолидации новой системы общественных отношений. Судьба французской прессы в период консульства и I Империи во многом предвосхитила то, что позднее происходило повсюду, где утверждались диктаторские режимы: Наполеон I резко ограничил общее количество периодических изданий в стране и лишь части из них разрешал печатать тщательно отслеженные политические новости, а с другой стороны, умело использовал газеты для манипулирования общественным мнением в интересах власти.

Но и в странах с укоренившимися демократическими институтами пресса отнюдь не свободна от политического контроля и воздействия на информационную политику могущественных материальных интересов. В новейшем источниковедческом труде справедливо обращено внимание на то, что власть в любом обществе **«не может существовать в отрыве от информационных процессов»**¹, и критикуется распространённый в постсоветское время либеральный идеологический постулат, согласно которому существуют два вида прессы — «свободная» (западная) и «несвободная» (в частности, пресса советского периода). На Западе существует контроль над потоками информации. Известно, например, что редакторы газет получают от государствен-

¹ Источниковедение новейшей истории России. С. 244.

ных органов секретные циркуляры о нецелесообразности освещения тех или иных тем. Влиятельные многотиражные газеты и журналы принадлежат крупным издательским концернам, которые, в свою очередь, регулируют направленность их публикаций. Так, руководство концерна Херста в США ежедневно рассылает редакторам восьми своих крупнейших газет материалы, частично обязательные, а частично рекомендуемые для опубликования. Теория двух видов прессы расценивается как неудовлетворительная и с источниковедческой точки зрения, т.к. ведет к отказу от подхода к периодической печати как к единому в видовом отношении источнику: «оценка ее происхождения, специфики отражения действительности, выделение внутривидовых групп, жанров, определение достоверности и методы исследования окажутся разными в зависимости от того, идет ли речь о «тоталитарной» или «свободной» прессе»¹.

Газетно-издательское дело сопряжено с большими и неуклонно возрастающими затратами. Пресса нуждается в «спонсорах», а это влечет за собой зависимость от финансовых вливаний со стороны — будь то субсидии из секретных фондов, служащих интересам власти (вроде «рептильного фонда» в Германской империи при Бисмарке), частные пожертвования корпораций или размещение выгодной рекламы. Множество публикаций имеет заказной характер, оплачено заинтересованными лицами или группировками, поэтому журналистику часто называют не только «четвертой властью», но и куда менее лестно — «второй древнейшей профессией».

Уже в XIX в. начала развиваться так называемая «информационная индустрия» — сеть агентств, специализирующихся на сборе информации, обрабатывающих ее и рассылающих в централизованном порядке периодическим изданиям, а с появлением радио и телевидения — также и другим СМИ. Наиболее крупные информационные агентства получали от правительств соответствующих стран льготы в отношении пользования телеграфом, доступа к официальной документации и т.д. и постепенно приобретали официальный характер. Сильнейшие из них — «Ассошиэйтед Пресс» (АП) и ЮПИ в США, «Рейтер» в Англии, «Франс Пресс» во Франции. АП существует с середины XIX в. и обладает монопольным правом на использование местной информации, которая собрана связанными с ним газетами, а к его услугам еще в годы Второй мировой войны прибегало 3/4 утренних и почти 3/5 вечерних газет США. Даже формально независимая от газетных концернов местная печать зависит от подобных монополистов информации и вынуждена проводить их линию, а информа-

¹ Источниковедение новейшей истории России. С. 245.

ционные гиганты тщательно дозируют количество сообщений из той или другой части мира, рассылаемых в отдельные страны и регионы.

Возникновение новых средств массовой информации (радио, телевидение, Интернет) не могло не потеснить периодическую печать. В начале XXI в. существуют электронные газеты и журналы, не имеющие бумажных аналогов, и даже высказываются предположения, что в недалеком будущем пресса на бумажной основе вообще отомрет. Но если это и произойдет, то, по всей вероятности, не скоро. Пресса в традиционном, бумажном виде и в настоящее время продолжает играть важную роль, у нее остается собственная «ниша» в общественной жизни, а для историка она сохраняет громадный запас информации о прошлом, представленной в доступной непосредственному восприятию форме письменного текста.

Газетные жанры. Средства воздействия газеты на читателя. Пресса — источник сложного состава; от других источников публицистического характера она отличается сочетанием различных в жанровом отношении материалов. Основные газетные жанры достаточно устойчивы, хотя в их использовании есть определенная динамика, и они эволюционируют в связи с развитием других СМИ.

В числе главных газетных жанров неизменно остается *статья*. Особенно важное значение имеет передовая статья, выражающая позицию редакции по наиболее существенным с ее точки зрения вопросам, затронутым в номере. Статья может носить и чисто информационный характер, строиться в форме откликов на какие-либо события или как обзор печати, иногда просто в виде подборки высказываний других периодических изданий, без комментариев. Разновидностями статьи в прошлом считались также всякого рода материалы не текущего характера, помещаемые в «подвале» — нижней части газетного листа, под чертой (рецензии, художественные или публицистические очерки, воспоминания, беллетристические произведения и т.д.), а сам «подвал» на языке газетчиков именовался *фельетоном*. Позднее это название закрепилось за самостоятельным жанром преимущественно сатирического характера, выросли в отдельные жанры рецензия и очерк.

Большую группу газетных жанров составляют различные *информационные материалы* — такие, как *хроника* (материал из местной жизни или почерпнутый из местных источников), *отчеты* (о митингах, заседаниях законодательных органов, судебных процессах, открытии выставок, спортивных состязаниях и т.д.), *телеграммы* и сообщения, переданные новейшими средствами связи, *интервью* и пр. Раньше формой особо оперативной информации о самых свежих, иногда еще продолжающихся событиях был газетный *репортаж*.

В журналистской практике он известен с середины XIX в., теперь же практически вытеснен радио- и особенно телерепортажем (зачастую прямым). В начале XX столетия прославленным репортером был американский журналист Джон Рид, всегда находившийся в «горячих точках» планеты и оставивший о себе память репортажами из Петерсона и Колорадо о крупнейших стачках в США, информацией с фронтов Первой мировой войны, зарисовками, сделанными в отрядах восставших крестьян Мексики (впоследствии — книга «Революционная Мексика»), а в особенности — «подробным отчетом» о первых днях Октябрьской революции в России, — книгой «Десять дней, которые потрясли мир».

Еще одним газетным жанром являются *корреспонденции* — сообщения с мест, посылаемые специальными сотрудниками газеты (корреспондентами), в частности, из-за рубежа. Это важный источник газетной информации в дополнение к «централизованной доставке» материала информационными агентствами. Существующий с середины XIX в. жанр зарубежной корреспонденции с тех пор также претерпел изменения в связи с бурным развитием СМИ, транспорта, дальней коммуникации с помощью телефона, радио, телетайпов, текстов и пр. Представление об этом жанре дают, например, корреспонденции М. Кольцова в «Правде» из Испании во время Гражданской войны 1936—1939 гг., которые легли в основу его известного «Испанского дневника».

Наконец, в газетном деле широко используются *материалы иллюстративного характера* — географические карты, фотографии, портреты общественных деятелей, диаграммы, карикатуры и рисунки на злобу дня и т.д. Проведенный в 1949 г. опрос читателей французских газет показал, что для 75% опрошенных любимым материалом в газете являлись иллюстрации в виде «рисованных лент» — вертикальных (обычно посвящаемых историческим сюжетам) и горизонтальных (комиксы на сюжеты старых популярных романов или гангстерских историй). Учитывая подобные читательские вкусы, газеты отводили «рисованным лентам» подчас целые полосы. С развитием кино и телевидения связана отмеченная во второй половине XX в. тенденция к общему увеличению в газетах роли рисунка за счет фотографии. О том, что газетный рисунок может оказаться весьма «взрывчатым» материалом, наглядно свидетельствует «карикатурный скандал» начала 2006 г.: публикация одной из датских газет карикатур на пророка Мухаммеда вызвала бурную реакцию в мусульманских странах, но журналисты и не подумали извиниться за несоблюдение «политкорректности», ссылаясь в оправдание своих действий на свободу печати.

В прессе различных стран разные газетные жанры играют неодинаковую роль. Для английских и немецких газет начала XX в. было характерно первостепенное значение статей (передовых и специальных — на политические и иные темы), которые писались на высоком профессиональном уровне и несли в себе главную смысловую нагрузку номера. Позднее эти особенности сохранили лишь немногие крупнейшие газеты Англии — такие, как Times и Guardian (в прошлом Manchester Guardian). В американских газетах центральное место занимал и занимает умело разработанный и поданный в сенсационном ключе информационный материал — «нюс». Во Франции солидной и хорошо информированной газетой является Monde, в большинстве же других политические статьи и информация отодвинуты на второй план всякого рода материалом для легкого чтения.

В журналистских кругах и специальной литературе о журналистике можно встретить с попытками отделить политические газеты («прессу мнений») от так называемой «информационной прессы», будто бы не занимающей никакой политической позиции и дающей «чистую», беспристрастную и абсолютно достоверную информацию. Согласно так называемому «англосаксонскому принципу» журналистики, следует четко разделять новости и аналитический обзор. Но это, как справедливо отмечено отечественными специалистами-источниковедами, «всего лишь тенденция, а не реальная черта печати. Она чаще провозглашает указанный принцип, чем следует ему»¹.

В действительности любая газета ставит своей задачей не только сообщить известную сумму сведений, но и дать событиям определенное освещение и таким образом воздействовать в нужном направлении на читателя. Иначе говоря, газета является не только средством информации, но и инструментом формирования общественного мнения. Эту функцию она выполняет с помощью разнообразных, отработанных длительной практикой приемов: подбора и жанрового оформления материала, его группировки и размещения внутри номера, выбора заголовков, оттенков в тоне публикуемых статей и заметок и т.д.

Особо следует при этом выделить роль заголовка. Подчас он прямо-таки оглушает читателя, который, держа в руках газету объемом в десятки страниц, сплошь и рядом вообще не читает в ней ничего, кроме заголовков. Тщательно выбираются не только формулировки, но и шрифт газетных заголовков. Известны случаи, когда заголовок пре-

¹ РГГУ. Источниковедение... С. 625—626.

В прессе различных стран разные газетные жанры играют неодинаковую роль. Для английских и немецких газет начала XX в. было характерно первостепенное значение статей (передовых и специальных — на политические и иные темы), которые писались на высоком профессиональном уровне и несли в себе главную смысловую нагрузку номера. Позднее эти особенности сохранили лишь немногие крупнейшие газеты Англии — такие, как Times и Guardian (в прошлом Manchester Guardian). В американских газетах центральное место занимал и занимает умело разработанный и поданный в сенсационном ключе информационный материал — «нюс». Во Франции солидной и хорошо информированной газетой является Monde, в большинстве же других политические статьи и информация отодвинуты на второй план всякого рода материалом для легкого чтения.

В журналистских кругах и специальной литературе о журналистике можно встретить с попытками отделить политические газеты («прессу мнений») от так называемой «информационной прессы», будто бы не занимающей никакой политической позиции и дающей «чистую», беспристрастную и абсолютно достоверную информацию. Согласно так называемому «англосаксонскому принципу» журналистики, следует четко разделять новости и аналитический обзор. Но это, как справедливо отмечено отечественными специалистами-источниковедами, «всего лишь тенденция, а не реальная черта печати. Она чаще провозглашает указанный принцип, чем следует ему»¹.

В действительности любая газета ставит своей задачей не только сообщить известную сумму сведений, но и дать событиям определенное освещение и таким образом воздействовать в нужном направлении на читателя. Иначе говоря, газета является не только средством информации, но и инструментом формирования общественного мнения. Эту функцию она выполняет с помощью разнообразных, отработанных длительной практикой приемов: подбора и жанрового оформления материала, его группировки и размещения внутри номера, выбора заголовков, оттенков в тоне публикуемых статей и заметок и т.д.

Особо следует при этом выделить роль заголовка. Подчас он прямо-таки оглушает читателя, который, держа в руках газету объемом в десятки страниц, сплошь и рядом вообще не читает в ней ничего, кроме заголовков. Тщательно выбираются не только формулировки, но и шрифт газетных заголовков. Известны случаи, когда заголовок пре-

¹ РГГУ. Источниковедение... С. 625—626.

вращался в орудие настоящей провокации с целью сделать газетный «товар» более ходким.

Система расположения публикуемой информации не только внутри всего номера, но и внутри отдельных статей, сообщений и т.д. также является средством быстрой и эффективной обработки читателя. В газетном деле особыми специалистами в этой области являются американские журналисты. Любой материал, публикуемый в американской прессе, начинается с той информации, которую читателю стремятся преподнести как наиболее существенную; он составляет содержание первого, «ведущего» абзаца («лидинг параграф», или сокращенно «лид»). В свою очередь, внутри этого абзаца подобная же «ведущая» роль отводится начальным строкам, а последующие считаются тем менее важными по смыслу, чем ниже они расположены. Таким же образом — по нисходящей от начала к концу линии — распределяется смысловая нагрузка между остальными абзацами и между строками внутри каждого из них.

Особое место в арсенале журналистских средств воздействия на читателя занимает газетная кампания. Это своего рода «массированная атака», предпринимаемая с целью накалить страсти вокруг той или иной проблемы и определенным образом использовать их. Во время таких кампаний внимание читателя систематически, из номера в номер приковывается к одному и тому же вопросу, сквозь призму которого подается все, о чем пишет данная газета. В истории известны случаи, когда газетные кампании серьезно влияли на подготовку общественного мнения к определенным политическим акциям — в частности, в сфере международных отношений. Так, инспирированная Бисмарком кампания «рептильной» прессы по поводу принятого во Франции закона о военных кадрах сыграла важную роль в нагнетании напряженности во франко-германских отношениях и возникновении «военной тревоги» 1875 г. Еще более яркий пример — кампания желтой прессы американского газетного магната Херста, активно способствовавшая началу испано-американской войны 1898 г.

Распространенные обвинения журналистов в том, что они что-то «раздувают», искусственно разжигают страсти, справедливы далеко не в каждом случае и часто используются в спекулятивных политических целях. Но подобная репутация прессы возникла не без оснований.

Журнальная периодика. К разряду периодических, или повременных, изданий принадлежат не только газеты, но и журналы. Существуют два основных типа журналов, отличающихся друг от друга по частоте публикации: а) еженедельные и двухнедельные журналы; б) ежемесячные, двухмесячные, выходящие раз в квартал и т.п. «тол-

стые» журналы. Внутри этих типов существует специализация по тематическому профилю, т.е. различаются журналы политические, научные, литературные и т.д. В практике исторических исследований источником чаще всего служат журналы политического и общественно-культурного характера, но под определенным углом зрения в этом качестве могут использоваться и другие их виды. Если, например, изучается состояние исторической науки в какой-нибудь стране в тот или иной период, то в круг источников по такой теме войдут научно-исторические журналы за соответствующий период.

Отличия журнала от газеты обусловлены прежде всего тем, что он выходит в свет значительно реже. Газета (в современных условиях, как правило, ежедневная) должна немедленно реагировать на самые жгучие вопросы, которые чрезвычайно актуальны на данный момент, но буквально завтра могут утратить свою злободневность. Журналу — даже еженедельному — такая оперативность отклика не под силу. Поэтому для освещения в журнале выбираются темы тоже актуальные, но более «долговечные», чем типично газетные сюжеты. Соответственно в журнале преобладающим жанром становится статья. Журнальные статьи и другие материалы значительно превышают свои газетные аналоги по объему, пишутся несколько иным, более «спокойным» слогом, оформляются (если исключить из рассмотрения рассчитанные на массового читателя иллюстрированные журналы) менее броско. По всем этим показателям от газеты дальше всех отстоит «толстый» журнал, тогда как еженедельник (особенно политический) сейчас все более сближается с ней.

Пресса в переизданиях. Архивы редакций. Научно-справочная литература о периодике. Исследователи-историки чаще всего изучают прессу по первичным публикациям, т.е. по подлинным комплектам или отдельным номерам соответствующих периодических изданий. Но в научных целях могут использоваться и публикации, представляющие собой различного рода переиздания материалов периодики.

Один из способов переиздания — микрофильмирование периодики. Оно широко поставлено, в частности, во Франции, где с 1958 г. существует специальная Ассоциация по сохранению и фоторепродуцированию прессы. Оригиналы воспроизводимых ею изданий хранятся в основном в Национальной библиотеке (Париж). Уже к середине 70-х годов Ассоциация изготовила микрофильмы свыше 2500 периодических изданий (в том числе не только на французском языке) и планировала микрофильмировать по возможности все газеты и журналы, когда-либо выходившие во Франции. Некоторые особенно редкие и ценные издания при микрофильмировании объединены в своего рода тематические коллекции, например, «эфемерные» (т.е.

просуществовавшие недолго) газеты времен Великой французской революции и революции 1848 г., пресса периода Парижской Коммуны, подпольные периодические издания 1939—1945 гг.¹

Но пресса этих наиболее драматических периодов французской истории частично представлена и в других переизданиях, разных по качеству, предпринимавшихся в разное время и с весьма различными целями. История Великой французской революции в течение уже двух с лишним столетий вызывает неизменный интерес, чем объясняется, в частности, появление еще в середине XIX в. снабженной краткими историческими комментариями перепечатки официального органа *Moniteur* за период от кануна революции до установления режима консульства, а затем — имеющих собственно научный характер публикаций журнала К. Демулена *Vieux Cordelier* («Старый Кордельер»), газеты Робеспьера *Le Défenseur de la Constitution* («Защитник Конституции»), газеты Эбера *Père Duchesne*². Осуществленное сразу же после разгрома Парижской Коммуны переиздание ее официального вестника было чисто политической акцией издателя, очернявшего Коммуну в типичном для ее противников духе и своей публикацией намеревавшегося послужить делу ее «разоблачения»³. Переиздание же в 1975 г. подпольной коммунистической *Humanité*, политическая значимость которого подчеркнута тем, что оно снабжено предисловием и послесловием двух видных деятелей ФКП (Ж. Дюкло и Ж. Коньо), выполнено на высоком археографическом уровне и является первой подлинно научной публикацией одного из важнейших источников по истории Сопrotивления⁴.

Поскольку, как уже отмечалось, газета воздействует на читателя также и системой расположения материала и всем своим графиче-

¹ См.: Association pour la conservation et la reproduction photographique de la presse. Catalogue de microfilms reproduisant des périodiques journaux et revues. 1975. № 10.

² Réimpression de l'ancien *Moniteur* depuis la réunion des Etats Généraux jusqu'au Consulat (mai 1789 — novembre 1799). Avec des notes explicatives par L. Gallois. Paris, 1840—1854. T. 1—21. Table, t. 1—2.; *Desmoulin* C. *Le Vieux Cordelier*. Edition complète et critique d'après les notes de A. Mathiez. Avec une Introduction et des Commentaires par H. Calvet. Paris, 1936; *Oeuvres complètes de Maximilien Robespierre*. IV. Les journaux. *Le Défenseur de la Constitution*. Edition complète et critique avec une introduction, des commentaires et des notes par G. Laurent. Paris, 1939; *Le Père Duchesne d'Hébert*. Edition critique avec une introduction par F. Bräsch. Paris, 1938. T. 1. Les origines. La Constituante.

³ См.: Réimpression (in extenso) du *Journal officiel de la Commune*. Paris, 1871. P. 3.

⁴ См.: *L'Humanité clandestine*. 1939—1944. Paris, 1975. T. 1—II.

ским оформлением, для исследователя большую ценность представляют факсимильные переиздания периодики, точно передающие ее внешний вид. Именно так переиздана подпольная *Humanità*. Существует факсимильное переиздание *Neue Rheinische Zeitung*¹. Итальянским издателем Н. Тети выпущена серия, в которой фототипически воспроизведены выходившие под руководством Антонио Грамши журнал *Ordine Nuovo* («Новый строй») и газета того же названия, а также важнейшие органы коммунистической и социалистической прессы за период подполья и Сопротивления.

В Италии для переиздания материалов прессы часто используется тип антологии с детальными историческими комментариями. Опубликована, в частности, обширная антология газет патриотического, «якобинского» направления, выходивших в 90-е годы XVIII в.², шеститомная антология журналов, сыгравших наиболее заметную роль в общественно-культурной жизни Италии начала XX в.³, различные антологии демократической антифашистской периодики 20-х годов и т.д.

С архивами газет, журналов и информационных агентств историки имеют дело сравнительно редко, т.к. такие архивы далеко не всегда доступны, а в обстановке политических потрясений или переворотов подчас просто уничтожаются (не сохранились, например, архивы *Ordine Nuovo*, погибли с приходом к власти нацистов архивы одной из старейших немецких газет *Vossische Zeitung*). Тем не менее возможность научного использования таких архивов не столь уж исключительный случай. Так, архивы английских газет специально собираются университетской библиотекой Дж. Риланда в Манчестере; в числе других здесь находится архив газеты *Manchester Guardian*. В Италии после освобождения от фашизма были опубликованы извлеченные из архивов некоторых газет должностные предписания редакторам — любопытнейшие документы, показывающие, каким образом фашистский режим дирижировал прессой. В советское время отечественные ученые в исследованиях по зарубежной тематике неоднократно использовали архив ТАСС, хранившийся в ЦГАОР (ныне ГАРФ).

Ввиду огромного обилия периодических изданий — иногда имеющих одинаковые или похожие названия, рассредоточенных по множеству хранилищ — определить, какие из них должны быть привлечены по теме исследования, и отыскать их может оказаться нелег-

¹ *Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie. 1 Juni 1848—1849. Originalgetreue Wiedergabe.* Berlin, 1928.

² *I giornali giacobini italiani.* A cura di R. De Felice. Milano, 1962.

³ *La cultura italiana del '900 attraverso le riviste.* Torino, 1960—1963. Vol. 1—6.

ко. Поэтому необходимо быть в курсе библиографической информации о периодике, вести поиск с помощью различных каталогов, справочников, общих и специальных библиографий.

Библиография периодики может быть текущей, т.е. учитывать лишь существующие на определенный момент издания¹, или же носить ретроспективный характер. Существует, например, обширная библиография-каталог прессы на французском и других языках за период с XVII в. по 1939 г. (всего около 75 тыс. названий), хранящейся в Национальной библиотеке и 70 других крупных библиотеках Франции². Изданы библиографии кубинской периодической печати XVIII—XIX вв. и нелегальной прессы периода, предшествовавшего победе революции (1959)³. Иногда библиография специализируется в хронологическом или тематическом отношении. Так, опубликован каталог свыше тысячи подпольных периодических изданий, выходявших во Франции в годы Второй мировой войны⁴. В Италии детально разработана библиография рабочей, социалистической и коммунистической периодики⁵.

Специальные аннотированные библиографии или другие справочные издания (типа фундаментального справочника Й. Кюршнера по периодике на немецком языке в различных странах к началу XX в.⁶) могут, помимо общего описания газеты или журнала, содержать важные для историка сведения о перерывах в публикации, изменениях в названии, круге ведущих сотрудников печатного органа и т.д. Весьма полезны в работе с периодикой и словари псевдонимов, особенно те из них, где так или иначе выделены и учтены собственно журналистские псевдонимы⁷.

¹ См., напр., по состоянию на конец 1950-х годов: *Catalogo de publicaciones periodicas mexicanas*. Rec. por M. Mendoza Lopez. Mexico, 1959.

² См.: *Catalogue collectif des périodiques du début du XVII siècle a 1939 conservés dans les Bibliothèques de Paris et dans les Bibliothèques universitaires des Départements*. Paris, 1967—1977. Т. I—IV.

³ См.: *Catalogo de publicaciones periodicas cubanas de los siglos XVIII y XIX*. Por T. Batista Villarreal, J. García Carranza, M. Ponte. La Habana, 1965; *Soto Acosta J. Bibliografía de la Prensa Clandestina Revolucionaria*. La Habana, 1965.

⁴ См.: *Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 a 1945, suivi d'un catalogue des périodiques clandestins diffusés a l'étranger*. Paris, 1954.

⁵ См.: *Bibliografia del socialismo e del movimento operaio italiano*. Periodici. Roma — Torino, 1956. Vol. I, t. 1—2.

⁶ См.: *Kürschner J. Handbuch der Presse*. Berlin — Eisenach — Leipzig, 1902.

⁷ См., напр.: *Perez Ortiz R. Seudonimos colombianos*. Bogota, 1961; *Straje M. Dicționar de pseudonime, alonime, anagrame, asteromme, criptonime ale scriitorilor și publiciștilor români*. București, 1973.

Источниковедческий анализ материалов прессы. Поднимая на своих страницах самые разнообразные вопросы, периодическая печать является важным источником для изучения практически любой исторической проблемы нового и новейшего времени. Те или иные жанры ее материалов (в особенности газетных) имеют при этом разноплановое значение. Передовицы и статьи на общеполитические темы позволяют исследовать позиции, тактику, идеологию тех общественных кругов или политических течений, чьим «голосом» является данное периодическое издание. Статьи информационного характера, хроника, сообщения, переданные средствами дальней коммуникации, корреспонденции с мест полезны прежде всего содержащимися в них обильными фактическими сведениями. Публикуемые в газетах отчеты о заседаниях законодательных органов или крупных политических митингах, интервью видных общественных деятелей, записи различных бесед и т.д. могут быть использованы историком и в том, и в другом направлении. Наконец, все газетные жанры, взятые в совокупности и во взаимодействии, дают исследователю возможность составить представление о приемах и методах идеологической борьбы, которая ведется различными общественными силами через посредство периодической печати.

Значение прессы как источника особенно велико, когда историк изучает современные ему события. В этом случае в его распоряжении еще нет ни статистических публикаций, ни мемуарных свидетельств, ни таких официальных документов, которые входят в научный оборот лишь по истечении определенного срока. Конкурировать с периодикой как с источником по современной истории могут теперь лишь материалы Интернета.

Именно в применении к периодической печати в США на исходе XIX в. впервые был опробован контент-анализ. На протяжении 1900—1965 гг. здесь появилось около 1700 работ, где с помощью этого метода изучалось содержание прессы.

Функционирование прессы и других СМИ исследуется с помощью контент-анализа в различных областях знания — социологии, социальной психологии, науке о журналистике, литературоведении и т.д. Специалисты этих дисциплин имеют собственные цели и соответственно строят конкретные программы своих исследований. Но даже в таких случаях, когда поставленная задача была иной, чем ставит перед собой историк, извлеченные на поверхность методом контент-анализа скрытые, глубинные слои информации могут быть полезны ему и должны осмысливаться им, не говоря уже о том, что пресса поддается контент-анализу и под историко-источниковедческим углом зрения.

Для контент-анализа значительный по объему источник (например, комплект газеты за определенный период) должен быть подготовлен, в частности, с помощью карточки-анкеты, позволяющей систематизировать материал и сделать его более пригодным для дальнейшего углубленного изучения. Но это еще не контент-анализ как таковой: чтобы осуществить его, необходимо закодировать, т.е. перевести в количественную форму, содержащуюся в источнике качественную информацию. Завершающей, основной стадией контент-анализа является научная интерпретация результатов обработки закодированных сведений. Главное, что может дать применение контент-анализа, заключается в повышении информационной отдачи данного источника и преодолении чисто иллюстративного подхода к его использованию¹.

Но прессу как источник необходимо анализировать и традиционными методами — контент-анализ не заменяет, а лишь дополняет их. Важнейшие особенности этого источника связаны с его функцией активного воздействия на читательскую аудиторию и средства формирования общественного мнения.

Приступая к изучению материалов периодики, нужно прежде всего уяснить себе, какова общая идейно-политическая направленность данного издания. Если речь идет о газете, существенно знать, является ли она органом какой-либо политической партии или нет, демонстрирует ли открыто свою ангажированность или претендует на независимую позицию и чисто информационную роль. При этом нельзя полагаться на то, как представляет себя публике сама газета (в названии, подзаголовке и т.д.). Многие насчет ориентации газеты может подсказать даже беглый ее просмотр за достаточно большой отрезок времени, но решающее значение имеет ее реакция в критические или поворотные моменты жизни общества. Поучителен в этом плане проделанный французским исследователем-марксистом анализ освещения в газете *Monde* майско-июньских событий 1968 г. во Франции, убедительно раскрывший как приемы, с помощью которых создавалась видимость беспристрастной позиции солиднейшего органа «информационной» печати, так и замаскированный политический выбор в пользу правительственного лагеря².

¹ Подробнее (особенно в части, касающейся подготовительного этапа) см.: *Архангельская И.Л.* К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа//Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983.

² См.: *Guedj A.* “Le Monde” en mai-juin 1968. “Le Monde” et l’ideologie de l’objectivité//La Nouvelle Critique. 1969. № 28, 29.

Подмеченная «невооруженным глазом» тенденция периодического издания может быть превращена в точный диагноз с помощью контент-анализа. Именно так, в частности, во время Второй мировой войны удалось уличить в симпатиях к нацизму и привлечь к ответственности одну из выходявших в США газет.

Источники финансирования наиболее влиятельных периодических изданий обычно не афишируются, скрываются от попыток расследования и контроля. В веймарской Германии 2/3 газет находилось под невидимым контролем «большого мастера маскировки», владельца мощного концерна Альфреда Гугенберга. Некоторые газеты, например, английская *Guardian*, традиционно держат в тайне состав своих акционеров. Однако немало сведений о связях между миром прессы и крупными корпорациями так или иначе стало достоянием гласности. Факты подобного рода можно почерпнуть в специальных исследованиях о периодической печати, которые должны привлекаться по ходу работы над ней.

Состав редакционной коллегии издания хотя и не является фактором, определяющим линию его деятельности, но имеет немаловажное значение для более или менее эффективного ее осуществления. Сведения о том, кто входил в редакцию, можно найти либо в самом изучаемом печатном органе, либо в комментариях к его научному переизданию, либо в специальных справочниках, о которых говорилось выше.

Периодическая печать обычно ориентируется на определенный круг читателей. Установить его можно так, как это сделал, например, отечественный исследователь прессы Веймарской республики в отношении газеты *Vossische Zeitung*. Проанализировав характер публиковавшейся в ней информации и объявлений, состав ее штатных сотрудников и авторов писем в редакцию, он пришел к заключению, что эту газету читали представители правительственных кругов, руководящие деятели всех политических партий, республикански настроенная интеллигенция (в частности, учителя и профессора), чиновники и служащие, промышленники и торговцы, сочувствовавшие демократической партии¹.

Необходимо обратить внимание на источники информации исследуемого издания, особенно если это газета. От того, в какой мере газета базируется на материале, поставляемом информационными агентствами, услугами каких из них она пользуется, имеет ли своих штатных корреспондентов там, где происходят наиболее важные в данный момент события, в определенной (и немалой) степени зави-

¹ См.: Биск И.Я. Газета «Фоссише Цайтунг» как источник по истории Веймарской республики//Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. II. С. 360.

сит достоверность создаваемой ею картины реальной жизни внутри страны и в мире.

Представляя себе облик газеты или журнала в целом, желательно также знать или установить авторскую принадлежность отдельных статей, заметок, репортажей и т.д. Личность автора в различных материалах периодической печати отражается неодинаково. Индивидуальным авторским восприятием изображаемого в сильнейшей степени окрашен очерк — без этого он просто теряет свои жанровые особенности. Написание передовой или иной политически важной статьи обычно поручается кому-либо из наиболее авторитетных и квалифицированных журналистов, сотрудничающих в данном издании, но в этом случае индивидуальные особенности его стиля чаще всего бывают подчинены освещению проблемы в духе той общей линии, которой придерживается редакция, а статья идет в печать без его подписи. Автор корреспонденции или заметки в хронике имеет больше свободы в выражении своего личного взгляда на описываемые события и чаще выступает под собственным именем, зато материалы такого рода, как правило, относятся к менее важным в номере. Однако так или иначе профессиональные качества отдельных журналистов входят в совокупность элементов, определяющих уровень и характер периодического издания.

Поэтому важно как можно полнее выяснить не только состав авторов, выступающих в данном печатном органе, но и отношение каждого из них к проводимому редакцией курсу, к событиям, о которых они пишут. Многие газеты предпочитают обходиться силами внутриредакционных авторов — как по финансовым соображениям, так и для того, чтобы избежать нежелательной разногласности во мнениях. Некоторые издания придерживаются принципа анонимной публикации: так, давняя традиция лондонской *Times* — подписывать из всех публикуемых материалов только письма читателей. Есть в Англии и особая категория «журналистов-призраков», которые, никогда не выступая под собственным именем, пишут статьи, идущие в печать за подписью лиц с громкой, иногда весьма сомнительной славой. Во французской прессе анонимно сотрудничали даже коронованные особы — Людовик XIII в *Gazette de France*, Наполеон I в *Moniteur*¹. Распространение псевдонимов чаще всего бывает связано с ужесточением законов о печати, как это было, например, во Франции при II Республике,

¹ Принадлежность Наполеону ряда статей в *Moniteur* была установлена лишь в XX веке редактором газеты *Figaro* А. Перивье, опубликовавшим в 1919 г. работу под названием «Наполеон-журналист». См.: *Туган-Барановский Д.М.* «Лошадь, которую я пыгался обуздать». Печать при Наполеоне // Новая и новейшая история. 1995. № 3.

когда так называемой «поправкой Тенги» было запрещено публиковать газетные статьи вообще без подписи.

При специальном исследовании деятельности того или иного публициста требуется особенно тщательная работа по атрибуции статей, опубликованных без подписи или подписанных псевдонимами. Она может выявить ранее не известные произведения данного автора. Атрибуция осуществляется путем сравнения исследуемой статьи в плане содержания и стилистической манеры с такими произведениями, которые бесспорно принадлежат ее предполагаемому автору, а также (когда это возможно) по почерку рукописного оригинала или по показаниям других источников. Эти приемы полезно дополнить количественным анализом лексических особенностей текста, позволяющих «опознать» его автора (парная встречаемость частей речи).

Когда атрибуция основывается на косвенных данных, следует проявлять большую осторожность в выводах, применяя по возможности разные методы, из которых каждый в отдельности недостаточно надежен. Нельзя, например, полагаться только на содержание статьи, на то, что ее проблематика в данный период была типична или обычна для предполагаемого автора. Даже прямое свидетельство на этот счет другого источника не может считаться бесспорным, если оно единично и не взвешено с учетом всех имеющихся у исследователя сведений.

При издании в Италии трудов А. Грамши был накоплен немалый опыт атрибуции его журналистских статей, поучительный и в позитивном плане, и с точки зрения допускаявшихся при этом ошибок. Так, например, в состав тома, где собраны произведения Грамши за 1923—1926 гг., посвященные по преимуществу вопросам партийного строительства, был ошибочно включен (исходя только из тематики и без всякого учета стилистических особенностей) опубликованный без подписи в издававшемся им журнале отрывок из работы И. В. Сталина «Об основах ленинизма». Другая подобная ошибка была сделана еще раньше, когда Грамши слишком поспешно были приписаны некоторые опубликованные под псевдонимом статьи об отрядах «народных смельчаков», создававшихся для отпора фашистам. Долгое время не удавалось дать точную атрибуцию некоторых статей в туринском коммунистическом еженедельнике *Ordine Nuovo* (1919—1920 гг.), по косвенным признакам приписывавшихся иногда Грамши, иногда — его ближайшему единомышленнику П. Тольятти. В данном случае исследователям помог обнаруженный в личном архиве члена редакции *Ordine Nuovo* А. Таски (до 1929 г. состоявшего в ИКП, затем исключенного из нее) комплект еженедельника с его пометками, указывавшими, кем была написана каждая из статей.

Плодотворная методика была применена для проверки принадлежности Грамши ряда статей из газет, где он сотрудничал в 1915—1921 гг.: в каждом случае учитывалось содержание, стилистика и независимые друг от друга показания двух сподвижников Грамши на журналистском поприще.

Датировка материалов периодической печати не вызывает затруднений. Газетные статьи, корреспонденции, заметки и т.д. можно практически безошибочно датировать как написанные непосредственно перед публикацией в соответствующем номере (иначе материал устареет). Иногда в газетах встречаются опечатки в датах. Но их легко выявить, если изучаются не отдельные номера, а комплект газеты. Приемы датировки журнальных материалов сложнее, поскольку журналы выходят реже, а готовые статьи могут какое-то время лежать в редакционном портфеле. Здесь следует помимо даты публикации обратить внимание на содержание статьи — подобно тому, как это делается при датировке по содержанию любого другого источника.

Но точная хронологическая «привязка» газетно-журнальных материалов нужна не как самоцель. Исследователю необходимо конкретно представить себе, чем было наполнено это время, и тем самым выяснить, были ли поднимаемые прессой проблемы действительно злободневны или же их значение искусственно преувеличивалось в интересах определенных кругов. Существенно и то, каковы были условия издания данного печатного органа: выходил ли он легально или в подполье, подвергался ли цензурным притеснениям и т.д.

Обычно место издания указывается в самих газетах и журналах. Подобного рода сведения не сообщаются по соображениям конспиративного характера лишь подпольной прессой. В таких случаях следует попытаться выяснить, где выходило данное издание по позднейшим воспоминаниям связанных с ним лиц или каким-либо иным источникам.

Целый ряд публикуемых в периодической печати материалов (записи бесед, интервью, изложение речей политических деятелей и т.д.) должен оцениваться с точки зрения полноты воспроизведенного текста. Для этого необходимо иметь в своем распоряжении один и тот же текст в разных публикациях и сопоставить их. Нередко со стороны «заинтересованных лиц» поступают жалобы на то, что журналисты их неверно поняли, исказили действительный смысл сказанного и пр. Это ставит под сомнение аутентичность текста, но сами подобные опровержения тоже не всегда заслуживают доверия.

Опубликованные в прессе документы требуют тщательной проверки на подлинность, особенно если публикация носит явно сенсационный характер, предпринята в ходе целенаправленно проводи-

Плодотворная методика была применена для проверки принадлежности Грамши ряда статей из газет, где он сотрудничал в 1915—1921 гг.: в каждом случае учитывалось содержание, стилистика и независимые друг от друга показания двух сподвижников Грамши на журналистском поприще.

Датировка материалов периодической печати не вызывает затруднений. Газетные статьи, корреспонденции, заметки и т.д. можно практически безошибочно датировать как написанные непосредственно перед публикацией в соответствующем номере (иначе материал устареет). Иногда в газетах встречаются опечатки в датах. Но их легко выявить, если изучаются не отдельные номера, а комплект газеты. Приемы датировки журнальных материалов сложнее, поскольку журналы выходят реже, а готовые статьи могут какое-то время лежать в редакционном портфеле. Здесь следует помимо даты публикации обратить внимание на содержание статьи — подобно тому, как это делается при датировке по содержанию любого другого источника.

Но точная хронологическая «привязка» газетно-журнальных материалов нужна не как самоцель. Исследователю необходимо конкретно представить себе, чем было наполнено это время, и тем самым выяснить, были ли поднимаемые прессой проблемы действительно злободневны или же их значение искусственно преувеличивалось в интересах определенных кругов. Существенно и то, каковы были условия издания данного печатного органа: выходил ли он легально или в подполье, подвергался ли цензурным притеснениям и т.д.

Обычно место издания указывается в самих газетах и журналах. Подобного рода сведения не сообщаются по соображениям конспиративного характера лишь подпольной прессой. В таких случаях следует попытаться выяснить, где выходило данное издание по позднейшим воспоминаниям связанных с ним лиц или каким-либо иным источникам.

Целый ряд публикуемых в периодической печати материалов (записи бесед, интервью, изложение речей политических деятелей и т.д.) должен оцениваться с точки зрения полноты воспроизведенного текста. Для этого необходимо иметь в своем распоряжении один и тот же текст в разных публикациях и сопоставить их. Нередко со стороны «заинтересованных лиц» поступают жалобы на то, что журналисты их неверно поняли, исказили действительный смысл сказанного и пр. Это ставит под сомнение аутентичность текста, но сами подобные опровержения тоже не всегда заслуживают доверия.

Опубликованные в прессе документы требуют тщательной проверки на подлинность, особенно если публикация носит явно сенсационный характер, предпринята в ходе целенаправленно проводи-

мой газетной кампании и т.д. В 80-е гг. XIX в. солиднейшая английская газета Times организовала кампанию против лидера ирландского национального движения Ч.С. Парнелла с использованием факсимиле документов — как позднее выяснилось — фальшивых. Случаев специальной фабрикации фальшивок или фальсификации действительно существующих документов хватало и в прошлом, но особенно широкие возможности для этого открылись в современных условиях: компьютерные технологии позволяют воспроизвести любой текст так, чтобы развеять сомнения в его подлинности, а сеть Интернет засорена материалами, подлинность которых не проверена и не гарантирована.

Иногда могут возникнуть сомнения в подлинности не отдельных материалов, опубликованных газетой или журналом, а целых номеров и даже комплектов периодического издания. Показателем огромной популярности газеты Марата *L'Ami du peuple* («Друг народа») было множество подложных ее номеров — по данным одного из биографов Марата, более 300. Особенно часто подделываются подпольные издания, аутентичность которых никогда нельзя принимать на веру без критического анализа. В частности, среди многочисленных изданий подпольной *Humanité* есть два фальшивых, выпускавшихся с провокационной целью нацистскими оккупантами.

В тексте публикуемых прессой материалов бывает немало опечаток. Обычно отыскать и учесть их нетрудно, т.к. опечатки в большинстве случаев оговариваются в последующих номерах газеты или журнала.

Характерное для периодической печати агитационное назначение, присущая ей остропублицистическая форма подачи материала, издавна отработанные и сложившиеся в целую систему приемы воздействия прессы на читателя существенно затрудняют извлечение из нее имеющей объективную ценность исторической информации. Исследователь в данном случае подвергается весьма серьезному риску поддаться влиянию источника. Погружаясь через прессу в идейно-культурную атмосферу изучаемой эпохи, он должен суметь подняться выше точки зрения того читателя, на которого был рассчитан эффект кричащих или нарочито приглушенных заголовков, тщательно продуманного расположения материала, оттенков в тоне изложения и т.д. Для полного выявления характерной для прессы идеологической насыщенности в сочетании с традиционными методами исторической критики могут быть успешно применены современные количественные методы: контент-анализ, лексико-синтаксический анализ различных газетных жанров и т.д. При работе с подцензурными изданиями дополнительных усилий требует расшифровка свойств

венного им «эзоповского языка»: смысл различных иносказаний, намеков, ассоциаций, вполне понятный современникам тех или иных событий, с течением времени затемняется и историку позднейшего поколения раскрывается лишь при условии, если он достаточно вооружен для этого уже накопленными знаниями о прошлом. Наконец, в материалах периодической печати подлежит самой придирчивой оценке степень их достоверности.

Информация, которую дает пресса, может быть недостоверной по разным причинам. Среди этих причин на первое место, бесспорно, следует поставить диктат политической конъюнктуры, прямое или косвенное давление интересов тех, кто стоит у власти. Пресса, откровенно прислуживающая власти имущим, не останавливается перед сознательной ложью, заведомым извращением фактов. В погоне за сенсацией она подхватывает всевозможные слухи, использует непроверенные данные, фабрикует «газетные утки». Так, буквально через несколько часов после убийства президента США Дж.Ф. Кеннеди желтые американские газеты пустили в ход версию, будто это дело рук «красных агентов». В Париже после Первой мировой войны вышла 7-томная публикация под названием «Ложные новости о войне», куда вошли ложные сообщения главным образом немецкой печати. Едва ли не чаще встречается более тонкая форма газетной лжи: действительным фактам дается превратное истолкование, некоторые из них замалчиваются, другим, наоборот, отводится преувеличенная роль — и в результате общая картина событий оказывается искаженной.

Но нередко в прессе допускаются и непреднамеренные ошибки, характерные в особенности для газетных сообщений и в меньшей мере — для журнальных материалов. Они случаются оттого, что специфика газетной работы требует срочного отклика на события. Иногда репортер, который должен «по горячим следам» передать в редакцию какие-то сведения, не успевает достаточно проверить их. Определенные оценки, сделанные вполне добросовестным наблюдателем в момент, когда суть происходящего еще не выявилась вполне отчетливо, могут оказаться ложными в свете последующего развития событий.

В материалах информационного характера (хроника, различного рода отчеты и т.д.) причиной недостоверности может оказаться неточность или недостаточность первичного наблюдения, а также невыявленные погрешности в источниках дополнительной информации, которыми мог пользоваться автор. Но в особенно сложное положение попадает журналист, сообщающий как очевидец о таких событиях, при которых он в действительности не присутствовал. В июне 2003 г. двум редакторам *New York times* пришлось уйти в отставку

из-за скандала, бросающего тень на репутацию газеты: выяснилось, что один из ее сотрудников во время военных действий США в Ираке писал свои репортажи о них, не покидая помещения редакции. Не однажды появлялись разгромные газетные рецензии музыкальных критиков на концерты, которые не состоялись¹.

Установив наиболее вероятные для данного случая причины недостоверности, необходимо также тщательно проанализировать каждый из газетно-журнальных материалов с точки зрения его внутренней логики. В результате такого анализа в исследуемом тексте могут обнаружиться определенные противоречия, недоговоренность, тенденциозность авторского подхода к изображаемому и т.д. Все это должно быть учтено для предварительного суждения о том, в какой части извлеченная из периодической печати информация заслуживает доверия.

Но эти предположения исследователя, равно как и те сведения и оценки, которые он на данной стадии счел не противоречащими истине, требуют дополнительной проверки. Такой проверкой является, как уже известно из предшествующих глав, сопоставление версий разных источников. Полезно, в частности, сравнить сообщения об одних и тех же событиях двух или нескольких газет, отличающихся друг от друга по читательской аудитории, политической направленности, источникам информации и т.д. Иногда для сравнения можно использовать прессу различных стран — с учетом традиционно присутствующих ей «национальных особенностей». Достоверность газетно-журнальных материалов должна проверяться и по всем другим доступным исследователю источникам, которые могут пролить свет на скрытые от прессы или в наибольшей степени искажавшиеся ею аспекты изучаемых событий.

¹ О нескольких подобных фактах из зарубежной и отечественной практики рассказал в телепередаче «Линия жизни» 6 января 2007 г. известный дирижер Г. Рождественский. Сам маэстро пострадал таким образом от газеты «Коммерсантъ» и добился извинений лишь после обращения в суд.

Глава 13

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ)

Роль мемуарных свидетельств в изучении истории. Воспоминания и дневники принадлежат к группе источников личного происхождения. Их общей чертой является то, что исторические события осмысливаются в них на основе собственного опыта автора — так, как они были пережиты и прочувствованы им самим в качестве современника, очевидца или непосредственного участника. При этом воспоминания представляют собой связное и всегда позднейшее изложение авторских впечатлений о пережитом, в дневнике же события фиксируются по ходу их свершения отдельными датированными записями. Понятием «мемуары» (от лат. *memoria* — память) в строгом его смысле обозначают только воспоминания, употребляя оба термина в качестве синонимов. Относительно того, можно ли толковать это понятие как собирательное, охватывающее и воспоминания, и дневники, в отечественной источниковедческой литературе высказывались обоснованные сомнения¹. Однако при всем очевидном различии между теми и другими разделяющая их грань подвижна, поскольку синхронность дневниковой записи событиям не может быть абсолютной. Такая запись передает как бы самый свежий отпечаток в человеческой памяти того, что *уже произошло* — хотя бы и только сегодня, сейчас. «Фиксируя настоящее, дневниковые записи возникают как ближайшее, непосредственное отражение и осмысление событий сегодняшнего дня, и в то же время они всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое»². Память участвует в создании дневника, даже если он пишется по горячим следам и кажется моментальным снимком происходящего. Поэтому, хотя общепринятой классификации документов личного происхождения нет и ее выработка за-

¹ См., напр.: *Житомирская С.В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников//Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 42.

² Там же. С. 43.

трудняется «пограничностью» воспоминаний и дневников с различными другими материалами (частные письма, основанные на путевых впечатлениях журналистские корреспонденции, автобиографии и дневники служебного назначения, произведения художественной литературы и т.д.), можно считать достаточно устоявшимся и правомерным объединение обоих названных жанров в сводную категорию мемуарных источников.

Автор воспоминаний или дневника в принципе выступает лишь от собственного имени, даже если его точка зрения (как это часто бывает в новое и новейшее время с мемуаристами из числа видных общественных и государственных деятелей) оказывается вполне совпадающей с официальной позицией правительственных кругов, той или иной политической партии и т.д. В определенном смысле мемуарные источники тем ценнее, чем больше они отражают неповторимо-индивидуальное восприятие событий. Именно постольку, поскольку они передают личный взгляд на вещи, подобные свидетельства позволяют исследователю дойти в представлении о «человеческом измерении» в истории изучаемой эпохи до судеб и характеров отдельных людей, понять их мироощущение, увидеть их такими, какими они были в своей повседневной жизни. Интерес к мемуарным источникам и другим личным документам характерен в современной историографии в особенности для тех направлений, в центре внимания которых находится «микроистория», история повседневности и т.д. (см. в главе I). Но личное начало в воспоминаниях и дневниках определяет не только неоспоримые достоинства этих источников. Отсюда же проистекает присущая им субъективность, отрицательно влияющая на точность отображения исторических фактов и их взаимосвязей. Поэтому в практике исторического исследования мемуарные источники должны возможно шире использоваться в сочетании с другими, полагаться же только на них нельзя, не рискуя впасть в заблуждение.

Правильное понимание источниковедческого значения мемуарных произведений выработалось далеко не сразу. Примерно до начала XIX в., пока историки еще не научились отходить в своих суждениях о прошлом от точки зрения его современников, мемуарным источникам отводилась первостепенная, если не исключительная роль. Такой подход преодолевался лишь по мере того, как вовлекались в научный оборот новые виды источников, вырабатывались и совершенствовались приемы исторической критики. В.Г. Белинский справедливо писал в 1842 г. в рецензии на «Руководство к всеобщей истории» Ф. Лоренца, что если понимать под историей не просто рассказ о событиях в жизни народа, а науку, то мемуары (как и средневековые

хроники) — это только материал для истории, но еще не история¹. Однако ценность такого материала велика потому, что с его помощью картина прошлого становится как бы объемной, а также потому, что мемуарные источники нередко служат весьма полезным дополнением к документам официального происхождения. Из новых подходов, которые осваиваются в последние десятилетия, отметим уже упоминавшееся изучение этих источников в виде целостного большого массива с применением анкеты-вопросника (см. в гл. 8), а также обращение к ним с позиций математического моделирования и в контексте политологических исследований².

Жанры мемуаристики. Являясь двумя основными мемуарными жанрами, воспоминания и дневники могут так или иначе комбинироваться, сливаться, образовывать переходные от одного к другому формы. Иногда симбиоз воспоминаний и дневника осуществляется автором открыто и специально оговаривается. Так поступил, например, видный чиновник итальянского МИД в период Первой мировой войны Л. Альдрованди Марескотти в своей книге «Дипломатическая война», в тексте которой преобладают дневниковые записи, как бы обранные воспоминаниями³. Подобным же образом В.В. Сухомлин (автор обширных незавершенных воспоминаний) включил в опубликованный их фрагмент «Гитлеровцы в Париже»⁴ свой переработанный дневник за период с августа 1940 г. по 9 июня 1941 г. Но дневник может войти в ткань воспоминаний и в «обезличенном» виде, не сохранив собственной формы: в таких случаях на его скрытое присутствие указывает не подвластное обычной памяти обилие фактических деталей. Наконец, встречаются и произведения, имеющие форму дневника, но на деле являющиеся основанными на кардинальной переработке подлинных дневниковых записей позднейшими воспоминаниями. К этому разряду Ц.И. Грин, автор специального исследования о мемуарных источниках по истории Первой мировой

¹ См.: *Белинский В.Г.* Избранные философские сочинения. М., 1948. Т. 1. С. 378—379.

² См.: *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876//Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983; *Журавлев В.В.* Н.С. Хрушев: самоидентификация лидера как политического актора//Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.

³ *Aldrovandi Marescotti L.* Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario (1914—1919). Milano, 1938. Русск. пер.: *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919 гг.). М., 1944.

⁴ Новый мир. 1965. № 11, 12.

войны¹, относит, например, книги Р. Пуанкаре и М. Палеолога — в годы войны соответственно президента Франции и французского посла в России². Этот вывод сделан из наличия в них фактической и смысловой модернизации, а также из анализа их архитектоники, композиционного и стилистического оформления.

В свою очередь, внутри каждого из основных жанров мемуаристики есть свои разновидности и варианты. Воспоминания в любом случае представляют собой авторский рассказ о прошлом, но способы его фиксации бывают разными. Он может быть записан не только самим автором, но и другим лицом (*литературная запись*), которое в определенной мере становится соавтором текста. В качестве примера назовем записанные журналистом Р. Николаи воспоминания итальянского крестьянина А. Черви о его семерых сыновьях — участниках Сопротивления, павших в борьбе с фашизмом³, или первую из мемуарных книг Б.Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему», представленную в виде ответов на записки, поступавшие от избирателей во время кампании по выборам народных депутатов СССР в 1989 г.⁴. Устный рассказ мемуариста может фиксироваться также в звуке; иногда звукозапись является лишь определенным этапом работы над воспоминаниями (как было с воспоминаниями Н.С. Хрущева), иногда же осуществляется в связи со специальными программами «устной истории». Материалы существующих в ряде стран (особенно англоязычных) архивов «устной истории» в значительной своей части являются именно разновидностью воспоминаний. В США большие коллекции устных воспоминаний хранятся в президентских библиотеках (записанные на магнитофон, а затем переведенные в машинопись интервью-воспоминания о Кеннеди — свыше 1000, о Л. Джонсоне — около 800). В жанре «устной истории» плодотворно работает писатель Стадс Теркел, предпринявший несколько публикаций соб-

¹ Грин Ц.И. Мемуарная литература по истории международных отношений начала XX в. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (автореферат — Л., 1953).

² Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Paris, 1926—1933. Т. 1—10. Частичный русск. пер.: Пуанкаре Р. Воспоминания. 1914—1918: В 2 т. М., 1936; Paleologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre. Paris, 1921—1922. Vol. 1—3. Русск. пер.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. Пг.; М., 1923; его же. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923.

³ Cervi A. I miei sette figli. A cura di R. Nicolai. Roma, 1955. Русск. пер.: Черви А. Мои семь сыновей. Лит. запись Р. Николаи. М., 1956.

⁴ Лишь много позднее бывший редактор газеты «Московская правда» М. Полторанин в выступлении по телевидению рассказал, что эти записки не подавались на предвыборных собраниях, а сочинялись журналистами.

ранного материала¹. Во Франции одним из направлений в изучении истории Сопротивления был, как уже упоминалось в гл. 1, сбор устных свидетельств его участников. На протяжении 15 лет начиная с 1950 г. по всей стране с применением единой методики было опрошено не менее 2 тыс. человек. Они принадлежали к разным социальным слоям, политическим партиям, религиозным конфессиям. Записи их рассказов хранились в архиве организовавшей опрос комиссии, а затем вошли в состав фондов Института современной истории. В Италии свидетельства лиц, подвергавшихся депортации в нацистские лагеря смерти, записываются и публикуются их национальной ассоциацией². «Устная история» Великой Отечественной войны, а из последних событий — войны в Афганистане, катастрофы в Чернобыле представлена в публикациях белорусской писательницы Светланы Алексиевич³. Особой силой эмоционального воздействия обладают воспоминания, зафиксированные с помощью видеомэгнитофона или иных средств, позволяющих сохранить также и зримый образ рассказчика — как, например, рассказы участников Великой Отечественной войны, вошедшие в созданную К.М. Симоновым и группой кинематографистов телевизионную серию «Солдатские мемуары».

Текст дневника, в отличие от воспоминаний, всегда создается лишь самим автором, без участия каких-либо других лиц. Дневниковый жанр мемуарных источников более однороден, его подразделяют на собственно дневники и путевые заметки, сохраняющие форму дневниковых записей⁴.

¹ Из них собственно мемуарный характер имеют записанные Теркелом рассказы о том, как воспринималась американцами Вторая мировая война. Они опубликованы в 1985 г. под заголовком «Хорошая война» (The Good War). Частичный русск. пер.: Теркел С. «Хорошая война»//Иностранная литература. 1985. № 5, 10.

² Изданы сборники: La deportazione nei campi di sterminio nazisti. Studi e testimonianze. A cura di P. Cereja e B. Mantelli. Milano, 1986; La vita offesa. Storia e memoria dei lager nazisti nei racconti di duecento sopravvissuti. Milano, 1986.

³ Книги С. Алексиевич, в каждую из которых вошли рассказы нескольких сотен людей, по сведениям на 2004 г., опубликованы в 23 странах мира и выдержали в общей сложности около 100 изданий.

⁴ С распространением Интернета получили широкую популярность электронные дневники — так называемые «блоги». Подобно другим интернет-ресурсам, они могут быть привлечены как источники для изучения современной истории. Но их вряд ли можно считать разновидностью дневников в традиционном понимании — вместилищ таких мыслей и чувств, о которых вслух не говорят. Название «дневники» не подходит и к записям в Живом журнале, предназначенным их авторами для общения и обсуждения с другими пользователями Интернета.

Существуют также мемуарные произведения, не завершенные авторами и оставшиеся в виде черновых заготовок, которые издаются после смерти их владельцев. В подобном случае, как и в случае прижизненной литературной записи, у мемуариста также есть «соавтор» в лице издателя или редактора заметок. Публикацию такого типа осуществил, например, профессор Йельского университета Ч. Сеймур, который систематизировал и представил в связном комментированном изложении дневниковые записи, письма и другие бумаги полковника Эдварда Хауза — доверенного лица и закулисного политического советника президента США Вудро Вильсона¹.

Необходимо в данной связи упомянуть и об исторических трудах, посвященных современным автору событиям и написанных с большей или меньшей долей его личных воспоминаний. Таковы, например, работы о революции 1848—1849 гг. во Франции ее непосредственных участников — Луи Блана и Л.А. Гарнье-Пажеса². Назовем также фундаментальную монографию профессионального историка (международника и латиноамериканиста) С.А. Микояна о Карибском кризисе 1962 г.: он в качестве личного секретаря сопровождал своего отца, видного государственного деятеля СССР, в поездке на Кубу для решающих переговоров с Ф. Кастро по поводу размещенных там советских ракет³. Подобные произведения соединяют в себе черты и исследования, и публицистики, и мемуарной литературы и с равным основанием могут быть отнесены как к источникам, так и к историографии по соответствующей проблеме. Однако наличие в них мемуарного компонента определяет существенные особенности этого «гибридного» жанра, не позволяющие обойти его при рассмотрении таких источников, которые вобрали в себя сохраненный авторской памятью жизненный и исторический опыт.

Своеобразнейшим жанром мемуаристики, который сам автор определяет как «автобио-историко-графический роман», является книга И.В. Нарского о предпринятых им изысканиях в области семейной

¹ The intimate papers of colonel House. Arranged as a narrative by Ch. Seymour. Boston — New-York, 1926—1928. Vol. 1—4. Русск. пер.: Архив полковника Хауза: В 4 т. М., 1937—1939, 1944.

² Blanc L. Histoire de la révolution de 1848. Paris, 1870. Т. 1—2. Русск. пер.: Блан Л. История революции 1848 г. СПб., 1907; Garnier-Pagès L.A. Histoire de la révolution de 1848. Paris, 1861—1872. Т. 1—11. Частичный русск. пер.: Гарнье-Паже. История революции 1848 г.: В 2 т. СПб., 1862—1864.

³ Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.

истории, отправной точкой которых стала фотография, изображающая его перед поступлением в школу¹. Профессиональный историк, автор помимо собственных воспоминаний основывался на записанных им многочисленных устных интервью и фотодокументах, включив в повествование обстоятельные аналитические экскурсы о существующих подходах к таким источникам.

Форма воспоминаний или дневника часто используется и в художественной литературе. Автор художественного произведения может вести повествование от имени некоего вымышленного персонажа, легко отождествляемого с ним самим (как Николенька Иртенъев в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого), или от собственного лица, но как обладатель доставшихся ему чьих-то записок (вроде «журнала», т.е. дневника Печорина в лермонтовском «Герое нашего времени»), и т.д. Но это авторские приемы в художественном творчестве, а не выражение подлинно мемуарной природы подобных произведений. От мемуарных источников они принципиально отличаются тем, что здесь автор имеет право, в котором отказано мемуаристу: соединить изображение реальности с вымыслом.

Опубликованные и неопубликованные мемуарные источники. Тот, кто пишет воспоминания, в конечном счете всегда стремится сохранить таким образом память о прошлом *для других*. Если мемуарист подразумевал только семейный, родственник круг читателей и не предназначал свое произведение для печати, то оно может либо остаться вообще неизданным, либо увидеть свет спустя весьма длительный срок — по инициативе потомков автора или же специалистов-историков. Но множество воспоминаний изначально рассчитано на широкую читательскую аудиторию и пишется авторами с намерением напечатать их. Публикация воспоминаний поощряется активным спросом на этот жанр на книжном рынке, особенно в периоды, когда в обществе идет процесс осмысления крупных, исторических событий.

Дневник по самой своей природе является документом более интимного характера, чем воспоминания. Но дневники, которые действительно пишутся их авторами только для себя и не предназначаются для чужих глаз, встречаются редко. Таким был, например, дневник девочки-подростка Анны Франк — одной из бесчисленных жертв

¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск, 2008.

Холокоста¹. «Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему* другу или *настоящей* подруге, другим это не интересно», — записала она в самом начале². Иногда дневник ведется с целью сохранить след памятных событий в жизни семьи и адресуется автором своим потомкам; подобные дневники и «семейные» воспоминания не только сходны по назначению, но имеют и похожую издательскую судьбу. Если же дневник принадлежит лицу, игравшему видную роль в исторических событиях и искушенному в политике, то такой автор всегда имеет в виду, что его дневник рано или поздно увидит свет, а подчас и прямо рассчитывает на это.

Авторы дневников, сознающие ценность своих записей для последующих поколений, но не желающие их слишком скорого обнаружения, делают на этот счет специальные распоряжения. Так поступил, в частности, Ромен Роллан, изъявив свою волю на то, чтобы полный текст его дневника за период Первой мировой войны хранился в запечатанных конвертах в четырех библиотеках мира (в том числе в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в Москве) до 1 января 1955 г. Раньше этого срока писатель разрешил публикацию лишь отдельных отрывков из дневника (что было сделано еще при его жизни) или же издание с осуществленными им самим купюрами³.

Огромный резонанс получила публикация дневниковых записей немецкого писателя и журналиста Виктора Клемперера (1881—1960), которые велись им с 1918 г. и, в частности, в годы нацистского режима. При нацизме Клемперер подвергался расовым преследованиям,

¹ Семья Анны, спасаясь от начавшегося преследования евреев в гитлеровской Германии, эмигрировала в 1933 г. в Нидерланды, но во время Второй мировой войны после оккупации этой страны нацистами была вынуждена скрываться, а затем была схвачена и отправлена в концлагерь. Мать Анны погибла в Освенциме, она сама и ее сестра умерли от тифа в лагере Берген-Бельзен, в живых остался лишь отец — Отто Франк, которому и передали дневник Анны нашедшие его люди.

² Дневник Анны Франк. М., 1960. С.18. Дневник переведен на множество языков. Отто Франк подготовил его к первому изданию, объединив две версии, принадлежавшие самой Анне (продолжая вести записи только для себя, она в то же время начала перерабатывать дневник, предполагая в будущем написать на его основе книгу). Подлинник дневника хранится в нидерландском Государственном институте документов по истории войны.

³ Вышло посмертно с дополнительными купюрами, сделанными женой Р. Роллана: *Rolland R. Journal des années de guerre 1914—1919. Notes et documents pour servir à l'histoire morale de l'Europe de ce temps.* Paris, 1952.

но остался в живых, сумев бежать из гетто в Дрездене во время налета союзнической авиации (после войны он жил в ГДР). Будучи профессиональным филологом, Клемперер оставил в своем дневнике ценнейшие наблюдения по поводу специфического языка («дискурса»!), получившего хождение в нацистской Германии. Этот язык он назвал по-латыни *Lingua Tertii Imperii* — ЛТИ («Язык третьего Рейха»). С записей, касавшихся ЛТИ, и началась публикация дневника Клемперера¹. После ряда частичных изданий он в середине 90-х годов был опубликован целиком и в полном виде составил пять томов.

Количество опубликованных мемуарных источников по истории стран Европы и Америки в новое и новейшее время весьма велико, но хотя бы приблизительно подсчитать его невозможно. Это издания дневников или воспоминаний в виде отдельных книг, их публикации в периодической печати, иногда специальные тематические серии мемуарных произведений (например, об Английской и Великой французской революциях)². Из недавних публикаций отметим осуществленное в Германии при содействии РГВА издание служебных дневников Геббельса за 1928—1945 гг.³. Не следует упускать из виду и опубликованные в России воспоминания и дневники отечественного происхождения: многие из них вобрали в себя те или иные впечатления авторов о зарубежных странах⁴.

Опыт библиографического учета отечественных рукописных воспоминаний и дневников XVIII—XX вв. привел исследователей к заключению, что «...изданные мемуарные источники по отношению ко

¹ Klemperer V. LTI. Notitzbuch eines Philologen. Leipzig, 1968. Русск. пер.: ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

² Collection des mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre, accompagnée de notices et d'éclaircissements historiques. Publ. avec une introd. par F.P.G. Guizot. Paris, 1823—1825. Т. 1—25. Collection des mémoires relatifs à la Révolution française. Publ. par MM. Berville et Barrière. Paris, 1820—1828. Т. 1—60.

³ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftr. des Instituts für Zeitgeschichte und mit Unterstützung des staatlichen Archivdienstes Russlands hrsg. von Elke Fröhlich. 24 Bde. München, 1993—2005. Где подлинники дневников — неизвестно, но в РГВА в числе трофейной документации находятся уменьшенные фотокопии большей части рукописей (меньшая часть представлена в машинописных копиях). Аутентичность копий не вызывает сомнений.

⁴ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Науч. рук-во, ред. и введ. П.А. Зайончковского. М., 1976—1982. Т. 1, 2 (ч. 1 и 2). Т. 3 (ч. 1—4) — в особенности разделы о войнах, дипломатических отношениях и т.д.

но остался в живых, сумев бежать из гетто в Дрездене во время налета союзнической авиации (после войны он жил в ГДР). Будучи профессиональным филологом, Клемперер оставил в своем дневнике ценнейшие наблюдения по поводу специфического языка («дискурса»!), получившего хождение в нацистской Германии. Этот язык он назвал по-латыни *Lingua Tertii Imperii* — ЛТИ («Язык третьего Рейха»). С записей, касавшихся ЛТИ, и началась публикация дневника Клемперера¹. После ряда частичных изданий он в середине 90-х годов был опубликован целиком и в полном виде составил пять томов.

Количество опубликованных мемуарных источников по истории стран Европы и Америки в новое и новейшее время весьма велико, но хотя бы приблизительно подсчитать его невозможно. Это издания дневников или воспоминаний в виде отдельных книг, их публикации в периодической печати, иногда специальные тематические серии мемуарных произведений (например, об Английской и Великой французской революциях)². Из недавних публикаций отметим осуществленное в Германии при содействии РГВА издание служебных дневников Геббельса за 1928—1945 гг.³. Не следует упускать из виду и опубликованные в России воспоминания и дневники отечественного происхождения: многие из них вобрали в себя те или иные впечатления авторов о зарубежных странах⁴.

Опыт библиографического учета отечественных рукописных воспоминаний и дневников XVIII—XX вв. привел исследователей к заключению, что «...изданные мемуарные источники по отношению ко

¹ Klemperer V. LTI. Notitzbuch eines Philologen. Leipzig, 1968. Русск. пер.: ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

² Collection des mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre, accompagnée de notices et d'éclaircissements historiques. Publ. avec une introd. par F.P.G. Guizot. Paris, 1823—1825. Т. 1—25. Collection des mémoires relatifs à la Révolution française. Publ. par MM. Berville et Barrière. Paris, 1820—1828. Т. 1—60.

³ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftr. des Instituts für Zeitgeschichte und mit Unterstützung des staatlichen Archivdienstes Russlands hrsg. von Elke Fröhlich. 24 Bde. München, 1993—2005. Где подлинники дневников — неизвестно, но в РГВА в числе трофейной документации находятся уменьшенные фотокопии большей части рукописей (меньшая часть представлена в машинописных копиях). Аутентичность копий не вызывает сомнений.

⁴ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Науч. рук-во, ред. и введ. П.А. Зайончковского. М., 1976—1982. Т. 1, 2 (ч. 1 и 2). Т. 3 (ч. 1—4) — в особенности разделы о войнах, дипломатических отношениях и т.д.

всей их массе, в рукописном виде сохранившейся в архивах, — лишь верхняя часть айсберга»¹. Применительно к странам Европы и Америки здесь требуются, вероятно, некоторые коррективы, но лишь частного характера, не меняющие этого соотношения в главном. Несомненно, например, что в таких странах, где давно утвердились основные демократические принципы, мемуарным произведениям реже, нежели в России, преграждали путь в печать цензурные ограничения. Но и там, и здесь издатели публиковали не все, а лишь то, что представлялось им наиболее интересным, отвергая иные произведения целиком, а иные печатая лишь в извлечениях. И там, и здесь многое оставалось неопубликованным по воле авторов или на долгое время забытым, затерянным среди старых бумаг семейных архивов. Научная же ценность самых скромных, незатейливых, подчас наивных воспоминаний и дневников может быть очень высока, ибо они позволяют историку услышать голоса людей, примечательных не громкой славой, а своей типичностью для определенного времени или определенного круга. Доступ в научных целях к неопубликованным мемуарным источникам в зарубежных странах регулируется волей хранителей соответствующего семейного архива, а если он поступил в государственное хранилище — принятыми в данной стране общими правилами использования архивных документов. Могут создаваться и специальные архивы, принимающие на хранение неопубликованные материалы личного происхождения².

Мемуарные произведения, размещенные на сайтах Интернета, доступны для чтения пользователям сети.

Источниковедческий анализ воспоминаний и дневников. Мемуарные источники традиционно существуют по преимуществу в виде письменных текстов на бумаге. Отрабатывавшаяся на этой основе методика их анализа лишь частично изменяется или дополняется применительно к иным формам их существования.

В подходе к мемуарным материалам «устной истории» нужно принимать в расчет некоторые присущие им особенности. Отмечается, что по мере накопления опыта работы с этим источником его возможности стали оцениваться более взвешенно. «Устная история» сама по себе не сулит более глубокого исторического познания и создает новые проблемы, которые должен преодолевать историк. Ему

¹ Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976. С. 3.

² В Италии такой архив, организованный в 1984 г. в Пьеве Сан-Стефано (провинция Арешцо), по данным на конец 80-х гг., ежегодно принимал около 150 текстов и издавал свой каталог.

следует осознавать неравноправность диалога с опрашиваемым и задаваться вопросом о различиях между ним и его визави. Он останется в выигрыше, если будет учитывать, что люди (в том числе он сам) рассказывают биографию, пользуясь общественно заданными конструкциями припоминания и изложения, и, следовательно, обращать внимание на форму рассказа. Исследователь не может выпускать из вида сложный вопрос о взаимовлияниях социальной структуры и личности: макро- и микроистория порознь остаются недостаточными»¹.

Собираемые по специальным программам устные воспоминания из всех форм мемуаристики наиболее пригодны для работы с ними как множественными источниками. В процессе их сбора, так же как при опросах общественного мнения, важную роль играет организующее начало (характер программы, личность интервьюера, его цель). Форма таких свидетельств по сравнению с записанными на бумаге более спонтанна, не «приглажена», в устной речи рассказчик более откровенен и может сообщить нечто такое, о чем умолчит в рассчитанных на публикацию воспоминаниях. Характерный пример — интервью-воспоминания сотрудников президента США Л. Джонсона в сравнении с их же книгами, опубликованными позднее².

Воспоминания, размещенные в Интернете и не имеющие бумажного аналога, следует анализировать в принципе так же, как опубликованные тексты.

Ключом источниковедческого анализа воспоминаний или дневника безотносительно к форме их существования должна быть возможно более полная характеристика автора — личностная, психологическая, возрастная, общественно-политическая и т.д. Элементом такой характеристики является и степень осведомленности автора об изображаемых событиях, которая в разных случаях может быть неодинакова; сообщения, основанные на его собственном опыте или непосредственном наблюдении, необходимо отделить от того, что было ему известно из вторых рук. Имея дело с прижизненной литературной записью или посмертно изданными незавершенными воспоминаниями, исследователь должен подобным же образом уяснить себе личность того или тех, кто так или иначе участвовал в обработке текста и интерпретации авторского замысла.

Среди опубликованных и особенно неопубликованных воспоминаний и дневников встречаются анонимные произведения. Мемуа-

¹ Нарский И.В. Цит. соч. С. 387.

² См.: Фурсенко А.А. Библиотека президента США Линдона Б. Джонсона//Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград, 1985. Т. XVI. С. 326–327.

рист, выступающий в печати, обычно заинтересован в том, чтобы назвать себя читателю, обратиться к нему от собственного имени. Но иногда он не может сделать этого по причинам политического, цензурного характера и предпринимает безымянную публикацию или указывает лишь свои инициалы. Так было, например, с воспоминаниями двух участников войн с Наполеоном — декабристов В.С. Норова и Н.И. Лорера, опубликованными в первом случае анонимно (1834—1835), а во втором — за подписью Н.Л. (1857—1860). Имя автора неопубликованного мемуарного произведения может остаться неизвестным, если его рукописный оригинал сохранился у случайного владельца, не полностью, без естественного окружения других семейных бумаг и т.д. Среди учтенных в 1976 г. рукописных воспоминаний и дневников, хранившихся к тому времени в ГБЛ (РГБ), некоторые были анонимными, в том числе путевые заметки 1815 г. об Италии и Швейцарии, воспоминания немецкого фабриканта, назначенного в 1871 г. префектом в завоеванный французский город Блуа, дневник берлинской школьницы за 1889—1890 гг. Атрибуция мемуарных произведений осуществляется теми же способами, которые описаны в предыдущих главах, — с помощью графологической экспертизы рукописи, сравнительного стилистического анализа, по показаниям других источников и т.д.

Однако автор мемуарного произведения может не только остаться неизвестным, но и подписаться чужим, вполне реальным историческим именем. В мемуарных жанрах едва ли не чаще всего встречаются случаи литературной мистификации. Поддельные дневники и воспоминания известных лиц, в действительности не принадлежащие им, в особом изобилии появляются в периоды повышенного читательского спроса на мемуарную литературу вообще или в ответ на определенный «социальный заказ». Так, например, во Франции начиная с конца XVIII в. возник и не иссякал на протяжении нескольких десятилетий целый поток фальшивых мемуаров, изданных под именами деятелей революции и наполеоновской империи или представителей роялистского лагеря, в том числе генерала Дюмурье, Людовика XVIII, Талейрана, секретаря Наполеона I Бурьенна, Фуше, Кондорсе и др.

Уже в недавнее время громкий скандал разразился вокруг начатой в ФРГ в апреле 1983 г. публикации так называемых дневников Гитлера. Было объявлено, что в распоряжении еженедельника Stern находятся 60 тетрадей (каждая от 50 до 100 страниц) его собственноручных записей за весь период существования нацистского режима. Сразу же возникли сомнения относительно их подлинности: никто из приближенных к Гитлеру лиц не знал о том, что он вел дневник, к тому же после покушения 20 июля 1944 г. у него не действовала правая

рука, и записи не могли бы делаться ею. Подлог был неопровержимо доказан экспертами-криминалистами, и месяц спустя публикация была прервана, а в 1984 г. в Гамбурге состоялся судебный процесс по этому делу, где были заслушаны 37 свидетелей (историки, специалисты по почерку Гитлера, встречавшиеся с ним люди), и в результате два главных организатора фальшивки были приговорены к тюремному заключению на сроки более 4 лет.

В данном случае нетипично то, что мистификаторы рискнули предъявить «автограф», позволивший уличить их. Гораздо чаще бывает другое: приписываемое кому-то мемуарное произведение публикуется либо вообще без указания на местонахождение подлинной авторской рукописи, либо с оговоркой о ее таинственном исчезновении и сохраненности лишь копии или списка. В подобной ситуации историк имеет веские основания заподозрить подделку.

Подделка чаще всего преследует цели литературной или политической спекуляции именем мнимого автора, обычно лица уже умершего (мемуарная фальшивка при живом «авторе» — случай редкий, т.к. для мистификатора она может обернуться публичным разоблачением). Мистификатор, как правило, тщательно маскирует подлог, вводя в фальшивые воспоминания или дневник такие биографические и бытовые детали, которые подтверждаются документами, подражая литературному стилю лица, выдаваемого за автора, и т.д. Но полностью перевоплотиться в него, перенестись в его круг или его время мистификатор не в состоянии и почти всегда допускает промахи в мелочах, которые наводят на подозрения. Не замеченные им фактические ошибки могут проистекать из того, что между мнимым и действительным временем создания произведения лежит порой значительная дистанция. По этой же причине мистификатор подчас модернизирует действующих лиц своего повествования или упускает из виду какое-то важное звено в системе идей изображаемой эпохи.

Усомнившись по тем или иным признакам в подлинности мемуарного произведения, исследователь обязан проверить свои предположения. Один из способов такой проверки — это филологический анализ, имеющий целью установить, мог ли данный литературный стиль употребляться в данную эпоху или данным автором, если таковым считается лицо известное. Он может быть подкреплён формально-количественным анализом с обработкой данных на компьютере¹.

¹ Этот способ помогает и в случаях, когда авторство произведения спорно. Так было с воспоминаниями, впервые опубликованными анонимно в 1890-е гг., а позднее приписанными декабристу И.И. Горбачевскому. Компьютерное исследование не подтвердило авторства Горбачевского.

Если доступен автограф произведения, для проверки подлинности используется палеографический анализ (установление возраста рукописи) и графологическая экспертиза (анализ почерка). Однако когда автограф налицо, это скорее довод в пользу подлинности воспоминаний или дневника (мистификатор постарался бы уничтожить свою рукопись), и в таких случаях исследование рукописного оригинала чаще опровергает, чем подтверждает предположение о подделке.

Но даже если очевидно или доказано, что мемуарное произведение подлинно в смысле авторской принадлежности, отнюдь не исключена фальсификация отдельных частей его текста редактором, издателем или же самим автором. Готовя к печати свои позднейшие воспоминания, автор вправе заменить одни формулировки другими. Но менять что-либо в тексте первоначальных дневниковых записей не должен даже он — такие изменения следует считать фальсификацией наряду с произвольной (и зачастую никак не оговоренной) редакторской или издательской правкой.

Поэтому в отношении опубликованного текста воспоминаний или дневника важно удостовериться в его аутентичности и полноте, т.е. выяснить, нет ли в нем искажений, купюр, произвольных добавлений. Издатель или автор если и предупреждает, что текст при публикации подвергся сокращению или переработке, то чаще всего в самой общей форме. Чтобы выявить конкретные факты подобного вмешательства в текст и попытаться установить, кем и для чего оно было предпринято, нужно сличить опубликованный вариант с рукописью (если она доступна) или хотя бы сравнить между собой различные имеющиеся публикации. Так, в воспоминаниях канцлера Германской империи Бернгарда Бюлова исследователь, сопоставивший отдельное их издание с отрывками, ранее публиковавшимися в газетах, обнаружил следы цензурной правки¹.

Существенный для анализа любого памятника вопрос о времени и условиях его создания приобретает совершенно особое значение применительно к таким мемуарным источникам, как воспоминания.

Дистанция между событиями и их описанием влияет не только на точность человеческой памяти, но и на оценку мемуаристом фактов прошлого, т.к. его взгляды с течением времени претерпевают определенную эволюцию, а могут и кардинально измениться. Поэтому в

¹ Грин Ш.И. Мемуарная литература... Советская цензура бесцеремонно кромсала или «дополняла», например, воспоминания Н.К. Крупской и Г.К. Жукова. Прославленному маршалу навязали даже упоминание имени никому еще не известного во время Отечественной войны полковника Л.И. Брежнева.

воспоминаниях помимо основного их содержания обычно есть еще своего рода подтекст или «второй план» в виде позднейших, навеянных уже иными событиями раздумий автора. Эти два пласта в ткани воспоминаний очень точно обозначены А.И. Герценом в самом названии его мемуаров: «Былое и думы». Для историка наибольшую ценность представляют именно такие воспоминания, где автор, подобно Герцену, сам четко разграничивает «былое», каким оно виделось ему в момент совершения событий, и свои «думы» об этих событиях в свете нового жизненного и исторического опыта.

Но так бывает далеко не всегда. Мемуаристы часто изображают себя и свои взгляды в прошлом такими, какими они стали лишь впоследствии. Если автор воспоминаний поступает так произвольно, сам не замечая этого, то его свидетельства несомненно обесцениваются в части, касающейся непосредственного восприятия им минувших событий, но тем не менее небезынтересны для историка как своеобразное отражение идейных веяний другой, позднейшей эпохи: той, когда создавалось данное произведение. Если же подобная модернизация делается сознательно, то налицо настолько явная недобросовестность автора, что его воспоминания вообще не заслуживают доверия в том, как они передают духовную атмосферу описанного в них времени.

Иногда мемуарист берется за перо под непосредственным влиянием определенных событий, которые заставляют его выступить со своей версией недавнего или более отдаленного прошлого. Так создавались, например, воспоминания Раймона Пуанкаре — одного из политических деятелей, активно способствовавших развязыванию Первой мировой войны (известно его прозвище «Пуанкаре-война»). Пуанкаре стал работать над ними, а затем издал их в противовес советской документальной публикации «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», проливавшей свет не только на агрессивные поползновения французского империализма, но и на его собственную роль в подготовке войны и вызвавшей ряд запросов в палате депутатов.

Из сказанного очевидно, что для исследователя важна как можно более точная датировка изучаемых воспоминаний. Иногда о том, когда они созданы, прямо сообщает сам автор, редактор или издатель, в противном же случае воспоминания датируются по косвенным признакам — исходя из анализа их содержания. Дневниковые записи в принципе всегда имеют авторскую датировку, но она может потребовать уточнения, если автор допустил явную ошибку или проставил неполные даты.

В исследуемом мемуарном источнике должна быть установлена его принадлежность к тому или иному жанру и выявлены присущие ему особенности жанровой формы. Эти особенности, как явствует из изложенного выше и будет подтверждено в дальнейшем, предопределяют известную специфику источникововедческого подхода к воспоминаниям — с одной стороны, дневникам — с другой, а также к отдельным разновидностям мемуарных жанров.

Анализируя воспоминания, необходимо выяснить вопрос об источникововедческой оснащённости и условиях работы мемуариста, т.е. о том, использовал ли он какие-либо документы, какие именно и в какой мере или же писал только по памяти. Установить это можно либо на основании специальных авторских указаний, содержащихся чаще всего во вступлении, либо по упоминаниям, отсылкам, выдержкам из документов в тексте.

А. Бебель писал в предисловии к своим воспоминаниям: «Поскольку я поставил себе целью писать только правду, я не мог положиться только на свою память. По отношению к событиям давно минувших лет память часто изменяет, и даже события, глубоко запечатлевшиеся в ней, с течением времени под влиянием различных искушений принимают совершенно другую окраску. Я часто приходил к этому выводу на основании не только личного опыта, но и опыта многих других. Нередко мне в кругу знакомых и друзей приходилось с полной уверенностью рассказывать о событиях минувших лет, которые, однако, затем, при просмотре, например, писем, написанных под их непосредственным впечатлением, выглядели совершенно иначе... Поэтому, чтобы уточнить приводимые мною данные, а также верно передать мои взгляды, какими они были в то время, я по возможности использовал письма, заметки, статьи и т.д.»¹. Более того, как исключительно добросовестный мемуарист Бебель предупредил читателя о том, что в некоторые периоды своей жизни (в частности, в годы действия исключительного закона против социалистов) был лишен возможности хранить у себя письма товарищей или вести дневник, а потому не всегда мог подобным образом проверить свою память.

Но иные мемуаристы умышленно скрывают от читателя, что они пользовались какими-либо документами, и выдают за сохраненное памятью то, что в действительности почерпнуто из литературных источников. Воспоминания, в которых тщательный текстологический анализ обнаруживает что-нибудь подобное, обычно являются более или менее грамотной компиляцией, но не могут рассматриваться и

¹ *Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963. С. 21—22.

использоваться как личное свидетельство о пережитом, т.е. не имеют ценности как источник.

Установив, что в распоряжении мемуариста были определенные документы, необходимо обратить внимание на то, как именно они использованы, правильно ли цитируются, объективно ли толкуются и т.д. Для этого в случае, если тексты таких документов доступны исследователю, нужно сопоставить с ними соответствующие места в тексте воспоминаний.

Анализ содержательной стороны мемуарных источников более сложен опять-таки применительно к воспоминаниям, поскольку они чаще, нежели дневники, пишутся с расчетом на опубликование, отличаются большим разнообразием своих форм, большей изощренностью авторских литературных приемов, отражают в себе те или иные веяния позднейшей эпохи и т.д.

Важно прежде всего понять общий авторский замысел воспоминаний, который проявляется через присущие данному произведению особенности жанровой формы, его композицию, методику обработки материала. Например, включение в текст воспоминаний отрывков из дневника, который автор вел в ходе описываемых событий, повышает доверие читателя к рассказанному, отсюда широкая распространенность такой комбинированной формы мемуарного повествования. В расчете на этот же эффект иные мемуаристы облачают целиком в форму дневниковых записей несомненно позднее изображение пережитого. Воспоминания полуисследовательского характера, в которых персона автора скрыта за свидетельствами множества других лиц, выдержками из документов и т.п., пишутся преимущественно тогда, когда автор, обуреваемый желанием увидеть свое имя в печати, не так уж много может сказать читателю лично от себя, или же в случае, если ему по каким-либо причинам невыгодно слишком подчеркивать свою роль в изображаемых событиях. Точность в фактических деталях может быть как свидетельством авторской добросовестности, так и сознательно употребляемым приемом, который позволяет мемуаристу, создав у читателя иллюзию полноты рассказанного, обойти молчанием весьма существенные, но «щекотливые» для себя факты. Другой распространенный прием — использование автором тех или иных исторических параллелей, подобно тому, как это сделано, например, в воспоминаниях Б. Бюлова. Он постоянно оперирует сравнением политики своего преемника Бетман-Гольвега (канцлер с 1909 по 1917 г.) — с политикой Бисмарка, войны 1914—1918 гг., завершившейся поражением Германии, — с победоносными для нее войнами 1866 и 1870—1871 гг., а отсюда подводит читателя к мысли, что Бетман-Гольвег бесславно растратил наследие Бисмарка, истинным же

продолжателем дела «железного канцлера» был не кто иной, как он сам. Иногда мемуаристы специально прибегают к нарушению строгой хронологической последовательности изложения (как тот же Бюлов, посвятивший событиям своей молодости последнюю часть воспоминаний), перебивают рассказ о прошлом всякого рода «лирическими отступлениями», причудливо чередуют в повествовании разные временные пласты и т.д.

Раскрыв в общих чертах замысел автора воспоминаний, представляя себе мотивы личного, политического и иного характера, побудившие его к созданию данного произведения, можно подойти к оценке исследуемого мемуарного источника с точки зрения его достоверности. Недостоверность в воспоминаниях встречается очень часто по разным причинам. Из них основными являются:

1. Ошибки памяти, особенно при освещении отдаленных во времени событий мемуаристом, который не располагает документами и не может проверить точность своих воспоминаний.

2. Сознательная тенденциозность автора, выражающаяся в неправильной передаче фактов, замалчивании одних и преувеличенном подчеркивании других и т.д. Подобного рода искажения действительности особенно часто встречаются там, где автор говорит о своей роли в описываемых событиях.

3. Неосознанное подчинение мемуариста влиянию того времени, когда он пишет свои воспоминания (об этом явлении говорилось выше). В таких случаях искажаются не столько сами факты прошлого, сколько отношение к ним действующих лиц мемуарного повествования, теряется духовный колорит описываемой эпохи, т.е. то главное, чем ценны мемуарные источники.

Эти и другие возможные причины недостоверности в воспоминаниях выявляются на основе всего того, что исследователю удастся узнать об авторе, мотивах его обращения к мемуарному жанру, условиях его работы над текстом, времени создания последнего и т.д. Подобные же сведения необходимы для оценки достоверности дневника. Однако как жанр дневника, по общему правилу, более достоверны, чем воспоминания. Поскольку они пишутся по горячим следам событий, здесь практически исключается возможность ошибок памяти (зато может быть недостоверность из-за неполноты имеющейся у автора информации). В отличие от автора воспоминаний, автор дневника не подвержен в своих оценках влиянию другой, позднейшей эпохи. Это верно, однако, лишь в отношении дневника в его подлинном, первоизданном виде; в публикации же, осуществленной много лет спустя самим автором или кем-нибудь другим, такое влияние тоже может обнаружиться в виде соответствующей редакционной обработки тек-

ста. Наконец, если дневник не предназначен автором к изданию, то будет написан с большей откровенностью и объективностью, чем адресованные публике воспоминания.

Имея дело с мемуаристикой на бумажной основе, следует строго критически относиться к передаче в дневниках и особенно воспоминаниях диалогов, высказываний тех или иных лиц и т.д. Мемуарист почти никогда не записывает их немедленно и буквально. Известную оговорку нужно сделать лишь применительно к периоду, когда стала широко использоваться магнитофонная запись. Раньше же содержание той или иной беседы могло в лучшем случае воспроизводиться под свежим впечатлением на страницах дневника. По прошествии времени детали разговора тем более забываются, поэтому добросовестный автор воспоминаний не будет пытаться восстановить его подробности, а передаст на память лишь общий смысл и тон сказанного. Если же мемуарист спустя десятки лет претендует на почти стенографическую точность своей памяти, то налицо либо вымысел, либо использование «шпаргалки» в виде другого, не названного источника.

Все свои предположения о том, какие сообщения мемуарного источника не заслуживают доверия, исследователь обязан проверить путем сравнительного анализа. Для такой проверки изучаемые воспоминания или дневник должны быть сопоставлены с возможно более широким кругом других источников, в первую очередь таких, как частная переписка того же лица или его современников, периодическая печать, официальная документация государственных органов или политических партий (особенно если мемуарист был крупной политической фигурой) и т.п. Полезно также и взаимосравнение различных мемуарных произведений, причем не только противоположных, но и близких по своей идейно-политической направленности (в этом случае «угол расхождения» может образоваться за счет разной степени информированности авторов, неодинаковых условий их работы, отличающих каждого из них особенностей запоминания и т.д.).

ста. Наконец, если дневник не предназначен автором к изданию, то будет написан с большей откровенностью и объективностью, чем адресованные публике воспоминания.

Имея дело с мемуаристикой на бумажной основе, следует строго критически относиться к передаче в дневниках и особенно воспоминаниях диалогов, высказываний тех или иных лиц и т.д. Мемуарист почти никогда не записывает их немедленно и буквально. Известную оговорку нужно сделать лишь применительно к периоду, когда стала широко использоваться магнитофонная запись. Раньше же содержание той или иной беседы могло в лучшем случае воспроизводиться под свежим впечатлением на страницах дневника. По прошествии времени детали разговора тем более забываются, поэтому добросовестный автор воспоминаний не будет пытаться восстановить его подробности, а передаст на память лишь общий смысл и тон сказанного. Если же мемуарист спустя десятки лет претендует на почти стенографическую точность своей памяти, то налицо либо вымысел, либо использование «шпаргалки» в виде другого, не названного источника.

Все свои предположения о том, какие сообщения мемуарного источника не заслуживают доверия, исследователь обязан проверить путем сравнительного анализа. Для такой проверки изучаемые воспоминания или дневник должны быть сопоставлены с возможно более широким кругом других источников, в первую очередь таких, как частная переписка того же лица или его современников, периодическая печать, официальная документация государственных органов или политических партий (особенно если мемуарист был крупной политической фигурой) и т.п. Полезно также и взаимосравнение различных мемуарных произведений, причем не только противоположных, но и близких по своей идейно-политической направленности (в этом случае «угол расхождения» может образоваться за счет разной степени информированности авторов, неодинаковых условий их работы, отличающих каждого из них особенностей запоминания и т.д.).

Глава 14

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА)

Видовая специфика и значение переписки как источника. К источникам личного происхождения наряду с воспоминаниями и дневниками принадлежит не носящая официального характера переписка, иначе именуемая эпистолярной документацией (от лат. *epistola* — послание, письмо). В эту категорию не могут включаться документы типа писем, которыми обмениваются друг с другом главы государств и правительства, или же названные письмами обращения к политическим единомышленникам, массовой аудитории и т.д.; они относятся к совершенно другим, уже рассмотренным выше видам источников.

Письмо неофициального характера есть документ, посредством которого общаются между собой два частных лица — *корреспондент* (автор письма) и *адресат*. Их взаимоотношения могут быть в разных случаях весьма различны (родственные, дружеские, товарищеские, связанные с совместной политической деятельностью, натянуто-холодные и т.п.), но в частной переписке всегда будут выражены в такой форме, которая специфична для прямого персонального контакта и не рассчитана на публичность. Поэтому даже тогда, когда речь идет о переписке сугубо политического содержания — например, о переписке К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина с лицами, являвшимися их сподвижниками или оппонентами в идейной борьбе, — ее отличает от собственно политических документов то, что в ней ведется диалог лишь с непосредственными адресатами, а не с массовым читателем.

Широко публикуемые сейчас в нашей стране «письма во власть» (в различные государственные органы, партийные инстанции, газеты и т.д.) — источник, вряд ли имеющий аналоги за рубежом и очень ценный для изучения ранее скрытых сторон жизни советского общества. Но он принципиально отличается от личной переписки, о которой пойдет речь в этой главе. От подлинных эпистолярных источников следует четко отделить и такие художественные, мемуарные, пуб-

лицистические и иные произведения, в которых использование формы переписки или названия «письма» является лишь специфическим литературным приемом автора («романы в письмах» типа «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо, «Персидские письма» Монтескье, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Письма из-за границы» и «Парижские письма» П.В. Анненкова, «Письма из Франции и Италии» А.И. Герцена, «Двадцать писем к другу» дочери Сталина С. Аллилуевой и т.д.).

К началу XXI века переписка личного характера как способ общения постепенно отмирает. Ее вытесняет телефон (обычный и в особенности сотовый), электронная почта, обмен мнениями через Интернет (форумы, телеконференции). Обстоятельные, написанные от руки письма не характерны для современности, и то, что будет дальше сказано об эпистолярных источниках, имеет в виду исторические условия, которые уже ушли в прошлое, и соответственно — проблематику преимущественно нового, а не новейшего времени.

Частная переписка во многом близка к мемуарным источникам, однако не относится к их числу и не является их разновидностью прежде всего потому, что имеет другое функциональное назначение. Письма и по характеру материала, и по форме могут походить на дневниковые записи или же содержать в себе фрагменты воспоминаний о прошлом, но фиксируют события, факты, жизненные ситуации не с тем, чтобы сохранить память о них для самого пишущего, его потомков или будущих поколений вообще, а с целью информировать о них конкретное лицо — адресат.

Подобно воспоминаниям и дневникам, эпистолярные источники ценны для исследователя прежде всего тем, что позволяют ему реконструировать духовно-эмоциональный климат изучаемой эпохи, представить себе, как воспринимались те или иные события людьми, которые наблюдали или пережили их. В этом смысле то, что в переписке запечатлена субъективная точка зрения (которая передает не только мироощущение самого корреспондента, но в определенной степени и настроения, свойственные его общественной среде), составляет не минус, а плюс этого вида источников. Если же переписка используется как источник фактической информации (а она иногда существенно дополняет или уточняет факты, известные историку по другим документам), то субъективная позиция пишущего может оказаться, наоборот, негативным элементом, воздействие которого должно быть снято путем тщательного критического анализа.

Для историка подчас является важнейшим свидетельством и отдельное письмо, но особенно обогащает источниковую базу исследования обращение к крупным комплексам эпистолярных материалов. Это могут быть прежде всего письма (иногда за много лет) одного и того же корреспондента определенному адресату; в подобном случае желательно привлечь и письма адресата, т.е. изучить данную переписку в ее двустороннем выражении, а также обратиться к переписке корреспондента с другими лицами, поскольку она касается исследуемой проблемы. Иного рода комплексы писем образуются более или менее искусственно — они объединяются не личностью корреспондента или адресата, а целью тех, кто их собрал или составил. Но они, как правило, отличаются определенной типовой однородностью материала, что позволяет исследовать их как множественный источник (о таком подходе и открываемых им возможностях говорилось выше — см. гл. 8).

Переписка и личные архивы. Публикации эпистолярных источников. Эпистолярные источники в гораздо меньшей степени, чем другие, поддаются точному библиографическому учету. Это относится в особенности к той огромной их массе, которая остается неопубликованной. Удельный вес неопубликованных материалов здесь еще больше, чем среди воспоминаний и дневников, т.к. переписка по своему непосредственному назначению не предполагает публикации. Издается она по общему правилу спустя значительное время после смерти ее участников и лиц, чьи интересы могли быть как-либо затронуты ее обнародованием, а в других случаях — с теми или иными купюрами.

Неопубликованная переписка остается в личных или семейных архивах и составляет основную часть их документации. Обычно письма сохраняются в бумагах адресата, но иногда возвращаются корреспонденту или его наследникам. На хранение в государственные архивы, музеи, рукописные отделы библиотек частная переписка поступает в составе соответствующих личных фондов. Исследователи могут иметь к ней доступ на основании действующих в данной стране архивных правил или же (если она не была передана в какое-либо государственное, муниципальное или научное хранилище) с личного согласия ее владельцев.

Архивы общественных и государственных деятелей всегда включают в себя документацию не только личного происхождения, но и такую, которая непосредственно связана с их должностным положением, партийным постом и т.д. В составе их архивов легко вычлени-

ются, с одной стороны, официальные (в широком смысле) бумаги, являющиеся таковыми по видовой принадлежности, а с другой — такие материалы бесспорно личного характера, как дневниковые записи, наброски или законченные тексты воспоминаний и т.д. Сохраненная же фондообразователем переписка чаще всего бывает как личной, так и деловой (опять-таки в широком смысле), и выделить из нее собственно эпистолярный материал значительно труднее.

В отношении бумаг политических деятелей в различных странах Запада вопрос о том, кому они должны принадлежать и где храниться решается по-разному. В США бумаги (в том числе и должностные) закончивших свое пребывание на посту президентов долгое время рассматривались как их личная собственность, и в результате архивы некоторых из них (М. Фильмора, М. Ван-Бьюрена, У. Гранта) были уничтожены ими самими или их наследниками. Затем хранение президентских архивов взял на себя рукописный отдел Библиотеки конгресса, где были сосредоточены фонды 23 президентов, включая и документы, не связанные с должностью (в частности, здесь находятся 194 тома бумаг А. Линкольна за период с 1833 по 1865 г.). Создание в США системы президентских библиотек предполагает прежде всего хранение и научное использование документации, образовавшейся за время соответствующего президентства, но в эти библиотеки-музеи могут передаваться (в порядке дарения) и другие документы бывшего президента или близких к нему лиц. Принципиально же проблема отделения «общественных» бумаг президентов от «частных» в архивной практике и архивном законодательстве США не разрешена. В Италии в Центральном государственном архиве (Рим) хранятся фонды лиц, занимавших министерские посты в период после национального объединения.

Поскольку архивы видных политических деятелей, естественно, привлекали и привлекают к себе внимание историков, те из них, которые открывались для научного использования, становились и предметом специальных публикаций, охватывающих их целиком или частично. В такие издания всегда включается и переписка. В США, например, в связи с 200-летием их существования были заново и на высоком научно-археографическом уровне изданы бумаги «отцов-основателей» американского государства. Личный архив Дж. Вашингтона составил в опубликованном виде 70 томов, Б. Франклина — 62 тома, Т. Джефферсона — 50 томов, архив семьи Адамсов — 130 томов и т.д. В эти публикации вошли также и письма, не только написанные данными лицами, но и полученные ими, т.е. их переписка в комплексе корреспондент-адресат.

Примером иного, выборочного типа публикации по материалам личного архива может служить издание бумаг видного итальянского политического деятеля конца XIX — начала XX в. Дж. Джолитти¹. После смерти Джолитти его архив был передан наследниками на государственное хранение, за исключением тех документов, которые семья сочла относящимися к частной сфере его жизни. В упомянутую публикацию вошли документы из обеих частей архива Джолитти, причем это исключительно письма (самого Джолитти и адресованные ему), всегда так или иначе связанные с политическими взаимоотношениями, а иногда носящие вполне официальный характер.

Вообще же переписка государственных деятелей стран Европы и Америки опубликована в ничтожно малом количестве. Министры, парламентарии, лидеры влиятельных партий, видные дипломаты или военачальники обычно охотно выступают в печати с воспоминаниями, где могут представить прошлое в желательном для себя освещении, но надолго ограждают специальными распоряжениями от публикации свою переписку, в которой конфиденциально обсуждались проблемы отнюдь не личного характера. Показательно, например, что история и предыстория Первой мировой войны отражена во множестве изданных воспоминаний и дневников, тогда как переписка тех, кто играл в этих событиях активную роль на авансцене или за кулисами, представлена лишь относительно немногими публикациями².

Но для исследователей представляют ценность и интерес архивы не только лиц с громкими историческими именами. Не менее важны, хотя издаются еще реже, архивы рядовых, внешне ничем не примечательных современников тех или иных событий. Таков, например, архив дворянской семьи Верней (Verney), который содержит переписку и другие документы нескольких ее поколений, живших накануне, в период и после Английской революции. Этот фамильный архив описан в специальном обзоре, составленном королевской комиссией по рукописным историческим источникам, а часть его опубликована.

Обширнейшую переписку ведут обычно писатели, публицисты, философы, которые становятся «властителями дум» своего времени. В их архивах остается множество писем от самых различных корреспондентов. Так, Л.Н. Толстому только из-за рубежа писало около

¹ Dalle carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana. Milano, 1962. Vol. I—III.

² В их числе уже упоминавшийся в предыдущей главе «Архив полковника Хауза», издания переписки английского адмирала Дж. Фишера, посла США в Лондоне в 1912—1918 гг. У.Х. Пэйджа, а также публикация личного архива германского дипломата Ф. фон Гольштейна.

6 тыс. человек, а полученная от них почта насчитывает примерно 9 тыс. писем¹. В свою очередь, собственноручные письма известных литераторов и мыслителей тщательно сохраняются адресатами, копируются, а зачастую становятся предметом коллекционирования. В отечественных хранилищах находятся, например, автографы многих писем Вольтера, которые попали в нашу страну разными путями: частично — в результате его переписки с русскими адресатами (Екатериной II, А.Р. Воронцовым, Д.М. Голицыным и др.), частично же — в результате собирательской деятельности. Наиболее крупная коллекция вольтеровских материалов (178 писем, кроме одного, собственноручных) представлена в архиве С.-Петербургского института истории РАН².

Переписка видных представителей культуры, воспринимаемая в обществе как продолжение и неотъемлемая часть их творческой деятельности, нередко начинает обнаруживаться сравнительно быстро. Но подлинно научная публикация их эпистолярного наследия требует огромной предварительной работы (разыскания подлинников, сличения различных текстов и т.д.), которая не может быть выполнена за короткое время. Показательна в этом смысле судьба переписки Вольтера. Начиная с конца XVIII в. она издавалась многократно — и отдельными частями, и в собраниях его сочинений (впервые — в 1785 г.). 52-томное издание произведений и писем Вольтера, осуществленное в 1877—1885 гг. Л. Моланом, было задумано как научная публикация, итоговая по отношению ко всем предшествующим. Однако многие письма в ней были воспроизведены не по подлинникам, а по копиям, зачастую совершенно неисправным, произвольно соединявшим куски разных текстов (ряд погрешностей этого издания был выявлен при сравнении с ним сохранившихся в России подлинников соответствующих писем). И лишь в 1952 г. в Швейцарии Т. Бестерманом было начато основанное на подлинниках и фотокопиях с них издание переписки Вольтера, которое в законченном виде составило 107 томов (включая справочные) и может считаться действительно научным.

Одним из самых обширных эпистолярных комплексов нового времени является переписка К. Маркса и Ф. Энгельса между собой и с третьими лицами. Она основательно изучалась в контексте исследо-

¹ Небольшая выборка из них в количестве 125 писем из 21 страны представлена в специальной публикации. См.: Толстой и зарубежный мир (разд.: Иностранная почта Толстого)//Литературное наследство. М., 1965. Т. 75. Кн. 1.

² Об этом и других собраниях, содержащих письма Вольтера, см.: Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера/Публикация, вводные статьи и примечания В.С. Люблинского. М.; Л., 1956.

ваний по истории марксизма, которые в советское время особенно широко велись в СССР, но не ограничивались рамками только нашей страны.

После смерти Маркса Энгельс хранил все его бумаги у себя, а затем завещал их (вместе со своим собственным архивом) Правлению германской социал-демократии, назначив лицом, ответственным за их публикацию, Э. Бернштейна. До Первой мировой войны Правление СДПГ издало в четырех томах письма Маркса и Энгельса друг другу, а также сборник, куда в числе прочей корреспонденции вошли их письма Ф.А. Зорге¹. Ряд писем основоположников марксизма был опубликован в теоретическом органе СДПГ *Neue Zeit*.

Однако в архиве СДПГ переписка Маркса и Энгельса была представлена не полностью. У Энгельса сохранились письма, которыми он и Маркс обменивались между собой, корреспонденция, получавшаяся ими из разных стран, и черновики многих его ответов. В то же время значительная часть писем, посланных и Энгельсом, и Марксом разным лицам, осталась у адресатов.

В 1921 г. в Москве был создан Институт Маркса и Энгельса (позднее — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Он стал центром систематической работы по сбору, изучению и публикации всего литературного наследия основоположников марксизма. В Центральном партийном архиве ИМЛ, просуществовавшем до 1991 г., была сосредоточена (в фотокопиях или оригиналах) практически вся обнаруженная к тому времени переписка Маркса и Энгельса. Оригиналы же их рукописей и других бумаг, находившиеся в архиве СДПГ, были после прихода к власти нацизма вывезены из Германии и поступили на хранение в Международный институт социальной истории в Амстердаме. В настоящее время МИСИ и РГАСПИ совместно реализуют начатый еще в межвоенный период издательский проект MEGA (*Marx-Engels Gesamtausgabe*) — полное издание на языках оригиналов литературного наследия Маркса и Энгельса, включая и переписку.

Еще одним значительным центром, где собиралась документация по истории марксизма и велись исследования в этой области, стал созданный после освобождения Италии от фашизма Институт Дж. Дж. Фельтринелли в Милане. Им опубликована, в частности, пе-

¹ *Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883*. Stuttgart, 1913; Bd. I—IV. Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F.A. Sorge und Andere. Stuttgart, 1906.

реписка Маркса и Энгельса с их итальянскими корреспондентами за 1848—1895 гг. (в общей сложности 528 писем в Италию и из Италии) и переписка между Энгельсом и основателем ИСП Ф. Турати¹. Из Италии Энгельсу часто писал также Антонио Лабриола², но из писем Энгельса к нему найдены лишь немногие.

По состоянию на начало XXI века корреспонденция Маркса и Энгельса наиболее полно опубликована во втором издании их произведений на русском языке³. В основные и дополнительные тома этого издания вошло более 4 тыс. писем основоположников марксизма.

В последние десятилетия в связи с общим поворотом зарубежной историографии к изучению человеческого начала в истории и в частности — ее восприятия вовлеченными в большие события обычными, рядовыми людьми обратили на себя внимание такие документы, как письма с фронтов обеих мировых войн. В Германии, где публикаций таких писем больше, чем в других странах, им придается важное значение как источнику для изучения «фронтальной повседневности» (отражению в них других аспектов войны препятствовала военная цензура). В 1997 г. вышло специальное исследование о письмах участников Первой мировой войны и их использовании в политической борьбе периода Веймарской республики⁴. Публикация под названием «Другое лицо войны» включает немецкие фронтальные письма периода Второй мировой войны⁵. Значительная коллекция писем немецких военнослужащих за 1938—1945 гг. находится в РГВА среди других трофейных документов (фонд 1452, 189 единиц хранения). В начале 90-х гг. входящие в нее письма с Восточного фронта были при содействии российских архивистов опубликованы в Германии⁶.

Во Франции публикации фронтальных писем периода Первой мировой войны охватывают по преимуществу отдельные персональные

¹ Marx e Engels. Corrispondenza con italiani. 1848—1895. A cura di G. Del Bo. Milano, 1964; Corrispondenza Friedrich Engels — Filippo Turati. 1891—1895. A cura di L. Cortesi/Istituto G.G. Feltrinelli. Annali. Milano, 1958. Anno I, 1958.

² Письма Лабриолы к Энгельсу впервые были опубликованы в 1924 г. в советском журнале «Под знаменем марксизма», а в Италии — в 1949 г. (*Labriola A. Lettere a Engels. Roma, 1949*).

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 27—39, 41, 50.

⁴ Bernd U. Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914—1933. Essen, 1997.

⁵ Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939—1945. München, 1982.

⁶ «Ich will raus aus diesem Wahnsinn». Deutsche Briefe von der Ostfront 1941—1945 aus sowjetischen Archiven. Wuppertal, 1991, Reinbek bei Hamburg, 1993.

комплексы¹. Попытка представить обобщенную картину отразившихся в таких письмах человеческих переживаний была предпринята радиостанцией Radio France. Она обратилась к радиослушателям с призывом прислать сохранившиеся письма фронтовиков 1914—1918 гг. и получила более 8 тыс. писем. Из этих писем была сделана выборка для печатной публикации² и двух звучащих компакт-дисков (запись в исполнении современных чтецов). Но то и другое ставит целью популяризацию знаний о войне, а не исследовательские цели. Подобным же образом была подготовлена имеющая аналогичный характер публикация писем и других личных документов о высадке англо-американских войск в Нормандии в 1944 г. (она включает свидетельства и местных жителей, и участников боев с обеих сторон)³.

В общем, эпистолярные источники нового и новейшего времени публиковались в странах Европы и Америки во множестве самых различных по охвату, целям и качеству изданий, которым невозможно дать даже краткую сводную характеристику. Тем не менее основная их масса, слагающаяся из писем лиц, как будто не причастных к деяниям и событиям исторического масштаба, остается не только не опубликованной, но и в значительной мере не известной исследователям.

Источниковедческий анализ эпистолярных документов. Учитывая только что сказанное, при рассмотрении приемов источниковедческого анализа переписки целесообразно взять за основу такой сложный, но вполне вероятный случай, когда исследователь работает над ней в архиве, где этот материал сохранился в неопубликованном виде, а может быть, даже не был разобран и систематизирован.

При подобных условиях необходимо прежде всего обратить внимание на то, среди каких бумаг обнаружено изучаемое письмо: сохранилось ли оно как изолированный документ или входит в целую группу писем, написанных одной и той же рукой, составляет ли (само по себе или вместе с другими письмами) часть какого-то личного или семейного фонда и т.д. Местоположение письма в архиве иногда является единственной информацией о нем, от которой можно оттолк-

¹ Упомянем как пример письма к жене и сестре капитана французской армии Анатоля Кастекса (Castex), опубликованные в 1996 г. его сыном — специалистом по истории Первой мировой войны.

² *Paroles de poilus. Lettres et carnets du front 1914—1918/Sous la dir. de J.-P. Gueno et Y. Laplume.* Paris, 1998.

³ *Paroles du jour J: lettres et carnets du débarquement/Sous la dir. de J.-P. Gueno.* Paris, 2004.

нуться при анализе этого источника, начинающемся с определения корреспондента и адресата.

Чаще всего в самом тексте письма есть указания на то, кем оно было написано и кому адресовано, а именно — обращение к адресату в начале и подпись корреспондента в конце. Но иногда имена корреспондента и адресата приходится устанавливать путем специальных изысканий — например, если найден лишь черновик письма, где они не обозначены, если они заменены конспиративными кличками или дружескими прозвищами, если начало и конец письма не сохранились и т.д. В таких случаях путеводную нить может дать как раз принадлежность письма к определенному фонду или группе документов. Черновик, как правило, сохраняется в фонде корреспондента, а письмо, отправленное и дошедшее по назначению, — в фонде адресата. Разумеется, из этого правила возможны исключения: адресат мог почему-либо вернуть полученное письмо корреспонденту, фондообразователем мог стать не сам корреспондент или адресат, а кто-нибудь из родственников того или другого. Если есть основания предполагать что-либо подобное, то следует это проверить, исходя из принадлежности остальных документов данного фонда или собрания. Однако так или иначе от фондообразователя в конце концов обычно удается дойти либо до корреспондента, либо до адресата. Корреспондент может быть установлен также по почерку письма, но лишь при наличии других, уже «опознанных» образцов этого почерка.

При определенных условиях оказывается возможным, зная имя корреспондента, установить имя адресата, или наоборот. Для этого необходимо иметь представление о том, с каким кругом людей переписывалось данное лицо, а желательно и о характере его взаимоотношений с ними. Располагая такими сведениями и учитывая содержание, тон и другие особенности изучаемого письма, можно с достаточной долей вероятности предположить, от кого именно оно было получено или кому адресовано. Но любое подобное предположение не может считаться доказанным, пока не будет проверено и подтверждено анализом почерка (если оно относится к корреспонденту), показаниями других источников или каким-либо иным способом.

Среди наиболее распространенных приемов атрибуции эпистолярных источников рекомендуется отыскание документальных свидетельств о том, кто был автором исследуемого письма, анализ идей данного письма в сравнении с другими с помощью «тематических параллелей» и «текстовых сопоставлений», анализ передающей эти идеи лексики, характерных речевых оборотов и выражений и других

элементов стиля¹. Атрибуция писем (как и других источников личного происхождения) по авторскому стилю может выполняться не только традиционными методами, но и с помощью количественного компьютерного анализа.

Нельзя ограничиваться знанием лишь имен корреспондента и адресата. Исследователю может оказаться полезным все, что касается личных, семейных, дружеских, деловых связей, черт характера, симпатий и антипатий, должностного положения и других аспектов жизни и деятельности каждого из них. Выше уже отмечалось, что по имени одного участника переписки иногда удается определить второго; детальное же «знакомство» с обоими действующими лицами дает ключ к решению и других важных вопросов.

Один из таких вопросов возникает в случае, когда корреспондент считается известным, но есть сомнение в том, что отдельное письмо или группа писем действительно написаны его рукой. Подобное сомнение особенно уместно, если, например, эти письма сохранились не среди личных бумаг адресата или предполагаемого корреспондента, а в архивах полиции, в судебном деле, где они фигурировали как некая улика против него, или у какого-то третьего лица, почему-либо заинтересованного в его компрометации. Характерный пример — предъявленный обвинением во время процесса над Дрейфусом грубо сфабрикованный документ, будто бы подтверждавший, что именно через него происходила передача секретной французской информации немцам. Это было письмо немецкого военного агента (атташе) в Париже его итальянскому коллеге, написанное по-французски с множеством ошибок, преднамеренно сделанных сочинителями фальшивки. Но они не учли, что мнимый автор письма был уроженцем Эльзаса и прекрасно владел французским языком, а потому никак не мог бы так безграмотно писать.

Для проверки подлинности писем необходимо привлечь сведения о деятельности и ближайшем окружении автора в то время, когда они были написаны. Бесспорное же доказательство подлинности или подтверждение подлога дает графологическая экспертиза, т.е. проверка авторства письма по почерку.

Иной раз поддельными оказываются не только письма, погребенные в архивах, но и такие, которые стали достоянием читателя. Литературные мистификации в эпистолярном жанре не столь уж большая

¹ См.: Источниковедение истории СССР. 2-е изд./Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 356; *Миронова И.А.* Эпистолярные источники XIX в.//Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985.

элементов стиля¹. Атрибуция писем (как и других источников личного происхождения) по авторскому стилю может выполняться не только традиционными методами, но и с помощью количественного компьютерного анализа.

Нельзя ограничиваться знанием лишь имен корреспондента и адресата. Исследователю может оказаться полезным все, что касается личных, семейных, дружеских, деловых связей, черт характера, симпатий и антипатий, должностного положения и других аспектов жизни и деятельности каждого из них. Выше уже отмечалось, что по имени одного участника переписки иногда удается определить второго; детальное же «знакомство» с обоими действующими лицами дает ключ к решению и других важных вопросов.

Один из таких вопросов возникает в случае, когда корреспондент считается известным, но есть сомнение в том, что отдельное письмо или группа писем действительно написаны его рукой. Подобное сомнение особенно уместно, если, например, эти письма сохранились не среди личных бумаг адресата или предполагаемого корреспондента, а в архивах полиции, в судебном деле, где они фигурировали как некая улика против него, или у какого-то третьего лица, почему-либо заинтересованного в его компрометации. Характерный пример — предъявленный обвинением во время процесса над Дрейфусом грубо сфабрикованный документ, будто бы подтверждавший, что именно через него происходила передача секретной французской информации немцам. Это было письмо немецкого военного агента (атташе) в Париже его итальянскому коллеге, написанное по-французски с множеством ошибок, преднамеренно сделанных сочинителями фальшивки. Но они не учли, что мнимый автор письма был уроженцем Эльзаса и прекрасно владел французским языком, а потому никак не мог бы так безграмотно писать.

Для проверки подлинности писем необходимо привлечь сведения о деятельности и ближайшем окружении автора в то время, когда они были написаны. Бесспорное же доказательство подлинности или подтверждение подлога дает графологическая экспертиза, т.е. проверка авторства письма по почерку.

Иной раз поддельными оказываются не только письма, погребенные в архивах, но и такие, которые стали достоянием читателя. Литературные мистификации в эпистолярном жанре не столь уж большая

¹ См.: Источниковедение истории СССР. 2-е изд./Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 356; *Миронова И.А.* Эпистолярные источники XIX в.//Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985.

редкость. Упомянем хотя бы изданные в Лондоне четыре тома писем, якобы написанных в 1746—1762 гг. фавориткой Людовика XV маркизой де Помпадур, широко распространившееся в списках подложное письмо Фридриха II Жан-Жаку Руссо, сочиненное с мистификаторской целью англичанином Х. Уолполом (сыном известного политического деятеля), или вышедшую в 1803 г. во Франции поддельную переписку Людовика XVI с его братьями и другими лицами.

В середине XIX в., когда стало модным и престижным коллекционировать автографы и старинные рукописи, во Франции получил скандальную известность некий Дени Врэн-Люка — непревзойденный специалист по фабрикациям фальшивок и в том числе множества поддельных писем. Среди его подделок были «письма» Галилея, Паскаля, Шекспира, Рабле, Клеопатры (к Цезарю), римских императоров, апостолов, Марии Магдалины и др. Жертвой его мистификаций стал, в частности, ученый-математик и коллекционер Мишель Шаль, который огласил в Академии письма, «доказывавшие», что закон всемирного тяготения был за 35 лет до Ньютона открыт Паскалем. В конце концов мистификатор был изобличен группой экспертов и предстал перед судом по обвинению в мошенничестве, но отделался сравнительно легким наказанием (два года тюрьмы и 25 ф.ст. штрафа)¹.

Заподозрить подделку логично, например, в том случае, если издание переписки предпринято с явной целью вызвать сенсацию, общественный скандал, опорочить или обелить кого-то из ее участников. Публиковаться может и подлинный текст, фальсифицированный в отдельных своих частях путем произвольной правки, неоговоренных купюр и т.д.

Фальсификация опубликованных эпистолярных документов раскрывается такими же способами, какие описаны в применении к мемуарным фальшивкам. Наглядным примером может служить то, как была доказана подложность большинства писем А.М. Горького сибирскому краеведу и литератору В.И. Анучину, изданных последним в 1941 г.²

Важный элемент процедуры источниковедческого анализа письма — установление времени и места его написания. Если исследуемый автограф письма не является черновиком, то в его тексте обычно содержится, по крайней мере, дата, проставленная в начале или в конце. Но даже в письмах, отправленных адресатам, дата может отсутствовать вовсе, быть неполной (только число и месяц — без указания года) или неправильной (например, в начале нового года письма часто по ошибке помечаются старым). Для установления полной даты

¹ См.: *Уайтхед Дж.* Серьезные забавы. М., 1986. С. 87—94.

² См.: *Азадовская Л.* История одной фальсификации // *Новый мир*. 1965. № 3.

или ее уточнения применяются различные приемы. Письмо, отосланное и дошедшее по назначению и сохраненное вместе с конвертом, датируется по почтовому штемпелю, проставленному при его отправлении. Этот же штемпель помогает установить место написания письма. Однако по штемпелю время и место написания письма определяется лишь ориентировочно, т.к. письма иногда отправляются с опозданием и не обязательно оттуда, где они были написаны. При наличии в письме неполной даты, включающей в себя число и месяц с указанием дня недели (например, «пятница, 4 января»), недостающий элемент (год) может быть установлен с помощью так называемого «вечного календаря», но с учетом того, что через определенные промежутки времени такие сочетания повторяются. Когда же никаких других возможностей нет, следует попытаться установить место и хотя бы приблизительную дату написания письма по его содержанию. Для датировки писем особенно полезны имеющиеся в них отклики на какие-либо точно датируемые события, упоминания о предстоящих или прошедших праздниках, о возрасте корреспондента, адресата или близких им лиц, те или иные наблюдения над природой. При подготовке к печати писем Вольтера к его другу графу Даржанталю (Шарлю-Огюстену де Ферриолу) они датировались исходя из того, куда именно писал Вольтер своему адресату, каким титулом называл его и т.д.

Когда исследователь работает с опубликованными эпистолярными материалами, перечисленные выше основные данные о каждом отдельном письме (корреспондент, адресат, время и место написания) обычно сообщаются в публикации. Но даже в изданиях самого высокого научного уровня эти данные иногда оказываются недостаточно точными и затем пересматриваются на основе новых изысканий. Тем более осторожно следует принимать атрибуцию и датировку по косвенным признакам писем, опубликованных без строгой научно-текстологической работы над ними.

Очень важно знать, располагали ли подготовители публикации подлинниками включенных в нее писем. Должно приниматься во внимание и то, кем и с какой целью предпринята данная публикация, каков ее общий археографический уровень, предполагает ли она полный охват эпистолярного наследия корреспондента или его писем к определенному лицу или же носит выборочный характер, включает только вновь найденные документы и т.п.

Публикация, осуществленная по подлинникам и с соблюдением научных археографических принципов, гарантирует полноту и точность текстов писем. Если же имеющиеся публикации недостаточно надежны, но при этом исследователь не может обратиться непосредственно к подлинникам, необходимо хотя бы выявить наиболее оче-

видные погрешности текстов путем сравнительного анализа разных изданий изучаемой переписки.

Анализ эпистолярных источников по существу их содержания при определенных условиях осложняется наличием в них скрытого подтекста, который нужно выявить и расшифровать. Подобная задача возникает часто и в силу самых различных причин. Корреспондент может с помощью недомолвок и обтекаемых выражений «играть в прятки» с адресатом, если их отношения не располагают к взаимной откровенности. При очень близких личных взаимоотношениях тех, кто ведет переписку, их письма, адресованные только друг другу, рассчитаны на понимание с полуслова и именно поэтому содержат много непонятного для непосвященных (намекы, шутливые прозвища и т.д.). Иногда, наконец, сам пишущий предполагает возможность прочтения письма кем-либо кроме адресата и заранее принимает меры против такого нежелательного, а подчас и опасного читателя или же, наоборот, говорит кое-что специально для него. Например, Антонио Грамши в своих подцензурных письмах к родным из фашистской тюрьмы использовал, когда речь шла о его положении политического заключенного, различные эзоповские приемы вплоть до исторических аналогий. Так, чтобы выразить свое отношение к назойливо внушавшейся ему и его близким идее прощения о помиловании, о чем он не мог писать прямо, он резко осудил уступчивость, проявленную в подобной же ситуации брошенным в австрийскую тюрьму итальянским патриотом периода Реставрации Ф. Конфалоньери. Рассказывая о недавно прочитанной книге, где приводился текст поданного Конфалоньери прощения о помиловании, Грамши оценил его как «документ, написанный человеком, дошедшим до крайней степени унижения и позора» и намеренно подчеркнул эти слова¹.

Эпистолярные материалы при всей субъективности запечатленных в них оценок и мнений стоят в ряду наиболее достоверных исторических источников. Один и тот же автор в своей переписке, функционально не рассчитанной на опубликование, гораздо откровеннее, чем, например, в публичных политических выступлениях или в воспоминаниях адресованных широкому кругу читателей. Ошибки памяти могут влиять на достоверность переписки лишь в тех случаях, когда корреспондент обсуждает с адресатом дела давно минувших дней, а не относительно свежие новости. Поэтому не случайно сопоставление с перепиской желательно при проверке показаний почти всех рассмотренных выше видов источников.

¹ См.: *Gramsci A. Lettere dal carcere*. A cura di S. Caprioglio e E. Fubini. Torino, 1968. P. 626—627.

Но достоверность эпистолярных источников ни в коей мере не должна абсолютизироваться. Личные качества корреспондента, его взаимоотношения с адресатом, роль в событиях, которые он описывает, — все это очень существенно влияет на степень его беспристрастности, а следовательно, и точности в передаче фактов, не говоря уже об их оценке. Помимо свойственной корреспонденту сознательной или бессознательной тенденциозности, сообщаемые им сведения могут быть недостоверными и из-за недостаточности имевшейся у него информации. Поэтому критическая проверка других источников (выбор которых зависит от того, где, почему и в каком направлении в переписке наиболее вероятны искажения истины) в данном случае столь же обязательна, как и во всех остальных.

Глава 15

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Особенности историко-источниковедческого подхода к произведениям искусства. Сферы исторического знания и художественного творчества во многом соприкасаются; они разделились сравнительно недавно и продолжают взаимодействовать. Но здесь пойдет речь лишь об одном аспекте этой проблемы — возможности обращения к художественным произведениям как к источнику в профессиональном историческом исследовании.

Такой подход не предполагает анализа и оценки произведения с эстетической точки зрения — это задача искусствоведов, литературных критиков и других специалистов. Историка интересует другое: может ли данное произведение рассматриваться в одном ряду с документальными свидетельствами о прошлом. В постмодернистской историографии с ее тенденцией к отрыву от прозаической работы с источниками и стремлением уподобить «исторический нарратив» литературе заметно повышенное внимание к художественному творчеству, принимаемому за некий образец для историка¹. Выяснение историко-источниковедческой значимости художественных произведений становится поэтому тем более необходимым.

Искусство и наука — два разных способа познания мира. В отличие от науки, познавательная роль искусства реализуется через художественное обобщение, переработку, творческое переосмысление исходного материала. Свое содержание искусство в конечном счете черпает из действительности, понимаемой не только как непосредственно окружающая художника жизнь, но и как вся человеческая история.

Художественное обобщение не бесстрастно — оно включает в себя идейно-эмоциональную оценку изображаемого. Оно существует

¹ О том, как влияют на отношение к художественной литературе как к источнику углубление в «очеловеченную» историю и историю повседневности «лингвистический поворот» и другие «постмодернистские вызовы», подробнее см.: *Источниковедение новейшей истории России...*

в двух основных формах: идеализации и типизации. По методу идеализации создаются образы (как положительные, так и отрицательные), в которых не столько отражена реальность, сколько воплощены некие общие нормы нравственно-эстетических устремлений современной художнику эпохи. Такие образы могут иметь в своей основе и реальный прототип, но сильно видоизмененный, очищенный от некоторых присущих ему в жизни черт и дополненный какими-то другими. Метод типизации, наоборот, есть прежде всего средство познания реальной жизни, а не воплощения желаемого или должного. В зависимости от исторических условий эпохи, содержания ее общественной жизни, господствующих в данном обществе идеалов, особенностей вида или жанра искусства и иных обстоятельств преобладающей может стать та или другая форма художественного обобщения, но жестко разграничить сферы действия каждой из них затруднительно.

С учетом специфики художественного отображения действительности следует оценивать и возможности включения произведений искусства в круг источников исторического познания.

Произведения художественного творчества в некоторых отношениях близки к традиционно используемым историками источникам повествовательного характера (воспоминаниям, дневникам, эпистолярным материалам), в которых изображение событий и фактов преломляется через их субъективное восприятие автором. Искусство по отношению к действительности также не является механическим слепком с оригинала, его связь с ней всегда опосредована индивидуальностью автора. Но в произведении искусства действительность отражается еще и в художественно переосмысленном виде. При большом многообразии жанров и различии творческих методов это переосмысление может воплощаться в *более* или *менее* конкретной форме. Однако даже в том случае, когда речь идет о созданном в реалистической манере произведении художественной литературы, живописи, театрального или кинематографического искусства на исторический сюжет, его соответствие жизненной правде не означает документальной точности каждого изображаемого факта. Художник, в отличие от мемуариста, имеет право на вымысел в деталях, но эти детали бывают иногда настолько убедительны, что воспринимаются как реальность.

Верность исторической истине такого художественного произведения, сюжет которого имеет конкретный, а не абстрактно-философский характер, измеряется не тем, реальны или вымышлены изображенные в нем лица и события. Она проявляется на другом уровне — в воссоздании тех или иных процессов общественной и духовной жизни, психологии определенной социальной среды, в обрисовке нацио-

нальных характеров, обычаев, быта и т.п. явлений. Именно в исследовании подобных проблем историки обычно опираются на произведения художественного творчества как на важнейший, хотя и далеко не единственный источник.

Но здесь необходимо сделать важное уточнение. Не всякое произведение искусства может служить источником для изучения той эпохи, из которой взят его сюжет. Для этого необходимо, чтобы автор был современником изображаемого. Если же он — пусть даже в высшей степени правдиво и совершенно в художественном отношении — представил момент или панораму жизни не своего, а более раннего времени, которое сам изучил по различным историческим документам и материалам, то такое произведение не имеет качества источника по истории этого времени. Л.Н. Толстой был очевидцем и участником обороны Севастополя в период Крымской войны, но не жил в эпоху, к которой относится действие «Войны и мира». Поэтому его «Севастопольские рассказы», где психология, мысли, чувства защитников Севастополя обрисованы на основе личного опыта и наблюдений писателя, представляют собой документальное свидетельство о том, как воспринималась эта война ее непосредственными участниками и русским обществом вообще, тогда как «Война и мир» не может рассматриваться как свидетельство подобного же рода об Отечественной войне 1812 года. Точно так же роман В. Гюго «Девяносто третий год», вышедший в 1874 г., не является подлинным историческим свидетельством о Франции времен якобинства, а роман американского писателя XX века Гора Видала «Бэrrр», где в качестве главного героя выведено реальное лицо — Аарон Бэrrр, деятель поколения «отцов-основателей» США, рассказывающий о нем на склоне своих лет, не есть источник по истории США в начальный период независимости.

Разумеется, и такое произведение, в котором автор не выступает как современник изображаемого, может существенным образом способствовать формированию исторических представлений о данной эпохе или событиях у читателя, зрителя. Но выше речь шла не об этом и не об оценке произведений литературы и искусства в плане их художественных достоинств, а лишь о применимости к ним понятия «исторический источник» в строгом смысле, отвечающем методологии и целям *научного* исторического познания.

Если же подходить к художественному произведению не с точки зрения его непосредственного содержания, а с иной стороны — как к памятнику того времени, когда оно создавалось, — то в этом отношении оно всегда может быть источником исторического исследования. Каков бы ни был сюжет, в произведении оказывается так или иначе

запечатлена духовная атмосфера той эпохи, когда жил и творил художник, мысли и чувства людей его круга, идейные запросы и нравственные нормы той общественной среды, на которую было ориентировано его творчество. Идейно-эмоциональный подтекст художественного произведения в любом случае представляет интерес для историка, а подчас является единственным подлинно «документальным» содержанием этого своеобразного исторического источника.

Основатель так называемой неоклассической школы во французской живописи Жак-Луи Давид создал свои лучшие полотна накануне и в период Великой революции, когда его творчество было глубоко созвучно настроениям передовых общественных сил того времени (позднее Давид отрекся от революционных идеалов). На выставке, организованной в Париже вскоре после взятия Бастилии и охранявшейся молодыми художниками в мундирах только что созданной Национальной гвардии, самый большой успех выпал на долю двух его картин — «Клятва Горациев» (1784) и «Брут» (1789). Обе написаны на античные, древнеримские сюжеты: перед поединком, который должен решить судьбу давнего соперничества Рима с городом Альба Лонга, три брата из римского рода Горациев клянутся победить или умереть за честь родного города в битве с противниками — братьями Куриациями; суровый республиканец Брут погружен в горестное раздумье перед телами своих сыновей, казненных по его собственному повелению за участие в заговоре против свободы. Но в образах античных героев художник восславил готовность к подвигу, верность общественному долгу, высокие патриотические чувства — все то, чем были одушевлены его современники, осознавая себя не подданными монарха, а гражданами Франции.

Творческая судьба этих и других картин Давида, характер их тематики и образов дают исследователю Великой французской революции немаловажный материал для изучения эстетических запросов, идейно-нравственных установок, а тем самым — общественного сознания революционной эпохи. Конечно, представление о нем могут дать и различные письменные источники — петиции клубов, речи ораторов, памфлеты, периодика и т.д. Но изобразительное искусство неоклассической школы нагляднее, чем что-либо другое, передает своеобразие идеологического облачения действующих сил революции, которые решали исторические задачи своего времени, выступая (по словам Маркса) «в римском костюме и с римскими фразами на устах»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 120.

Социально-психологическая проблематика, которая по праву все шире включается в круг интересов историков, является одной из тех областей исследования, где произведения художественного творчества могут наиболее перспективно использоваться в качестве исторических источников. Это касается отнюдь не только шедевров: даже самая низкосортная в художественном отношении «продукция широкого потребления» типа бульварных исторических, приключенческих, детективных романов, кинобоевиков или телесериалов из разряда «мыльных опер» позволяет выявить какие-то закономерности общественного спроса на нее и тем самым изучить определенный тип массовой культуры и массового сознания. Убедительные же в художественном отношении образы, воплощающие в себе типичные для той или иной среды черты социального поведения, с точки зрения историка до известной степени аналогичны обобщающим характеристикам, которые получаются путем обработки различного рода массовых или множественных источников. Поэтому не случайно даже в исследованиях, посвященных современности и выполненных с привлечением социологических данных, наряду с ними часто используются «свидетельства» литературных героев. Еще важнее источники такого рода в случае, когда проблемы общественного сознания изучаются применительно к более отдаленным периодам — они существенно дополняют те «заменители» социологических опросов, о которых говорилось выше (см. гл. 8).

Художественная литература как источник по истории нового и новейшего времени. Возможности извлечения из произведений художественного творчества ценной для историка информации различны в зависимости от специфики отдельных видов и жанров искусства. Но наиболее богатый в познавательном отношении материал, который может быть использован в научных исторических исследованиях, дает художественная литература и прежде всего такие ее произведения, где в реалистической манере воссоздана широкая панорама современной писателю жизни, а типизация является преобладающей формой художественного обобщения.

Хрестоматийно известен отзыв В.Г. Белинского о «Евгении Онегине» как энциклопедии русской жизни. В нем подмечена именно «источниковая» сторона пушкинского романа в стихах. В этом качестве к нему обращаются и современные исследователи — сошлемся на вышедшую в 1994 г. блестящую работу Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.)», где ссылки на «Онегина» встречаются едва ли не в каждой главе.

Маркс и Энгельс рассматривали как первоклассный источник для изучения различных аспектов французской действительности периода Реставрации и Июльской монархии творчество О. Бальзака. Бальзаковский реализм, по оценке Энгельса, «предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» и «может проявиться даже независимо от взглядов автора»¹.

Э. Золя в романе «Жерминаль» выступил как своего рода летописец начинавшегося пробуждения французского пролетариата, изобразив с натуралистической беспощадностью каторжные условия его жизни в годы II Империи и бурные вспышки классовой ненависти к угнетателям — типичную для того времени форму стихийного социального протеста. В творчестве Золя, Ги де Мопассана, А. Доде достоверно отразилось воздействие на французское общество такого события, как франко-прусская война 1870—1871 гг. Их произведения в художественно обобщенной форме зафиксировали восприятие ценностей патриотизма, трагедии поражения и других сторон войны на самых разных уровнях сознания ее современников во Франции.

В английской литературе великолепный «портрет» Великобритании на протяжении четырех десятилетий (1886 г. — середина 1920-х гг.) представлен эпической «Сагой о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Особенно запомнится сцена похорон королевы Виктории, чье 64-летнее правление составило целую эпоху, а кончина символически совпала с началом нового века. О том, что и как изменилось за это время, размышляет наблюдающий похоронную процессию Сомс Форсайт, но с его мыслями переплетаются имеющие совершенно иной горизонт суждения, которые принадлежат уже самому автору.

Социальная анатомия американского общества первых десятилетий XX в. с исключительной наглядностью познается по романам Э. Синклера («Джунгли», «Джимми Хиггинс», «100%» и др.). Всесилие трестов, повсеместно проникающая коррупция, связи государства с преступным миром, ад крупного капиталистического производства типа знаменитых чикагских боен, бедствия иммигрантов, методы борьбы монополий со стачечниками, организованная на государственном и частном уровне система полицейских провокаций против рабочего движения и как единственный проблеск света в этом страшном мире — бескорыстная и благородная деятельность социалистов, приобщение к которой нравственно воскрешает человека-труженика и становится для него источником неиссякаемой внутренней силы — вот созданный Э. Синклером образ США того времени. Его соответ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 35—36.

Маркс и Энгельс рассматривали как первоклассный источник для изучения различных аспектов французской действительности периода Реставрации и Июльской монархии творчество О. Бальзака. Бальзаковский реализм, по оценке Энгельса, «предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» и «может проявиться даже независимо от взглядов автора»¹.

Э. Золя в романе «Жерминаль» выступил как своего рода летописец начинавшегося пробуждения французского пролетариата, изобразив с натуралистической беспощадностью каторжные условия его жизни в годы II Империи и бурные вспышки классовой ненависти к угнетателям — типичную для того времени форму стихийного социального протеста. В творчестве Золя, Ги де Мопассана, А. Доде достоверно отразилось воздействие на французское общество такого события, как франко-прусская война 1870—1871 гг. Их произведения в художественно обобщенной форме зафиксировали восприятие ценностей патриотизма, трагедии поражения и других сторон войны на самых разных уровнях сознания ее современников во Франции.

В английской литературе великолепный «портрет» Великобритании на протяжении четырех десятилетий (1886 г. — середина 1920-х гг.) представлен эпической «Сагой о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Особенно запомнится сцена похорон королевы Виктории, чье 64-летнее правление составило целую эпоху, а кончина символически совпала с началом нового века. О том, что и как изменилось за это время, размышляет наблюдающий похоронную процессию Сомс Форсайт, но с его мыслями переплетаются имеющие совершенно иной горизонт суждения, которые принадлежат уже самому автору.

Социальная анатомия американского общества первых десятилетий XX в. с исключительной наглядностью познается по романам Э. Синклера («Джунгли», «Джимми Хиггинс», «100%» и др.). Всесилие трестов, повсеместно проникающая коррупция, связи государства с преступным миром, ад крупного капиталистического производства типа знаменитых чикагских боен, бедствия иммигрантов, методы борьбы монополий со стачечниками, организованная на государственном и частном уровне система полицейских провокаций против рабочего движения и как единственный проблеск света в этом страшном мире — бескорыстная и благородная деятельность социалистов, приобщение к которой нравственно воскрешает человека-труженика и становится для него источником неиссякаемой внутренней силы — вот созданный Э. Синклером образ США того времени. Его соответ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 35—36.

ствие исторической реальности было специально засвидетельствовано самим писателем в послесловии к роману «100%», где многое из описанного в этом романе подтверждено прямыми ссылками на документы.

Темой, при изучении которой произведения художественной литературы приобретают совершенно особое значение как своего рода корпус однородных источников, является Первая мировая война. Из поколения, непосредственно участвовавшего в ней, вышла целая плеяда первоклассных писателей разных стран, напитавших свои произведения о войне собственным жизненным опытом, запасом наблюдений и впечатлений, накопленным во фронтовых траншеях. История Первой мировой войны отразилась во множестве официальных документов дипломатического и военно-политического характера, публицистических и мемуарных произведений и т.д. Но при всем обилии других источников художественная литература незаменима в особенности при изучении психологии рядовых участников войны, тем более что она сказала об этом раньше, чем начали осваиваться иные пласты документации личного происхождения.

Во всех значительных в художественном отношении произведениях писателей военного поколения есть, в частности, исполненные глубокой жизненной реальности эпизоды и сцены, в которых зафиксирован начавшийся в окопах процесс осмысления происходящего и нарастания антивоенных настроений. Они происходят по разные стороны фронтов, но удивительно созвучны друг другу.

В романе Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» немецкие солдаты после полкового смотра, на котором побывал кайзер Вильгельм II, от обмена впечатлениями о персоне самого кайзера постепенно переходят к разговору о том, мог ли он предотвратить войну, верно ли, что они в этой войне защищают отечество (ведь то же самое утверждают и французы!), и отчего вообще возникают войны. «Ты не забывай о том, — говорит один из них, — что почти все мы простые люди. Да ведь и во Франции большинство составляют рабочие, ремесленники, мелкие служащие. Теперь возьми какого-нибудь французского слесаря или сапожника. С чего бы ему нападать на нас? Нет, это все правительства выдумывают. Я вот сроду ни одного француза не видал, пока не попал сюда, и с большинством французов дело обстоит точно так же, как с нами. Как здесь нашего брата не спрашивают, так и у них»¹. А вскоре после этой беседы главный герой, от лица которого ведется повествование, возвращаясь из разведки и укрывшись от огня в воронке на «ничейной» земле, впервые сам убивает

¹ Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М., 1959. С.147.

французского солдата, случайно прыгнувшего в ту же воронку. Француз умирает не сразу, его агония длится несколько часов, но и потом его невольный убийца еще долго остается наедине со своей жертвой, т.к. из-за продолжающегося обстрела не может выбраться из воронки. И он мучительно переживает то, что оказался вынужден совершить, начиная вслух разговаривать с убитым: «Товарищ, я не хотел убивать тебя. Если бы ты прыгнул сюда еще раз, я не сделал бы того, что сделал, если бы и ты вел себя благоразумно. Но раньше ты был для меня лишь отвлеченным понятием, комбинацией идей, жившей в моем мозгу и подсказавшей мне мое решение. Вот эту-то комбинацию я и убил. Теперь только я вижу, что ты такой же человек, как и я. Я помнил только о том, что у тебя есть оружие: гранаты, штык; теперь же я смотрю на твое лицо, думаю о твоей жене и вижу то общее, что есть у нас обоих. Прости меня, товарищ! Мы всегда слишком поздно прозреваем. Ах, если бы нам почаще говорили, что вы такие же несчастные маленькие люди, как и мы, что вашим матерям так же страшно за своих сыновей, как и нашим, и что мы с вами одинаково боимся смерти, одинаково умираем и одинаково страдаем от боли! Прости меня, товарищ; как мог ты быть моим врагом? Если бы мы бросили наше оружие и сняли наши солдатские куртки, ты мог бы быть мне братом... Возьми от меня двадцать лет жизни, товарищ, и встань. Возьми больше, — я не знаю, что мне теперь с ней делать!»¹.

Это еще не политическое прозрение, но начальный шаг к нему — осознание братской общности простых людей, поставленных по разные стороны линии фронта интересами, чуждыми им самим. Другим путем идет в своем отрезвлении от военного угара молодой лейтенант, выходец из прусской дворянской семьи, появляющийся в одном из эпизодов романа Г. Фаллады «Железный Густав». Он тоже оказывается в воронке на «ничейной» земле вместе с солдатом — сыном главного героя романа, берлинского извозчика Густава Хакендалля. Собеседник лейтенанта пока не особенно тяготится войной: попав на фронт, он впервые вырвался из-под деспотической власти отца и почувствовал себя человеком не хуже других. Но сам лейтенант уже явно начал разочаровываться в тех идеалах, которые внушались ему официальной пропагандой и руководствуясь которыми он прямо со школьной скамьи отправился на войну:

«...Пока ты молод, надо иметь что-то, что можно уважать и любить. Надо иметь что-то, во имя чего стоило бы жертвовать собой... Когда разразилась эта война, когда Германию зажали в тиски, когда всех нас объединяло одно чувство, думалось: вот она, эта идея! С ка-

¹ *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен. М., 1959. С. 160—161.

ким воодушевлением, с какой радостью шли мы в окопы, — ведь мы обрели нечто, за что стоит отдать жизнь. И вдруг — кто бы мог ожидать — все такое серое, мрачное, угрюмое... Вроде того окопа-огрызка, за который принесено столько напрасных жертв! И без всякой пользы, — а ведь напрасных жертв мы не хотели приносить! Если все в целом исполнено смысла, то должен быть смысл и в малом. Согласны?» — вслух размышляет лейтенант¹. Помимо бессмысленной гибели на его глазах сотен людей на фронте, на его настроения сильно повлияла история, случившаяся с его дядюшкой. Этот отставной судья из ложного «прусского чувства долга» отказался принять полученную из деревни от родного брата продовольственную посылку, считая нерушимой нормой установленный государством карточный пасок, и вскоре умер в сущности голодной смертью. Кое-кто полагает, что старый судья умер «за идею», но лейтенант не согласен с этим: «Ничего великого нет в том, чтобы сдохнуть с голоду за отечество! Да и причем тут отечество? Отечеству он никакой пользы не принес, а умер за своего идола, за деревянного истукана, на каких молятся дикари. Обыкновенная деревяшка, без жизни и живой идеи!.. Умирать, так за что-то живое, а прусское чувство долга, на которое молятся ваш отец и мой дядя, давно себя изжило. Оно возникло сотни лет назад, когда народ жил в жестокой бедности и никакого удержу на него не было. Тогда-то ему потребовалось такое правило. Но все это отжило уже за-долго до войны. Нет, довольно поклоняться старым богам! Для того чтобы эта война обрела какой-то смысл, из нее должно возникнуть нечто новое, живое»².

Еще один лейтенант — американец, добровольно вступивший в санитарную часть итальянской армии (как и Э. Хемингуэй — автор романа «Прощай, оружие!», героем которого он является) — слышит от солдата-шофера: «Войну не выигрывают победами. Ну, возьмем мы Сан-Габриэле. Ну, возьмем Карсо, и Монфальконе, и Триест. А потом что? Видели вы сегодня все те дальние горы? Что же, вы думаете, мы можем их все взять? Только если австрийцы перестанут драться. Одна сторона должна перестать драться. Почему не перестать драться нам?»³. Этот солдат — не просто стихийный противник бессмысленной бойни, он вполне осознанно считает войну куда большим злом, чем поражение, и говорит о себе и своих товарищах: «Мы думаем. Мы читаем. Мы не крестьяне. Мы механики. Но даже

¹ *Фаллада Г.* Железный Густав. М., 1969. С. 206—207.

² Там же. С. 213—214.

³ *Хемингуэй Э.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 222.

крестьяне не такие дураки, чтобы верить в войну. Все ненавидят эту войну»¹. Однако он полагает, что «перестать драться» с австрийцами достаточно, чтобы покончить с войной: «Если они доберутся до Италии, они устанут и уйдут обратно»². Описанный разговор происходит весной 1917 г., а несколько месяцев спустя в реальной истории войны именно подобные настроения с необычайной силой проявятся в массовом отходе итальянских солдат с фронта у Капоретто.

Размышляющие о войне персонажи названных здесь и других произведений очень различны, но все они, говоря вышеприведенными словами Энгельса, — типичные характеры в типичных обстоятельствах. Такие или подобные беседы действительно возникали повсюду, где шла эта беспрецедентная по масштабам война. В совокупности они дают нам важную, основанную на наблюдениях очевидцев информацию о тех сдвигах, которые под воздействием Первой мировой войны происходили в сознании огромных людских масс.

Вторая мировая война не нашла столь же впечатляющего отражения в художественной литературе стран Запада. Но ее история на уровне отдельных человеческих судеб и в осмыслении обычных, рядовых людей успешно осваивается на основе вошедших за это время в оборот новых источников. В частности, в исследовании этого глубинного пласта многое уже сделано благодаря «устной истории», получившей распространение во второй половине XX века (примеры приводились в гл. 13).

Из исторических сюжетов новейшего времени, которые могут изучаться с привлечением художественной литературы, нельзя не упомянуть студенческие движения конца 60-х гг. в Европе и Америке. Многие в этом отношении дает, например, написанный под свежим впечатлением событий роман Р. Мерля «За стеклом». В нем изображены студенческие выступления 22 марта 1968 г. в Нантере (одном из университетских городков под Парижем), послужившие прологом французского «красного мая». Мерль весьма точен в обрисовке типажей, в психологических характеристиках отдельных фигур и студенческой среды в целом. Меткие наблюдения писателя существенно дополняют ту информацию, которую можно извлечь из документов самого студенческого движения (прокламаций, плакатов и т.п.), а также из периодической печати и других источников.

Источниковедческий анализ произведений художественного творчества. Виды и жанры искусства многообразны, поэтому методика историко-источниковедческого анализа произведений художественного

¹ Хемингуэй Э. Избр. произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 222.

² Там же.

творчества в различных конкретных случаях различна. Остановимся лишь на некоторых ее аспектах, практически всегда важных или же чем-либо специфичных в сравнении с вышеизложенным.

Творческий процесс любого художника глубоко индивидуален. Произведению искусства придают неповторимость именно мировосприятие, жизненная позиция, творческая манера его создателя. Детальное ознакомление с личностью автора, его творческой биографией, условиями формирования его взглядов является первым и, бесспорно, обязательным этапом анализа всякого художественного произведения как исторического источника.

Необходимо как можно точнее представить себе обстоятельства создания данного произведения, его место в творчестве автора, историю созревания и реализации авторского замысла. В случае, если такая работа еще не проделывалась специалистами соответствующей отрасли, исследователь-историк должен выполнить ее сам, по возможности обращаясь к оригиналам или репродукциям также и черновиков, вариантов, эскизов и других подготовительных материалов, оставленных автором. Полезно при этом использовать теоретический инструментарий и методические приемы текстологии — по примеру уже хорошо освоившего их литературоведения и музыкального источниковедения. При отсутствии авторской даты в самом произведении или сведений о времени его создания в других источниках реконструкция его генезиса есть также и способ, с помощью которого можно его датировать. Выявление первоначального авторского замысла, причин и характера последующих изменений в нем позволяет дополнительно извлечь из художественного произведения определенную историческую информацию.

Атрибуция художественного произведения в тех случаях, когда его автор неизвестен, является прежде всего делом специалистов (историков искусства и литературоведов). Исследователь, который использует произведение искусства как исторический источник, обычно имеет возможность опереться на результаты уже проделанных ими изысканий относительно авторства. Но иногда историку может потребоваться произвести атрибуцию самому, например, если ему оказалось чем-либо полезным анонимное произведение, которое не представляет интереса с чисто художественной точки зрения и потому не привлекло внимания искусствоведов. В принципе проблема атрибуции произведения искусства решается так же, как в отношении всех других видов исторических памятников: исходя из особенностей творческой манеры делается предположение о наиболее вероятной авторской принадлежности, которое затем проверяется путем срав-

нительного анализа, по показаниям других источников и иными доступными способами.

Но проблема авторства может возникнуть не только в случае, если автор вообще неизвестен. Бывает, что ставится под сомнение действительная принадлежность произведения тому, кто считается его автором, т.е. выдвигается версия о плагиате. Так, на протяжении многих десятилетий не прекращались споры вокруг авторства романа «Тихий Дон».

Те, кто отказывался признать автором «Тихого Дона» М.А. Шолохова, утверждали, что эпическое полотно подобного масштаба и художественной силы не могло быть создано человеком столь молодым, как Шолохов. Указывалось и на то, что никто не видел написанных рукой Шолохова черновики «Тихого Дона». Наиболее вероятным кандидатом в авторы романа сторонники этой точки зрения считали Ф. Крюкова — литератора, известного своими описаниями жизни и быта донского казачества.

В защиту авторства Шолохова этому противопоставлялись доводы о том, что до «Тихого Дона» он уже заявил о себе в литературе талантливыми «Донскими рассказами», что черновики романа были им переданы жившему в Москве другу, который погиб на войне, и остались в семье этого человека, не пожелавшей вернуть их или сделать доступными для ознакомления. Что же касается Крюкова — ему не могли быть известны некоторые из описанных в «Тихом Доне» реальных событий, т.к. к тому времени его уже не было в живых.

В 80-е гг. веское слово в этом споре было сказано группой независимых исследователей из Швеции и Норвегии. Их итоговая совместная работа, опубликованная в 1984 г., пять лет спустя вышла в русском переводе¹. В основе примененной ими методики лежало сопоставление текстов «Тихого Дона» с текстами бесспорно шолоховских произведений — с одной стороны, двух книг Ф. Крюкова — с другой. Выборки из этих текстов подвергались компьютерному количественному анализу по множеству различных критериев (средняя длина предложения, сравнительная частотность тех или иных частей речи, их использование в определенных сочетаниях в начале и в конце предложения и т.д.), но результат неизменно оказывался в пользу авторской принадлежности «Тихого Дона» Шолохову, а не Крюкову².

¹ Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона»). М., 1989.

² Более подробно об этом исследовании см. в коллективном труде: От Нестора до Фонвизина/Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 9—11.

Наконец, был снят и вопрос о черновиках. Сначала к ним получили доступ специалисты, а в 2005 г. вышло в свет их факсимильное издание¹.

Нелегко определить авторство и в таких случаях, когда имеет место мистификация, подделка (явление, в известном смысле обратное плагиату: плагиатор присваивает чужое произведение, а мистификатор скрывает свое авторство, прячась под чужим именем). История литературы и искусства изобилует подобными примерами.

Существует масса поддельных произведений живописи. Дельцы от искусства устраивают даже специальные их выставки. После Второй мировой войны в Нидерландах привлекли к суду по обвинению в коллаборационизме Ханса ван Меехерена — художника, которому инкриминировалась продажа немецким оккупантам составляющих национальное достояние картин Яна Вермера Делфтского (1632—1675). Перед судом ван Меехерен признался, что продавал не полотна старинного мастера, а собственные подделки под них. Этим он избежал осуждения за коллаборационизм, но был приговорен к наказанию за мошенничество².

В литературе поддельвались и произведения известных авторов (например, Мольера), но особенно часто — произведения безымянного народного творчества. Так, в 1760 г. Дж. Макферсоном были опубликованы (якобы по старинным рукописям и в переводе с гэльского языка) поддельные фрагменты древнекельтского эпоса, а затем еще несколько поэм, приписанных шотландскому барду Оссиану. Молодой, еще не утвердивший своего имени в литературе, Проспер Мериме предпринял мистификацию, в которой позднее сознался сам. В 1827 г. он выпустил сборник славянских песен, будто бы записанных на Балканах со слов сказителя Иакинфа Маглановича (литографированный «портрет» которого был приложен к сборнику). Мистификация оказалась настолько искусной, что ввела в заблуждение даже Адама Мицкевича и Пушкина. Еще одна получившая широкую известность подделка в жанре народного эпоса — Краледворская и Зеленогорская рукописи, «найденные» в 1817—1819 гг. (а в действительности сфабрикованные) патриотически настроенными чешскими филологами В. Ганкой и Й. Линдой.

На этом последнем примере хорошо видно, что произведение, оказавшееся подделкой и, следовательно, не являющееся фактом ис-

¹ Шолохов М. Тихий Дон. Факсимильное издание текста рукописи. Книга 1. Книга 2. Предисловие и научный комментарий члена-корреспондента РАН Ф.Ф. Кузнецова. Москва—Киев—Париж, 2005.

² См.: *Уйтхед Дж.* Цит. соч. С. 23—24.

тории культуры, может тем не менее стать небезыңтересным источником для изучения совсем других исторических явлений. Краледворская и Зеленогорская рукописи отвергнуты наукой как поддельные памятники древнечешской культуры. Но они и поныне являются объектом научного интереса в связи с историей так называемого славянского возрождения — общественно-культурного движения первых десятилетий XIX в., в котором нашло свое выражение пробуждавшееся национальное сознание славянских народов Австрийской империи. Героизируя с помощью мистификации прошлое Чехии, Ганка и Линда выражали этим определенные идеи и настроения своего времени.

Распознать подделку помогает изучение генезиса произведения и обстоятельств, при которых оно стало известно публике. Для проверки возникших сомнений могут применяться те же средства, которые используются в других случаях, когда проблема авторства так или иначе осложнена.

От мистификации следует отличать сознательный выбор автором такой жанровой формы, которая делает его произведение *внешне подобным* продукту чужого творчества. Например, книга Н.Я. Эйдельмана «Большой Жанно» о лицейском друге Пушкина декабристе Иване Пущине написана в форме дневника, который Пущин будто бы вел после возвращения из Сибири. Это сделано мастерски, с глубоким входжением в образ Пущина, но писатель нисколько не скрывает своего авторства — оно обозначено на книге. В иных случаях, однако, авторы не делают ясных оговорок на этот счет и навлекают на себя несправедливые обвинения в мистификации.

Такова оказалось, в частности, судьба С.З. Федорченко с ее книгой «Народ на войне». Во время Первой мировой войны писательница была сестрой милосердия на фронте. Свою публикацию, начатую в журналах летом 1917 г. и продолженную во время Гражданской войны, она снабдила подзаголовком: «Что я слышала», т.е. представила как запись солдатских поговорок, крылатых словечек, выразительных характеристик отдельных лиц и эпизодов и т.д. Первые две части книги встретили весьма положительный отклик как правдивое свидетельство о войне (их высоко оценил, в частности, А. Блок). Но потом для автора начались различного рода неприятности. Профессионалы-фольклористы упрекали С. Федорченко в том, что ею не соблюдены обязательные при сборе фольклора правила — не указано, с чьих слов, где, при каких обстоятельствах и т.д. сделаны отдельные записи. Кое-кто стал обращаться с «Народом на войне» как с «ничейным» фольклорным материалом, не упоминая ее имени. Раздосадованная писательница в конце концов публично заявила, что никаких записей

вообще не делала и все, что вошло в книгу, сочинила сама, изложив в той форме, какую сочла наиболее подходящей. Тогда ее объявили мистификатором, причем в ход была пущена «тяжелая артиллерия» в лице Демьяна Бедного. В результате уже готовая к печати третья часть «Народа на войне» в то время так и не увидела свет¹, а С. Федорченко после длительной болезни смогла возобновить творческую деятельность лишь как детская писательница.

В истории литературы и искусства известны и такие случаи, когда сам автор из конъюнктурных соображений или уступая политическому нажиму «исправлял» или «дополнял» свое уже законченное и известное публике произведение. В изобразительном искусстве поучителен пример Давида, когда он обращался не к античным, а к современным ему сюжетам. Свою картину «Клятва в зале для игры в мяч» он несколько раз переписывал по мере того, как участники этого исторического заседания исчезали в водоворотах событий Французской революции. Ганс Фаллада, живший после Второй мировой войны в ГДР, по исходившей «сверху» рекомендации в эпилоге своего романа «Железный Густав» привел главного героя в ряды нацистов. В анналах советской литературы памятна вынужденная переработка А.А. Фадеевым романа «Молодая гвардия».

Раскрыть содержание художественного произведения и выявить его ценность как источника для изучения определенных исторических проблем значит прежде всего уяснить, какие именно черты эпохи своего создания оно отразило и насколько адекватно это отражение. Также и в том случае, когда художник в своем творчестве отдал дань иллюзиям, свойственным его общественной среде или его времени, его произведение представляет интерес с историко-познавательной точки зрения. Более того, именно отпечаток этих иллюзий может оказаться наиболее существенной для историка информацией, содержащейся в данном источнике.

Что касается суждения о достоверности художественного произведения как исторического источника, то здесь необходимо сделать известные оговорки, вытекающие из сказанного выше. Во-первых, достоверность непосредственного содержания должна оцениваться историком лишь применительно к таким произведениям, которые могут служить источником для изучения изображенного в них времени, поскольку созданы его свидетелями. Во-вторых, эта оценка ввиду специфики художественного отображения действительности может

¹ Она была опубликована лишь в 1983 г. («Литературное наследство». Т. 93. Там же во вступительной статье Н.А. Трифонова рассказана история всего произведения).

относиться к воссозданной автором картине жизни лишь в целом, а не в деталях. С такими ограничениями можно принять как мерило исторической достоверности произведения его художественную убедительность, которая по общему правилу тем ниже, чем больше искажается истина. Наконец, следует принимать во внимание жанровую специфику произведения, в частности, делать поправку на его сатирическую направленность, если таковая входила в намерения автора. Это может относиться и к отдельным образам — например, явно гротескный характер придан размышлениям колбасницы Лизы на общем реалистическом и даже натуралистическом фоне романа Э. Золя «Чрево Парижа». В сатирическом ключе написан знаменитый роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», отличающийся этим от других произведений о Первой мировой войне. Главный герой аттестует себя как «официально признанный идиот», но это маска, которая превращает его усердие и верноподданность в насмешку над порядками в империи Габсбургов и ее армии. В то же время Швейк — воплощение чешского национального характера, особенности которого вряд ли постижимы с такой же наглядностью по другим источникам.

Глава 16

КИНО-ФОТО-ФОНОДОКУМЕНТЫ

Общее и особенное в кино-фото-фонодокументах. Источники, которые будут рассмотрены в настоящей главе, в отечественной литературе нередко объединяют в одну группу¹. Для этого есть некоторые основания. Все эти источники недавнего происхождения, они появились лишь в XIX веке (фотография была изобретена в 30-е годы, звукозапись — в конце 70-х, кинематограф — в середине 90-х годов). Все они фиксируют факты в тот самый момент, когда эти факты имеют место, т.е. дают уникальную возможность непосредственно наблюдать прошлое, видеть и слышать его. Их способы передавать информацию, как и используемые при этом носители, имеют коренные отличия по сравнению с известными до них источниками более раннего происхождения.

Но условно объединяемые в эту группу виды источников различаются и между собой. Звукозапись может быть переведена в письменный текст, тогда как для видеоматериалов это невозможно. Не подвергаясь какой-либо обработке звукозапись есть объективное, точное отображение реальности и имеет строго документальный характер. Видеоматериалы же могут не только документально свидетельствовать о чем-либо, но и нести в себе элемент художественного творчества (художественная фотография) или в определенной своей части вообще относиться к сфере искусства (игровое кино).

Поэтому целесообразно сказать отдельно о каждом из названных видов источников.

Фонодокументы. Техника звукозаписи прошла в своем развитии несколько этапов. Сначала звук записывался *механическим* способом — с помощью резца на покрытых воском цилиндрических валиках,

¹ В частности, так поступили и авторы специальных пособий по источниковедению новой и новейшей истории Р.С. Мнухина и И.Я. Биск, посвятив этим источникам соответствующие главы. См. также: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004.

Глава 16

КИНО-ФОТО-ФОНОДОКУМЕНТЫ

Общее и особенное в кино-фото-фонодокументах. Источники, которые будут рассмотрены в настоящей главе, в отечественной литературе нередко объединяют в одну группу¹. Для этого есть некоторые основания. Все эти источники недавнего происхождения, они появились лишь в XIX веке (фотография была изобретена в 30-е годы, звукозапись — в конце 70-х, кинематограф — в середине 90-х годов). Все они фиксируют факты в тот самый момент, когда эти факты имеют место, т.е. дают уникальную возможность непосредственно наблюдать прошлое, видеть и слышать его. Их способы передавать информацию, как и используемые при этом носители, имеют коренные отличия по сравнению с известными до них источниками более раннего происхождения.

Но условно объединяемые в эту группу виды источников различаются и между собой. Звукозапись может быть переведена в письменный текст, тогда как для видеоматериалов это невозможно. Не подвергаясь какой-либо обработке звукозапись есть объективное, точное отображение реальности и имеет строго документальный характер. Видеоматериалы же могут не только документально свидетельствовать о чем-либо, но и нести в себе элемент художественного творчества (художественная фотография) или в определенной своей части вообще относиться к сфере искусства (игровое кино).

Поэтому целесообразно сказать отдельно о каждом из названных видов источников.

Фонодокументы. Техника звукозаписи прошла в своем развитии несколько этапов. Сначала звук записывался *механическим* способом — с помощью резца на покрытых воском цилиндрических валиках,

¹ В частности, так поступили и авторы специальных пособий по источниковедению новой и новейшей истории Р.С. Мнухина и И.Я. Биск, посвятив этим источникам соответствующие главы. См. также: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004.

как в фонографе Эдисона (1877), а с 1888 г. — на граммофонных пластинках. В 30—40-е гг. XX в. вошел в употребление *оптический* или *фотографический* способ звукозаписи. Звуковые колебания воспринимались мембраной, соединенной с зеркалом, а отраженные зеркалом световые лучи воздействовали на фотопленку, которая становилась носителем звука. С конца 40-х гг. стала практиковаться запись звука на магнитную ленту или пленку (*магнитный* способ). Наконец, наиболее современным способом является запись звуковой информации в цифровой форме с использованием в качестве носителя оптических дисков.

Для работы с фонодокументами как историческим источником необходимо хотя бы элементарное представление о различных способах звукозаписи. В частности, от того, каким способом и на каком носителе осуществлена запись, можно при отсутствии иных сведений отталкиваться при датировке исследуемых материалов.

Записываться может речь, музыка, различные шумы, как возникающие при значительном скоплении людей (в зрительных залах, на митингах и манифестациях, на стадионах), так и связанные с природными явлениями (морской прибой, гроза и т.п.). Возможность опереться на звукозаписи значительно обогащает исследования в области истории литературы, науки, исполнительского искусства в музыке. К звукозаписям самого различного характера постоянно обращаются СМИ — радио и телевидение. Отдельные фрагменты звукозаписи при этом монтируются в соответствии со сценарием и общим характером передачи (информационный выпуск новостей, рассказ о творческой деятельности писателя, художника, музыканта или что-либо еще). Монтаж может сопровождаться изъятиями, сокращениями, перестановками в тексте звукозаписи.

Первоисточником фонодокумента считается первая по времени запись — с учетом существования разных систем звукозаписи. С подлинника могут быть сделаны копии, а некоторые звукозаписи (прежде всего музыкальных произведений в исполнении выдающихся мастеров) специально тиражируются в том или ином виде, доступном для прослушивания в домашних условиях.

Фонодокументы могут создаваться как учреждениями и организациями, так и отдельными лицами. В первом случае они имеют официальный характер и нередко остаются секретными, особенно если относятся к текущей деятельности спецслужб. Использование спецслужбами звукозаписи регламентируется определенными нормами, но эти нормы далеко не всегда соблюдаются. Наиболее громким слу-

чаем противозаконного использования звукозаписи было организованное по распоряжению президента США республиканца Р. Никсона прослушивание телефонных разговоров в штаб-квартире демократической партии (Уотергейтское дело). Именно записи этих разговоров на магнитную ленту (6 тыс. часов звучания) стали доказательством нарушения Никсоном конституции, что и побудило его, не дожидаясь импичмента, подать в отставку. Спецслужбы сами распоряжаются сохранением или уничтожением секретных звукозаписей. В конце 2007 г. стало достоянием гласности и вызвало скандал размагничивание в ЦРУ ленты с записями допросов лиц, подозреваемых в причастности к терроризму.

В острейший момент Карибского кризиса 1962 г. президентом США Дж.Ф. Кеннеди был создан специальный Исполнительный комитет Совета национальной безопасности, где обсуждался вопрос о советских ракетах на Кубе. О том, что происходящее в комитете записывалось на магнитофон, установленный в подвальном этаже Белого дома, знал только сам Кеннеди — это было сделано втайне от других участников заседаний. Много позже записи были рассекречены и опубликованы в печатном виде¹. В публикации некоторые лица фигурируют как «неустановленные собеседники» — по голосам на пленке их так и не удалось узнать.

На Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками параллельно официальной стенографической записи велась фонограмма в объеме 27 тыс. метров пленки и 7 тыс. грампластинок. Это делалось для проверки точности стенограмм при их подготовке к публикации. Но, как уже упоминалось (см. гл. 5), в опубликованном стенографическом отчете о процессе есть некоторые изъятия. Установить, что именно было пропущено, можно именно путем обращения к материалам звукозаписи, которые не были рассчитаны на широкую аудиторию и не подвергались чьей-либо правке.

«Пленки Кеннеди» и звукозаписи в ходе Нюрнбергского процесса — примеры существования в звуковой форме источников сложного состава, которые «обратимы» в письменные тексты на бумажной основе. Приемы работы с ними историка в принципе те же, что и с их бумажными аналогами.

¹ Kennedy' Tapes. Ed. by Ernest R. May and Philip D. Zelikov. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Mass. and London, England, 1997. С сокращениями в русском переводе: *Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.

Фонодокументы могут быть и массовыми или множественными источниками. Таковы, например, записанные на магнитофон интервью респондентов в ходе социологических опросов или свидетельства лиц, охваченных программами «устной истории» (в последнем случае речь идет по большей части о материалах, по жанру относящихся к мемуаристике). То, что было сказано выше об источниковедческом анализе подобных же источников на бумажной основе, применимо и к звукозаписям.

Остановимся подробнее на проблеме авторства фонодокументов, которая поднималась отечественными специалистами еще в советское время и вновь привлекла внимание в связи с принятием в начале 90-х гг. закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах». Обсуждалось, в частности, как этот закон должен применяться к звукозаписям и их создателям, к чему обязывает их хранителей — архивных работников¹.

Под действие закона об авторском праве подпадают звукозаписи произведений литературы и искусства, «устной истории», бесед, дискуссий, интервью и т.д. Все, кто так или иначе участвовал в создании фонодокумента (интервьюер и другие лица), рассматриваются как его соавторы, соавторство оформляется их подписями. Если хранящаяся в архиве запись впоследствии публикуется, архив должен предварительно согласовать материал с участниками ее создания и представить другие правовые гарантии того, что сказанное воспроизводится точно. Но по настоянию респондента, рассказчика, исполнителя что-то может быть снято, тогда публикация по сравнению со звукозаписью будет менее полной.

Звукозаписи, являющиеся первоисточниками, хранятся как в государственных и ведомственных архивах, так и в личных собраниях коллекционеров. По правилам архивного хранения они должны сопровождаться описательной документацией, где можно найти сведения о том, когда и с чьим участием сделана запись, каким способом и на каком носителе, а также иную так называемую контекстную информацию, важную для источниковедческого анализа. Применительно к аудио- и видеозаписям, сделанным с использованием цифровых технологий, специалисты рекомендуют сохранять в архивах не только но-

¹ См.: Розанова Л.Н. К понятию авторства фонодокументов//Советские архивы. 1983. № 5; Кобелькова Л.А. Фонопроизведения и проблемы установления их авторства//Отечественные архивы. 1994. № 4; Она же. К вопросу о статусе звукозаписей «устной истории» как фонодокументов//В.Н. Автократов. 1922—1992: Материалы научных чтений. 11—12 января 1994 г. М., 1994.

сители, но и устройства, с помощью которых производилась запись, а также программное обеспечение, позволяющее реализовать представление информации в приемлемой для восприятия форме¹.

Из отечественных хранилищ фонодокументов основным является Российский государственный архив звукозаписей (РГАЗ), подобные материалы собирают и другие архивы (Российский государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ, находящийся в Самаре Российский государственный архив научно-технической документации — РГАНТД).

За рубежом работа по сбору и хранению звукозаписей наиболее широко поставлена в США при активном участии в ней президентских библиотек и ряда университетов. Колумбийский, Йельский и другие университеты занимаются теоретической разработкой проблем «устной истории», издают информационно-справочную литературу об имеющихся собраниях звукозаписей². Во Франции, Италии, Нидерландах «звучащие» устные свидетельства записаны главным образом в связи с изучением истории Второй мировой войны и Сопротивления и обычно хранятся при соответствующих исследовательских центрах. Недавно во Франции опубликованы на компакт-дисках извлеченные из архивов старые звукозаписи времен Первой мировой войны³.

Фотодокументы. Фотография зародилась в 20—30-е гг. XIX в., когда первые шаги в этой области были сделаны Н. Ньепсом и Л. Дагером во Франции и Ф. Тэлботом в Англии. Изобретение Ньепса, усовершенствованное Дагером, получило официальное признание в 1839 г. Имя Дагера увековечено в первоначальном названии снимка — дагерротип.

От дагерротипа до современной цифровой фотографии пройден огромный путь. На этом пути подверглись глубоким изменениям все стороны фотодела: носители изображения, аппаратура, техника съемок и дальнейшей работы над снимками. Совершенствовалась профессиональная фотография и развивалось фотолюбительство. Фото-

¹ См.: *Петров В.В., Крючин А.А., Шанойло С.М.* Новейшие технологии долговременного хранения электронных информационных ресурсов// www.nbuv.gov.ua/articles/2005/05pweir.html.

² См.: *Розанова Л.Н.* Крупнейшие хранилища фонодокументов (по зарубежным источникам)// *Отечественные архивы.* 1994. № 4.

³ *La Grande guerre. Documents sonores historiques inédits/J.Y. Patte (dir.). Frémeaux et associés, 1999.* CD audio (3); *La Grande Guerre. Témoignages enregistrés des personnalités de l'époque. Frémeaux et associés, CD audio (3).*

графия, ее техническое оснащение и приемы (например, фотосъемка в инфракрасных лучах) находят все более широкое и подчас неожиданное применение.

Особенно сильно изменилась с возникновением цифровой фотографии технология изготовления снимков. Раньше при фотосъемке сначала получался негатив изображения, который превращался в позитив в результате соответствующей обработки. Для хранения в архивах предназначены именно негативы как менее подверженные разрушению. Снимок же, сделанный цифровой фотокамерой, доступен для немедленного просмотра и уже вполне готов. В цифровой форме он вводится в память компьютера и хранится в ней. Изображение можно вывести на монитор и в любом количестве отпечатать на принтере.

Фотодокументы относятся к изобразительным или визуальным источникам, которые в последнее время привлекают все большее внимание историков (за рубежом появилось даже понятие «визуального поворота» в историографии). Языком изображений люди пользовались задолго до возникновения письменности, и старейшим из изобразительных источников являются произведения живописи. Живопись и фотографию (в буквальном переводе — «светопись») постоянно сравнивали, выработанная историками искусства методика анализа живописных изображений во многом применима и к изображениям фотографическим, особенно в том, что касается формы.

В историческом движении фотография улавливает моментальное, неповторимое, позволяет «остановить мгновение» — и не только тогда, когда оно прекрасно. На фотоснимках запечатлевается внешний облик людей, выражение их лиц, их эмоциональная реакция на происходящее в данный момент. Они дают ценный материал и для изучения истории пейзажа (природного и городского), позволяют увидеть, как выглядели некоторые уже не существующие или перестроенные здания, в каком окружении находились почему-либо снесенные или перенесенные памятники и т.п.

Информационные возможности фотографии как хроники текущих политических событий были оценены уже в 60—70-е гг. XIX в., когда появились первые большие фоторепортажи (серия снимков Мэтью Бреди о Гражданской войне в США, фотографии с места событий франко-прусской войны и Парижской Коммуны). Некоторые снимки (например, сцена расстрела заложников при Коммуне) не были подлинными, а воспроизвели позднейшую реконструкцию происшедшего. В XX в. фотоматериалы стали широко использовать-

ся в газетах США, Англии, Франции и других стран. Тесная связь фотографии с газетным делом и вообще деятельностью СМИ должна учитываться как существенный элемент при историко-источниковедческом анализе фотодокументов.

Для научного использования фотодокументы доступны в архивных хранилищах. В России это прежде всего РГАКФД в г. Красногорске под Москвой. В нем хранится свыше 1 млн фотонегативов и фотографий. Цифровые технологии используются здесь по преимуществу для промежуточных операций в процессе хранения документов (учет, исправление дефектов, которые не устраняются при химико-физической реставрации). Для хранения же предпочтение перед другими носителями по-прежнему отдается серебряносодержащим пленкам, долговечность которых проверена опытом¹. С 1998 г. действует Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС), хранящий архивы отдельных семей, в том числе множество фотографий. Обширная коллекция трофейных фотографий, тематически связанных с двумя мировыми войнами, имеется в РГВА.

В Библиотеке конгресса США находится свыше 5 тыс. снимков, сделанных выдающимся фотографом-документалистом Льюисом Хайном (1874—1940), который сам предпочитал называть себя социальным фотографом. В начале XX в. он активно участвовал в движении за прогрессивные реформы в США, привлекая внимание общественности прежде всего к проблеме детского труда. Свои снимки он делал для Национального комитета по детскому труду, устраивал их выставки, включал их в памфлеты, листовки и т.д. В дальнейшем Хайн работал по линии американского Красного Креста, документировал условия труда рабочих-сталелитейщиков Питтсбурга, вел съемки на строительстве гигантского здания Эмпайр Стейтс Билдинг в Нью-Йорке, фиксировал последствия Великой депрессии 30-х гг., неизменно оставаясь верным социальной тематике².

В ЕС фотографические коллекции рассматриваются как важная составная часть культурного наследия. В рамках проекта «Обеспечение сохранности и доступности фотографических изображений в европейских странах» в 2000 г. опубликован доклад специальной Европейской комиссии «Сохранность и оцифровывание фотографических коллекций Европы», для подготовки которого были разосланы

¹ См.: Калантарова Н.А. Оцифровывание фото- и кинодокументов в РГАКФД//Вестник архивиста. 2006. № 6.

² О творчестве Хайна дает представление монография Panzer M. Lewis Hine. New York, 2002.

анкеты в 300 различных институтов (ответили около 140 из них). Авторы доклада особо подчеркивают необходимость сохранения ценных и ломких оригиналов снимков, привлекают внимание и к составлению описаний документов для оцифровывания¹.

Но историки (по крайней мере, в нашей стране) до сих пор мало привлекают фотодокументы как источник в своих исследованиях, а если и используют их, то почти исключительно в виде отдельных иллюстраций к тексту. Имеющие документальную ценность фотографии больше всего известны в репродукциях, иллюстрирующих книги или публикуемых в газетах, а сопровождающие их пояснения обычно мало информативны в источниковедческом отношении и нередко содержат фактические ошибки.

Иногда отдельные фотографии публикуются вместе с другими документами в изданиях мемориального характера, не содержащих собственно источниковедческих комментариев. То же самое относится к специально изданным в память каких-либо событий фотоальбомам. Редко можно встретить что-то подобное своего рода «фотодневнику», оставленному одним из участников Первой мировой войны — лейтенантом медицинской службы итальянской армии².

Историку, имеющему перед собой фотоснимок, необходимо знать или установить, кем, когда, в каких условиях, для каких целей он сделан. Любительский снимок будет отличаться от снимка фотографа-профессионала, в нем больше спонтанности, естественности, особенно если изображенные на снимке люди не знали, что их фотографируют. Иное дело — профессионально выполненная стандартная фотография для официального документа или групповой снимок (композиция тоже стандартна, лица несколько напряжены). На портрете, сделанном в фотоателье, фоном являются не предметы, окружающие клиента в реальной повседневной жизни, а некие декорации. Его поза отвечает свойственным определенной эпохе или социальной среде представлениям о «языке тела», на которые сознательно или неосознанно ориентировался фотограф. Среди профессиональных фотографов есть известные мастера художественной фотографии, чьи произведения должны анализироваться с учетом творческой

¹ См.: www.libfl.ru/conservation/in_focus.

² Это около 200 снимков, сделанных на разных участках итальянского фронта: *Guerra a fuoco. Dal Carso agli Altipiani, dal Monte Grappa al Piave/L. Fabi (cur). La grande Guerra nell'album fotografico del tenente Sante Gaudenzi. S.a.*

манеры автора, а по возможности и обстоятельств его жизни и деятельности. Время фотосъемок фиксируется далеко не всегда, а иногда указывается приблизительно, поэтому датировка снимков требует немалых усилий.

Если изучаемые фотоматериалы хранятся в архиве (первоисточником считается продукт авторской съемки, не подвергшийся каким-либо техническим или композиционным изменениям), то информацию о них по вопросам, связанным с их происхождением, можно найти в составленных архивистами описаниях. Опубликованные данные подобного рода встречаются реже.

Фотоснимок как источник должен анализироваться с точки зрения и формы (характеристика визуального объекта, его расположения, предметов фона и других деталей изображения), и содержания. Содержательный анализ, т.е. истолкование смысла изображенного, требует неременного учета социально-исторического контекста, в котором создавался источник: только так можно хотя бы предположительно судить о том, какую дополнительную информацию о своем времени и «задействованных» в съемке персонажах таит данная фотография. Образцовым в этом отношении является исследование И.В. Нарским снимка, послужившего импульсом к созданию его упомянутой выше книги. Визуальное свидетельство, пишет он, имея в виду прежде всего фотографию, «не позволяет непосредственно взглянуть на социальную реальность, но опосредованно ведет к пониманию того, как человек другой эпохи или культуры видел себя и окружающих. Доступ ко “взгляду эпохи” открывается историку только в том случае, если он владеет языком изображений и достаточными знаниями о социальной среде, в которой они создаются и бытуют»¹.

Едва ли не самая сложная источниковедческая проблема, которую приходится решать применительно к фотоматериалам, — это выяснение подлинности изображенного на фотографии. Существует расхожее мнение, что «камера не лжет», т.е. представление о фотоснимке как об абсолютно точном, достоверном, объективном отображении действительности. Между тем это далеко не всегда так. Имеются различные способы подмены или фальсификации подлинного изображения, о которых обязан помнить историк. Нечто видимое на снимке могло вообще не происходить в действительности или же не было заснято в момент свершения и инсценировалось позднее. При-

¹ Нарский И.В. Цит. соч. С. 208.

мер тому уже упоминался выше, приведем еще один. Непосредственным исполнителем поджога рейхстага в 1933 г. был объявлен голландец Маринус ван дер Люббе, о чем должна была свидетельствовать его фотография с коробкой спичек в руках. Ничто не доказывало, что ван дер Люббе схвачен со спичками «на месте преступления», зато усердие нацистских спецслужб в распространении этой фотографии заставляло подозревать, что она сфабрикована¹.

Еще один способ манипуляции отснятым материалом — фотомонтаж, появившийся почти одновременно с самой фотографией. Отпечатанный на бумаге снимок разрезался, и его произвольно размещенные фрагменты заново переснимались на носитель (стеклянную пластинку, а позднее — пленку). Что-то с помощью фотомонтажа может быть вообще изъято, как, например, в период массовых репрессий в СССР удалялись с групповых фотографий изображения «врагов народа». На фотопортретах изображение бывает приукрашено с помощью ретуши.

Один и тот же персонаж выглядит по-разному в зависимости от точки съемки, освещения, выбора фотографом момента и т.д. Если, например, для публикации в газете делается ряд снимков оратора на трибуне, то фотограф может отобрать из них часть, наиболее отвечающую его собственному отношению к этому человеку или целям редакции, и соответственно сгруппировать их. При публикации серии фотографий очень многое зависит от их размещения и сопровождающего комментария. В специальном исследовании упоминается о трюке, проделанном некоторыми газетами, чтобы позабавить читателей. Серия из 8 фотографий была напечатана дважды, но они были размещены в разном порядке, различались и пояснения к ним. В результате получились две прямо противоположные интерпретации одного и того же события².

К подмене смысла изображаемого ведет включение подлинного снимка во временной контекст, отличающийся от реального. Характерный пример — фотография, помещенная в российском журнале «Версия» в 2000 г. после гибели атомной подлодки «Курск». Командование флота упорно настаивало на том, что катастрофа произошла из-за столкновения «Курска» с некой иностранной подлодкой, и на

¹ Ван дер Люббе пришел к зданию рейхстага, когда оно уже горело. В 1982 г. рассекречены документы, доказывающие, что поджог совершила специальная команда СА.

² См.: *Sadoul G. Témoignages photographiques et cinématographiques// L'Histoire et ses methods. Cit. P. 1391.*

фотографии изображалась стоящая на базе ВМФ Норвегии подлодка с поврежденным бортом. Запрошенный по этому поводу телевизионной программой «Итоги» норвежский офицер подтвердил, что снимок действительно сделан на базе, где он служит — но за несколько лет до гибели «Курска»: там видно в числе прочих судно, списанное в 1994 г., и полоска моря, которая позднее была засыпана.

Самые широкие возможности для внесения «поправок» в подлинный снимок дает цифровая фотография: любая деталь, которая по каким-то причинам считается нежелательной, может быть удалена или заменена. Разумеется, фотограф-любитель вправе поступать так, но как документальное свидетельство цифровые снимки могут быть приняты лишь при том условии, что сохранность изначального изображения чем-либо подтверждается.

Заподозрить, что фотография была каким-то способом препарирована, естественно в случаях, когда она опубликована с явными политико-пропагандистскими целями. Но доказать это и раскрыть фальсификацию очень трудно, полученное изображение может быть опровергнуто лишь показаниями других источников.

Кинодокументы. Датой рождения кинематографа считается 1895 г., когда братьями Люмьер был продемонстрирован в Париже сюжет «Прибытие поезда». Эффект от появления на экране движущегося изображения был настолько велик, что один из зрителей в ужасе бросился бежать вон из зала. Именно возможность передать движение принципиально отличает кинематограф от фотографии, с которой у них в остальном немало общего (в России его сначала нередко называли «живой фотографией»).

Киносъемка еще ценнее, чем фотография, как фиксация (непосредственно в момент свершения) уникального, неповторимого, часто — чего-то абсолютно неожиданного и очень страшного. В 1934 г. заснятыми на пленку оказались такие события, как убийство в Марселе югославского короля Александра и встречавшего его министра иностранных дел Франции Л. Барту, а также гибель загоревшегося при посадке громадного немецкого дирижабля «Граф Цеппелин». В ноябре 1963 г. любительская кинокамера жителя Далласа, снимавшего проезд президентского кортежа, запечатлела момент убийства президента Кеннеди. В реальном времени был заснят и беспрецедентный теракт 11 сентября 2001 г., разрушивший «башни-близнецы» Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Сырой материал киносъемки — множество снятых по отдельности фрагментов (планов), которые затем склеиваются вместе, монтируются. В отличие от фотографии, в кинематографии монтаж является необходимой операцией на пути к созданию произведения — сю-

жета в кинохронике, документального или игрового фильма. Но в иных случаях он тоже может превращаться в способ внушить зрителю искаженные, отличные от реальности представления.

Интерпретация того, что зритель видит на экране, в эпоху немого кино делалась с помощью титров. С появлением звукового кино изображение стало озвучиваться. Звук записывается отдельно от съемки изображения, монтируется звуковая дорожка, а затем она сводится воедино с лентой, несущей изображение, т.е. с видеорядом¹.

На ленту кинокамеры снимается негатив изображения. Он представляет собой клише или матрицу, с которой может быть сделано неограниченное число позитивных копий для демонстрации на экране. В архивах киноплёнки хранятся в негативах. Негатив авторской съемки, не подвергшийся монтажу или какой-либо иной обработке, рассматривается в качестве первоисточника.

Основным отечественным хранилищем кинодокументов (в широком смысле) является РГАКФД в Красногорске, а фильмов (игровых, анимационных, научно-популярных — в копиях на оригинальном носителе) — Госфильмофонд (Белые Столбы, Московская область). За рубежом так называемые синематеки стали создаваться с середины 30-х гг. В 1938 г. по инициативе французских кинематографистов была основана Интернациональная федерация архивов фильмов (ФИАФ). Определенные комплексы киноматериалов могут сохраняться какими-либо ведомствами или учреждениями для собственных целей. Так, в 1945 г. в судебных архивах Будапешта были обнаружены киноплёнки времен венгерской революции 1919 г., приобщенные после ее подавления к вещественным доказательствам по делам арестованных. Армейские кинематографические службы заинтересованы в сохранении военной кинохроники. Кинохроника, относящаяся к политическим событиям, имеется в редакционных архивах некоторых периодических изданий.

Однако сохранилось и доступно далеко не все, что было отснято за период существования кинематографа². Пленки и реактивы подвержены разрушительному воздействию времени, в хранилищах кино-

¹ В настоящее время существует техника видеофонограммы, фиксирующая звук одновременно с изображением. В результате создается *видеодокумент* — новый вид документации, принимаемой на архивное хранение (например, с 1992 г. — в РГАКФД). Но видеодокументы возникают и используются не в сфере профессиональной кинематографии.

² По сведениям, приведенным в интервью зам. генерального директора Госфильмофонда В. Дмитриева («Известия», 5 февраля 2008), мировым сообществом утрачено до 80% немых фильмов и около половины картин, созданных до 1950 г.

жета в кинохронике, документального или игрового фильма. Но в иных случаях он тоже может превращаться в способ внушить зрителю искаженные, отличные от реальности представления.

Интерпретация того, что зритель видит на экране, в эпоху немого кино делалась с помощью титров. С появлением звукового кино изображение стало озвучиваться. Звук записывается отдельно от съемки изображения, монтируется звуковая дорожка, а затем она сводится воедино с лентой, несущей изображение, т.е. с видеорядом¹.

На ленту кинокамеры снимается негатив изображения. Он представляет собой клише или матрицу, с которой может быть сделано неограниченное число позитивных копий для демонстрации на экране. В архивах киноплёнки хранятся в негативах. Негатив авторской съемки, не подвергшийся монтажу или какой-либо иной обработке, рассматривается в качестве первоисточника.

Основным отечественным хранилищем кинодокументов (в широком смысле) является РГАКФД в Красногорске, а фильмов (игровых, анимационных, научно-популярных — в копиях на оригинальном носителе) — Госфильмофонд (Белые Столбы, Московская область). За рубежом так называемые синематеки стали создаваться с середины 30-х гг. В 1938 г. по инициативе французских кинематографистов была основана Интернациональная федерация архивов фильмов (ФИАФ). Определенные комплексы киноматериалов могут сохраняться какими-либо ведомствами или учреждениями для собственных целей. Так, в 1945 г. в судебных архивах Будапешта были обнаружены киноплёнки времен венгерской революции 1919 г., приобщенные после ее подавления к вещественным доказательствам по делам арестованных. Армейские кинематографические службы заинтересованы в сохранении военной кинохроники. Кинохроника, относящаяся к политическим событиям, имеется в редакционных архивах некоторых периодических изданий.

Однако сохранилось и доступно далеко не все, что было отснято за период существования кинематографа². Пленки и реактивы подвержены разрушительному воздействию времени, в хранилищах кино-

¹ В настоящее время существует техника видеофонограммы, фиксирующая звук одновременно с изображением. В результате создается *видеодокумент* — новый вид документации, принимаемой на архивное хранение (например, с 1992 г. — в РГАКФД). Но видеодокументы возникают и используются не в сфере профессиональной кинематографии.

² По сведениям, приведенным в интервью зам. генерального директора Госфильмофонда В. Дмитриева («Известия», 5 февраля 2008), мировым сообществом утрачено до 80% немых фильмов и около половины картин, созданных до 1950 г.

материалов требуется строжайшее соблюдение необходимых условий влажности и температуры, противопожарных мер. Для игровых фильмов кинофирмы устанавливают определенные сроки проката, по истечении которых фильмы, утратившие коммерческую ценность, могут быть уничтожены. Есть и потери, причиненные войнами: например, во время гитлеровской оккупации Франции полностью или частично исчезли материалы, хранившиеся армейскими кинематографистами.

Историческими источниками могут служить прежде всего документальные съемки (необработанный материал в архиве, кинохроника, документальные фильмы), но в известной мере — и фильмы игровые (в ряду других произведений художественного творчества).

Создание фильма (документального или игрового) есть творческий процесс, в котором участвуют сценарист, режиссер-постановщик, актеры (в игровом фильме), оператор и другие лица. Их имена сообщаются в титрах фильма, но требуется не только знать имена, но и оценить вклад, внесенный названными лицами в реализацию произведения в том виде, как оно вышло на экран, а для этого необходимо иметь о них более широкое представление.

Для датировки кинопроизведения нужно учитывать ряд моментов. Время съемки негатива можно установить, исходя из физико-химических свойств пленки, требующих использования в течение сравнительно короткого срока после изготовления. Позитивные копии фильма могли делаться неоднократно и в разное время. Пленку, на которую они снимались, также необходимо датировать, и это может до известной степени помочь также и датировке негатива, если тот недоступен: негатив во всяком случае был снят раньше, чем была изготовлена пленка позитива. Дополнительно следует использовать информацию, содержащуюся в титрах, субтитрах (надписи, сопровождающие изображение на экране) и в самих изображениях. Особенно важны титры, где можно найти даты завершения работы над фильмом, признания авторских прав на него, выхода фильма в прокат и т.п. Из изображенного на пленке для определения времени и места создания фильма существенны характерные особенности архитектуры, детали городского пейзажа, стилистика одежды и предметов домашнего обихода.

Для источниковедческого анализа фильма желательно ознакомление с историей работы над ним и с тем, в каких условиях он создавался. Поэтому необходимо тщательно изучить архивную сопроводительную документацию к фильму, по возможности отыскать его опи-

сания в специальной киноведческой литературе, а также обратиться к другим источникам, позволяющим восстановить исторический контекст создания фильма или оставшихся в необработанном виде кинодокументов.

Допустим, историк исследует события периода Гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.). Он может при этом обратиться к такому первоклассному источнику, как хранящийся в РГАКФД материал, отснятый в Испании советскими кинооператорами Р. Карменом и Б. Макасеевым (около 40 тыс. метров пленки)¹. Анализу этого источника с учетом всех особенностей политической и идейно-эмоциональной атмосферы, в которой он создавался, поможет его сопоставление с воспоминаниями Б. Макасеева «В революционной Испании» (М., 1937), «Испанским дневником» М. Кольцова, а также с публикацией по недавно открытым архивным материалам «Коминтерн и гражданская война в Испании». Изучение названных источников в комплексе важно и для их содержательного анализа, позволяя сравнить и оценить степень их достоверности.

Но самая большая трудность, возникающая при обращении к кинематографическому материалу как к источнику, состоит в том, чтобы отличить подлинно документальные кадры от инсценировки, подстановки. Как и в фотографии, здесь существует много «ловушек», которых следует избегать.

Наиболее точным отображением реальности считается кинохроника, которую обычно снимают операторы специальных выпусков новостей. Но для такого выпуска (киножурнала) материал монтируется, и при монтаже возможны различные «трюки». Например, из получасовой речи оратора отбирается несколько ключевых фраз, чтобы уместить весь сюжет, предположим, в две минуты; реакция публики (аплодисменты, свистки, улюлюканье) может быть представлена по сохранившимся в архиве звукозаписям, сделанным по какому-то другому поводу; нельзя упускать из виду и то, что киножурналы (как и СМИ вообще) прямо или косвенно контролируются правительствами.

О том, какой силой внушения обладают подобные манипуляции с кинохроникой, свидетельствует эпизод, рассказанный французским исследователем-киноведом Жоржем Садулем. Около 1950 г. в одной стране (Садуль не называет, какой именно) произошло восстание, и в столицу были введены танки. Они патрулировали улицы, но огня не

¹ Документальная ценность этого материала подтверждается его включением в доказательную базу Нюрнбергского процесса (в части, касающейся поддержки нацистским режимом мятежа Франко).

открывали — это единодушно засвидетельствовали журналисты разных стран, представлявшие газеты разных направлений. Однако в некоторых киножурналах этот сюжет был подан с добавлением звука пулеметной стрельбы, и нашелся зритель, который «увидел» на экране вспышки и дым от выстрелов¹.

Из сказанного следует, что в материалах кинохроники каждый кадр в отдельности, как правило, документально точен, но искажение реальности может быть привнесено определенными приемами монтажа видеоряда и в особенности звукоряда. Впрочем, известен курьезный случай, когда за документальные кадры было принято изображение Гитлера, пляшущего от радости при известии о капитуляции Франции в 1940 г. В действительности это была мультипликация, сделанная английскими кинематографистами для сатирической короткометражки, но ее не раз включали на равных правах с подлинной кинохроникой в документальные исторические экскурсии, посвященные начальному периоду Второй мировой войны.

Особо следует упомянуть о случае вынужденной замены снятого впрямую материала специально сделанным «дублем». Речь идет о выступлении И.В. Сталина перед участниками знаменитого военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. В критический для страны момент, когда гитлеровские войска дошли до пригородов Москвы, сам факт проведения парада в честь XXIV годовщины Октябрьской революции, присутствие в столице Сталина и его речь перед уходившими прямо на фронт бойцами имели огромное пропагандистское значение. Но из-за сильного мороза отказала техника звукозаписи, и Сталин согласился повторить свое выступление в павильоне. «Дубль» отличается от оригинала только одной деталью: на нем нет возникшего в морозном воздухе пара от дыхания оратора.

Полнометражные, а иногда состоящие из ряда серий документальные фильмы могут включать в себя материалы и готовой, хранящейся в архивах кинохроники, и специальных съемок каких-либо эпизодов, нередко инсценированных. Такая инсценировка допускается природой жанра и сама по себе не должна приравниваться к фальсификации, средству обмануть зрителя, хотя не исключает подобного использования. Монтаж придает кажущееся единство времени и места материалу, который мог быть отснят в разных местах и не обязательно в то время, какое ему отводится по сценарию. Характерный пример (приводимый Ж. Садулем) — канадский фильм «Победа

¹ См.: *Sadoul G. Op. Cit.* P. 1396.

на море» (1958), посвященный морским сражениям и десантным операциям Второй мировой войны. Одна из серий рассказывает о высадке англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. и воспринимается как реконструкция событий на основе хроникальных кадров, снимавшихся близко к этой дате в реальных местах боевых действий. Но иногда на этот счет возникают сомнения. Кадры с изображением немецких постов на укреплениях Атлантического вала взяты из немецкой кинохроники, явно отснятой раньше. Боевые эпизоды на суше с участием танков могли быть сняты военными кинооператорами безотносительно к высадке в Нормандии и в другом месте. Деревья на фоне одного из кадров — без листвы, как зимой. О больших потерях союзников при высадке напоминает картина песчаного берега, где видны многочисленные тела убитых в американской форме и набегающие на них волны прибоя. Но где гарантия, что это снято именно в Нормандии летом 1944 г.? Почему погибшие — только американцы, не подтверждает ли это предположения, что в действительности съемка велась на японском острове Окинава, где США высадили десант в июне 1945 г.?

В подобных случаях кадры, сами по себе подлинные, не являются документальным свидетельством о том, что они должны изображать по замыслу создателей фильма. Главная ценность документальных фильмов как источника в другом: в информации (как правило, достоверной) о различных аспектах повседневной жизни людей — работе, отдыхе, развлечениях, празднествах, семейном укладе, обычаях и т.д.

Игровые фильмы, как и всякое художественное произведение, открывают простор для творческой фантазии их авторов. При этом вымысел вполне может сочетаться с изображением реальных исторических событий и лиц, а иногда — с осознанным стремлением мастеров кино максимально приблизиться к документальной точности.

Известный фильм французского режиссера Рене Клемана «Битва на рельсах» создан в 1945 г. — несколько месяцев спустя после освобождения Франции. Его сценарий построен на выверенных свидетельствах участников Сопротивления, съемки велись на местах реальных событий. Это дает основание Ж. Садулю считать «Битву на рельсах» фильмом не только художественным, но и документальным. Историк, по его мнению, должен при обращении к фильму как к источнику обратить внимание на эту особенность и проводить различие между основанными на документах и инсценированными эпизодами¹.

¹ Ibid. P. 1401.

По-иному «документальны» итальянские неореалистические фильмы конца 40-х — начала 50-х годов XX века. После освобождения Италии от фашизма в центре внимания кинематографистов оказались простые люди с их заботами, горестями и радостями, разочарованиями и надеждами. Рядом с профессиональными актерами на экран вышли те, кто, в сущности, играл самих себя, и это было на редкость убедительно и проникновенно.

Постановочными являются художественные фильмы на исторические сюжеты из далекого прошлого. Как и литературные произведения такого рода, они могут (если в них нет того, что называют «развесистой клюквой») способствовать расширению исторического кругозора публики, но профессиональному историку полезны лишь как отражение определенных духовных запросов, существовавших в обществе в пору их создания. Сложнее обстоит дело с изображением в кино относительно недавних событий, происшедших при жизни, а иногда и с участием создателей фильма (как, например, Великая Отечественная война для целого поколения советских и российских кинематографистов). В этом случае концепция фильма, сложившаяся у режиссера-постановщика и сценариста, будет нести отпечаток их личного опыта, а историк вправе рассматривать данный фильм как источник в строгом профессиональном смысле.

Историко-источниковедческий потенциал игровых фильмов тем значительнее, чем выше их художественная достоверность. Как и другие произведения художественного творчества, они могут дать ценную информацию о быте и нравах, определенных социальных типах, характерных чертах национальных характеров и т.п. *явлениях*, но не должны рассматриваться как документально точное свидетельство о реальных исторических *фактах*. Иногда вымышленные детали, введенные в фильм его создателями, оказываются настолько убедительными, что их начинают воспринимать как реальность даже участники изображаемых на экране событий.

Во власти подобной иллюзии оказался, например, зритель знаменитого фильма С.М. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»» (1925 г. — к 20-летию первой русской революции). Он служил в 1905 г. на восставшем броненосце и показал под присягой, что был в числе матросов, за неповиновение приговоренных к расстрелу и накрытых с головой брезентом для свершения казни. Брезент при расстрелах на корабле действительно употреблялся, но иначе: его стелили приговоренным под ноги ради чистоты палубы. Это удостоверил привлеченный Эйзенштейном в качестве консультанта офицер дореволюционного флота.

Но Эйзенштейн все же распорядился брезентом по-своему, и в результате бывший потемкинец «вспомнил», как сам стоял под этим брезентом.

Бывает, что художественная убедительность детали приводит к забвению ее игровой природы даже специалистами. В частности, кадр из другого фильма Эйзенштейна («Октябрь» — 1927 г.), изображающий штурм Зимнего дворца, в советское время стал широко и нередко без всяких оговорок использоваться на правах документа (в экспозиции музеев, документальных телепередачах и т.д.), тогда как в действительности штурм Зимнего произошел без штурма. На современном же российском телевидении господствует весьма небрежный подход к отбору материала для документально-исторических передач и к необходимой зрителям информации о нем, что не способствует повышению культурного уровня зрителей и дискредитирует тех, для кого скрупулезность в подобных вопросах является профессиональным долгом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С поиска необходимых источников и их анализа начинается исследование любой исторической проблемы. Мы уже рассмотрели эти проблемы применительно к отдельным видам источников. Однако в исследовательской практике они всегда связаны с задачей более общего характера, состоящей в том, чтобы определить весь круг источников по избранной теме.

Конкретному изучению темы всегда предшествует хотя бы минимальный уровень самого общего, «доисточникового» знания о ней. Такое знание складывается на основе научных и общекультурных сведений, полученных историком. Но это лишь первая точка опоры в процессе исследования, нечто вроде строительных лесов, которые не являются частью возводимого здания и убираются сразу же, как только в них минует надобность.

При выявлении источников по предмету исследования историк не знает наперед, что именно и в каком количестве он найдет, но движется не вслепую — и не только в том смысле, что ему обычно известны важнейшие хранилища документов, состав их фондов и система их работы. Поиск источников всегда определенным образом зависит от общих представлений исследователя о ходе исторического процесса, от того, как он понимает сам характер движения истории, признает ли в этом движении какую-либо закономерность и т.д.

Важным новшеством последних десятилетий XX века стало внедрение в сферу исторического знания информационных технологий, приобщение историков к компьютеру и ресурсам Интернета. В области источниковедения это означает дополнительные способы решения традиционных задач анализа источников, появление их новых видов (электронные источники), а в особенности — огромное расширение возможностей их поиска и доступа к ним.

Применительно к новому и новейшему времени в условиях, когда общее количество источников чрезвычайно велико, требуется произвести среди них известный отбор, но так, чтобы он не был произвольным и односторонним. Такой отбор должен, по-видимому, осуществляться по принципу репрезентативности источников (особенно массовых) и за счет исключения из специального рассмотрения тех из них, которые по содержанию лишь дублируют другие. Разработка методики количественного анализа и применение компьютера, позволяющее обрабаты-

вать большие массивы источников, в определенной мере облегчает методологически правильное решение этой сложной задачи.

По ходу исследования историк не только анализирует используемые источники по отдельности, но и обобщает извлеченную из них информацию, т.е. переходит от анализа к синтезу. Синтез на уровне отдельного источника — это воссоздание его целостности как исторического явления, явления культуры.

В процессе источниковедческого синтеза различные источники и группы источников должны рассматриваться в сопоставлении друг с другом. При этом выявляются имеющиеся в источниках расхождения и их причины, что позволяет обоснованно решить, какая версия более достоверна. С точки зрения достоверности и полноты отражения исследуемой темы источники должны быть не только размещены в определенной иерархии, но и оценены в совокупности. В итоге историк устанавливает, какова вся имеющаяся в его распоряжении сумма фактов по теме исследования, есть ли в цепи этих фактов недостающие звенья и какие именно.

Хотя в целом источниковедческий синтез базируется на анализе и венчает его, в реальном процессе исследования эти две фазы не поддаются жесткому разграничению. Сами аналитические операции с источниками даже при их нарочито схематизированном описании (а тем более на практике) не могут быть полностью отделены друг от друга и выстроены в строгой последовательности. Их выполнение уже предполагает и элементы синтеза, поскольку, например, выясняется генеалогия источника, производится сравнительный анализ с целью его атрибуции или проверяется по другим источникам его достоверность.

Познавательная ценность всякого источника или вида источников не есть нечто абсолютное, принятое раз и навсегда. В зависимости от исследовательской задачи, с которой связано их использование, источники могут рассматриваться под разным углом зрения. Какие-то из них, малоинтересные в одном отношении, могут оказаться глубоко содержательными в другом. Документ, непримечательный сам по себе, подчас становится весьма важен в совокупности с массой ему подобных. Свидетельств же, которые вообще не достойны внимания историков, по всей вероятности не существует.

Лаборатория черновой источниковедческой работы историка, как правило, остается скрытой от читателя его труда, ее описание по большей части (если не имеется специально в виду раскрытие новой методики) не входит в окончательное оформление результатов научного поиска, особенно по крупным, магистральным проблемам. Но достигнуть в историческом труде высокого уровня научного обобщения можно лишь при условии, что со всей строгостью была проведена закладка фундамента исследования — всесторонняя, включающая в себя анализ и синтез критика источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие проблемы источниковедения

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика/Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории/Учебное пособие для гуманитарных специальностей (авторский коллектив: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.). РГГУ, М., 2000.

Кардаш А.И. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000.

Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы)//История СССР. 1982. № 3.

От Нестора до Фонвизина/Новые методы определения авторства (авторский коллектив: Милов Л.В., Бородкин Л.И. и др.). М., 1994.

Сальникова А.А. Современное зарубежное источниковедение: теория и метод. Казань, 1999.

Терентьева Л.А. Изобразительные источники и методика их использования в исторических исследованиях. М., 1991.

Хранилища первоисточников (архивы в России и за рубежом)

Архивное дело в Италии (Реферативный обзор). Сост. Т.С. Сидорова. М., 1980.

Архивное дело в Соединенных Штатах Америки (Реферативный обзор). Сост. В.Н. Гарман. М., 1976.

Балдырева Н.В. Архивохранилища Великобритании//Проблемы британской истории. 1980. М., 1980.

Бэрг М.П. Устная история в Соединенных Штатах//Новая и новейшая история. 1976. № 6.

Гармаш В.Н. Архивы Нидерландов//Отечественные архивы. 1994. № 5.

Дьякова И.А. Предпринимательские архивы: опыт ФРГ//Отечественные архивы. 1993. № 1.

Зубок В., Бирн М. (США). Архив национальной безопасности — негосударственный центр хранения и изучения документов периода «холодной войны»//Отечественные архивы. 1995. № 1.

Кабочкина Т.С. Федеральные центры документации США. История, современный опыт//Отечественные архивы. 1992. № 6.

- Кабочкина Т.С., Акулиничева С.Д.* Координация архивной деятельности в США в послевоенный период//Отечественные архивы. 1994. № 1.
- Каптелов Б.И.* Федеральная архивная служба США//Советские архивы. 1977. № 4.
- Карпетянц И.В.* Из истории организации экономических архивов за рубежом//Отечественные архивы. 1994. № 4.
- Карпетянц И.В.* Экономические архивы Западной Европы и США в постиндустриальном мире. Общность и своеобразие. М., 1999.
- Козлов В., Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991—1996)//Свободная мысль. 1997. № 1, 2, 4.
- Козлов В.П.* Архивы России в контексте политических событий 90-х годов XX века//Новая и новейшая история. 2007. № 6.
- Козлов В.П.* Как российские архивисты спасли архивы похороненного СССР//Новая и новейшая история. 2007. № 3.
- Комор Валери С.* Архивный центр Рокфеллера//Отечественные архивы. 1995. № 1.
- Копылова О.Н., Нуралова Б.А.* Как работает Национальный архив Канады//Отечественные архивы. 1994. № 1, 2.
- Кузнецова Н.П., Суриков В.М.* «Устная история» в практике работ зарубежных архивов и научных учреждений//Советские архивы. 1980. № 1.
- Мальков В.Л.* О «документах Сиссона» (находки в архивах США)//Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
- Маркин А.В., Синельникова Т.П.* Российские архивисты об архивах ФРГ//Отечественные архивы. 1994. № 3.
- Медведев И.П.* Архивы Франции//Вспомогательные исторические дисциплины. X. Л., 1978.
- Михайленко В.И.* Документы архивов Италии//Советские архивы. 1979. № 6.
- Попов И.Ф.* Новый закон об архивах Франции//Советские архивы. 1980. № 3.
- Старостин Е.В.* Архивы современной Франции//Французский ежегодник. 1978. М., 1980.
- Старостин Е.В.* Архивы периода Великой французской революции//Отечественные архивы. 1993. № 4.
- Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997.
- Старостин Е.В., Кабочкина Т.С.* Президентские библиотеки в системе архивной службы США//Советские архивы. 1978. № 6.
- Фомичев В.И.* Документальные материалы по истории Западной Европы XVIII—XIX вв. [в РЦХИДНИ]//Новая и новейшая история. 1992. № 3.
- Фурсенко А.А.* Библиотека президента США Линдона Б. Джонсона//Вспомогательные исторические дисциплины. XVI. Л., 1984.
- Хорхордина Т.М.* Публикации кубинских архивистов. «Бюллетени Национального архива»//Отечественные архивы. 1993. № 2.
- Шахназарова З.Н., Щечилина В.Н.* Архив Коминтерна//Новая и новейшая история. 1992. № 3.

Архангельская И.Л. К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа//Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983.

Бородкин Л.И. Контент-анализ и проблемы изучения исторических источников//Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986.

Бородкин Л.И., Соколов А.К. Историк и изучение социальных процессов (Об использовании массовых источников и количественных методов их анализа в новейшей зарубежной историографии)//История СССР. 1983. № 1.

Кахк Ю.Ю. Математические методы в исторических исследованиях: опыт советских и американских ученых//Вопросы истории. 1989. № 2.

Клосс Б.М. О статистических методах исследования текстов исторических источников//Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке//История СССР. 1976. № 5.

Компьютеризированный статистический анализ для историков/Учебное пособие. Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1999.

Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг.//Вопросы кибернетики: логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.

Мазырин В.М. Применение методов контент-анализа к материалам прессы//Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.

Малов В.Н. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX веках (Опыт корреляционного анализа)//Французский ежегодник. 1979. М., 1981.

Миронов Б.Н. К вопросу об использовании скрытой исторической информации (на материалах статистических источников XVIII — начала XX в.)//Вспомогательные исторические дисциплины. XVII. Л., 1985.

Попова Е.И., Станкевич С.Б. Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США//Американский ежегодник 1981. М., 1981.

Согомонов А.Ю. Двести лет спустя (что думают французы о революции 1789 г.)//Социологические исследования. 1989. № 4.

Соколов А.К. Применение новых методов в исследованиях историков США//Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.

Соколов А.К. Социальная история, квантификация и постмодернизм// Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1998, № 23.

Хвостова К.В. Современные теоретические проблемы информационно-количественного подхода в исторической науке//Новая и новейшая история. 1987. № 6.

Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона»). М., 1989.

Источниковедение и компьютерные технологии

Аникеев В.А., Покасов В.Ф. Историческая информатика в России и за рубежом//Новая и новейшая история. 2002. № 1.

Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития//Новая и новейшая история. 1997. № 1.

Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.: Геттинген, 1994.

Залаев Г.З., Боброва Е.В. Архивы и Интернет//Отечественные архивы. 2000. № 2.

Злобин Е.В. О некоторых проблемах классификации и описания электронных документов как исторических источников//Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Москва — Барнаул, 2003.

Злобин Е.В. Машиночитаемые документы как исторический источник. М., 1999.

Историк, источник и Интернет (круглый стол)//Новая и новейшая история. 2001. № 2.

Историческая информатика. М., 1996.

История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. Геттинген, 1993.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

Лабутина Т.Л. Применение ЭВМ при исследовании формирования политических партий «тори» и «вигов»//Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Силин Н.Н. Источниковедческие аспекты использования электронных документов, размещенных в глобальных сетях//Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1998. № 23.

Юшин И.Ф. Электронные документы как исторический источник//Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века.

Тихонов В.И., Юшин И.Ф. Электронные документы и архивы: опыт и перспективы//Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М., 1999.

Раскрытие подлогов и мистификаций

Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. М., 2009.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX в. М., 2001.